БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

B24

ВВЕДЕНІЕ
ВЪ ИЗУЧЕНІЕ СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

подъ ред. проф. Н. И. КАРѢЕВА.

9-е безплатное приложеніе къ журналу

„Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія“

на 1903 г.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 августа 1903 г.

Типогр. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

2305
26

Что такое общественныя науки?

Проф. Н. И. КАРѢЕВЪ.

Явленія окружающаго насъ міра могутъ быть раздѣлены на нѣсколько категорій, и соотвѣтственно съ этимъ науки, изучающія отдѣльныя категоріи явленій, тоже составляютъ отдѣлы въ общей системѣ научнаго знанія. Есть науки, изучающія міръ природы, и есть науки, изучающія міръ человѣка въ его духовной и общественной жизни,—это прежде всего,—и науки первой категоріи называются естественными въ широкомъ смыслѣ этого слова, а вторыя—гуманитарными. Я нарочно прибавилъ,—говоря о мірѣ человѣка,—что въ данномъ случаѣ человѣкъ берется лишь со стороны его духовной и общественной жизни, потому что человѣкъ, какъ животный организмъ, изучаемый въ анатоміи, въ физіологіи, въ физической антропологіи, несомнѣнно, есть предметъ естествознанія на ряду съ другими органическими существами, а не наукъ гуманитарныхъ. Глубокое различіе между науками естественными и гуманитарными заключается въ томъ, что первыя имѣютъ дѣло съ матеріальными предметами, т.-е., въ концѣ концовъ, съ вещами или съ явленіями, совершающимися въ этихъ вещахъ (равно какъ съ ними или между ними), тогда какъ вторыя касаются личностей и всѣхъ процессовъ, въ нихъ, съ ними и между ними происходящихъ, именно какъ личностей. Здѣсь не мѣсто развивать это положеніе, изъ котораго можно сдѣлать вообще весьма важные выводы, но на одинъ изъ этихъ выводовъ указать слѣдуетъ, такъ какъ онъ имѣетъ значеніе для общей характеристики и общественныхъ наукъ, какъ подъ-отдѣла наукъ гуманитарныхъ.

И къ вещамъ, и къ личностямъ у насъ вообще могутъ существовать троякаго рода отношенія: утилитарное, эмоціональное и теоретическое, смотря по тому, желаемъ ли мы изъ предмета своего отношенія извлечь для себя пользу, или онъ только такъ или иначе дѣйствуетъ на наши чувствованія, или же, наконецъ, возбуждаетъ въ насъ чисто отвлеченный къ себѣ интересъ. Напр., одно отношеніе будетъ у насъ къ водопаду, когда мы захотимъ силою падающей воды заставить вертѣться мельничное колесо, другое отношеніе — если придемъ просто любоваться водопадомъ, если, что называется, воспоемъ его въ стихахъ, воспроизведемъ на полотнѣ и т. п., и наконецъ, совсѣмъ еще иное — когда зададимся вопросами о томъ, почему въ данномъ мѣстѣ долженъ былъ образоваться водопадъ, откуда течетъ падающая

здѣсь вода, всегда ли ея бываетъ здѣсь одинаковое количество, какъ велика сила паденія, и пр. и пр. Вотъ это отношеніе послѣдняго рода мы и называемъ теоретическимъ, и оно-то, собственно говоря, и есть отношеніе чисто научное въ отличіе отъ отношеній практическаго и эстетическаго. Задача науки вообще—изслѣдовать свой предметъ, какъ онъ есть, и въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакой разницы въ задачахъ изслѣдованія обоихъ крупныхъ отдѣловъ научнаго знанія, о которыхъ мы пока говоримъ. Но дѣло въ томъ еще, что если ко всему, что насъ окружаетъ, мы можемъ относиться или утилитарно, или эмоціонально, или теоретически, то къ личности человѣка мы можемъ и должны относиться еще этически. Этическое, т.-е. нравственное, отношеніе можетъ существовать только къ личностямъ, а не къ вещамъ, и вся разница заключается въ томъ, что съ этической точки зрѣнія личность имѣетъ цѣну сама въ себѣ и не можетъ разсматриваться, какъ только средство для достиженія какой-либо цѣли, ей совершенно посторонней, и что лишь по отношенію личностямъ, а не вещамъ возможна бываетъ нравственная оцѣнка явленій. Съ этой стороны въ мірѣ человѣка, взятомъ въ противоположеніи къ міру природы, мы можемъ искать знанія не только того, что есть, какъ оно есть, но и того, что должно быть, и соотвѣтственно съ этимъ стремиться и къ оцѣнкѣ существующаго. Другими словами, наше теоретическое отношеніе къ явленіямъ духовной и общественной жизни человѣка во многихъ случаяхъ можетъ дополняться отношеніемъ этическимъ—въ построеніяхъ идеаловъ должнаго и въ оцѣнкахъ существующаго, подъ условіемъ, конечно, чтобы этимъ не нарушались права чисто теоретическаго, въ строгомъ смыслѣ слова, научнаго изслѣдованія.

Не дѣлая здѣсь общаго обзора наукъ гуманитарныхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, мы укажемъ теперь на то, чѣмъ мы обыкновенно руководствуемся, когда создаемъ особую категорію наукъ общественныхъ, или соціальныхъ. Собственно говоря, всѣ явленія, изучаемыя гуманитарными науками, кромѣ развѣ фактовъ индивидуальной душевной жизни, суть явленія общественныя, потому что всѣ совершаются въ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, внѣ общества немыслимы были бы ни языкъ, ни литература, ни религія или философія, ни наука, т.-е. ничто изъ того, въ чемъ заключается все содержаніе духовной жизни человѣчества, и потому въ широкомъ смыслѣ всѣ гуманитарныя науки могли бы называться и общественными. Дѣло, однако, въ томъ, что среди взаимодѣйствій между отдѣльными людьми, изъ которыхъ складывается вся жизнь общества, одни взаимодѣйствія суть чисто психическія, такъ сказать, духовныя, другія же имѣютъ практическій характеръ, устанавливая между отдѣльными членами общества опредѣленныя взаимоотношенія и тѣмъ самымъ орга-

пизуя ихъ въ постоянныя системы общественныхъ явленій, которымъ мы даемъ названія народнаго хозяйства, права, государства. Вотъ именно эти самыя науки, которыя изучаютъ практическія взаимоотношенія членовъ общества и складывающіяся изъ этихъ взаимоотношеній системы общественныхъ порядковъ, иначе—явленія общественной организаціи, и принято называть общественными науками въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. И искусство, и народное хозяйство одинаково суть явленія общественныя, какъ одинаково суть общественныя же явленія литература и право, съ одной стороны, или религія и государство, съ другой, но понятія искусства, литературы, религіи и т. п. мы относимъ къ области духовной культуры, понятія же народнаго хозяйства, права, государства—къ области общественной организаціи. Науки, изучающія разныя стороны организованнаго общежитія людей, или—что то же—соціальной организаціи и принято называть общественными науками. Какъ мы видимъ, ихъ, слѣдовательно, выдѣляетъ изъ общей суммы наукъ гуманитарныхъ одинъ главный признакъ — существованіе въ изучаемыхъ явленіяхъ извѣстной организаціи между членами общества на почвѣ практическихъ между ними отношеній.

Главнымъ предметомъ соціальныхъ наукъ является, конечно, общество, какъ организованное цѣлое, иногда даже прямо называемое общественнымъ организмомъ. Мы увидимъ, что именно общество, взятое въ смыслѣ извѣстнаго рода организаціи, охватывающей всѣ главныя стороны соціальной жизни, сдѣлала своимъ предметомъ общая соціальная наука, за которою утвердилось названіе соціологіи. Эта наука, основателемъ которой былъ Огюстъ Контъ *), не устраняетъ ни возможности, ни необходимости существованія частныхъ общественныхъ наукъ, которыя—будучи вообще всѣ старше соціологіи—изучаютъ отдѣльныя стороны въ жизни организованнаго общества, отвлекая ихъ отъ другихъ сторонъ, чтобы только на нихъ сосредоточить все свое вниманіе. Такими отдѣльными категоріями общественныхъ явленій, изучаемыми въ болѣе спеціальныхъ, чѣмъ соціологія, наукахъ, нужно признать тѣ, которыя мы обобщаемъ подъ названіями государства, права и народнаго хозяйства, откуда и три главныя подраздѣленія обществовѣдѣнія на государствовѣдѣніе, правовѣдѣніе и экономическую науку. Каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ можетъ и далѣе быть подраздѣленнымъ на еще болѣе спеціальныя дисциплины.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на разсмотрѣніи вопроса о предметахъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, такъ какъ объ этомъ въ нашемъ сборникѣ даются осо-

*) См. слѣдующую статью настоящаго сборника.

бля статьи, изъ которыхъ читатели познакомятся также и съ задачами, какія ставятъ себѣ отдѣльныя науки, а также отчасти и съ методами, при помощи которыхъ онѣ рѣшаютъ свои задачи. Есть, однако, нѣкоторыя общія всѣмъ соціальнымъ наукамъ черты, заслуживающія быть отмѣченными въ этой вступительной статьѣ.

Какъ и въ другихъ областяхъ научнаго знанія, такъ и въ области, о которой у насъ идетъ рѣчь, отдѣльныя науки могутъ имѣть двоякое значеніе, а именно могутъ или непосредственно служить тѣмъ или другимъ интересамъ жизни, или удовлетворять стремленію нашему къ чистому знанію. Науки первой категоріи или тѣ отдѣлы наукъ, которые имѣютъ въ виду первую цѣль, называются прикладными въ отличіе отъ другихъ, называемыхъ обыкновенно поэтому чистыми. Очень часто трудно бываетъ провести рѣзкую грань между практическою и теоретическою сторонами той или другой науки, но всегда нужно помнить, что всякая практика бываетъ успѣшна лишь тогда, когда она опирается на теорію, и въ этомъ смыслѣ, конечно, чистая наука всегда имѣетъ основное значеніе по отношенію къ соотвѣтственной наукѣ прикладной.

Далѣе, въ не-прикладныхъ общественныхъ наукахъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, преобладаніе можетъ принадлежать либо элементу описательно-повѣствовательному, либо элементу умозрительному. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣми или другими общественными явленіями, данными намъ въ извѣстномъ мѣстѣ въ опредѣленномъ періодѣ времени, во второмъ—съ тѣми общими законами, которыми управляются тѣ или другія категоріи явленій, съ тѣми общими принципами, которые такъ или иначе связаны съ этими явленіями. Въ этомъ именно смыслѣ мы различаемъ исторію и теорію въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, будетъ ли рѣчь идти или о государствѣ, или о правѣ, или о народномъ хозяйствѣ—все равно. Наконецъ, и теорія, въ только-что объясненномъ значеніи, можетъ имѣть двоякій характеръ, смотря по тому, желаемъ ли мы только объяснить себѣ послѣднія основанія существующихъ общественныхъ явленій, или установить основные принципы должнаго въ той или другой сферѣ жизни: теоріи перваго порядка называются экспликативными, т.-е. объяснительными, теоріи второго порядка—нормативными, т.-е. устанавливающими нормы.

Всѣ эти различенія можно для большей наглядности прослѣдить хотя бы, напр., на юридическихъ наукахъ. Прикладное ихъ значеніе будетъ намъ совершенно понятно, если мы примемъ въ разсчетъ, что прямая практическая ихъ цѣль—служить цѣлямъ правосудія, и что въ своей практической дѣятельности судьи, адвокаты, прокуроры, слѣдователи должны обладать цѣлымъ рядомъ юридическихъ знаній прикладного характера. Но и за всѣмъ тѣмъ въ области чистой юрис-

пруденціи нужно отличать исторію права и теорію права, задачи которыхъ, конечно, между собою не совпадаютъ. Наконецъ, и теорія права можетъ быть понимаема двоякимъ образомъ. Еще очень недавно довольно значительная часть представителей теоретической юриспруденціи на университетскихъ каѳедрахъ понимала ея задачи въ исключительно экспликативномъ смыслѣ, т.-е., по ихъ мнѣнію, все дѣло сводилось къ изученію законовъ правообразованія и праворазвитія, какъ и то, и другое происходитъ въ дѣйствительности, — и только. Такой взглядъ составился подъ вліяніемъ позитивизма, который общественнымъ наукамъ поставилъ, въ сущности, тѣ же задачи, какія ставятъ себѣ естественныя науки, изучающія то, что есть и какъ оно есть. Но такое явленіе общественной жизни, какъ право, можетъ и должно изучаться не только въ качествѣ извѣстнаго реальнаго явленія, но и въ смыслѣ мыслимаго нами идеала, который необходимо осуществлять въ жизни, а потому рядомъ съ экспликативной теоріей права нужно отвести мѣсто и теоріи нормативной, т.-е. изслѣдованію вопросовъ, отвѣты на которые заключали бы въ себѣ представленіе о томъ, каково должно быть право. Кромѣ того, при изученіи общественныхъ наукъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что онѣ не могутъ претендовать на то совершенство, какимъ болѣе или менѣе отличаются науки о природѣ. Во-первыхъ, общественныя явленія должны быть признаны наиболѣе сложными явленіями изъ всѣхъ подлежащихъ нашему знанію, что дѣлаетъ и изученіе ихъ болѣе труднымъ. Во-вторыхъ, только въ XIX в. началась эмансипація соціальныхъ наукъ отъ метафизическихъ идей и пріемовъ мысли, почти безраздѣльно господствовавшихъ прежде въ этой области. Въ-третьихъ, очень недавно также стала систематически разработываться методологія этихъ наукъ, т.-е. изслѣдованіе тѣхъ пріемовъ научной мысли, которые должны быть прилагаемы къ разработкѣ разнородныхъ вопросовъ обществовѣдѣнія. Наконецъ, достиженію соціальными науками доступнаго имъ совершенства не мало вредитъ вліяніе, какое на формулируемыя въ нихъ положенія оказываютъ національные, вѣроисповѣдные, сословные традиціи, предразсудки и предубѣжденія, партійныя страсти и. т. п. Между тѣмъ, правильное общественное міросозерцаніе, въ которомъ научность должна идти рука-объ-руку съ этичностью, немыслимо безъ ознакомленія съ наиболѣе важными проблемами соціальныхъ наукъ, и лучшимъ введеніемъ въ такое ознакомленіе могутъ служить отдѣльныя статьи, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ выясненіе вопросовъ о предметѣ каждой науки и о ея задачахъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, кромѣ того, о ея методахъ и существующихъ въ ней направленіяхъ. Настоящій сборникъ именно и предназначенъ служить этой цѣли.

Огюстъ Контъ какъ основатель соціологіи *).

Проф. Н. И. Карѣева.

Чествуя въ сегодняшнемъ засѣданіи память родоначальника позитивной философіи, Огюста Конта, мы отдаемъ ему должную дань, какъ основателю новой науки—соціологіи. Я не буду говорить о возникновеніи позитивной философіи и объ ея сущности и ограничусь только указаніемъ на то, что основнымъ принципомъ этой философіи сдѣлалось устраненіе всякихъ метафизическихъ предположеній изъ изученія явленій реальнаго міра. Ранѣе всего это требованіе было осуществлено въ наукахъ о неорганическомъ мірѣ: Контъ распространилъ его и на изученіе человѣческаго общества. Находя, что общественныя знанія все еще коснѣютъ на теологической и метафизической ступеняхъ развитія человѣческой мысли, онъ задумалъ создать «соціальную физику», которая совершенно такъ же изучала бы явленія міра соціальнаго, какъ физика, въ широкомъ смыслѣ этого слова, изучаетъ явленія міра матеріальнаго. Этой новой наукѣ онъ далъ опредѣленное мѣсто въ своей знаменитой классификаціи наукъ, какъ наукѣ, занимающейся самыми сложными явленіями, какія только существуютъ на свѣтѣ: вся его классификація наукъ основана, какъ извѣстно, на принципѣ убывающей общности и возрастающей сложности, и въ этомъ смыслѣ соціологія явилась у Конта высшимъ завершеніемъ всѣхъ человѣческихъ знаній. Такая идея о положительной наукѣ, имѣющей своимъ предметомъ общественныя явленія, представляетъ собою нѣчто совершенно новое въ исторіи мысли.

Мнѣ скажутъ, что изученіе общественныхъ явленій существовало и раньше. Это вполнѣ вѣрно, и часто, повидимому, такое изученіе преслѣдовало тѣ же задачи, какія Контъ поставилъ соціологіи, но на самомъ дѣлѣ старыя соціальныя науки имѣли своимъ предметомъ не

*) Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи «Историческаго Общества» при петербургскомъ университетѣ, 18 февраля 1898 г., по случаю сотой годовщины со дня рожденія Конта.

то общество, о которомъ говоритъ Контъ. Онъ самъ объясняетъ въ одномъ мѣстѣ своего «Курса положительной философіи», почему «соціальная физика» не могла возникнуть въ прежнія времена: отдѣльныя отрасли знанія переходили одна за другою на положительную ступень развитія въ извѣстномъ порядкѣ, и, по крайней сложности своего предмета, позитивная соціологія могла явиться лишь послѣ другихъ наукъ. Правда, общественныя явленія изучались и раньше возникновенія мысли о соціологіи, но предметомъ этого изученія дѣлалась лишь та или другая сторона соціальной жизни человѣка, а не вся совокупность общественныхъ явленій, взятая въ ея цѣломъ. Еще древніе греки создали политику, какъ науку о государствѣ, а римляне—юриспруденцію, какъ науку о правѣ, и новая Европа прибавила къ этимъ двумъ наукамъ политическую экономію, изучающую народное хозяйство, но все это было изученіемъ лишь отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни человѣка. Контъ первый высказалъ мысль о необходимости такой науки, которая сдѣлала бы своимъ предметомъ общество со всѣми совершающимися въ немъ явленіями, въ томъ числѣ и культурными, и вмѣстѣ съ этимъ указалъ на существованіе между всѣми явленіями, совершающимися въ обществѣ, извѣстнаго «консенсуса» (consensus), т.-е. взаимодѣйствія.

Такимъ образомъ болѣе старыя общественныя науки, т.-е. политика, юриспруденція, политическая экономія, имѣютъ значеніе наукъ частныхъ сравнительно съ соціологіей, которая по мысли своего основателя должна быть наукой совершенно общею, изучающею не ту или другую категорію соціальныхъ явленій, а всѣ эти явленія въ ихъ совокупности и «консенсусѣ». Но это не все.

Прежде всего нужно еще вспомнить о задачѣ, которую Контъ поставилъ для новой науки. Вообще люди стремятся къ пріобрѣтенію знаній или ради достиженія тѣхъ или другихъ практическихъ цѣлей, или ради удовлетворенія чисто-теоретическихъ потребностей ума. Отсюда дѣленіе наукъ на прикладныя и чистыя, причемъ чистыя науки являются истинными основами прикладныхъ. Въ области соціальныхъ знаній до Конта практическія и теоретическія задачи были, такъ сказать, смѣшаны во-едино. Одна изъ заслугъ Конта въ данномъ отношеніи заключается въ томъ, что онъ провелъ и въ области соціальныхъ знаній рѣзкую разграничительную черту между наукой, или чистымъ знаніемъ, и искусствомъ, или знаніемъ прикладнымъ. По его мысли, соціологія должна была быть наукой не только общею, но и чистою, чѣмъ онъ вполнѣ приблизилъ ее къ другимъ наукамъ, уже раньше достигшимъ вполнѣ теоретическаго значенія.

Другимъ важнымъ пунктомъ, опредѣляющимъ собою истинный характеръ соціологіи, я считаю сдѣланное Контомъ различеніе между

науками конкретными и абстрактными. «Однѣ науки, — говоритъ самъ онъ, — абстрактныя, общія, имѣютъ предметомъ открытіе законовъ, управляющихъ разными классами явленій, разсматривая всѣ случаи, какіе только можно опредѣлить; другія науки, конкретныя, частныя, описательныя, состоятъ въ приложеніи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существующихъ предметовъ». Другими словами, науки изучаютъ или данныя конкретныя явленія, или общіе законы, управляющіе извѣстною категоріей явленій, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Соціологіи Контъ придаетъ значеніе науки абстрактной: это—общая теорія общества, но не по типу метафизическихъ построеній, а по типу другихъ положительныхъ наукъ, занимающихся открытіемъ общихъ законовъ. Идея законовъ, управляющихъ общественными явленіями, прямо положена была Контомъ въ основу новой науки, создать которую онъ считалъ себя призваннымъ. Конечно, мысль о закономѣрности общественныхъ явленій не была совершенною новостью, но вообще до Конта въ приложеніи этой мысли къ разсмотрѣнію соціальной жизни не было надлежащаго научнаго пониманія. Когда говорилось о существованіи въ мірѣ общественныхъ отношеній такихъ же законовъ, какими, напримѣръ, управляется движеніе небесныхъ свѣтилъ, то имѣлись обыкновенно въ виду какъ-разъ именно не такіе же законы, а нѣчто другое. Одни сбивались на идеи такъ называемаго «естественнаго права», концепціи чисто метафизической; другіе говорили о «законахъ, написанныхъ въ сердцахъ людей», т.-е. разумѣли подъ законами, управляющими человѣческимъ обществомъ, принципы морали; третьи, наконецъ, впадали въ ошибку еще болѣе грубую, отождествляя законы въ научномъ смыслѣ съ законами въ смыслѣ юридическомъ. Контъ разъ навсегда положилъ конецъ этой путаницѣ понятій, обобщивъ понятіе закона въ научномъ смыслѣ и примѣнивъ именно это понятіе къ изученію общественныхъ явленій.

Пойдемъ еще дальше. Вводя въ науку идею «консенсуса» общественныхъ явленій, Контъ указывалъ тѣмъ самымъ на то, что между совмѣстно существующими явленіями есть всегда нѣкоторая закономѣрная связь. Съ другой стороны, съ особою силою онъ напиралъ на то, что такая же закономѣрная связь существуетъ и между общественными явленіями, слѣдующими одно за другимъ во времени. XIX вѣкъ выработалъ идею эволюціи, и Контъ былъ однимъ изъ первыхъ, кто придалъ этой идеѣ научный характеръ, первый, кто сталъ употреблять самый терминъ: его «évolution spontanée» *) есть не что иное, какъ процессъ, совершающійся въ силу дѣйствія естествен-

*) Развитіе, происходящее само собою.

ныхъ законовъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, онъ придалъ основанной имъ наукѣ эволюціонный характеръ, который сохранился за нею и впослѣдствіи. Правда, еще ранѣе на эволюціонную точку зрѣнія поставила разсмотрѣніе міра человѣческихъ отношеній нѣмецкая философія, но то былъ эволюціонизмъ метафизическій: эволюціонизмъ Конта имѣетъ вполнѣ реалистическій характеръ, и дальнѣйшее развитіе соціологіи подъ вліяніемъ эволюціонныхъ ученій Спенсера, Дарвина, Маркса пошло по той дорогѣ, которую передъ новою наукой открылъ Контъ.

Создавъ для науки новый предметъ—общество во всей совокупности его бытія и указавъ для науки новую задачу—открытіе законовъ, управляющихъ общественными явленіями, Контъ позаботился также о томъ, чтобы наука обладала и новыми средствами для достиженія своей новой цѣли. Именно, онъ первый поставилъ вопросъ о научномъ методѣ, при помощи котораго соціологія должна выполнять свою основную задачу. Конечно, Контъ ошибался, когда утверждалъ, что изслѣдованіе метода нельзя отдѣлить отъ изслѣдованія самаго предмета, но въ дѣйствительности онъ-то и положилъ основаніе всей соціологической методологіи. Отличительною особенностью научнаго метода во всѣхъ областяхъ знанія онъ признавалъ «необходимое и непрерывное подчиненіе воображенія наблюденію», тогда какъ метафизическое мышленіе характеризуется у него «основнымъ преобладаніемъ воображенія надъ наблюденіемъ». Исходя изъ этой мысли, Контъ хотѣлъ, чтобы соціологія училась методу у старшихъ наукъ, но онъ не думалъ, чтобы это должно было быть чисто внѣшнимъ заимствованіемъ. Напротивъ, онъ постоянно сопоставлялъ соціологію съ естествознаніемъ, чтобы лучше оттѣнить особенности первой, вытекающія изъ особыхъ свойствъ, присущихъ ея предмету и требующихъ особыхъ пріемовъ при своемъ изученіи. Между прочимъ Контъ въ своихъ методологическихъ соображеніяхъ придавалъ особенно важное значеніе сравнительно-историческому изученію: дальнѣйшее развитіе соціологіи вполнѣ оправдало Конта въ этомъ отношеніи.

Вотъ, слѣдовательно, какая идея предносилась передъ умственнымъ взоромъ Конта, когда онъ думалъ о необходимости создать соціологію. Это была идея совершенно новая, какъ бы стары ни были ея элементы. Предметомъ новой науки должно было стать не государство, не право, не народное хозяйство въ своей обособленности, а вся общественная жизнь, включая въ это понятіе и явленія духовной культуры. Задача соціологіи была поставлена тоже новая—открывать законы общественныхъ явленій въ ихъ «консенсусѣ» и въ ихъ эволюціи, и прямо было заявлено, что для выполненія этой задачи старые методы не годятся, что должны быть созданы новые.

Мало того: Контъ не усомнился взять на себя и осуществленіе этой идеи. Изъ шести томовъ его «Курса положительной философіи» цѣлая половина (томы IV—VI) посвящена новой наукѣ. Соціологія Конта—одинъ изъ грандіознѣйшихъ памятниковъ человѣческаго ума, заслуживающій удивленія уже по одной смѣлости замысла. Нельзя, разумѣется, не упомянуть, что Контъ взялъ на себя работу, которая вообще не по силамъ одному человѣку. Онъ самъ любилъ указывать на непомѣрную сложность соціальныхъ явленій, а тутъ еще ему пришлось создать свою соціологію, когда для такой работы не было научно-обработаннаго матеріала, когда въ данной области господствовали еще теоріи, которыя подлежали устраненію, когда самый методъ такой работы только-что намѣчался впервые. Контъ, понятное дѣло, не создалъ соціологіи, но и та заслуга его велика, что онъ ее основалъ. «Когда строится царь, плотникамъ много работы»: эти слова, сказанныя поэтомъ о комментаторахъ Канта, вполнѣ примѣнимы и къ нашему случаю. Современники мало оцѣнили великую мысль Конта. Когда сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ кончилъ свое земное поприще, соціологія едва зарождалась, но зато въ данную минуту, когда мы чествуемъ память Конта по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія, уже существуетъ на разныхъ языкахъ громадная соціологическая литература, въ которой обнаруживаются разныя направленія, залогъ дальнѣйшаго развитія, и эта литература оказываетъ уже значительное вліяніе на другія общественныя науки, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда представители этихъ наукъ стоятъ очень далеко отъ того, чтобы раздѣлять философскія воззрѣнія самого Конта. О громадномъ значеніи Конта въ умственной исторіи XIX в свидѣтельствуетъ и весьма обширная литература, посвященная личности и идеямъ самого родоначальника позитивной философіи. И Контъ конечно, не занялъ бы такого выдающагося положенія, если бы не удовлетворялъ одной изъ глубочайшихъ потребностей нашего времени.

Въ XVIII столѣтіи не было соціальной науки, ея мѣсто занимала политическая метафизика; подъ знаменемъ идей этой метафизики совершился одинъ изъ величайшихъ историческихъ переворотовъ, какіе мы только знаемъ—французская революція. Исходъ этого событія, на которое возлагалось столько радужныхъ надеждъ, привелъ къ самому мрачному разочарованію, выразившемуся въ той культурной реакціи, которая проявилась съ такою силой въ первыя десятилѣтія нашего вѣка. Въ общемъ это была реакція противъ идей XVIII столѣтія, но въ то время, какъ одни выразили свое отрицательное отношеніе къ этимъ идеямъ въ видѣ проповѣди о необходимости вернуться назадъ, къ средневѣковому міросозерцанію, другіе,

наоборотъ, стремились прокладывать новые пути для человѣческой мысли и человѣческой жизни. Контъ принадлежалъ, главнымъ образомъ, къ послѣдней категоріи людей первой половины XIX вѣка, хотя испыталъ на себѣ вліяніе и идей первой категоріи. Къ политической метафизикѣ прошлаго столѣтія онъ отнесся самымъ отрицательнымъ образомъ, и особенно это непріязненное расположеніе выразилось въ его отношеніи къ Руссо, который въ его глазахъ былъ только софистъ. Но въ той же философіи XVIII в. Контъ нашелъ и нѣчто такое, что въ его глазахъ имѣло въ высшей степени важное положительное значеніе. Это былъ именно зарождавшійся научный духъ, представителемъ котораго ему являлся Дидро. Кромѣ того, среди немногихъ предшественниковъ соціологіи Контъ называетъ еще двухъ мыслителей XVIII в.: Монтескье и Кондорсе. Чѣмъ же, по мнѣнію Конта, грѣшила политическая метафизика прошлаго столѣтія? Плохимъ знаніемъ дѣйствительности и законовъ, ею управляющихъ, а это плохое знаніе было результатомъ «основного преобладанія воображенія надъ наблюденіемъ». Это же преобладаніе воображенія надъ наблюденіемъ характеризуетъ и современный Конту соціальный утопизмъ, а въ концѣ своей дѣятельности и самъ онъ заплатилъ обильную дань такому утопизму. Какъ основатель научной соціологіи, онъ прежде всего врагъ именно утопизма, не считающагося съ фактами дѣйствительности и съ законами реальнаго міра. Въ ту эпоху, когда онъ стоялъ за «необходимое и непрерывное подчиненіе воображенія наблюденію», онъ совершенно правильно доказывалъ и слѣдующую мысль: чтобы успѣшно дѣйствовать, нужно знать естественные законы, управляющіе тою вещью, на которую мы хотимъ дѣйствовать; наука, давая намъ знаніе законовъ, позволяетъ намъ не только предвидѣть событія, но и вызывать ихъ путемъ обращенія къ помощи однихъ законовъ противъ другихъ. Эту мысль онъ выразилъ, между прочимъ, въ слѣдующей формулѣ: «наука—откуда предвидѣніе, предвидѣніе—откуда дѣйствіе». Хотя Контъ, какъ мы видѣли, и отдѣлилъ весьма строго чистую науку, какой по его мысли должна быть соціологія, отъ прикладной, получившей у него названіе искусства, однако, онъ вовсе не думалъ, что соціологія должна существовать лишь для удовлетворенія нашей любознательности. Наука вообще и въ особенности соціологія имѣетъ у Конта важное общественное значеніе. Вѣрно или ошибочно, это—другой вопросъ, но главную бѣду переживаемаго историческаго момента Контъ находилъ въ анархіи умовъ, происходящей отъ того, что отдѣльныя науки стоятъ на разныхъ ступеняхъ развитія, и, такимъ образомъ, въ міросозерцаніи общества царитъ хаосъ, и отъ того еще, что такое состояніе общества способствуетъ развитію крайняго индивидуализма. Онъ думалъ, что устранить эту

умственную анархію можно только новымъ міросозерцаніемъ, которое было бы цѣльно и послѣдовательно во всѣхъ частяхъ. При этомъ, стремясь къ общественному единству въ области мысли, онъ заходилъ такъ далеко, что не хотѣлъ допускать ни свободы изслѣдованія, ни свободы совѣсти, какъ ведущихъ за собою подлежащую устраненію умственную анархію общества. Оставляя въ сторонѣ эти увлеченія Конта, въ которыхъ, между прочимъ, ярче всего сказалось въ немъ вліяніе ретрограднаго теченія мысли начала XIX вѣка, мы должны остановиться лишь на общемъ характерѣ того міросозерцанія, посредствомъ котораго Контъ думалъ повліять на общественное сознаніе, а черезъ него и на общественный бытъ. Старыя міросозерцанія и основныя идеи, обобщающія ихъ отдѣльныя понятія, отжили свое время, а потому не могутъ болѣе служить потребностямъ общественной жизни. Новымъ объединяющимъ и руководящимъ міросозерцаніемъ можетъ быть лишь то, которое создается наукой. Вотъ поэтому-то Контъ и поставилъ цѣлью своей жизни обосновать всѣ положительныя знанія на одномъ принципѣ, слить ихъ въ одну систему и все направить къ одной цѣли, къ тому, чтобы лишь научное знаніе было основаніемъ для нашей практической дѣятельности, для нашего поведенія. Зданіе своей философіи Контъ строилъ на широкомъ и прочномъ фундаментѣ естественныхъ наукъ, завершеніемъ же и, такъ сказать, цѣлью этого зданія должна была быть соціологія, наука съ характеромъ общественнымъ по преимуществу и по своему предмету, и по своему практическому значенію для общественной жизни. Въ частности занимавшая всѣхъ соціальныхъ утопистовъ мысль объ улучшеніи быта наиболѣе многочисленнаго класса общества не была чужда и Конту, когда онъ думалъ объ общественномъ значеніи научнаго міросозерцанія вообще и новой науки въ частности. Въ этомъ Контъ видѣлъ высшее оправданіе необходимости научнаго изученія общественныхъ явленій.

Посмотримъ, когда впервые высказана была Контомъ такая мысль о соціологіи; эта маленькая историческая справка покажетъ намъ, насколько онъ можетъ считаться родоначальникомъ идеи о научной соціологіи и объ общественномъ значеніи такой науки. Будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Контъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ XIX в. былъ очень близокъ съ С.-Симономъ, какъ извѣстно, мечтавшимъ о полной реформѣ научной мысли и общественной жизни. Скоро, однако, между С.-Симономъ и Контомъ начался разладъ, такъ какъ учитель находилъ, что ученикъ слишкомъ выдвигаетъ впередъ научную сторону ихъ ученія, пренебрегая сентиментальной и религіозной. Къ этому-то времени (1822 г.) и относится небольшой, написанный Контомъ «Проспектъ научныхъ трудовъ, необходимыхъ для реорганизаціи обще-

ства». Въ тотъ годъ, когда вышла въ свѣтъ эта брошюрка, мыслители, которымъ впослѣдствіи суждено было оказать наиболѣе сильное вліяніе на современную соціологію, были еще малыми дѣтьми. Дарвину было 13 лѣтъ, Марксу 4 года, Спенсеру 2. Свой «Курсъ положительной философіи» Контъ издалъ въ 1830—1842 годахъ, во время наибольшаго распространенія и господства гегельянства, и не нужно забывать, что именно лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ, такъ называемые «лѣвые» гегельянцы обратили свое вниманіе на вопросы общественной жизни и стали ихъ рѣшать въ болѣе реалистическомъ духѣ, нежели тотъ, въ какомъ училъ родоначальникъ ихъ философіи. Не забудемъ и того, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни Контъ не сказалъ ничего такого, къ чему со вниманіемъ могла бы отнестись современная соціологія: все самое важное въ этой области было сказано имъ еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Я уже упоминалъ, что на новѣйшее міросозерцаніе оказали наибольшее вліяніе Дарвинъ, Марксъ, Спенсеръ: нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что ихъ главныя работы увидѣли свѣтъ уже послѣ смерти Конта.

Но эти хронологическія сопоставленія нужны мнѣ были и для другой цѣли. За полустолѣтіе, отдѣляющее насъ отъ Конта, передовое человѣчество жило особенно быстро. Это была эпоха въ высшей степени важныхъ научныхъ открытій и завоеваній мысли, это была эпоха богатаго историческаго опыта, научившаго насъ лучше понимать существо и взаимоотношенія общественныхъ явленій. Прогрессивное развитіе соціологическихъ идей шло за все это время въ общемъ какъразъ въ томъ научно-реалистическомъ направленіи, на необходимость котораго указывалъ Контъ, но именно благодаря совершившемуся за эти полвѣка прогрессу общественныхъ знаній въ области соціологіи, мы оставили далеко за собою научныя построенія Конта. Въ настоящее время его соціологія имѣетъ лишь историческое значеніе, хотя всякій, кто хочетъ ориентироваться въ этой области знанія, долженъ непосредственно ознакомиться съ Контомъ. Съ нашей, позднѣйшей точки зрѣнія въ его идеяхъ найдется и не мало ошибочнаго. Новѣйшіе соціологи указали, что въ своей классификаціи наукъ Контъ совершенно напрасно пропустилъ психологію, и что именно эта наука, а не біологія, какъ онъ думалъ, должна лежать въ основаніи соціологіи. Любопытно, впрочемъ, что, отвергая психологію въ теоріи, Контъ думалъ, тѣмъ не менѣе, что вся исторія управляется закономъ трехъ фазисовъ міросозерцанія, имѣющимъ чисто психологическій характеръ. Всѣ важнѣйшія историческія перемѣны и даже перемѣны въ общественной организаціи онъ ставилъ въ связь съ перемѣнами въ человѣческихъ воззрѣніяхъ на природу. Мы понимаемъ теперь—и понимаемъ въ полномъ согласіи съ основными взглядами самого Конта, что соціальная эволюція есть

нѣчто болѣе сложное, нежели отраженіе на фактахъ жизни теоретическихъ идей о природѣ, и хотя мы все еще споримъ объ относительномъ значеніи разныхъ факторовъ соціальной эволюціи, тѣмъ не менѣе всѣ новѣйшія объясненія имѣютъ болѣе реалистическій характеръ, чѣмъ у Конта. Въ данномъ случаѣ, однако, мы не отвергаемъ Конта, а лишь идемъ дальше его по проложенному имъ пути, потому что, при всей своей недостаточности, его объясненіе соціальной эволюціи имѣло все-таки болѣе реалистическій характеръ, чѣмъ объясненіе Гегеля. Въ частности Контъ игнорировалъ значеніе экономическаго фактора и даже отрицалъ за политической экономіей значеніе науки. Но не нужно забывать, что Контъ написалъ свой «Курсъ» въ то время, когда между исторіей и политической экономіей существовало полное взаимное отчужденіе. Вѣдь сближеніе между обѣими науками и у экономистовъ, и у историковъ началось лишь въ сороковыхъ годахъ XIX в., и только благодаря этому сближенію политическая экономія отрѣшилась отъ той метафизичности, въ которой ее упрекаетъ Контъ. Наконецъ, и сдѣланное Контомъ построеніе всемірной исторіи вызываетъ массу возраженій. Но, отмѣчая заблужденія и ошибки Конта, критика не забываетъ условій, въ какія была поставлена его работа, и средствъ, какими онъ располагалъ. Пусть въ данную минуту его соціологія имѣетъ лишь историческое значеніе, но именно въ этомъ историческомъ, непреходящемъ значеніи его дѣла—его право на вѣчную память во всемъ образованномъ мірѣ. Пусть онъ не создалъ соціологіи, но онъ ее несомнѣнно основалъ: ему принадлежитъ идея зданія, надъ возведеніемъ котораго трудятся въ настоящее время многочисленные соціологи Стараго и Новаго свѣта, и онъ же положилъ первые прочные камни для фундамента. Историческая заслуга Конта въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ ясно созналъ и точно выразилъ научный духъ XIX вѣка, одинъ изъ первыхъ указалъ на то, что въ этомъ духѣ должна развиваться впредь философія не только природы, но и міра человѣческихъ отношеній, одинъ изъ первыхъ, наконецъ, понялъ важное общественное значеніе строго-научнаго отношенія къ этому міру. Какъ ни привлекательно чистое знаніе, но само-по-себѣ оно удаляетъ отъ жизни. Контъ хотѣлъ «знать, чтобы предвидѣть», хотѣлъ «мыслить, чтобы дѣйствовать», и этотъ девизъ онъ завѣщалъ основанной имъ соціологіи.

Говоря о Контѣ, какъ основателѣ соціологіи, въ русскомъ ученомъ обществѣ и передъ русской публикой, я допустилъ бы большой пробѣлъ въ своей темѣ, если бы не коснулся значенія Конта въ исторіи нашей общественной мысли. Позволю себѣ прежде всего указать и на личное чувство, которое заставляетъ меня сказать нѣсколько объ этомъ предметѣ. Тому поколѣнію, къ которому принадлежитъ гово-

рящій передъ вами, пришлось учиться и выработывать свои научные взгляды въ пору наибольшаго вліянія Конта въ русской литературѣ, и подъ его духовнымъ руководительствомъ многіе изъ насъ начинали самостоятельно мыслить. Лично во мнѣ это вызываетъ благодарное воспоминаніе: я думаю, что многіе изъ моихъ сверстниковъ поймутъ чувство, заставившее меня выступить здѣсь съ этою краткою рѣчью. Но и въ общемъ смыслѣ у насъ была именно особая пора, характеризующаяся большимъ интересомъ къ Конту и вліяніемъ его идей на нашу литературу. Это время относится къ самому концу шестидесятыхъ и первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда въ нашей журналистикѣ (особенно въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Знаніи») появились соціологическія работы Миртова, Михайловскаго, Южакова и др. представителей русской соціологической школы, и когда на идеи Конта было обращено вниманіе на университетскихъ каѳедрахъ, въ диссертаціяхъ на ученыя степени. Русская литература заключаетъ въ себѣ уже весьма большой матеріалъ для изученія Конта, и это указываетъ на то, какой живой интересъ встрѣтила его философія вообще и его соціологія въ частности въ нашей литературѣ и наукѣ. Здѣсь не время входить въ подробности, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Я укажу только на то, что съ самаго же начала отношеніе нашей литературы къ Конту выразилось, при общемъ сочувствіи къ его основнымъ идеямъ, въ критическомъ изученіи этихъ идей и въ научномъ синтезѣ ихъ съ тѣми новыми идеями, которыя развились уже послѣ Конта, но въ духѣ того же научнаго пониманія жизни, какого требовалъ основатель соціологіи. Будущее опредѣлитъ всю мѣру вліянія Конта на нашу умственную жизнь въ серединѣ этого вѣка, но и въ настоящемъ мы имѣемъ право быть особенно признательными этому великому мыслителю за то возбуждающее дѣйствіе, которое онъ оказалъ спеціально на русскую умственную жизнь.

Основныя направленія соціологіи и ея современное состояніе *).

Проф Н. И. КАРѢЕВЪ.

Современная соціологія далеко не можетъ похвалиться единствомъ и общностью пониманія основныхъ своихъ вопросовъ у отдѣльныхъ авторовъ, писавшихъ по этимъ вопросамъ. Въ сущности, главныя различія, какія нами въ ней наблюдаются, сводятся, во-первыхъ, къ различію въ основныхъ взглядахъ на то, что нужно прежде всего видѣть въ обществѣ и какъ понимать его природу, а, во-вторыхъ, къ различію методовъ, могущихъ быть примѣненными къ изученію общественныхъ явленій.

Въ какихъ бы отношеніяхъ къ Конту ни стояли отдѣльные соціологи XIX в., всѣ они, однако, въ большей или меньшей степени зависятъ отъ его воззрѣній. Даже противоположности, существующія между соціологическими направленіями нашего времени, могутъ быть сведены къ тѣмъ различнымъ мнѣніямъ, какія относительно одного и того же предмета мы находимъ у самого Конта. Нашею задачею не можетъ быть здѣсь разсмотрѣніе всѣхъ попытокъ дать болѣе или менѣе полную научную теорію общественныхъ явленій. Мы выдѣлимъ только нѣкоторыя наиболѣе важныя направленія, обнаружившіяся въ соціологической литературѣ во второй половинѣ XIX в.

Одно изъ нихъ можно назвать органическою школою соціологіи. Оно, такъ сказать, раздѣляетъ основной взглядъ Конта, по которому соціологія, непосредственно примыкая къ біологіи, составляетъ съ этою

*) Эта статья составляетъ сокращенное изложеніе двухъ главъ (III и XVI) книги «Введеніе въ изученіе соціологіи» (Спб. 1897), въ основѣ которой лежитъ курсъ, читанный авторомъ въ петербургскомъ университетѣ въ 1896—1897 гг.

послѣднею «физику организованныхъ тѣлъ»: оно разсматриваетъ общество, какъ своего рода организмъ, хотя и высшаго порядка. Главнымъ представителемъ этого направленія въ соціологіи является Гербертъ Спенсеръ. Хотя онъ между біологіей и соціологіей помѣщаетъ психологію, но это не оказываетъ замѣтнаго вліянія на его общее представленіе объ обществѣ, въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ біологической аналогіи.

Съ другой стороны, Контъ видѣлъ въ соціологіи науку, занимающуюся видовою жизнью особей: къ этому взгляду примкнуло то соціологическое направленіе, которое думало объяснить явленія, происходящія въ общественной жизни, по аналогіи съ явленіями, совершающимися въ видовой жизни организмовъ. Появившаяся въ серединѣ XIX в. біологическая теорія Дарвина должна была оказать весьма сильное вліяніе на соціологію. По ученію Конта, общественныя явленія находятся въ зависимости отъ явленій біологическихъ, и новая теорія этихъ послѣднихъ, конечно, не могла не отразиться на изученіи соціальной жизни, причемъ образовалось цѣлое направленіе, представители котораго думали объяснить всѣ общественныя явленія безъ всякаго остатка дѣйствіемъ лишь однихъ тѣхъ факторовъ, которые играютъ роль въ видовой жизни организмовъ. Это направленіе можно назвать дарвинистическимъ.

Органическая школа и дарвинистическое направленіе дѣлаютъ непосредственною основою соціологіи индивидуальную или коллективную біологію. Въ дѣйствительности Контъ, самъ того не подозрѣвая, объяснялъ общественныя явленія дѣйствіемъ чисто психическихъ факторовъ, и по этому пути пошли нѣкоторые соціологи, которые поэтому отнеслись къ обществу, какъ къ явленію, не находящему себѣ аналогіи ни въ жизни отдѣльнаго организма, ни въ жизни цѣлаго вида. Это направленіе, признавая важность психическаго элемента, не составляетъ какой-либо одной школы, но изъ него нельзя не выдѣлить особаго направленія, которое интересуется не столько явленіями общественной организаціи, сколько процессами и продуктами психическаго взаимодѣйствія, совершающагося въ общественной жизни. Этому послѣднему направленію можно дать названіе соціально-психологическаго.

Совершенно особую соціологическую школу составляютъ въ настоящее время экономическіе матеріалисты, которые имѣютъ своимъ родоначальникомъ не Конта, а Карла Маркса. Экономическій матеріализмъ до сихъ поръ не имѣетъ ни своей классификаціи наукъ, ни опредѣленнаго взгляда на взаимныя отношенія біологіи, психологіи и соціологіи. Съ другой стороны, общая философская теорія экономическаго матеріализма съ его «діалектической теоріей историческаго про-

цесса» коренится въ метафизической системѣ Гегеля, а потому и занимаетъ совершенно изолированное положеніе въ современной соціологической литературѣ. Можно даже сказать, что все развитіе соціологическихъ воззрѣній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ Конту, для экономическаго матеріализма прошло безслѣдно. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, и общій взглядъ на общество, положенный въ основу экономическаго матеріализма, не стоитъ совершенно особнякомъ, такъ какъ Карлъ Марксъ воспринялъ его у французскихъ соціалистовъ и въ ихъ числѣ отъ С.-Симона, идеи котораго нашли, какъ извѣстно, выраженіе и во всей системѣ Конта.

Каждое изъ этихъ направленій, собственно говоря, имѣетъ исходнымъ пунктомъ извѣстную гипотезу, т.-е. извѣстное предположеніе, предвзятую точку зрѣнія. Безъ гипотезъ не обходится ни одна наука, но отъ каждой гипотезы, дабы она могла получить научное значеніе, требуются два условія. Во-первыхъ, каждая гипотеза должна быть согласована съ другими общими положеніями, принимаемыми нами за истинныя, а, во-вторыхъ, гипотеза должна выдержать провѣрку на фактахъ, которые она берется объяснить, и, чѣмъ вѣрнѣе гипотеза, тѣмъ бо́льшее количество фактовъ она объясняетъ, и тѣмъ меньшее количество фактовъ ей противорѣчитъ. Отожествленіе общества съ организмомъ, сведеніе всей общественной жизни къ явленіямъ видовой жизни организмовъ, объясненіе всѣхъ соціальныхъ явленій одними психическими или одними экономическими факторами, все это—простыя соціологическія гипотезы, или предвзятыя точки зрѣнія, заранѣе опредѣляющія тотъ или другой общій взглядъ на общество. Иногда бываетъ такъ, что гипотеза заключаетъ въ себѣ лишь долю истины и потому дѣлается совершенно невѣрною, разъ только стремится подогнать подъ одну точку зрѣнія всѣ явленія данной категоріи, когда на самомъ дѣлѣ съ успѣхомъ объясняетъ лишь нѣкоторыя явленія. Настоящее развитіе науки требуетъ строгаго критическаго отношенія къ каждой гипотезѣ и сравненія отдѣльныхъ гипотезъ между собою, причемъ все, хорошо теоретически обоснованное и, какъ слѣдуетъ, фактически провѣренное, должно занимать надлежащее мѣсто въ общемъ содержаніи науки.

Разсмотримъ, что̀ можетъ быть сказано по поводу каждой изъ этихъ гипотезъ на основаніи самыхъ общихъ соображеній.

Органическая теорія основывается на отожествленіи общества съ организмомъ. Главную силу она полагаетъ въ своихъ аналогіяхъ, но разъ дѣло идетъ о сравненіи между собою двухъ предметовъ, нужно обращать одинаковое вниманіе не только на черты сходства, но и на черты различія. Органическая теорія старается игнорировать послѣднія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти черты различія такъ глубоки, что

органическая и соціальная жизнь становятся предметами двухъ совершенно различныхъ наукъ. Контъ, который видѣлъ въ обѣихъ этихъ наукахъ, такъ сказать, подъ-отдѣлы одной «органической физики», на самомъ дѣлѣ рѣзко отдѣлилъ одну отъ другой. Спенсеръ нашелъ нужнымъ между біологіей и соціологіей помѣстить психологію и даже назвалъ общественное развитіе развитіемъ высшаго порядка, чѣмъ органическая эволюція, именно развитіемъ надъ-органическимъ. Это послѣднее опредѣленіе находится въ прямомъ противорѣчіи съ отожествленіемъ общества и организма: если общество есть «надъ-организмъ», то оно, понятное дѣло, не можетъ быть въ то же время простымъ организмомъ. Органическая теорія приравниваетъ вполнѣ развитой индивидуумъ, живущій притомъ своею собственною психическою жизнью, къ простой клѣточкѣ, такъ сказать, поглощенной въ организмѣ, и не придаетъ особаго значенія тому обстоятельству, что соединеніе индивидуумовъ въ общество вовсе не требуетъ того чисто физическаго между ними сцѣпленія, безъ котораго отдѣльныя клѣточки не могли бы составлять организма. Эта теорія кое въ чемъ помогаетъ намъ понять природу общества, но въ большинствѣ случаевъ не по вопросу о томъ, что́ есть общество, а по вопросу о томъ, чѣмъ общество не есть и быть не можетъ.

Контъ подвелъ понятія организма и общества подъ одно общее понятіе организованнаго тѣла. Всякое живое существо и всякое общество имѣютъ извѣстную организацію, предполагающую существованіе нѣкоторой солидарности между отдѣльными частями одного и того же цѣлаго. Объяснять общественныя явленія дѣйствіемъ однихъ только тѣхъ факторовъ, которые играютъ роль въ видовой жизни организмовъ, не приходится уже потому, что основной принципъ видовой жизни заключается въ борьбѣ за существованіе, основной же принципъ жизни общественной—въ солидарности. Конечно, живя въ обществѣ, люди не перестаютъ быть животными организмами, находящимися между собою въ борьбѣ за существованіе, но именно не эта борьба, а нѣчто ей противоположное ложится въ основу общественной жизни. Если уже искать аналогій для человѣческаго общества въ животномъ мірѣ, то никакъ не въ явленіяхъ видовой жизни, а въ тѣхъ общежитіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ видахъ животныхъ. Изученіе послѣднихъ важно, однако, не только для пониманія того, чѣмъ могли быть первыя соединенія людей, но и для обнаруженія тѣхъ глубокихъ различій, какія существуютъ между общежитіями животныхъ и человѣческимъ обществомъ. Соціологи, думавшіе объяснять общественныя явленія дѣйствіемъ однихъ біологическихъ законовъ, конечно, вскрывали въ обществѣ многое такое, что только съ этой точки зрѣнія и объясняется. Но уже сама общественная жизнь

животныхъ, немыслимая безъ психическаго взаимодѣйствія находящихся въ общеніи особей, заставляетъ насъ обратиться къ помощи психологіи. Тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ мы можемъ говорить это относительно человѣческаго общества, въ которомъ «психологія» играетъ еще бо́льшую роль и въ которомъ принципъ соціальной солидарности способенъ распространять свое дѣйствіе на гораздо бо́льшее количество отношеній и на неизмѣримо бо́льшее число индивидуумовъ.

Органическое направленіе и дарвинистическая соціологія имѣютъ между собою много общаго. Каждая изъ обѣихъ этихъ гипотезъ стремится свести, такъ сказать, безъ остатка соціальныя явленія на явленія чисто біологическаго характера, устраняя всѣ психическіе моменты и, въ сущности, прибѣгая къ простой аналогіи. Первое изъ нихъ превращаетъ общество въ организмъ, т.-е. въ явленіе низшаго порядка, какимъ организмъ долженъ быть по сравненію съ обществомъ и съ точки зрѣнія Конта, и съ точки зрѣнія Спенсера. Точно также другая изъ названныхъ гипотезъ, если можно такъ выразиться, распускаетъ общество въ простую совокупность отдѣльныхъ индивидуумовъ, взаимныя отношенія между которыми сводятся лишь къ добываніе каждымъ пищи и къ временнымъ соединеніямъ существъ разнаго пола, служащимъ для продолженія вида. Это заставляетъ насъ отнестись отрицательно къ обѣимъ гипотезамъ, но у каждой изъ нихъ есть и своя положительная сторона, поскольку явленія высшей категоріи зависятъ всегда отъ явленій категорій низшихъ. Поскольку общественныя организаціи могутъ разсматриваться, какъ естественное продолженіе и дальнѣйшее развитіе біологическихъ организмовъ, можетъ идти рѣчь и о существованіи нѣкоторыхъ общихъ законовъ строенія и отправленій, равно какъ возникновенія и развитія всякихъ организацій вообще. Съ другой стороны, явленія видовой жизни продолжаютъ происходить въ нѣдрахъ жизни общественной, и существуютъ нѣкоторые общіе законы этой жизни, которые имѣютъ одинаковую силу и для животныхъ, ведущихъ изолированную жизнь, и для тѣхъ, у которыхъ мы обнаруживаемъ общественныя связи. Однако, ни предполагаемыми общими законами явленій организаціи, ни общими законами видовой жизни мы не можемъ объяснить всѣ явленія, совершающіяся въ обществѣ, и въ особенности тѣ изъ этихъ явленій, которыхъ мы не находимъ нигдѣ, кромѣ человѣческаго общества. Во всякомъ случаѣ органическая теорія болѣе соотвѣтствуетъ идеѣ общества, нежели перенесеніе въ соціологію принциповъ видовой жизни.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣютъ двѣ другія гипотезы, которыя были названы выше. Одна изъ нихъ ищетъ объясненія соціальныхъ явленій въ фактахъ умственной жизни, именно въ идеяхъ, мнѣніяхъ; другая—въ экономическихъ отношеніяхъ. Оставимъ пока

въ сторонѣ противоположность этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Въ нихъ есть и нѣчто общее. Идеи и экономическія отношенія суть явленія, наблюдаемыя только въ мірѣ человѣка, и основать соціологію на изученіи такихъ проявленій духовнаго и общественнаго развитія, какихъ мы не наблюдаемъ на животномъ мірѣ, значитъ дѣйствительно поднять соціологію надъ біологіей. Въ обоихъ случаяхъ главное вниманіе обращено на такія отношенія, какихъ нѣтъ ни между клѣточками одного и того же организма, ни между особями одного и того же вида, хотя бы послѣдній и былъ общителенъ. Какъ ни односторонняя каждая изъ этихъ теорій въ отдѣльности, обѣ онѣ имѣютъ антропологическій, а не зоологическій характеръ. Обѣ онѣ притомъ строятся при помощи фактовъ, представляемыхъ дѣйствительною жизнью обществъ, а не при помощи простыхъ аналогій.—Обратимся теперь къ каждой изъ этихъ гипотезъ по одиночкѣ. По принципу классификаціи наукъ Конта, какъ мы видѣли, непосредственною основою соціологіи должна быть психологія. Тамъ, гдѣ нѣтъ психической жизни, не можетъ быть и жизни общественной. Сами экономическія отношенія, которыя другая гипотеза кладетъ въ основу всѣхъ общественныхъ явленій, т.-е. всѣ случаи взаимнаго обмѣна услугъ или продуктовъ труда, на какихъ бы условіяхъ этотъ обмѣнъ ни происходилъ, дѣлаются возможными лишь на почвѣ психическаго взаимодѣйствія. Экономическій матеріализмъ выводитъ всю общественную психику изъ экономическаго строя общества, игнорируя то важное обстоятельство, что лежащія въ основѣ этого строя экономическія отношенія сами являются лишь извѣстнаго рода результатами психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами. Но и вѣрная мысль можетъ получать невѣрное примѣненіе.

Выводить всѣ общественныя явленія изъ дѣйствія однихъ духовныхъ факторовъ возможно было бы лишь тогда, когда бы люди были существами исключительно духовными. Кромѣ того, психическіе факторы общественной жизни нельзя понимать только въ смыслѣ идей или мнѣній, т.-е. тѣхъ или другихъ представленій, какія существуютъ въ умахъ отдѣльныхъ членовъ общества. Что тому или другому міросозерцанію слѣдуетъ всегда приписывать важное общественное значеніе, объ этомъ не можетъ быть и спора, но чтобы можно было однимъ міросозерцаніемъ объяснять всѣ общественныя явленія,—это уже совсѣмъ другой вопросъ. Соціологія должна разъ навсегда отрѣшиться отъ чистаго интеллектуализма психологіи. Въ созданіи общественныхъ явленій едва ли не болѣе важную роль играютъ эмоціональная и волевая стороны психической природы человѣка. Господствующія въ обществѣ настроенія и стремленія являются такими же продуктами психическаго взаимодѣйствія, какъ и господствующія пред-

ставленія. Человѣкъ можетъ передать человѣку не только свою мысль, но и свое настроеніе, даже внушить ему—иногда простою подачею примѣра—извѣстное стремленіе или дѣйствіе. Пока не будетъ изслѣдована вся эта область психическихъ явленій, происходящихъ въ коллективной жизни людей, до тѣхъ поръ не будетъ прочныхъ основаній для рѣшенія многихъ соціологическихъ вопросовъ. Но и коллективная психологія не будетъ въ состояніи объяснить всѣхъ явленій общественной организаціи, если будутъ игнорироваться матеріальныя условія человѣческой жизни, какъ тѣ условія, которыя созданы непосредственно природою, такъ и тѣ, которыя создаются потребностями людского общежитія.

Эти послѣднія условія изучаются между прочимъ политической экономіей, а экономическій матеріализмъ превращаетъ ихъ въ основу всѣхъ общественныхъ явленій. Минуя психическіе факторы, онъ, собственно говоря, былъ бы прямымъ возвращеніемъ къ дарвинистической соціологіи, если бы не придавалъ особеннаго значенія тому, что въ обществѣ борьба за существованіе происходитъ иначе и ведется иными средствами, нежели въ животномъ быту. И дарвинистическая соціологія, и экономическій матеріализмъ видятъ въ человѣкѣ лишь животную особь, добывающую себѣ средства къ существованію и вступающую поэтому въ весьма различныя отношенія къ другимъ такимъ же животнымъ особямъ. Въ животномъ быту эти отношенія—одни, въ обществѣ—другія. Экономическій матеріализмъ хорошо понимаетъ послѣднее. Его представители не дѣлаютъ изъ соціологіи, такъ сказать, спеціальной части біологіи. Но все-таки въ основѣ ихъ теоріи скрытымъ образомъ лежитъ нѣкоторая гипотеза, а именно мысль о томъ, что общественность лишена всякаго духовнаго характера и потому можетъ быть цѣликомъ объяснена изъ дѣйствія однихъ матеріальныхъ факторовъ. Это—такая же предвзятая мысль, какъ и противоположная ей мысль о томъ, что общественныя явленія въ послѣднемъ анализѣ сводятся къ нѣкоторымъ чисто умственнымъ состояніямъ людей. Теорія, противоположная экономическому матеріализму, часто грѣшила, приписывая слишкомъ большую роль сознанію. Экономическій матеріализмъ, напротивъ, за сознаніемъ не признаетъ значенія, и въ этомъ отношеніи онъ сходится съ органической теоріей—особенно въ пониманіи общественнаго развитія, какъ чисто стихійнаго процесса. Дарвинистическая соціологія и интеллектуалистическая гипотеза общества, какъ ни различны онѣ между собою, все-таки одинаково признаютъ самостоятельное значеніе каждой индивидуальности: въ органической теоріи личность превращается въ простую клѣточку высшаго индивидуума, называемаго общественнымъ организмомъ, и въ аналогичное

отношеніе къ личности, какъ къ величинѣ, которою можно пренебречь, становится и экономическій матеріализмъ.

Различное отношеніе къ личности, какое мы находимъ въ разныхъ соціологическихъ направленіяхъ, приводитъ насъ къ еще одному, весьма важному, вопросу.

Старыя метафизическія теоріи общества грѣшили тѣмъ, что не изучали общества такимъ, каково оно есть, и выдавали нерѣдко за изображеніе дѣйствительности то, что, въ сущности, было лишь продуктомъ творческой мысли, направленной на рѣшеніе вопроса, какимъ должно было бы быть общество. Называя соціологію первоначально общественной физикой, Контъ тѣмъ самымъ указывалъ на характеръ новой науки: она должна была заниматься только тѣмъ, что есть, а не тѣмъ, что должно быть. Впослѣдствіи въ своей «Положительной Политикѣ» Контъ занялся построеніемъ общественнаго идеала, замѣнивъ «объективный методъ» своей соціологіи «методомъ субъективнымъ» (méthode subjective). Собственно говоря, слово «методъ» употреблено было здѣсь совершенно неумѣстно, но вопросъ былъ затронутъ важный. «Субъективный методъ» позднѣйшихъ лѣтъ Конта былъ, въ сущности, субъективнымъ отношеніемъ къ обществу, вытекавшимъ изъ этическаго отношенія къ личности, какъ ни ложно въ данномъ случаѣ направлено было это этическое отношеніе. Отвергнувъ вторую половину дѣятельности Конта, значительная часть позитивистовъ стала проповѣдывать, что въ соціальной наукѣ общество можетъ быть предметомъ одного лишь теоретическаго отношенія, и что, слѣдовательно, человѣческая личность есть такой же объектъ науки, какъ и всѣ другіе предметы окружающаго насъ міра. Это направленіе стало называть себя объективнымъ. Органическая школа превратила личность въ простую клѣточку соціальнаго организма. Соціологи-дарвинисты видѣли въ человѣческой личности только животную особь. Точно также и въ экономическомъ матеріализмѣ мы имѣемъ дѣло съ представленіемъ о личности, какъ объ одномъ изъ факторовъ общественнаго производства, взятаго въ хозяйственномъ смыслѣ. Иногда даже представители трехъ названныхъ соціологическихъ направленій принципіально заявляютъ, что къ личности иного отношенія въ наукѣ быть не можетъ и не должно быть. Противъ такого воззрѣнія въ самой позитивной соціологіи чисто научнаго характера возникла, однако, оппозиція, которая считаетъ невозможнымъ теоретически понять общество безъ самаго внимательнаго отношенія къ внутреннему міру личности, а это внутреннее отношеніе признаетъ еще неполнымъ безъ этическаго элемента.

Практическое значеніе соціологіи также различно понимается различными писателями. Несмотря на чисто теоретическій характеръ, съ какимъ является соціологія Конта, на мысль объ этой наукѣ на-

толкнули его чисто практическія соображенія. Контъ мечталъ о реорганизаціи общества, которую считалъ возможною лишь подъ условіемъ хорошаго знанія законовъ, управляющихъ общественными явленіями. Лишь такую науку онъ считалъ вполнѣ достигшею положительной ступени, которая позволяетъ предвидѣть будущее. Самое предвидѣніе это онъ признавалъ драгоцѣннымъ, главнымъ образомъ, не потому, что оно расширяетъ область нашего знанія, а потому, что позволяетъ намъ вѣрнѣе и успѣшнѣе поступать въ нашей практической дѣятельности. Основатель позитивной философіи вѣрилъ въ произвольное измѣненіе явленій путемъ человѣческой дѣятельности, опирающейся на знаніе законовъ этихъ явленій, и въ этомъ онъ видѣлъ основаніе для искусства, въ смыслѣ пользованія научной теоріей для практическихъ цѣлей. Къ этому нужно прибавить, что всякое искусство есть не что иное, какъ совокупность средствъ, къ которымъ мы прибѣгаемъ для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей. Ни одно искусство, однако, само не ставитъ цѣлей для нашей дѣятельности: эти цѣли ставятся нашею волею, и опредѣленіе ихъ есть уже задача не искусства, даже не науки, а того, что въ данномъ случаѣ носитъ названіе этики или моральной философіи. Въ этомъ смыслѣ свою соціологію, какъ науку о законахъ общественной жизни, Контъ во второй періодъ своей дѣятельности хотѣлъ дополнить политикой въ смыслѣ ученія о правильныхъ принципахъ общественной жизни. Къ сожалѣнію, онъ сталъ рѣшать эту задачу такъ, что вызвалъ противъ себя совершенно справедливую критику и со стороны положительной науки, и со стороны здравой этики. Не касаясь послѣдняго пункта, замѣтимъ только, что «субъективный методъ», къ которому сталъ прибѣгать Контъ, первоначально имѣлъ значеніе лишь творчества общественнаго идеала и только мало-по-малу началъ обозначать добываніе самой истины изъ источниковъ собственнаго разума. Конечно, послѣднее было абсурдомъ, но относительно всей мысли Конта можно еще спорить. Признавая за соціологіей значеніе теоретической основы для практическаго воздѣйствія на общество, Контъ тѣмъ самымъ допускалъ возможность этого воздѣйствія со стороны человѣка и считалъ нужнымъ указать на ту цѣль, какую долженъ человѣкъ при этомъ себѣ ставить. Такое пониманіе соціологіи и было усвоено такъ называемою «субъективною школою», которая придаетъ особое значеніе постановкѣ человѣкомъ своихъ цѣлей и усиліямъ, какія онъ употребляетъ для ихъ достиженія. Совсѣмъ иначе взглянули на дѣло представители объективной школы, которые доходятъ иногда до отрицанія самой мысли о какомъ бы то ни было искусствѣ въ общественныхъ дѣлахъ, хотя очень часто такая теорія совершенно не соотвѣтствуетъ собственнымъ соціальнымъ стремленіямъ объективистовъ. Ихъ

положенія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Процессъ общественныхъ измѣненій совершается по естественнымъ законамъ независимо отъ людского желанія или нежеланія. 2) Постановка какихъ-либо цѣлей этому процессу со стороны человѣка и усилія, направленныя къ достиженію этихъ цѣлей, не имѣютъ поэтому смысла. 3) Общественная эволюція совершается сама собою, и для того, чтобы она приводила къ своимъ естественнымъ результатамъ, со стороны человѣка не требуется никакого вмѣшательства. 4) Разъ это такъ, то не можетъ быть и не должно быть никакого искусственнаго воздѣйствія на общественную жизнь, и лучшее соціальное искусство заключается въ невмѣшательствѣ. Къ такому именно взгляду весьма близко подходитъ Спенсеръ, который въ данномъ случаѣ только возобновляетъ традицію прежнихъ экономистовъ, вѣрившихъ въ спасительность принципа laissez faire, laissez passer. Однако и тутъ извѣстнаго рода требованіе опредѣляется общественнымъ благомъ, какъ цѣлью, и это требованіе предъявляется человѣку, какъ норма его соціальнаго поведенія. Замѣчательно, что многіе послѣдователи экономическаго матеріализма прямо противополагаютъ свою соціологическую теорію, какъ строго объективную, ученіямъ субъективной школы, обвиняя послѣднія въ утопичности, хотя, напримѣръ, въ Германіи теорія экономическаго матеріализма признается за вѣрную какъ-разъ тою частью общества, которая выступаетъ съ весьма опредѣленнымъ общественнымъ идеаломъ и дѣлаетъ большія усилія для доставленія торжества своимъ соціальнымъ принципамъ въ дѣйствительной жизни.

Какъ бы мы ни смотрѣли на природу общества и на дѣйствующія въ его жизни силы, въ концѣ концовъ, научно обработанный и обобщенный матеріалъ для настоящаго содержанія соціологіи можетъ быть ей доставляемъ только такими конкретными науками, которыя изучаютъ общественную жизнь человѣка въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. Кромѣ статистики, имѣющей свое особое значеніе *), эти науки суть исторія и этнографія.

Изъ конкретныхъ наукъ самое важное значеніе для соціологіи имѣетъ, несомнѣнно, исторія. Конечно, соціологія можетъ весьма многое извлекать изъ непосредственныхъ наблюденій надъ современностью, особенно если эти наблюденія ведутся по извѣстному плану, въ извѣстной системѣ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ статистикѣ. Но главный фактическій матеріалъ соціологъ будетъ всегда получать изъ изученія прошлаго. Само изслѣдованіе современныхъ соціальныхъ явленій можетъ дать настоящіе плоды подъ условіемъ изученія не только взаимной связи между этими явленіями, но и породившихъ ихъ причинъ

*) См. объ этомъ ниже статью А. А. Чупрова, «Статистика и статистическій методъ».

въ прошломъ, равно какъ и тѣхъ слѣдствій, которыя должны обнаружиться лишь тогда, когда сами эти явленія сдѣлаются фактами прошлаго. Съ другой стороны, многіе факты современности получаютъ надлежащее освѣщеніе лишь тогда, когда къ объясненію ихъ мы привлекаемъ аналогичные факты, наблюдавшіеся въ прошломъ, или когда знаемъ генезисъ объясняемыхъ нами фактовъ. Наконецъ, то, что мы называемъ современностью, такъ сказать, съ каждою новою минутою само дѣлается прошлымъ, т.-е. становится достояніемъ исторіи. Но самое важное, это—то, что въ лѣтописяхъ исторической науки мы имѣемъ такое громадное количество соціологическаго матеріала, какого намъ не даетъ и дать не можетъ непосредственное наблюденіе надъ окружающею насъ дѣйствительностью. Если мы примемъ еще въ расчетъ, что современная соціологія разсматриваетъ общество не какъ неизмѣнное бытіе, а какъ развивающееся явленіе, то мы поймемъ, почему историческая наука имѣетъ особое право на вниманіе со стороны соціологовъ.

Для того, однако, чтобы соціологія могла пользоваться исторіей, какъ вспомогательной наукой, необходимо, чтобы сама исторія стояла на извѣстной высотѣ научнаго развитія. Въ XIX в. исторія сдѣлала весьма крупные успѣхи въ разработкѣ своего предмета, благодаря, главнымъ образомъ, научному методу и научному духу, которые были внесены въ самую работу надъ историческимъ матеріаломъ. Но мы здѣсь не касаемся этого предмета. Кромѣ того, исторія стала сближаться съ естествознаніемъ, и на мысли о такомъ сближеніи была даже основана попытка цѣлой реформы исторической науки, сдѣланная Боклемъ въ его „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ и стоящая въ прямомъ родствѣ съ основными взглядами Конта. Вмѣстѣ съ этимъ произошло сближеніе между исторіей и другими общественными науками: параллельно съ „историческими школами“ въ юриспруденціи и политической экономіи возникаютъ въ самой исторіи совершенно новыя юридическое и экономическое направленія. Новая постановка соціальныхъ вопросовъ въ жизни и зарожденіе новой общественной науки отражаются на исторіи тѣмъ, что она все болѣе и болѣе сосредоточиваетъ свое вниманіе на тѣхъ же самыхъ явленіяхъ, которыя болѣе всего занимаютъ и соціологовъ. Однимъ словомъ, въ процессѣ своего развитія историческая наука все болѣе и болѣе подчиняется соціологической точкѣ зрѣнія, дѣлая главнымъ своимъ предметомъ общество въ его строѣ и бытѣ. При такомъ пониманіи исторіи наука эта и соціологія—одна конкретная, другая абстрактная—должны взаимно дополняться.

Фактическій матеріалъ соціологіи заключается не только въ данныхъ исторіи и статистики, но и въ данныхъ другихъ наукъ, изу-

чающихъ жизнь народовъ. Сюда прежде всего нужно отнести этнографію съ изученіемъ такъ называемыхъ переживаній въ народномъ быту цивилизованныхъ странъ и съ изученіемъ быта дикарей, который не можетъ быть предметомъ исторіи. Съ другой стороны, изслѣдованіе въ области первобытной культуры, пользующееся между прочимъ данными этнографіи, расширяетъ область соціологическаго матеріала, захватывая такъ называемыя доисторическія времена, откуда уже прямой переходъ къ чисто животному, такъ сказать, досоціологическому состоянію человѣчества. Въ сущности, это—все одинъ и тотъ же матеріалъ, т.-е. конкретныя явленія культурнаго быта и соціальнаго строя, и все различіе заключается въ томъ, что одни явленія относятся къ болѣе позднимъ эпохамъ и болѣе высокимъ ступенямъ развитія, другія—къ эпохамъ болѣе раннимъ и къ болѣе примитивнымъ ступенямъ развитія.

Историческій и этнографическій матеріалъ можетъ быть предметомъ весьма различной обработки, и не всякая обработка этого матеріала имѣетъ соціологическое значеніе. Задача соціологіи заключается въ открытіи общихъ законовъ, управляющихъ соціальными явленіями. Въ числѣ способовъ, которыми пользуется наука для достиженія этой цѣли, важное мѣсто принадлежитъ обобщенію однородныхъ фактовъ. Этимъ открывается широкое поле для примѣненія къ историческому и этнографическому матеріалу такъ называемаго сравнительнаго метода. Въ жизни народовъ мы встрѣчаемся съ однородными явленіями, которыя часто могутъ быть объяснены или происхожденіемъ изъ общаго источника, или заимствованіями однимъ народомъ у другого. Но есть и еще одинъ способъ для объясненія подобнаго рода сходствъ, и вотъ этотъ-то способъ въ чисто соціологическихъ изслѣдованіяхъ и имѣетъ особенно важное значеніе: сходныя явленія могутъ возникать и при отсутствіи общаго источника или безъ помощи заимствованія. Разъ именно общественныя явленія совершаются закономѣрно, одинаковыя причины должны порождать и одинаковыя слѣдствія, а потому обнаруженіе сходствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и рѣчи быть не можетъ объ общемъ источникѣ или заимствованіи, всегда является первымъ шагомъ къ установленію какого-либо соціологическаго закона.

Еще одна особенность сравнительно-историческихъ и сравнительно-этнографическихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ, что всѣ они ведутся съ эволюціонной точки зрѣнія, т.-е. въ томъ, что каждое явленіе изучается въ его развитіи, причемъ дѣлаются попытки — не всегда, впрочемъ, удачныя—формулировать общіе для всѣхъ народовъ законы развитія такихъ общественныхъ формъ и учрежденій, каковы семья и родъ, собственность и государство. Переворотъ, совершенный

въ біологіи эволюціонной теоріей Дарвина, значительно оживилъ однородное направленіе въ изученіи культурныхъ и соціальныхъ формъ. Но не нужно забывать, что біологическому эволюціонизму уже предшествовало примѣненіе эволюціонной точки зрѣнія къ такимъ явленіямъ, какъ языкъ и право: само историческое къ нимъ отношеніе уже заключало въ себѣ эволюціонную точку зрѣнія.

II.

За послѣднія десятилѣтія соціологическая литература—притомъ на разныхъ языкахъ—достигла весьма значительныхъ размѣровъ *), причемъ соціологическая точка зрѣнія оказываетъ все большее и большее вліяніе на другія общественныя науки **). Въ настоящее время трудно указать на какую-либо культурную націю, на языкѣ которой не существовало бы хоть небольшой соціологической литературы. По недавнимъ извѣстіямъ, даже Японія пріобщилась къ этому общему научному движенію и завела у себя каѳедру соціологіи. Подобно тому, какъ это всегда бываетъ съ разными явленіями духовной жизни, въ каждой отдѣльной націи соціологія приняла даже ту или другую особенную окраску или въ смыслѣ темъ, на которыя обращается больше всего вниманія, или въ смыслѣ методовъ, къ которымъ охотнѣе прибѣгаютъ, или прямо въ смыслѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ на общество, какіе оказываются преобладающими въ извѣстной литературѣ. Это весьма понятно—и притомъ по двумъ главнымъ причинамъ. Во-первыхъ, въ каждой національной литературѣ существуютъ свои научныя и философскія традиціи, которыя продолжаютъ оказывать свое вліяніе и на развитіе соціологической мысли. Недаромъ, напримѣръ, изъ двухъ сосѣднихъ съ Франціей странъ одна, именно Англія, весьма рано испытала на себѣ вліяніе Конта, которое вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось здѣсь и довольно глубокимъ, тогда какъ другая, Германія, наоборотъ, стала знакомиться съ Контомъ довольно поздно и гораздо менѣе подчинилась его вліянію. Дѣло въ томъ, что вся предшествующая умственная подготовка у англичанъ и нѣмцевъ была не одинакова. Философія однихъ всегда имѣла болѣе реалистическій характеръ, тогда какъ философія другихъ развивалась, наоборотъ, преимущественно въ идеалистическомъ направленіи. Если бы заняться опредѣленіемъ болѣе частныхъ національныхъ традицій, сказывающихся на соціологической литературѣ отдѣльныхъ странъ, то могли бы быть получены весьма интересные результаты. Съ другой стороны, на соціологіи обнаруживается вліяніе и разныхъ фактическихъ отношеній данной страны. Напри-

*) См. библіографическій указатель, приложенный въ концѣ «Введенія въ изученіе соціологіи».

**) Объ этомъ см. главу IX въ только-что названномъ сочиненіи.

мѣръ, критика уже не разъ указывала на то, что соціологическая теорія Гумпловича, приписывающаго особенно важное значеніе борьбѣ расъ, была ему, такъ сказать, внушена австрійскою дѣйствительностью, именно тою борьбою разнородныхъ національныхъ элементовъ, которая происходитъ въ монархіи Габсбурговъ. Весьма естественно, что практическія задачи общественной жизни не остаются безъ вліянія на постановку отвлеченныхъ вопросовъ соціологіи. Какъ бы ни были, однако, сильны научныя и философскія традиціи, съ одной стороны, и какъ бы, съ другой стороны, ни отражались на соціологическихъ теоріяхъ разныя обстоятельства данной среды, отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать значеніе національныхъ различій въ соціологической литературѣ. Въ настоящее время обмѣнъ идей, совершающійся между отдѣльными народами, отличается особою быстротою и широтою. Въ каждомъ народѣ существуютъ разныя философскія направленія и научныя школы, разныя общественныя партіи, и они все болѣе и болѣе сближаются съ однородными направленіями, школами и партіями у другихъ народовъ. Что касается до взаимодѣйствія между отдѣльными соціологическими литературами, то за послѣднее время и оно сдѣлалось особенно тѣснымъ. Между прочимъ, на разныхъ языкахъ растетъ и переводная соціологическая литература. Быть-можетъ, нигдѣ до такой степени не сказывается все это съ такою силою, какъ въ Россіи, несмотря на сравнительную бѣдность нашихъ научныхъ силъ, хотя, къ сожалѣнію, русская соціологическая литература остается до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстною на Западѣ. Одна изъ особенностей этой литературы заключается въ томъ, что, будучи обязана своимъ происхожденіемъ прогрессивному теченію нашей общественной мысли, она въ то же время совершала самостоятельный синтезъ разнообразныхъ научныхъ идей, возникавшихъ у другихъ народовъ.

Для дальнѣйшихъ успѣховъ соціологіи необходимо привести въ извѣстность все, что до сихъ поръ было сдѣлано въ этой области знанія, а это представляетъ изъ себя работу далеко не легкую—при массѣ и разбросанности накопившагося уже матеріала. Можно указать нѣсколько попытокъ историческихъ и систематическихъ обзоровъ соціологической литературы, но большею частью они имѣютъ характеръ нѣсколько отрывочный. Между тѣмъ отсутствіе хорошихъ систематическихъ обзоровъ даетъ себя чувствовать при сколько-нибудь внимательномъ отношеніи къ предмету. Весьма часто въ соціологической литературѣ наблюдаются случаи незнакомства съ тѣмъ, что уже раньше было сдѣлано другими, особенно если это касается авторовъ, писавшихъ на разныхъ языкахъ. Нерѣдко выдается за новость нѣчто такое, что прежде уже высказывалось, или же повторяются вещи, которыя раньше были уже опровергнуты съ достаточною убѣдительностью. Вообще

занятія какой бы то ни было наукою требуютъ знакомства съ ея исторіей и современнымъ состояніемъ, но какъ-разъ въ области соціологіи, гдѣ это было бы особенно необходимо, съ подобнаго рода знаніями до послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени мы встрѣчаемся весьма рѣдко. Этимъ объясняется и то, что о соціологіи существуютъ крайне смутныя и противорѣчивыя представленія у спеціалистовъ другихъ научныхъ областей, даже близкихъ къ соціологіи, не говоря уже о болѣе широкихъ кругахъ общества. Наконецъ, мы видѣли, что въ соціологической литературѣ можно намѣтить нѣсколько крупныхъ направленій, различающихся между собою по основнымъ взглядамъ на природу общества, по методамъ и даже по пониманію задачъ самой науки, по философскимъ, этическимъ и соціальнымъ воззрѣніямъ, которыя съ ними связаны. Сопоставленіе и сравненіе этихъ направленій могло бы показать, что уже принимается ими за общую основу, и привести лишь къ выясненію недоразумѣній, мѣшающихъ образованію болѣе широкихъ, всестороннихъ и основательныхъ представленій объ устройствѣ жизни и развитіи общества.

Весьма важными органами научнаго знанія въ XIX в. сдѣлались спеціальные журналы, посвященные отдѣльнымъ областямъ знанія. Развитіе этой прессы идетъ параллельно съ успѣхами соотвѣтственныхъ отраслей знанія. До 1893 года соціологія не имѣла, однако, ни одного такого органа. Правда, одно время существовалъ спеціальный позитивистическій журналъ («La philosophie positive», 1867—1883), издававшійся Литтре и Вырубовымъ, но его значеніе для соціологіи было весьма незначительно. Соціологическія работы могли находить пріютъ только въ журналахъ, посвященныхъ другимъ родственнымъ спеціальностямъ, или въ журналахъ общаго характера. Понятно, однако, что на ряду съ другими научными спеціальностями и соціологіи нужно было обзавестись собственными органами. Примѣръ въ 1893 г. былъ поданъ Франціей и нашелъ подражаніе въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Вообще, во Франціи въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ было предпринято весьма многое для организаціи научныхъ работъ по соціологіи и для популяризаціи этой отрасли знанія. Къ этому времени относится, кромѣ основанія спеціальнаго «Международнаго Соціологическаго Обозрѣнія», учрежденіе въ Парижѣ Соціологическаго Общества, затѣмъ Международнаго Соціологическаго Института съ періодическими съѣздами, изданіе цѣлой серіи соціологическихъ трудовъ подъ общимъ заглавіемъ «Международной Соціологической Библіотеки» и устройство соціологическихъ курсовъ. Примѣру Франціи вскорѣ послѣдовали и нѣкоторыя другія страны. Съ весны 1894 по конецъ 1896 г. издавалось въ Италіи ежемѣсячное «Соціологическое Обозрѣніе», въ которомъ, впрочемъ, преобладали статьи по полити-

ческой экономіи. Съ іюля 1897 г. сталъ выходить новый органъ (двухмѣсячный)—«Итальянское Соціологическое Обозрѣніе». Въ Испаніи въ 1895 г. было предпринято изданіе «Юридическаго и Соціологическаго Обозрѣнія», но просуществовало оно весьма недолго. Болѣе прочное положеніе создалъ себѣ «Американскій Соціологическій Журналъ», выходящій въ свѣтъ съ 1895 г. Въ Германіи съ осени 1897 г. предпринимается также изданіе ежемѣсячнаго соціологическаго журнала («Zeitschrift für Socialwissenschaft»), который, впрочемъ, посвященъ безъ различія вообще всѣмъ общественнымъ наукамъ. Въ связи съ нимъ предполагается изданіе цѣлой серіи книгъ общественно-научнаго содержанія («Socialwissenschaftliche Zeitfragen»).

Все болѣе и болѣе распространяющееся стремленіе къ основанію ученыхъ обществъ и устройству научныхъ съѣздовъ коснулось также соціологіи. Первая попытка образовать соціологическое общество была сдѣлана во Франціи еще Литтре въ 1872 году, но попытка не имѣла успѣха. Общество было основано, но весьма скоро распалось, не успѣвъ сдѣлать ничего для развитія соціологіи. Съ 1896 года въ Парижѣ существуетъ новое соціологическое общество, которое, повидимому, имѣетъ будущность, потому что потребность въ такомъ обществѣ вполнѣ созрѣла для столь крупнаго научнаго центра, какъ Парижъ. Гораздо еще болѣе важное значеніе для соціологіи можетъ имѣть «Международный Соціологическій Институтъ», основанный въ іюлѣ 1893 г. въ Парижѣ. Институтъ, дѣйствительно, оправдываетъ свое названіе «международнаго», такъ какъ имѣетъ своихъ членовъ въ большей части цивилизованныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта. Вмѣстѣ съ этимъ члены его являются представителями довольно различныхъ спеціальностей въ области общественныхъ наукъ, а равно принадлежатъ къ разнымъ соціологическимъ направленіямъ. Немногія общія положенія, болѣе или менѣе принимаемыя всѣми, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ, которые были формулированы основателями Института:

1) «разсматривать всѣ категоріи соціальныхъ фактовъ, какъ тѣсно связанныя между собою, не опуская ни одной изъ нихъ въ своихъ изслѣдованіяхъ;

2) «при изученіи каждой изъ нихъ пользоваться болѣе методомъ объективнымъ, нежели субъективнымъ, т.-е. наблюдать, классифицировать, дѣлать наведенія, вмѣсто того, чтобы заниматься произвольнымъ построеніемъ;

3) «вслѣдствіе этого стремиться къ тому, чтобы хорошо узнать общественный міръ, каковъ онъ есть, что одно позволитъ говорить, какимъ онъ могъ бы и долженъ бы быть; изучать прежде, чѣмъ предпринимать реформы; знать для того, чтобы дѣйствовать, но знать прежде, нежели дѣйствовать».

Цѣль Института—соединять соціологовъ разныхъ странъ для совмѣстнаго занятія соціологическими вопросами, и съ этою цѣлью онъ собираетъ въ Парижѣ международные конгрессы, труды которыхъ потомъ и печатаетъ подъ заглавіемъ «Лѣтописей Международнаго Соціологическаго Института». Первый такой съѣздъ состоялся въ началѣ октября 1894 года, и въ немъ приняли участіе ученые изъ разныхъ странъ *).

За эти же послѣдніе годы соціологія стала дѣлаться предметомъ и университетскаго преподаванія. Соціологія такъ тѣсно связана съ другими общественными науками и такъ давно уже начала оказывать вліяніе на нѣкоторыхъ представителей этихъ наукъ, что уже ранѣе могла въ томъ или въ другомъ видѣ излагаться съ университетскихъ каѳедръ. Обыкновенно каждая новая наука и проникаетъ въ университетское преподаваніе именно такимъ путемъ, пока не созрѣетъ потребность и не представится возможность учрежденія для новой науки особой каѳедры. На западѣ Европы и въ Америкѣ такая потребность, несомнѣнно, дастъ себя чувствовать уже довольно сильно. На это указываетъ между прочимъ и то, что вопросъ объ университетскомъ преподаваніи соціологіи сдѣлался за послѣдніе годы предметомъ довольно оживленнаго обсужденія въ отдѣльныхъ брошюрахъ и статьяхъ, но въ особенности важно то, что въ очень многихъ заграничныхъ университетахъ этотъ предметъ уже принятъ въ кругъ академическаго преподаванія.

При существующемъ дѣленіи университета на факультеты соціологія должна быть пріурочена къ одному изъ имѣющихся факультетовъ. Тамъ, гдѣ уже начинаютъ вводить преподаваніе соціологіи, вопросъ этотъ получилъ прямо практическое значеніе и даже вызвалъ особый споръ. Такъ произошло именно во Франціи, гдѣ между сторонниками новаго предмета произошелъ нѣкоторый расколъ: одни хотѣли бы, чтобы соціологія была предметомъ историко-филологическаго факультета (faculté des lettres), другіе стоятъ за факультетъ юридическій (faculté de droit). Это указываетъ лишь на то, что соціологія можетъ и должна получить весьма широкое значеніе: она выходитъ изъ современныхъ факультетскихъ рамокъ. Вообще, теперешнее дѣленіе университета на факультеты, сложившееся чисто историческимъ путемъ и въ своемъ развитіи испытывавшее не мало перемѣнъ, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ болѣе современному состоянію отдѣльныхъ наукъ и существующихъ между ними частныхъ связей, а потому должно было бы подвергнуться пересмотру. Что соціологія не можетъ быть предметомъ исключительно историко-филологическаго

*) Въ іюлѣ (по новому стилю) нынѣшняго 1903 г. состоялся въ Парижѣ четвертый съѣздъ, который, къ сожалѣнію, не былъ особенно многочисленнымъ. Главнымъ предметомъ обсужденія былъ вопросъ о значеніи психологіи для соціологіи.

или юридическаго факультета, это не подлежитъ сомнѣнію. Если въ однихъ мѣстахъ соціологія преподается на одномъ факультетѣ, въ другихъ—на другомъ, то это зависитъ лишь отъ чисто случайныхъ причинъ, смотря по тому, гдѣ какой профессоръ бралъ на себя иниціативу. Нѣтъ также никакихъ основаній для того, чтобы отстаивать особыя права филологовъ или юристовъ на занятія университетскихъ каѳедръ соціологіи. Эта наука не должна разсматриваться, какъ какой-то придатокъ, напримѣръ, къ исторіи или къ одной изъ частныхъ общественныхъ наукъ. Конечно, лицо, занимающееся соціологіей, нуждается въ болѣе энциклопедическомъ образованіи сравнительно съ лицами, посвящающими себя другимъ отраслямъ знанія, но для успѣха дѣла необходимо, чтобы соціологія въ университетскомъ преподаваніи не являлась съ какою-либо спеціальною окраскою, напримѣръ, психологическою или историческою, юридическою или экономическою и т. п. Соціологія, какъ предметъ университетскаго преподаванія, должна была бы быть совершенно отдѣльною и самостоятельною наукою, отъ представителей которой слѣдовало бы требовать опредѣленныхъ фактическихъ и литературныхъ знаній, подобно тому, какъ это дѣлается по отношенію къ другимъ наукамъ.

Современное состояніе соціологіи позволяетъ намъ намѣтить и то, въ какомъ направленіи должно совершаться дальнѣйшее развитіе этой науки. Мыслью Конта было создать такую науку объ обществѣ, которая могла бы быть поставлена рядомъ съ науками, изучающими природу. Первое условіе для этого заключалось въ полной эмансипаціи изученія общественныхъ явленій отъ какой бы то ни было метафизики. Въ настоящее время дѣйствительно общественныя науки все болѣе и болѣе освобождаются отъ старыхъ метафизическихъ традицій. Ни постановка вопросовъ, ни ихъ разрѣшеніе въ этой области знанія не должны зависѣть отъ тѣхъ или другихъ представленій, какія умъ человѣческій можетъ выработывать относительно сущности вещей. Въ этомъ смыслѣ соціологія можетъ и должна быть такою же наукою, какъ, напримѣръ, физика или химія, изучающія явленія, которыя происходятъ въ матеріи, независимо отъ того, какъ можно понимать метафизически сущность матеріи. Ненаучность прежняго отношенія къ общественнымъ явленіямъ заключалась въ томъ, что явленія эти понимались обыкновенно съ точки зрѣнія спиритуалистической метафизики. Соціологіи, какъ наукѣ, слѣдуетъ отказаться отъ всякой метафизики, и если нѣкоторые представители экономическаго матеріализма обосновываютъ свое научное пониманіе исторіи на метафизическомъ пониманіи міровой сущности, какъ матеріи, то, конечно, этого нельзя назвать научнымъ прогрессомъ.

Постепенное освобожденіе соціологіи отъ метафизики, однако,

не можетъ считаться равносильнымъ отказу отъ всякаго философствованія при изученіи общественныхъ явленій. Среди соціологовъ существуетъ не мало такихъ, которые относятся съ величайшимъ недовѣріемъ ко всякому умозрѣнію въ этой области, полагая, что вся задача соціологіи въ настоящее время заключается въ обработкѣ фактическаго матеріала разныхъ категорій посредствомъ сравнительно-исторической индукціи. Нѣкоторые изъ нихъ даже утверждаютъ, что лишь тогда можно будетъ создавать соціологическія теоріи, когда весь міръ общественныхъ явленій будетъ изученъ указаннымъ способомъ. Но они забываютъ, что во всѣхъ областяхъ знанія рядомъ съ изслѣдованіемъ фактовъ происходитъ построеніе теорій. Если бы всѣ разсуждали такъ, какъ эти соціологи, человѣчество никогда не вышло бы за предѣлы простого накопленія и детальной разработки фактическаго матеріала. Когда мы не въ состояніи имѣть вполнѣ точныхъ знаній, мы довольствуемся знаніями приблизительными, и странно было бы отказываться отъ такихъ знаній, чтобы накоплять и разработывать фактическій матеріалъ, на основаніи котораго только будущія поколѣнія начали бы строить научныя теоріи. И наша любознательность, и практическія требованія жизни одинаково требуютъ, чтобы у насъ были если не вполнѣ точныя, то хоть сколько-нибудь приближающіяся къ истинѣ теоретическія знанія въ области общественныхъ явленій. Сторонники исключительнаго господства сравнительно-историческихъ изслѣдованій въ соціологіи забываютъ еще, что общія теоріи, хотя бы и крайне несовершенныя, нужны и имъ самимъ въ качествѣ такъ называемыхъ рабочихъ гипотезъ, т.-е. извѣстнаго рода предположеній, которыя временно принимаются для того, чтобы имѣть какія-нибудь руководящія начала при изученіи фактическаго матеріала.

Реакція противъ метафизики въ соціологіи заходитъ иногда слишкомъ далеко и въ другомъ отношеніи. Ставя образцомъ для соціологіи естествознаніе, нѣкоторые современные писатели утверждаютъ, что въ наукѣ къ явленіямъ человѣческаго міра не должно существовать никакого иного отношенія, кромѣ того, какое господствуетъ въ естествознаніи къ изучаемымъ въ немъ явленіямъ природы. Требуютъ, чтобы изъ соціологіи были устранены всякія этическія идеи и соображенія, какъ совершенно ненаучныя. Въ этомъ полагаютъ научный объективизмъ, смѣшивая научное безпристрастіе съ нравственнымъ безразличіемъ и предполагая, будто всякая моральная оцѣнка непремѣнно диктуется какой-нибудь метафизикой. Въ данномъ случаѣ забывается одно: въ общественныхъ явленіяхъ, какъ они намъ даны въ самомъ опытѣ, заключаются такіе моменты, которыхъ лишены явленія природы, какъ опять-таки эти явленія намъ даны въ опытѣ. Если метафизики вкладывали въ общественныя явленія то, чего въ нихъ

вовсе не заключается, то, наоборотъ, люди, о которыхъ идетъ рѣчь, хотятъ видѣть въ этихъ явленіяхъ не все, что дѣйствительно въ нихъ заключается. Это уже прямой грѣхъ противъ требованій научнаго реализма. Соціологія можетъ оставаться вполнѣ на научной почвѣ, съ одной стороны, строя общія теоріи, съ другой—внося въ эти теоріи и этическую точку зрѣнія. По этому именно пути и совершается въ настоящее время развитіе соціологіи.

Мысль Конта о томъ, что соціологія должна быть наукою абстрактною, т.-е. изучающею общество, взятое отвлеченно, тоже все болѣе и болѣе осуществляется современнымъ развитіемъ нашей науки. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы въ будущемъ соціологія сошла съ этой дороги, такъ какъ въ данномъ случаѣ исторія соціологіи повторяетъ собою то, что происходило раньше съ другими науками.

И то мѣсто, которое соціологія занимаетъ среди другихъ наукъ, дѣлается все болѣе и болѣе опредѣленнымъ и точнымъ. Одна изъ заслугъ Конта заключалась въ томъ, что онъ связалъ обществовѣдѣніе съ естествознаніемъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ однимъ изъ родоначальниковъ того научнаго движенія, которое поставило своею цѣлью сблизить между собою двѣ великія области человѣческаго знанія. Правда, уже ранѣе признавалась важность изученія вліянія внѣшней природы на исторію, а потомъ стали говорить и о важности изученія расовыхъ особенностей человѣчества для объясненія исторіи, но впервые только Контъ въ своей классификаціи наукъ далъ философскую формулу тѣхъ отношеній, какія должны существовать между соціологіей, съ одной стороны, и естествознаніемъ, а въ особенности біологіей, съ другой. Зависимость соціальныхъ явленій отъ явленій біологическихъ сдѣлалась однимъ изъ основныхъ принциповъ новой науки. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ односторонностей и увлеченій, примѣромъ которыхъ могутъ служить органическая теорія общества и соціологическій дарвинизмъ. Однако, въ самой же соціологіи возникла и реакція противъ такого «натурализма» въ наукѣ объ обществѣ.

Уже первые критики классификаціи наукъ Конта указывали на то, что въ въ своемъ знаменитомъ ряду наукъ онъ долженъ былъ бы между біологіей и соціологіей помѣстить еще одну абстрактную науку—психологію. Въ настоящее время эта поправка къ классификаціи наукъ Конта пользуется, можно сказать, всеобщимъ признаніемъ. При этомъ въ психологіи все болѣе и болѣе развивается направленіе, которое дѣлаетъ своимъ предметомъ изученіе психическаго взаимодѣйствія, происходящаго между членами общества. Нужно ожидать, что психологія въ будущемъ станетъ оказывать соціологіи

все бо́льшія и бо́льшія услуги. По крайней мѣрѣ, именно въ этомъ направленіи совершается теперешнее развитіе соціологіи *).

Выяснилось точно также въ достаточной мѣрѣ и отношеніе соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ. Сначала было не совсѣмъ ясно, что должна была представлять собою соціологія рядомъ съ такими старыми науками, какъ исторія, государствовѣдѣніе, юриспруденція и политическая экономія. Теперь между большинствомъ соціологовъ относительно этого пункта не можетъ быть сколько-нибудь значительныхъ разногласій. Соціологія вовсе не призвана упразднить или замѣнить собою названныя науки. Она должна стать рядомъ съ ними, какъ совершенно отдѣльная и самостоятельная наука. Отъ общей исторіи она отличается, какъ абстрактная наука отъ науки конкретной, а отъ спеціальныхъ наукъ о государствѣ, правѣ и народномъ хозяйствѣ она отличается тѣмъ, что изучаетъ общество какъ-разъ не съ спеціально политической, юридической или экономической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія общаго «консенсуса» общественныхъ явленій. Мало того: соціологія уже успѣла оказать свое вліяніе на постановку и рѣшеніе разныхъ историческихъ, политическихъ, юридическихъ и экономическихъ вопросовъ. Можно надѣяться, что это вліяніе со временемъ будетъ только возрастать, и что на общей соціологической почвѣ все болѣе и болѣе будутъ сближаться между собою отдѣльныя общественныя науки. Съ другой стороны, то недовѣріе, съ какимъ Контъ относился къ политической экономіи и особенно къ юриспруденціи, уже исчезаетъ среди теперешнихъ соціологовъ. Весьма естественно, что общая наука объ обществѣ должна пользоваться результатами частныхъ наукъ: въ будущемъ слѣдуетъ ожидать все бо́льшаго и бо́льшаго сближенія между соціологіей и другими общественными науками и въ этомъ отношеніи. Ручательствомъ служитъ положеніе дѣла уже и въ настоящую минуту.

---

*) Это съ особенною яркостью обнаружилось на парижскомъ соціологическомъ конгрессѣ 1903 г.

Статистика и статистическій методъ, ихъ жизненное значеніе и научныя задачи *).

Доцента А. А. ЧУПРОВА.

XIX вѣкъ называютъ вѣкомъ пара, вѣкомъ электричества или, общѣе, вѣкомъ техники. Что этимъ, собственно, хотятъ сказать? Развѣ дикарь, треніемъ палочки о палочку добывающій огонь, не обладаетъ своего рода техникой, позволяющей ему пользоваться силами природы въ своихъ интересахъ? Не трудно выдѣлить то коренное отличіе нашей культуры отъ первобытной, которое даетъ право именно наше время называть вѣкомъ техники. Попытки дикаря подчинить себѣ природу разрозненны и при всей значительности результатовъ случайны; мы же систематически изучаемъ силы природы въ тѣхъ видахъ, чтобы заставить ихъ работать на насъ. Подъ техникой, когда рѣчь идетъ о вѣкѣ техники, мы и разумѣемъ планомѣрную эксплуатацію силъ природы въ интересахъ человѣка, опирающуюся на систематическое научное размышленіе.

Вѣкомъ техники въ этомъ смыслѣ будетъ несомнѣнно и начинающійся двадцатый вѣкъ и притомъ даже въ большей мѣрѣ, нежели лежащее позади насъ девятнадцатое столѣтіе. Есть еще много силъ природы, техническое использованіе которыхъ можетъ быть двинуто впередъ; и электричество, и даже паръ способны оказать человѣчеству не мало новыхъ услугъ, сила паденія воды почти еще не утилизируется, а та первѣйшая и важнѣйшая форма эксплуатаціи природы, которую мы называемъ земледѣліемъ, едва начинаетъ оставлять грубо эмпирическій характеръ, чтобы стать, въ союзѣ съ наукой, техникой, въ нашемъ смыслѣ слова.

---

*) Изъ Введенія въ курсъ статистики, читанный въ с.-петербургскомъ Политехническомъ Институтѣ въ 1902—1903 г. Начало нѣсколько развито, вторая половина сокращена, но общій характеръ изложенія оставленъ безъ измѣненія.

Но что наложитъ своеобразную печать на нашъ двадцатый вѣкъ, это не дальнѣйшее развитіе техники естественно-научной, а созданіе техники особаго рода, техники соціальной. Кромѣ такъ называемыхъ силъ природы человѣку во всей своей жизни и дѣятельности постоянно приходится сталкиваться и съ силами иными, съ силами общественными. Вы основываете фабрику: для успѣха вашихъ начинаній мало построить зданіе и пріобрѣсть машины и матеріалы; надо привлечь рабочихъ и сумѣть такъ организовать ихъ, чтобы работа шла съ достаточной производительностью. Но мало и этого: какъ совершенно ни организуйте вы техническую сторону дѣла, сколь хорошо и экономично ни выдѣлывайте производимый вами товаръ, предпріятіе прогоритъ, если ваши продукты не будутъ имѣть достаточнаго сбыта на рынкѣ. Чѣмъ же опредѣлится сбытъ? Спросомъ населенія, т.-е. всей той безконечно сложной массой факторовъ, которая вліяетъ на потребности отдѣльныхъ людей и всего общества, направляя желанія на опредѣленные виды благъ и обусловливая размѣры пожертвованій, на какія люди готовы идти для пріобрѣтенія предметовъ своихъ вожделѣній. Вы производите ситецъ, а на вашемъ доходѣ отражается и урожай ржи въ Средней Россіи, и цѣна пшеницы на міровомъ рынкѣ, и высота заработной платы въ степныхъ губерніяхъ, и финансовая, а еще болѣе таможенная политика государства. Возьмемъ другой примѣръ. Вы желаете распространять просвѣщеніе и думаете приняться за изданіе книгъ для народа. Вамъ удается привлечь лицъ, сочувствующихъ вашимъ стремленіямъ; у васъ есть средства; вы печатаете въ большомъ числѣ экземпляровъ истинно художественныя произведенія. Но, несмотря на низкую цѣну, изданія ваши не идутъ въ народъ, и мужикъ продолжаетъ услаждаться произведеніями лубочной литературы, потому что вы не находите средствъ заинтересовать въ вашемъ дѣлѣ торговцевъ, стоящихъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ покупателями, а съ другой стороны не умѣете безъ ихъ посредства подойти къ читателю, разбудить въ немъ потребность въ вашей книгѣ и заставить самого идти искать ее. Словомъ, если вы не живете Робинзономъ на уединенномъ островѣ, вы на каждомъ шагу наталкиваетесь на внѣшнія для васъ силы, коренящіяся въ чувствахъ, мысляхъ и желаніяхъ другихъ людей, и задача воздѣйствовать на эти силы, заставить ихъ работать въ желательномъ направленіи является не менѣе насущной для человѣка, нежели обузданіе и подчиненіе своей волѣ неодушевленныхъ силъ природы.

И къ этой цѣли человѣка могутъ вести два различныхъ пути: съ одной стороны, рудиментарная, полу-инстинктивная техника дикаря, пытающагося подъ вліяніемъ неотступной надобности какъ-ни-

будь управиться съ насущными задачами минуты и лишь благодаря счастливой случайности нападающаго на правильный пріемъ; съ другой, планомѣрное проведеніе своихъ цѣлей, опирающееся на широкое и систематическое изученіе природы и образа дѣйствія общественныхъ силъ. Въ сферѣ тѣхъ проблемъ, которыя возникаютъ ежедневно на почвѣ взаимныхъ сношеній и столкновенія разнообразныхъ интересовъ, люди обходятся и всегда будутъ обходиться тѣмъ запасомъ знаній, который называютъ жизненнымъ опытомъ, тѣмъ запасомъ навыковъ, который именуется тактомъ. Но расширьте немного предѣлы вашей задачи, выйдите за тѣсную черту небольшого кружка лицъ, съ которыми вы постоянно приходите въ непосредственное личное соприкосновеніе, и весь вашъ жизненный опытъ и весь вашъ тактъ окажутся уже не въ силахъ помочь осуществленію вашихъ цѣлей, если къ вашимъ услугамъ не стоитъ того, что, по аналогіи съ задачей воздѣйствія на силы природы, можно назвать соціальной техникой, т.-е. системы пріемовъ планомѣрнаго использованія общественныхъ силъ, опирающейся на систематическое научное размышленіе. Чтобы въ этомъ убѣдиться, разсмотримъ пару примѣровъ.

Испоконъ вѣковъ земледѣліе составляетъ главное занятіе человѣчества. Сотни милліоновъ людей отдаютъ ему свой трудъ, повторяя изъ года въ годъ тѣ дѣйствія, которыя мы называемъ земледѣльческими работами. Несмотря на это, прогрессъ земледѣльческой техники до послѣдняго времени былъ очень медленнымъ. Самая богатая земля, если не принимать никакихъ мѣръ, мало-по-малу истощается и перестаетъ родить; какъ горю помочь, основной вопросъ земледѣльческой техники. На первыхъ ступеняхъ развитія люди просто бросаютъ воздѣлывать участокъ, какъ только онъ перестаетъ давать хорошіе урожаи, и не возвращаются къ нему, пока онъ не отдохнетъ, т.-е. пока плодородіе не возстановится, благодаря естественнымъ процессамъ, происходящимъ въ почвѣ. Шагъ впередъ по сравненію съ этимъ пассивнымъ отношеніемъ представляетъ такъ называемая паровая обработка; подмѣтивъ, что плодородіе возстановляется скорѣе, если не давать землѣ покрываться дерномъ, а время-отъ-времени перерывать ее, земледѣлецъ, вмѣсто того, чтобы забрасывать истощившійся участокъ, начинаетъ такъ или иначе механически разрыхлять его, напримѣръ, подвергая многократной вспашкѣ. Другую исходную точку для усовершенствованія техники даетъ наблюденіе, что плодородіе можно возстановлять, внося въ почву постороннія вещества, удобряя ее. Наконецъ, есть и еще одинъ способъ бороться съ истощеніемъ земли: различныя растенія берутъ изъ земли не одни и тѣ же элементы, а нѣкоторыя даже обогащаютъ участокъ, на которомъ

произрастаютъ, веществами, нужными для другихъ; путемъ раціональной смѣны культуръ мы можемъ въ силу этого повышать урожаи.

Всѣ эти пути улучшенія земледѣлія могутъ быть довольно легко открыты благодаря счастливой случайности. И, дѣйствительно, мы видимъ, что задолго до того времени, когда начинается систематическая научная разработка вопросовъ земледѣльческой техники, или во всякомъ случаѣ вполнѣ независимо отъ нея, земледѣльцы начинаютъ и удобрять поля, и совершенствовать механическую обработку почвы, и считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что на урожай оказываетъ вліяніе послѣдовательность воздѣлываемыхъ растеній. Но все идетъ случайно и крайне неровно. Въ одномъ мѣстѣ нападутъ на одинъ пріемъ, но на этомъ и остановятся; въ другомъ посчастливится сдѣлать шагъ дальше, но въ первомъ объ этомъ не знаютъ. Одно улучшеніе не влечетъ за собой дальнѣйшихъ. Въ Америкѣ еще до Колумба туземцы закапывали рядомъ съ зернами рыбьи головы и хвосты, а между тѣмъ изготовленіе гуано изъ остатковъ рыбопромышленности пошло въ ходъ только въ XIX вѣкѣ. И получается въ результатѣ, что въ Европѣ, несмотря на отдѣльныя счастливыя исключенія, общій уровень земледѣлія остается почти неподвижнымъ на протяженіи чуть не тысячелѣтія. Но вотъ съ половины XVIII вѣка наступаетъ для земледѣльческой техники новая эра. Подъ вліяніемъ развитія точныхъ наукъ начинается систематическая разработка и сводка открытій и наблюденій, болѣе или менѣе случайно сдѣланныхъ отдѣльными лицами; принимаются и за непосредственныя научныя изслѣдованія въ этой области. Возникаютъ новыя системы земледѣлія, технически по сравненію съ прежними весьма совершенныя. И новые пріемы не держатся ихъ творцами подъ спудомъ; напротивъ, всѣ стремятся распространять ихъ. Учреждаются земледѣльческія общества, основываются спеціальныя изданія. Просвѣщенное правительство рѣшительно становится на сторону прогресса. Казалось бы, теперь пойдетъ движеніе, и въ два, три года перемѣнятся всѣ пріемы обработки земли. Не тутъ-то было! Неблагодарное населеніе отвѣчаетъ на заботы благопопечительнаго начальства картофельными бунтами, а традиціонное трехполье даже сейчасъ, по прошествіи болѣе нежели столѣтія продолжаетъ держаться во многихъ углахъ той же Германіи. Въ чемъ же дѣло? Разочарованные просвѣтители, сваливая съ больной головы на здоровую, обвиняютъ, гдѣ мелкое землевладѣніе, не допускающее якобы земледѣльческаго прогресса, гдѣ общинные распорядки, обрекающіе населеніе на вѣчный застой. А между тѣмъ въ дѣйствительности виновато неумѣнье подступиться къ задачѣ, отсутствіе выработанной соціальной техники. Техника земледѣльческая быстро совершенствуется въ теоріи, но эти

совершенныя теоріи оказываются безсильными перейти въ жизнь; для практическаго осуществленія ихъ необходимо столь же послѣдовательно и детально продумать вопросы техники соціальной, какъ уже продуманы вопросы техники земледѣльческой.

Мы хотимъ, чтобы мужикъ принялъ усовершенствованные пріемы земледѣльческой культуры. Для этого, конечно, надо прежде всего, чтобы онъ познакомился съ этими пріемами. Устроимъ, слѣдовательно, земледѣльческія школы или—путь болѣе скорый—пригласимъ профессоровъ земледѣлія, которые будутъ объѣзжать деревни, читать лекціи, организовать демонстративныя поля и помогать каждому желающему своими совѣтами и указаніями. Но достаточно ли этого? Вы говорите мужику: ты долженъ класть на свое поле минеральныя удобренія. Мужикъ соглашается, даже проникается этой идеей. Но гдѣ достать удобренія? Обращаться въ большіе города, въ магазины, на фабрики? Не многіе пойдутъ на такія хлопоты, тѣмъ болѣе, что мало кто въ состояніи самъ оцѣнить качество пріобрѣтаемаго товара, и очень великъ рискъ переплатить ни вѣсть что за никуда негодную заваль. Надо, слѣдовательно, не только внѣдрить знанія въ мужицкую среду, но и сдѣлать доступнымъ мужику все, что необходимо для осуществленія реформы. Для этого основываются сельскохозяйственные синдикаты или земскіе склады, продающіе—чтобы остаться при томъ же примѣрѣ—по сходнымъ цѣнамъ минеральные туки гарантированнаго качества и доступные всякому благодаря близости. Но, чтобы купить эти туки, нужны средства, и значительныя. Затрата, правда, окупаетъ себя въ самое короткое время, но все же ее надо сдѣлать, а у мужика не часто бываетъ наличныя деньги въ нужномъ количествѣ. Необходимо организовать для него кредитъ. Новая трудность! Нерѣдко мужику—если онъ, напримѣръ, обрабатываетъ не свою собственную, а арендуемую или общинную землю—нечѣмъ обезпечить заемъ. А какъ повѣрить ему безъ обезпеченія? Пусть даже внесеніе минеральныхъ туковъ въ состояніи такъ повысить производительность почвы, что долгъ можетъ быть съ избыткомъ покрытъ изъ перваго же урожая, но какъ гарантировать, что занимаемая сумма, дѣйствительно, пойдетъ на достаточно производительныя затраты? Это достигается тѣмъ, что тотъ же профессоръ земледѣлія, который подалъ первую идею преобразованія хозяйства, указываетъ и точный планъ реформы, а кредитное учрежденіе отпускаетъ требующуюся по этому плану сумму не наличными деньгами, а черезъ посредство сельскохозяйственнаго синдиката, отъ котораго уже мужикъ и получаетъ въ предѣлахъ открытаго ему кредита все, что нужно. Такимъ образомъ, несложная на видъ задача распространенія минеральныхъ удобреній представляется съ точки зрѣнія со-

ціальной техники далеко не простой. Она требуетъ созданія трехчленной организаціи: профессоръ, распространяющій знанія; синдикатъ, продающій туки; кредитное товарищество, отпускающее по ассигновкѣ профессора средства на ихъ покупку. Гдѣ нѣтъ хоть одного изъ этихъ элементовъ, движеніе не можетъ идти быстро и гладко. Но создаются всѣ три, и въ какія-нибудь десять лѣтъ занимающая во всемъ итальянскомъ королевствѣ по урожайности одно изъ послѣднихъ мѣстъ провинція Парма, притомъ край мелкаго землевладѣнія, переходитъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ странѣ по производительности земледѣльческаго промысла.

И общинное землевладѣніе вовсе не является непреодолимымъ препятствіемъ на пути сельскохозяйственнаго прогресса; надо только умѣть подступиться. Я не буду подробно останавливаться на этомъ вопросѣ; приведу лишь одно—статистическое—доказательство. Въ Московской губерніи съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ шла рѣчь о томъ, что крестьянамъ необходимо перейти отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ кормовыхъ травъ. Толковали объ этомъ много; были ассигнованы и средства; но ничего не выходило. Наконецъ, земство напало на мысль создать спеціальную организацію земскихъ агрономовъ для помощи населенію въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства. Удалось привлечь дѣятельныхъ и хорошо подготовленныхъ людей, и тотчасъ же началось замѣтное движеніе въ крестьянской средѣ. Въ 1892 году въ Волоколамскомъ уѣздѣ заводятъ правильное травопольное хозяйство двѣ деревни; въ 1893 году за ними слѣдуютъ семь деревень; затѣмъ движеніе ускоряется, присоединяются и другіе уѣзды, и черезъ какихъ-нибудь шесть лѣтъ въ передовомъ Волоколамскомъ уѣздѣ новая система хозяйства господствуетъ уже почти на половинѣ крестьянскихъ земель.

Этотъ примѣръ съ большой ясностью показываетъ недостаточность одной естественно-научной техники для достиженія даже чисто техническихъ цѣлей. Чтобы окончательно убѣдиться въ безсиліи одной доброй воли осуществить самыя благія намѣренія, если ей не приходятъ на помощь знаніе и умѣніе, выливающіяся въ законченныя формы техники, въ нашемъ условномъ смыслѣ слова, разсмотримъ теперь примѣръ изъ области соціальныхъ реформъ, именно изъ исторіи паденія крѣпостнаго права въ Пруссіи.

Исторія крестьянства въ Пруссіи немногимъ веселѣе, чѣмъ у насъ. Правда, тамъ за очень рѣдкими исключеніями не доходило до обращенія мужика въ рабское состояніе: его не продавали, какъ рабочій скотъ, онъ не былъ лишенъ права пріобрѣтать собственность на свое имя. Но крѣпостное право въ буквальномъ смыслѣ слова процвѣтало и тамъ: мужикъ былъ крѣпокъ землѣ. Онъ не могъ оста-

вить участка, на которомъ сидѣлъ, не представивъ замѣстителя, который согласился бы принять на себя всѣ его обязанности передъ бариномъ; да и то еще помѣщикъ могъ отказаться или потребовать приплаты. Сверхъ работы на своемъ надѣлѣ мужикъ былъ обязанъ ходить на барщину, и въ страдную пору, случалось, барщина брала у него столько времени, что для работы на своей землѣ оставались только ночи, хорошо еще, коли лунныя. Жизнью своихъ дѣтей онъ не могъ распорядиться по своему усмотрѣнію: не говоря уже о томъ, что не разрѣшалось отправить сына въ городъ учиться ремеслу, баринъ имѣлъ право, коли только заблагоразсудится, взять мальчика или дѣвочку во дворъ и заставить служить себѣ, почти безъ платы, за кормъ и одежду. При этомъ права мужика на землю были въ большинствѣ случаевъ самыя шаткія; передать свой участокъ онъ могъ только съ разрѣшенія господина, взыскивавшаго въ такихъ случаяхъ изрядную пошлину. Послѣ смерти участокъ, какъ правило, переходилъ къ одному изъ сыновей по выбору помѣщика, но право распорядиться имъ, умирая, завѣщать его своей семьѣ съ увѣренностью, что вдову и дѣтей не сгонятъ съ него, мужикъ имѣлъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Баринъ же часто могъ согнать мужика съ надѣла и взять его землю себѣ или посадить на нее другого. Даже изъ движимаго имущества при смерти мужика господинъ взыскивалъ въ свою пользу значительную долю. Словомъ: и личное, и имущественное положеніе мужика было не изъ легкихъ; не было прочной собственности, и была довольно далеко идущая личная зависимость. Такъ дѣла обстояли въ прусскомъ королевствѣ въ XVIII вѣкѣ. И уже въ XVIII вѣкѣ поднимается здѣсь вопросъ о реформахъ, начинаются первыя попытки государственной власти помочь мужику. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка, при королѣ Фридрихѣ Первомъ, заходитъ рѣчь о томъ, что надо улучшить положеніе крестьянъ въ пограничныхъ съ Польшей областяхъ, а то они очень бѣгутъ за границу. Но все пока остается на словахъ. Съ бо́льшей энергіей принимается за дѣло преемникъ Фридриха I, Фридрихъ-Вильгельмъ I. Объѣзжая свои восточныя провинціи, онъ во-очію увидѣлъ жалкое положеніе крестьянъ и проникся мыслью, что экономическое благосостояніе края можетъ быть поднято лишь черезъ дарованіе мужику болѣе прочныхъ правъ на землю. Рѣшивъ начать реформу съ своихъ государственныхъ крестьянъ, въ іюнѣ 1718 года онъ издаетъ приказъ: «Повелѣваемъ уничтожить крѣпостную зависимость крестьянъ и сдѣлать ихъ свободными крестьянами». Но, несмотря на то, что на поляхъ поданнаго ему въ отвѣтъ на это доклада король, раздраженный возраженіями министровъ, помѣчаетъ: «Я самъ знаю все, я толковалъ съ мужиками», онъ, видимо, плохо представляетъ себѣ, въ чемъ собственно

должна состоять реформа; высшіе же чиновники, черезъ посредство которыхъ реформа должна осуществляться, не сочувствуютъ ей, и вотъ годъ-за-годъ король гнѣвно повторяетъ: «Отмѣнить крѣпостное право, не резонируя», а въ дѣйствительности все остается по старому. Проходитъ почти полстолѣтія, и въ 1763 году принимается за дѣло Фридрихъ Великій. «Чтобы съ сего часа абсолютно и безъ малѣйшихъ разсужденій была отмѣнена всякая крѣпостная зависимость въ селахъ королевскихъ, дворянскихъ и городскихъ, а всѣ, кто будетъ оказывать противодѣйствіе, коли можно добромъ, а нѣтъ, такъ силой, приведены были къ тому, чтобы таковая идея Его Королевскаго Величества была осуществлена на пользу всей провинціи» (провинціи Помераніи, къ которой приказъ непосредственно относится),—такъ повелѣваетъ Фридрихъ и получаетъ въ отвѣтъ изъ одной части провинціи, что здѣсь собственно крѣпостной зависимости (Leibeigenschaft) нѣтъ, а есть только Gutspflichtigkeit, а изъ другой, что, хотя по праву мужики и представляются настоящими крѣпостными дворянъ, но дворяне изъ любви къ монарху готовы отказаться отъ своихъ правъ, если только не будетъ отмѣнено наслѣдственное подданство (Erbunterthänigkeit). Этимъ все и кончается, хотя и Gutspflichtigkeit, и Erbunterthänigkeit на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ Leibeigenschaft короля; отрицая же существованіе Leibeigenschaft или отказываясь отъ нея, дворяне разумѣютъ формальное рабство, о которомъ король и не думалъ. Лишь съ 1777 года начинается настоящая освободительная работа, сперва въ скромныхъ размѣрахъ, исключительно на королевскихъ доменахъ, и только въ началѣ XIX вѣка распространяется она и на частновладѣльческихъ крестьянъ.

Вы видите, что даже такіе люди, какъ Фридрихъ Великій, съ его жизненнымъ опытомъ, съ его умѣньемъ повелѣвать, не въ силахъ проводить свои добрыя намѣренія въ жизнь, если нѣтъ достаточнаго знанія дѣйствительныхъ отношеній, и не удается привлечь достаточно силъ къ работѣ надъ задуманнымъ дѣломъ.

Но довольно отдѣльныхъ примѣровъ! Гораздо важнѣе, что весь ходъ культурнаго развитія Европы свидѣтельствуетъ о неуклонно растущей потребности сознательнаго воздѣйствія на работу общественныхъ силъ и о полной невозможности подступиться къ этой задачѣ съ сколько-нибудь вѣрнымъ расчетомъ на успѣхъ при отсутствіи выработанной, опирающейся на систематическое научное размышленіе соціальной техники. Въ средне-вѣковомъ городѣ всѣ отношенія, вся жизнь отдѣльныхъ лицъ подвергались строгой регламентаціи со стороны разнаго рода общественныхъ союзовъ. Городскія власти опредѣляли, сколько въ городѣ можетъ существовать безбѣдно портныхъ и сапожниковъ, и не разрѣшали водворяться бо́льшему числу ихъ, въ

случаѣ же недостатка заботились о томъ, чтобы привлечь ремесленника со стороны. Для соблюденія равновѣсія устанавливалось, сколько учениковъ, сколько подмастерьевъ можетъ держать каждый мастеръ. Опредѣлялись и техническія условія производства: ткани не должны были, напримѣръ, уклоняться отъ установленныхъ образцовъ. Назначались даже цѣны, и за всѣмъ велся строгій контроль, облегчавшійся тѣмъ, что продажа производилась въ опредѣленныхъ мѣстахъ, а люди, занимавшіеся однимъ ремесломъ, жили по большей части въ одной улицѣ—вы и сейчасъ въ любомъ старомъ нѣмецкомъ городкѣ встрѣтите въ силу этого и Schlossergasse, и Metzgerplatz, и Fischerstrasse *). Городскія постановленія распространялись притомъ не только на горожанъ; вся тяготѣвшая къ городу округа затрогивалась ими; крестьяне окружныхъ селъ должны были продавать свои продукты на городскомъ рынкѣ подъ присмотромъ городскихъ чиновниковъ, въ городѣ же должны были они запасаться и издѣліями ремесленниковъ. Казалось бы, на первый взглядъ, что задача управленія при такихъ запросахъ представляетъ непреоборимыя трудности. Но при малыхъ и не быстро мѣняющихся размѣрахъ городовъ того времени—городъ въ 10000—20000 жителей считался уже крупнымъ,—при мало развитыхъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, при медленномъ темпѣ жизни вообще, всѣ подлежавшія регулировкѣ отношенія были, въ сущности, настолько легко обозримы, что можно даже было обходиться личнымъ жизненнымъ опытомъ и тактомъ, постоянно опираясь, конечно, на традиціи. Правда, время-отъ-времени производились и здѣсь переписи гражданъ, описи строеній и иныя статистическія изысканія, но все это совершалось не систематически, а при случаѣ, когда понадобится. Но представьте себѣ, что подобной регламентаціи долженъ подвергнуться современный большой городъ. Попробуйте рѣшить, сколько нужно сапожниковъ Петербургу, сколько нужно портныхъ Москвѣ. Установите, при нашихъ быстро мѣняющихся вкусахъ и модахъ, опредѣленные фасоны для обуви; укажите, какой матеріалъ долженъ идти на тотъ или другой фасонъ; назначьте цѣны, да притомъ такъ, чтобы угодить и потребителю, и производителю. Вы чувствуете, что въ наше время сложныхъ, охватывающихъ весь міръ хозяйственныхъ отношеній при общемъ лихорадочномъ темпѣ существованія нѣтъ возможности рѣшать подобные вопросы, опираясь на индивидуальный житейскій опытъ, на собранныя вами самими болѣе или менѣе случайно наблюденія. Ужъ лучше вовсе отказаться отъ вмѣшательства, нежели предписывать, не зная, къ чему это поведетъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что, когда жизнь начала усложняться, и города стали втягиваться въ болѣе тѣсныя сношенія съ отдаленными краями, когда начало скла-

*) Слесарный переулокъ, Мясницковская площадь, Рыбачья улица.

дываться то, что экономисты называютъ народнымъ хозяйствомъ, т.-е. стала развиваться на почвѣ раздѣленія труда тѣсная связь между хозяйствами не отдѣльнаго уже города, а всей страны, то подобная регламентировка въ предѣлахъ городскихъ округовъ оказалась не отвѣчающей болѣе цѣли, а попытка примѣнить тѣ же пріемы къ цѣлой странѣ скоро также обнаружила свою несостоятельность. Наивное вмѣшательство безпомощной въ своей технической неподготовленности государственной власти далеко не всегда достигало даже непосредственно поставляемыхъ цѣлей и неизмѣнно вело къ побочнымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ, прежде всего къ страшнымъ стѣсненіямъ. И вотъ начинается реакція; отвѣтъ лионскихъ фабрикантовъ извѣстному французскому государственному дѣятелю, представителю такъ называемой меркантилистической политики, Кольберу, навязывавшему имъ правила изготовленія шелковыхъ тканей, «Laissez nous faire»,— «предоставьте ужъ намъ работать такъ, какъ мы сами считаемъ лучшимъ»,—становится общимъ лозунгомъ. Постепенно начинаетъ распространяться убѣжденіе, что всякое вмѣшательство въ ходъ экономической жизни, всякая попытка сознательно руководить имъ ведетъ лишь къ худу, что благополучіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общественнаго союза обезпечивается наилучшимъ образомъ, если предоставить каждому думать самому о себѣ, о своей выгодѣ, не заботясь о другихъ, но и не подвергаясь со стороны ихъ никакимъ стѣсненіямъ. Выработывается доктрина государственнаго невмѣшательства, и принципы ея далеко не остаются безсильными абстракціями; напротивъ того, они быстро проникаютъ въ жизнь; отъ ученыхъ ихъ перенимаютъ государственные дѣятели; вѣрой въ спасительность свободной конкуренціи проникаются всѣ. Одинъ за другимъ, гдѣ быстрѣе, гдѣ медленнѣе, мѣстами не безъ насильственныхъ толчковъ начинаютъ падать устои стараго порядка; отмѣняются ограниченія свободы передвиженія; объявляется свобода труда, въ смыслѣ свободы выбора профессіи; государство шагъ за шагомъ отказывается отъ активнаго вмѣшательства въ ходъ экономической борьбы и къ серединѣ XIX вѣка начинаетъ казаться, что не далеко то время, когда вся дѣятельность государства сведется къ роли блюстителя порядка въ самомъ узкомъ смыслѣ слова и за нимъ не останется иныхъ функцій въ общественной жизни кромѣ обязанности по первому зову обезпокоеннаго въ своемъ владѣніи собственника хватать правонарушителя за шиворотъ.

Но прежде, чѣмъ такое состояніе ничѣмъ нестѣсняемой борьбы всѣхъ противъ всѣхъ успѣло развернуться во всей своей принципіально мыслимой полнотѣ, проснулась съ новой силой потребность въ планомѣрномъ руководствѣ стихійными процессами народной жизни

со стороны центровъ общественной воли, обладающихъ достаточной мощью, чтобы не отступать при осуществленіи своихъ рѣшеній передъ сопротивленіемъ затрогиваемыхъ ими интересовъ. Мы, правда, видимъ, что Петербургъ не остается безъ хлѣба, хотя никто не обязанъ везти свой урожай на петербургскій рынокъ. Мы не боимся остаться безъ сапогъ, если городская дума не позаботится о томъ, чтобы въ Петербургѣ было достаточно сапожниковъ. Мы даже, вообще говоря, не переплачиваемъ за сапоги болѣе того, что они стоятъ, несмотря на отсутствіе установленныхъ общественной властью таксъ. Соперничество отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои собственные интересы, обезпечиваетъ, болѣе или менѣе, удовлетвореніе нашихъ потребностей. Но сколько при этомъ безплодно расточается силы, сколько въ результатѣ получается безцѣльнаго страданія? Даже тотъ, кто выходитъ изъ боя побѣдителемъ, далеко не всегда торжествуетъ. А каково приходится тому, кто оказывается въ борьбѣ слабѣйшимъ? Каково приходится тому лишнему сапожнику, который приходитъ въ городъ, не зная, что здѣсь и безъ него предложеніе превышаетъ спросъ, и сидитъ безъ заказовъ? Каково приходится сельскохозяйственному рабочему, который за отсутствіемъ заработковъ на родинѣ тащится изъ какой-нибудь Курской губерніи въ Новороссію и, по незнанію положенія дѣлъ на рынкѣ труда, попадаетъ въ такой уголъ, гдѣ и безъ того не хватаетъ на всѣхъ работы, въ то время какъ по сосѣдству, быть-можетъ, хлѣбъ остается неубраннымъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ? Не распространяясь о неудобствахъ режима свободной конкуренціи, я приведу только еще одинъ примѣръ, на которомъ съ особенной ясностью видно, какъ тяжело отзывается подчасъ этотъ порядокъ даже на тѣхъ сферахъ, для которыхъ онъ, казалось бы, представляетъ наибольшія выгоды. Въ Америкѣ свобода конкуренціи распространяется и на желѣзнодорожное строительство. Въ исторіи ея желѣзнодорожнаго хозяйства не рѣдки случаи возникновенія параллельныхъ линій, вступавшихъ другъ съ другомъ въ самую ожесточенную борьбу. О новомъ столкновеніи такого рода было прошлымъ лѣтомъ извѣстіе въ газетахъ. Сообщеніе между юго-западомъ и сѣверо-востокомъ Соединенныхъ Штатовъ находится въ рукахъ нѣсколькихъ компаній; недавно добрыя отношенія между конкурентами нарушились, и началась тарифная война. Въ обычное время за проѣздъ изъ Техаса въ Чикаго надо заплатить около 18 долларовъ. Цѣна билетовъ начала постепенно понижаться до восьми, до шести, до четырехъ долларовъ; послѣ этого одна изъ линій сразу спускаетъ цѣну до 30 центовъ; другая отвѣчаетъ предложеніемъ дарового проѣзда и обѣщаетъ еще въ придачу коробку сигаръ на дорогу. Народъ, конечно, повалилъ на эту линію, но похоже отъ такого успѣха компаніи при-

шлось не легко: цѣна билета, несмотря на то, что соглашенія не было достигнуто, очень быстро поднялась снова до пяти долларовъ. Подумайте, какія жертвы въ подобныхъ случаяхъ несутъ оба предпріятія, и взвѣсьте также, насколько было бы для общества выгоднѣе, если бы капиталы и силы не расходовались на предметы, въ которыхъ никто не нуждается, а находили болѣе цѣлесообразное примѣненіе.

При этомъ еще, говоря о системѣ государственнаго невмѣшательства, мы имѣли въ виду исключительно сферу чисто хозяйственныхъ отношеній и интересовъ. А развѣ не бываетъ случаевъ, когда высшія соображенія внѣ-экономическаго порядка властно требуютъ государственнаго вмѣшательства—о чемъ, къ слову сказать, не забывалъ даже Адамъ Смитъ, стоявшій, напр., за обязательное вообще обученіе.

Въ силу отмѣченныхъ выше обстоятельствъ, по мѣрѣ того какъ режимъ свободной конкуренціи развертывался во всей своей прелести, мало-по-малу поднимала голову и оппозиція; съ разныхъ сторонъ, въ разнообразныхъ формахъ и по разнообразнѣйшимъ поводамъ, сначала робко, затѣмъ все громче и громче начали раздаваться голоса, требовавшіе болѣе сознательнаго и активнаго отношенія со стороны государства къ условіямъ существованія и дѣятельности гражданъ, гдѣ во имя религіи и морали въ интересахъ всего общества и въ особенности его слабѣйшихъ членовъ, гдѣ во имя эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ. А, съ другой стороны, заинтересованныя лица начинаютъ и сами стараться устранить невыгодныя для нихъ послѣдствія режима путемъ самопомощи, дѣлая установившіеся порядки черезъ то подчасъ еще болѣе отяготительными для другихъ. Представители государственной власти, уступая требованіямъ жизни, скоро вспоминаютъ добрыя традиціи стараго времени и рѣзче, чѣмъ даже въ блаженныя времена меркантилистическихъ увлеченій крѣпнущаго абсолютизма начинаютъ вторгаться въ свободу дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Вслѣдъ за государствомъ поднимаютъ голову и мелкіе общественные союзы, и вотъ къ концу XIX вѣка вся жизнь и дѣятельность европейца снова оказываются опутанными сложной сѣтью законовъ и обязательныхъ постановленій, связывающихъ каждый его шагъ. Вы владѣлецъ фабрики; но вы не можете строить фабрики по своему произволу; должны быть соблюдены извѣстныя требованія гигіены, должны быть приняты мѣры предосторожности противъ несчастныхъ случаевъ; вы не можете нанять рабочаго иначе, какъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ законовъ установленныхъ формъ; вы обязаны платить ему жалованье не иначе, какъ наличными деньгами въ опредѣленные сроки; вы не всегда можете, даже вступая съ нимъ въ соглашеніе, заставить его работать сверхъ положеннаго числа часовъ; если это малолѣтній, вы не имѣете права не только настоять, но

даже допустить, чтобы онъ работалъ ночью. У васъ въ городѣ мелочная лавочка; ваши приказчики, члены вашей семьи, даже вы сами не можете торговать въ ней позднѣе извѣстнаго часа; по праздникамъ, хотите вы того или нѣтъ, вы должны закрывать ее и среди дня. Вы пригоняете партію быковъ въ городъ; прежде, нежели приступить къ продажѣ, вы должны показать ветеринарному врачу и, если они будутъ признаны неблагонадежными въ санитарномъ отношеніи, вамъ уже не разрѣшастся торговать ими, хотя бы и находились охотники купить и такой товаръ. Въ своемъ собственномъ имѣніи вы не смѣете безъ разрѣшенія государства срубить дерева; въ своихъ лѣсахъ и поляхъ вы только въ извѣстное время года можете стрѣлять птицу и звѣря, въ принадлежащихъ вамъ водахъ ловить рыбу. Но къ чему умножать примѣры? Всякій по собственному опыту знаетъ, какъ далеко идетъ въ современномъ государствѣ опека надъ личностью и дѣйствіями отдѣльнаго человѣка. И, что для насъ всего существеннѣе, предѣлы государственнаго вмѣшательства не только не обнаруживаютъ въ наше время тенденціи сужаться, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ замѣтно расширяются: съ каждымъ годомъ движеніе, получившее въ наукѣ довольно нескладную кличку государственнаго и городского соціализма, беретъ все больше верхъ. И, несмотря на страшную стѣснительность подобныхъ мѣропріятій для личной свободы, несмотря на значительныя матеріальныя пожертвованія, возлагаемыя ими на тѣ или иныя общественныя группы, принципіальной оппозиціи противъ политики государственнаго вмѣшательства въ наше время почти не существуетъ, и ни одна изъ организованныхъ политическихъ партій не рѣшается выставить своимъ лозунгомъ: «руки прочь». Почему же тотъ образъ дѣйствій, который такъ еще недавно вызывалъ единодушный протестъ, теперь встрѣчаетъ всеобщее одобреніе? Почему, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Канада установила правительственный надзоръ за экспортомъ масла и стала допускать подъ строгимъ контролемъ лишь вывозъ опредѣленныхъ сортовъ, не только канадскіе маслодѣлы не подняли крика противъ такого вторженія въ сферу ихъ свободной иниціативы, но, напротивъ, изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ такого контроля нѣтъ, многіе торговцы начали направлять масло къ вывозу черезъ Канаду? Почему въ началѣ и серединѣ XIX вѣка первымъ стремленіемъ передовыхъ государствъ было ликвидировать доставшіяся отъ прежнихъ временъ хозяйственныя предпріятія, а теперь повсюду выкупаются желѣзныя дороги, пріобрѣтаются угольныя копи, сооружаются государственные фабрики и заводы? Чѣмъ объясняется быстрый переходъ отъ системы свободной торговли къ усиленному покровительству промышленности, знаменующій собой послѣднюю четверть прошлаго столѣтія?

Если и не основной, то одной изъ видныхъ причинъ такого поворота общественнаго мнѣнія отъ идеала полной пассивности государства къ требованію постояннаго сознательнаго руководства стихійными силами народной жизни является то, что наше время обладаетъ, правда, весьма еще несовершенной, но все же начинающей уже выливаться въ опредѣленныя формы соціальной техникой. Государство нашихъ дней не есть уже то безпомощное государство XVII, XVIII вѣковъ съ его незнаніемъ окружающей дѣйствительности, съ его неумѣньемъ выбирать надлежащія средства для осуществленія своихъ намѣреній, съ его слабыми, несмотря на всю властность тона, «хочу» и «не хочу», остающимися лишь чернильными пятнами на листѣ бумаги, противъ котораго ратовалъ А. Смитъ.

Въ распоряженіи современнаго государства мощный бюрократическій механизмъ, черезъ посредство котораго его воля передается во всѣ точки общественнаго организма; къ его услугамъ выработанная вѣковой практикой техника управленія; наконецъ, къ нему на помощь приходитъ наука. Можно, безспорно, не сочувствовать отдѣльнымъ мѣрамъ или даже всему направленію государственной политики; цѣли правительства могутъ противорѣчить вашимъ личнымъ интересамъ; онѣ могутъ казаться вамъ несовмѣстными съ интересами народа, какъ вы ихъ понимаете; эти цѣли могутъ идти въ разрѣзъ со стихійными процессами такой силы, что наша соціальная техника еще не въ состояніи справляться съ ними, и быть объективно недостижимыми. Съ другой стороны, и мѣры, принимаемыя для осуществленія этихъ цѣлей, могутъ быть недостаточно продуманными и неудачно выбранными. Спора нѣтъ. Но даже при видѣ самыхъ мало симпатичныхъ дѣйствій, самыхъ роковыхъ по своимъ послѣдствіямъ ошибокъ никому и въ голову не приходитъ требовать, чтобы государство опять сошло на ту пассивную роль, которую навязывали ему вплоть до середины XIX вѣка. Даже въ минуту самаго горькаго разочарованія, самаго остраго страданія отъ тѣхъ или иныхъ правительственныхъ мѣропріятій современный человѣкъ не перестаетъ сознавать, что отвѣтственность за ошибки и вызываемыя ими бѣдствія ложится не на самый принципъ сознательной общественной дѣятельности, а на тѣхъ, кто его примѣняетъ, что люди проходятъ, цѣли мѣняются, а мощь государственной организаціи остается, и тѣ силы, которыя сегодня грозятъ раздавить васъ, завтра, быть-можетъ, покорно будутъ служить осуществленію вашихъ желаній.

Въ Италіи хотѣли помочь бѣднымъ общинамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, ассигновали на это порядочныя средства и постановили выдавать ихъ сельскимъ коммунамъ, считая, что промышленные и торговые центры и сами могутъ управиться со школьнымъ

вопросомъ. Но въ итальянскомъ административномъ правѣ раздѣленіе между коммунами сельскими и городскими проводится по числу жителей, а на югѣ Италіи въ силу климатическихъ и отчасти историческихъ причинъ населеніе, даже земледѣльческое, жмется въ крупные поселки, по виду и по числу жителей смотрящіе городами, на дѣлѣ же представляющіеся большими деревнями. И вотъ сравнительно богатыя деревни сѣвера получаютъ субсидіи, бѣдныя же селенія юга, отнюдь не имѣющія доходовъ большого города за отсутствіемъ въ нихъ торговой и промышленной дѣятельности, почти не извлекаютъ пользы изъ добрыхъ намѣреній законодателя. Неудача полная! Но развѣ нельзя было устроиться умнѣе? Развѣ нельзя было сообразить всего напередъ и дѣйствительно достичь поставленной цѣли? Надо было только подумать и узнать. Въ Пруссіи желаютъ оказать поддержку мелкимъ торговцамъ, жалующимся на подрывъ со стороны большихъ магазиновъ типа московскаго Мюра и Мерилиза. Вводятъ для этого особый весьма сложный и очень тяжелый налогъ, падающій спеціально на эти магазины. Что же выходитъ? Самые большіе изъ магазиновъ имѣютъ такую силу, ихъ поставщики настолько отъ нихъ зависятъ и такъ дорожатъ ихъ клієнтелой, что бо́льшая часть налога перекладывается на фабрикантовъ, которые, въ свою очередь, конечно, постараются вернуть потерю, повышая цѣны для своихъ прочихъ покупателей. Въ конечномъ результатѣ отъ налога страдаютъ только мелкіе изъ большихъ магазиновъ; самые же опасные конкуренты мелочныхъ торговцевъ, колоссальныя предпріятія съ многомилліонными оборотами, пожалуй, даже выигрываютъ отъ новыхъ порядковъ. Опять неудача, обусловленная недостаточнымъ знаніемъ тѣхъ отношеній, которыя хотятъ регулировать.

Спора нѣтъ, ошибки дѣлаются въ области общественной работы, какъ дѣлаются онѣ и въ техникѣ. Но мы не перестаемъ вѣдь пользоваться работой пара изъ-за того, что нѣтъ-нѣтъ да разорветъ гдѣнибудь плохо построенный паровой котелъ; мы не отказываемся и отъ сознательной общественной дѣятельности изъ-за того, что временами въ результатѣ вмѣшательства получается худо. И тамъ, и здѣсь при видѣ неудачъ мы лишь стремимся расширить наши знанія и примѣняемъ къ обществовѣдѣнію великія слова Бэкона Веруламскаго: «Область человѣческаго знанія совпадаетъ со сферой власти человѣка, ибо невѣдѣніе причины лишаетъ насъ и дѣйствія. Природу можно покорить, лишь повинуясь ей. Причинное соотношеніе, раскрываемое созерцаніемъ, становится руководящимъ началомъ для нашей дѣятельности. Въ знаніи сила».

Посмотримъ же теперь, какого рода знанія нужны, чтобы сообщить человѣку силу, въ особенности силу въ области общественной работы?

Прежде всего, очевидно, что нельзя сознательно вліять на ходъ событій, не имѣя ясно поставленныхъ цѣлей. Недостаточно смутныхъ желаній, чтобы все было по-хорошему; надо твердо знать, въ какую сторону должны быть направлены тѣ силы, которыя мы стремимся подчинить себѣ.

Правда, наши цѣли и желанія въ основѣ своей имѣютъ съ наукой и научнымъ размышленіемъ слабое соприкосновеніе, коренятся скорѣе въ нашемъ душевномъ укладѣ, а не диктуются нашими знаніями и теоретическими построеніями. Но для того, чтобы наши стремленія, наши симпатіи и антипатіи приняли болѣе устойчивую форму убѣжденій—единственную форму, въ которой они способны дать прочную точку опоры для нашихъ дѣйствій, ибо для проведенія ихъ въ жизнь нужна послѣдовательность и выдержка—матеріалъ, который дается намъ непосредственно нашими душевными движеніями, долженъ подвергнуться систематической переработкѣ. Когда архитекторъ строитъ домъ, когда инженеръ проектируетъ мостъ, когда механикъ дѣлаетъ локомотивъ,—они опредѣленно формулируютъ, чего желаютъ добиться: локомотивъ долженъ при возможно маломъ вѣсѣ и минимальномъ потребленіи угля развивать максимальную силу; но можетъ быть и такъ, что все приносится въ жертву стремленію къ наибольшей скорости; мостъ долженъ быть въ состояніи съ возможно малымъ прогибомъ сопротивляться большимъ давленіямъ, но въ случаѣ, если большихъ давленій не предвидится, цѣлью можетъ стать сокращеніе траты болѣе цѣнныхъ матеріаловъ. И въ сферѣ общественной дѣятельности планомѣрная и цѣлесообразная работа возможна только, если высшія и менѣе высокія, общія и болѣе спеціальныя цѣли и стремленія ясно продуманы и поставлены въ опредѣленную связь другъ съ другомъ. Надо всѣ ихъ по возможности привести къ внутреннему единству. Но нерѣдко сами по себѣ другъ другу не противорѣчащія стремленія оказываются на дѣлѣ несовмѣстными; надо, слѣдовательно, установить, какое изъ нихъ выше, и какимъ въ случаѣ конфликта можно пожертвовать. Словомъ, какъ краеугольный камень нашей дѣятельности въ области соціальной работы не менѣе нежели, въ борьбѣ съ силами природы, намъ нужна ясная система цѣлей или, какъ ее можно иначе обозначить, система нравственныхъ цѣнностей.

Конечно, подобнаго рода система окажется, неизбѣжно, крайне субъективной: у всякаго свой вкусъ, и нравственныя оцѣнки подчасъ разнствуютъ одна отъ другой, какъ небо отъ земли. Но психическихъ типовъ, въ сущности, не такъ уже много, и всѣ этическія системы сводятся въ конечномъ счетѣ къ небольшому числу комбинацій основныхъ постулатовъ, а развѣ мы отрицаемъ научный характеръ геометріи изъ-за того, что къ геометріи евклидовской, которую испоконъ вѣковъ

проходятъ въ школахъ, въ прошломъ вѣкѣ присоединилась еще такъ называемая неевклидовская геометрія, исходящая изъ иныхъ предпосылокъ?

Итакъ, исходной точкой въ циклѣ наукъ, на которыя опирается наше стремленіе къ сознательной общественной дѣятельности, является этика, личная и общественная, дающая намъ систему цѣлей или, точнѣе, систему цѣнностей.

Но достаточно ли этого? Примите во вниманіе, какъ тѣсна связь между цѣлью и средствомъ, какъ часто средство является отчасти и само по себѣ въ большей или меньшей степени цѣлью или, наоборотъ, приходится отказываться отъ цѣли, къ которой стремишься, изъ-за моральной недопустимости средствъ, представляющихся для ея осуществленія. Примите во вниманіе и то, что взаимное отношеніе между разнаго рода цѣлями нерѣдко опредѣляется не ихъ внутренней связью, а той жизненной обстановкой, въ которой онѣ имѣютъ осуществляться, тѣми средствами, къ которымъ приходится прибѣгать для ихъ проведенія. Подумайте, наконецъ, о томъ, что самыя цѣли могутъ быть болѣе и менѣе спеціализированными, что на-ряду съ обязанностями человѣка могутъ и должны быть сознательно установлены обязанности гражданина Россійской Имперіи начала двадцатаго столѣтія, что кромѣ общихъ цѣлей русскаго систематически продуманы должны быть цѣли и нравственныя обязательства землевладѣльца такого-то уѣзда, податного или фабричнаго инспектора такой-то губерніи, гласнаго городской думы, и вы увидите, что самой системѣ цѣлей нельзя придать законченной формы безъ размышленій другого порядка, безъ такъ называемыхъ положительныхъ знаній. А съ другой стороны, все наше размышленіе надъ нашими цѣлями, какъ ни интересно и ни важно оно для насъ самихъ, для нашего душевнаго равновѣсія, въ конечномъ счетѣ имѣетъ смыслъ, вѣдь, лишь постольку, поскольку имъ опредѣляются наши дѣйствія. Дѣйствовать же—значитъ принимать рѣшенія, выбирать средства, примѣняться къ обстоятельствамъ. На ряду съ науками, рѣшающими вопросъ, что и какъ должно быть, намъ нужны, слѣдовательно, и науки, изучающія, что и какъ есть и происходитъ въ дѣйствительности.

Что же это должны быть за науки? Какого рода вопросы будутъ въ нихъ разсматриваться?

Прежде всего, естественно, приходитъ на мысль вопросъ объ изученіи способовъ проведенія нашихъ цѣлей въ жизнь. Къ системѣ цѣлей должна присоединиться теорія средствъ. Посмотримъ, въ чемъ можетъ быть ея содержаніе. Для этого вернемся опять къ аналогіи между техникой въ обычномъ смыслѣ слова и техникой соціальной, между задачей воздѣйствія на неодушевленныя силы природы и задачей использованія силъ общественныхъ.

Дѣйствіе человѣка на природу сводится, какъ замѣтилъ еще Бэконъ, къ перемѣщенію матеріальныхъ тѣлъ въ пространствѣ, къ измѣненію ихъ взаимнаго положенія относительно другъ друга—истина, на первый взглядъ для человѣка мало утѣшительная: что можетъ сдѣлать онъ своими слабыми руками? Но суть въ томъ, что перемѣщенія матеріальныхъ тѣлъ въ пространствѣ, даже незначительныя, если только они цѣлесообразны, способны разбудить громадныя массы естественной энергіи; надо лишь умѣть направить эту энергію такъ, какъ требуется. Вся тайна успѣшности технической работы людей заключается въ томъ, что небольшой запасъ мускульной силы, которымъ человѣкъ располагаетъ, онъ расходуетъ цѣлесообразно; онъ затрачиваетъ свою силу на такія измѣненія относительныхъ положеній внѣшнихъ тѣлъ, благодаря которымъ освобождается нужная для него скрытая въ нихъ энергія. Человѣкъ слабъ, онъ не можетъ бросить камень съ такой силой, чтобы убить льва или слона. Но онъ можетъ путемъ, правда, довольно сложныхъ, однако, не превосходящихъ его мускульной силы манипуляцій приготовить порохъ, сдѣлать ружье, зарядить его, спустить курокъ и сообщить пулѣ такую скорость движенія, съ какой несподобно было бы ее бросить и существо вдесятеро сильнѣйшее. Мы проводимъ желѣзную дорогу въ горахъ; надо удалить громадную скалу. Я не могу сдвинуть ея съ мѣста своими руками, но я могу приготовить динамитъ, могу просверлить въ камнѣ ямку для помѣщенія динамитнаго патрона, могу зажечь запалъ и получить, въ концѣ концовъ, нужный для меня результатъ, развивая энергію, совершенно не сравнимую по количеству съ тѣмъ, что я лично затратилъ. Но для достиженія этихъ цѣлей необходимы знанія и умѣнье. Надо знать, что та смѣсь сѣры, селитры и угля, которую мы именуемъ порохомъ, обладаетъ свойствомъ быстро сгорать, расширяясь при сгораніи; надо знать, какъ принудить эту силу расширенія къ работѣ въ нужномъ для насъ направленіи. Но мало и этого. Одного знанія законовъ дѣйствія электрическаго тока недостаточно, чтобы освѣтить залу; необходима и центральная электрическая станція, являющаяся источникомъ электрической энергіи, и проволоки, передающія токъ, куда требуется и, наконецъ, лампы, претворяющія электрическую энергію въ свѣтовую. Наши знанія должны, словомъ, воплотиться въ соотвѣтственной организаціи внѣшнихъ тѣлъ. Лишь при условіи правильнаго функціонированія всѣхъ машинъ и аппаратовъ мы освѣтимъ комнату, поворачивая замыкатель. И вся конкретная техническая работа сводится на дѣлѣ къ созданію такихъ цѣлесообразныхъ организацій матеріи. При этой работѣ мы поддерживаемъ свои слабые тѣлесные органы, употребляя подходящіе инструменты; намъ надо преодолѣть сопротивленіе, превосходящее нашу силу,—мы пользуемся рычагомъ;

намъ надо развить значительную скорость вращенія, мы устраиваемъ систему зубчатыхъ колесъ.

Полную аналогію представляетъ процессъ соціальной работы. И здѣсь мы непосредственно сами можемъ сдѣлать очень немного, но можетъ устроиться такъ, что наши слабыя дѣйствія вызовутъ въ жизни въ желательномъ для насъ направленіи массы энергіи. И здѣсь для реализаціи нашихъ плановъ нужны знанія и умѣнье. И здѣсь для достиженія замѣтныхъ эффектовъ надо умѣть найти достаточно сильный источникъ энергіи, надо умѣть направить эту энергію въ тѣ точки, гдѣ она можетъ быть съ пользой утилизирована и, наконецъ, умѣть заставить ее въ этихъ точкахъ дѣйствовать такъ, какъ намъ требуется. Но здѣсь и источникомъ энергіи, и передатчикомъ ея являются люди, люди и люди, и главной задачей техники въ этой области является цѣлесообразная организація совмѣстной дѣятельности многихъ людей; основнымъ же актомъ, начальнымъ проявленіемъ нашей личности является здѣсь не столько перемѣщеніе матеріальныхъ частицъ въ пространствѣ, сколько сообщеніе отъ субъекта къ субъекту мыслей и настроеній, передача ихъ путемъ ли непосредственныхъ личныхъ сношеній, или даже черезъ письмо и печать.

И въ этомъ процессѣ значительную поддержку оказываютъ намъ инструменты, но главную роль играютъ не инструменты въ собственномъ смыслѣ слова, въ родѣ пера и чернильницы, а, такъ сказать, инструменты соціальные, именно цѣлесообразно налаженный механизмъ управленія, организованная масса лицъ, стоящихъ въ тѣсной связи съ нами и передающихъ рѣшенія нашей воли въ тѣ точки соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, куда намъ требуется—или, другими словами, тѣмъ людямъ, на которыхъ мы желаемъ дѣйствовать, ибо въ этой сферѣ внѣшній міръ сводится преимущественно къ людямъ же. Такое организованное управленіе необходимо во всякой области соціальной работы: въ государствѣ и въ земствѣ, на большой фабрикѣ и въ крупномъ торговомъ предпріятіи. Вы не можете сами передавать каждому, на кого вы желаете дѣйствовать, ваши требованія и сами слѣдить за ихъ выполненіемъ; силы одного человѣка слишкомъ ограничены; на помощь ему и приходитъ то, что я только-что назвалъ соціальнымъ инструментомъ, именно организованное и вышколенное чиновничество (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, охватывающемъ не только лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и получающихъ чины и ордена, но вплоть до ночного сторожа на фабрикѣ). И въ циклѣ наукъ, посвященныхъ теоріи средствъ, выдвигаются на первое мѣсто дисциплины, изучающія эти соціальные инструменты, дающія ихъ систематику, описывающія ихъ строеніе и ихъ функціи, ихъ развитіе и ихъ образъ дѣйствія. Съ этими вопросами знакомятъ прежде

всего, наука административнаго права, отчасти же спеціальные отдѣлы такъ называемой прикладной экономіи или экономической политики.

Но съ одной теоріей инструментовъ далеко не уйдешь. Инструментъ, вѣдь, намъ нуженъ лишь для того, чтобы вызвать къ дѣйствію въ желательномъ направленіи скрытую энергію, не зависящую непосредственно отъ нашей воли, и масса работы, которую мы сами можемъ произвести хотя бы и съ помощью самыхъ совершенныхъ инструментовъ, ничтожна по сравненію съ тѣмъ количествомъ энергіи, которымъ мы собственно хотимъ распорядиться. Надо, слѣдовательно, умѣть добраться при помощи тѣхъ силъ, которыми мы располагаемъ, до источниковъ энергіи; надо умѣть направить работу этой энергіи такъ, какъ намъ требуется. Но источникомъ соціальной энергіи являются люди, людскія желанія и дѣйствія. Наша задача сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы или прямо заставить значительное число людей производить тѣ дѣйствія, которыя нужны для реализаціи нашей цѣли, или устроиться такъ, чтобы въ результатѣ свободной, не клонящейся непосредственно къ осуществленію нашихъ плановъ дѣятельности людей получалось то, что намъ нужно. Для этого намъ надо знать, къ какимъ силамъ обращаться для успѣшнаго выполненія тѣхъ или иныхъ задачъ. Когда мы ѣдемъ горную дорогу, намъ надо умѣть разсчитать, до какого уклона можно полагаться на силу сцѣпленія между гладкимъ рельсомъ и обычнымъ колесомъ, и съ какихъ предѣловъ надо начинать поддерживать ее зубчатыми нарѣзками. Въ общественной дѣятельности намъ надо знать, въ комъ искать поддержки тѣмъ или инымъ стремленіямъ, ибо для рѣшенія разныхъ соціальныхъ задачъ приходится обращаться далеко не всегда къ однимъ и тѣмъ же общественнымъ элементамъ: въ однихъ случаяхъ намъ важно содѣйствіе капиталистовъ, въ другихъ—участіе интеллигенціи; то намъ нужны землевладѣльцы, то фабричные и сельскіе рабочіе. Положимъ, мы въ видахъ повышенія сельскохозяйственной техники въ странѣ пожелаемъ организовать доступный земледѣльческому населенію кредитъ. Намъ прежде всего нужны, конечно, капиталы, и надо знать, откуда ихъ можно привлечь въ это дѣло. Но однихъ капиталовъ для успѣха нашихъ начинаній недостаточно; всѣ дѣятели въ этой области, начиная съ родоначальника сельскихъ кредитныхъ кассъ въ Европѣ, Райффейзена, единодушно утверждаютъ, что нельзя открывать сельской кассы, если не находится въ данной мѣстности, по крайней мѣрѣ, двухъ интеллигентныхъ лицъ, готовыхъ занять должности предсѣдателя и секретаря. Намъ нужно, значитъ, содѣйствіе соціальной силы другого рода, интеллигенціи.

Слѣдующій рядъ вопросовъ, это—какими средствами какая сила можетъ быть возбуждена къ дѣйствію въ желательномъ направленіи.

Сила тяжести влечетъ вагонъ на горной дорогѣ внизъ, но мы можемъ заставить ее поднимать насъ, связавъ нашъ вагонъ длинной цѣпью, перекинутой черезъ блокъ, съ болѣе тяжелымъ вагономъ, находящимся на верху горы. Есть общественныя силы, на которыя можно вліять соображеніями идеалистическими, другія поддаются лишь воздѣйствію личнаго интереса, но и тѣ, и другія могутъ быть, хотя и разными способами, направлены къ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Движенія капитала опредѣляются почти исключительно соображеніями о выгодности, и, чтобы привлечь капиталы въ наши сельскія кассы, намъ надо умѣть сдѣлать помѣщеніе его здѣсь выгоднымъ, надо умѣть внушить капиталисту довѣріе въ правильность его полученій и опредѣлить достаточно высоко размѣры вознагражденія. Для того же, чтобы привлечь къ участію въ организаціи кредита интеллигентныя силы, нужны иные стимулы. Здѣсь примѣромъ можетъ служить исторія сельскихъ кассъ въ Россіи. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ наше общество увлекалось этой идеей, и движеніе шло быстрымъ темпомъ: ежегодно утверждалось полтораста, двѣсти новыхъ уставовъ. Но съ конца семидесятыхъ годовъ увлеченіе начало смѣняться равнодушіемъ, и движеніе остановилось: въ девяностыхъ годахъ число вновь утверждаемыхъ уставовъ считается единицами. Между тѣмъ матеріальныя условія вознагражденія, несомнѣнно, не перемѣнились къ худшему.

Наконецъ, третій родъ проблемъ, особенно важныхъ и сложныхъ, заключается въ томъ, какъ разрозненную и въ раздробь мало осязательную, подчасъ даже вовсе непроизводительную работу отдѣльныхъ силъ слить въ одно общее цѣлое? Соціальная энергія обладаетъ тѣмъ, крайне затрудняющимъ задачу ея техническаго использованія свойствомъ, что въ этой сферѣ не имѣется источниковъ, способныхъ развить въ одиночку значительную силу; это все отдѣльные мелкіе ключи, которые надо собрать во-едино, если желать замѣтнаго эффекта, подобно тому какъ приходится для водоснабженія большого города объединить массу отдѣльныхъ ключей, коли нѣтъ въ подходящихъ условіяхъ большой рѣки или крупнаго озера. Мало вызвать въ отдѣльныхъ людяхъ охоту совершать тѣ дѣйствія, которыя требуются для осуществленія нашихъ плановъ, надо, чтобы этой готовности шла навстрѣчу соотвѣтствующая организація, связывающая между собой разобщенныя сами по своей волѣ, координирующая эти разрозненныя дѣйствія и направляющая ихъ къ общей цѣли. Положимъ, чтобы взять все тотъ же примѣръ распространенія улучшенныхъ пріемовъ агрикультуры, намъ удастся заинтересовать сельскую интеллигенцію устройствомъ кредитныхъ товариществъ и сельскохозяйственныхъ синдикатовъ; положимъ, мы сумѣемъ убѣдить капиталистовъ, т.-е. прежде

всего крупные банки, въ возможности организовать мелiоративный кредитъ, какъ было разсказано, подъ соло-векселя мужика при условіи контроля профессора земледѣлія; положимъ, что и среди лицъ съ высшимъ земледѣльческимъ образованіемъ намъ посчастливится вызвать интересъ къ дѣлу и найти нужныхъ намъ людей, способныхъ занять наши каѳедры земледѣлія. Но вѣдь для того, чтобы дѣло пошло въ ходъ, этихъ психологическихъ условій еще недостаточно; надо, чтобы были на-лицо самыя учрежденія, чтобы въ каждой отдѣльной мѣстности одновременно функціонировала вся сѣть ихъ; надо, чтобы была правильно предначертана кооперація всѣхъ этихъ многочисленныхъ звеньевъ въ нашей цѣпи. Иначе вся добрая воля заинтересованныхъ нами лицъ не поведетъ ни къ чему, и разбуженныя нами силы не дадутъ полезной работы.

Эти три группы вопросовъ—о соотвѣтствіи между источниками соціальной энергіи и цѣлями; о средствахъ воздѣйствія на разныя общественныя силы и объ организаціи совмѣстной работы отдѣльныхъ источниковъ силы—и заполняютъ вмѣстѣ съ теоріей соціальныхъ инструментовъ, о которой шла рѣчь ранѣе, второй изъ цикловъ наукъ, нужныхъ намъ; они даютъ теорію средствъ, примыкающую къ нашей системѣ цѣнностей.

Какимъ же способомъ можно изслѣдовать эти различные вопросы, входящіе въ нашу теорію средствъ? Есть два пути, раціональный и эмпирическій. Можно, опираясь на знаніе жизненной среды, путемъ логической конструкціи, исходящей изъ анализа условій задачи, опредѣлять, къ какимъ средствамъ и въ какихъ формахъ надо въ каждомъ данномъ случаѣ прибѣгнуть. Съ другой стороны, можно исходить изъ разсмотрѣнія разныхъ ранѣе насъ предпринятыхъ попытокъ осуществленія тѣхъ же цѣлей и путемъ сравненія неудачныхъ и удачныхъ экспериментовъ опредѣлять наиболѣе цѣлесообразный образъ дѣйствія.

Въ обоихъ случаяхъ безусловно необходимымъ является знаніе того, что есть въ дѣйствительности. Если мы желаемъ построить нашъ планъ дѣйствій путемъ раціональнымъ, то, очевидно, на успѣхъ можно разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, коли мы достаточно хорошо знаемъ природу и образъ дѣйствія тѣхъ силъ, съ которыми, оперируемъ, и ту обстановку, въ которой онѣ должны у насъ работать. Но и при выборѣ эмпирическаго пути мы не можемъ обойтись безъ знанія какъ законовъ дѣйствія затрогиваемыхъ нами силъ, такъ и условій жизненной среды. Надо вѣдь дать себѣ отчетъ, почему тотъ образъ дѣйствія, который на опытѣ оказался успѣшнымъ, велъ къ цѣли, а другія попытки не удавались; надо установить, сходствуютъ ли условія, въ которыхъ предполагаемъ дѣйствовать мы, съ тѣми, въ которыхъ

удачно работали наши предшественники, а такъ какъ полнаго тожества никогда не встрѣчается, то мы должны умѣть отличать существенное отъ несущественнаго и, приспособляясь къ мѣняющейся обстановкѣ, на разницу въ условіяхъ отвѣчать измѣненіемъ пріемовъ дѣйствія. Но все это возможно лишь на почвѣ обстоятельнаго знанія фактовъ.

Такимъ образомъ, къ системѣ цѣлей и теоріи средствъ присоединяется третій циклъ наукъ, наукъ, не считающихся съ нашими желаніями и намѣреніями, забывающихъ о томъ, что мы лично хотимъ знать, какъ намъ жить и дѣйствовать, а изслѣдующихъ безъ отношенія къ цѣлямъ и настроеніямъ изучающаго субъекта общественную жизнь, какъ она есть въ дѣйствительности.

Среди этихъ положительныхъ наукъ можно выдѣлить, въ свою очередь, двѣ группы научныхъ дисциплинъ, тѣсно между собой связанныя, но преслѣдующія совершенно различныя цѣли: науки созерцательныя и науки описательныя.

Наука описательная стремится дать систематическій обзоръ явленій извѣстнаго рода для вполнѣ опредѣленныхъ условій времени и мѣста. Типичнымъ представителемъ этой группы наукъ служитъ географія. Напротивъ того, науки созерцательныя имѣютъ своимъ предметомъ отношенія между вещами, не зависящія отъ данныхъ условій времени и мѣста. Задача ихъ устанавливать причинныя связи между явленіями, связи, имѣющія силу равно для всякаго времени и для всякаго мѣста, нынѣ и вѣчно, на землѣ и на неподвижныхъ звѣздахъ.

Вся наша жизнь, всѣ наши дѣйствія покоятся на увѣренности въ однообразіи природы, на вѣрѣ въ то, что однѣ и тѣ же предшествующія обстоятельства влекутъ за собой всегда однѣ и тѣ же послѣдствія. Когда вы зажигаете спичку, чтобы закурить папиросу, вы разсчитываете треніемъ о поверхность коробочки развить теплоту, достаточную, чтобы воспламенить спичку, и не сомнѣваетесь, что продукты сгоранія табака, попадая въ вашъ организмъ, произведутъ извѣстное, для васъ пріятное физіологическое дѣйствіе. Когда вы, видя начинающійся пожаръ, спѣшите вылить на огонь возможно больше воды, вы надѣетесь потушить этимъ пламя. Когда вы строите фабрику, вы разсчитываете, что, коли не будетъ неожиданныхъ потрясеній въ общественной жизни, вамъ удастся сбыть извѣстное количество товара по сходной цѣнѣ, опираясь при этомъ на наблюденія надъ положеніемъ рынка за предшествующіе годы. Когда городъ или земство опредѣляютъ, сколько надо открыть больницъ или школъ, они исходятъ изъ наблюденій надъ количествомъ заболѣваній и числомъ дѣтей школьнаго возраста за послѣднее время и не допускаютъ мысли, чтобы число больныхъ сократилось вдругъ вдесятеро, или число школьниковъ черезъ пять лѣтъ возросло во сто разъ.

Попробуйте представить на минуту вселенную внѣ господства закона, представьте себѣ, какъ бы шла наша жизнь, если бы сегодня вода заливала огонь, а завтра сама загоралась отъ огня, если бы тяжелыя тѣла то падали книзу, то летѣли вверхъ, если бы въ водѣ то камень тонулъ, и плавало дерево, то дерево шло ко дну, а камень плавалъ на поверхности, и вы почувствуете, до какой степени сознаніе необходимости и закономѣрности всего происходящаго глубоко проникаетъ въ нашу жизнь. Конечно, мы могли бы существовать и въ этомъ мірѣ сюрпризовъ, но только какъ лишенныя всякой самостоятельности игрушки мѣняющейся обстановки; никакого предвидѣнія результатовъ нашихъ дѣйствій, никакого разсчета на будущее, никакой сознательной и планомѣрной дѣятельности быть не могло бы.

Но одного общаго убѣжденія въ закономѣрности всего сущаго еще далеко недостаточно, чтобы дать прочный фундаментъ для нашихъ дѣйствій. Намъ необходимо этотъ остовъ заполнить плотью и кровью, намъ надо знать тѣ частныя закономѣрности, на которыя распадается эта общая формула, знать, что́ за чѣмъ слѣдуетъ и что́ съ чѣмъ связано. Отъ того, что коли всѣ условія повторятся въ томъ видѣ, какъ они были одинъ разъ, случится и происшедшее тогда событіе, намъ толку мало. Намъ надо либо знать, какъ поступить, чтобы это событіе не повторилось, либо умѣть вызывать его по произволенію. Намъ недостаточно увѣренности, что, если разъ отъ брошенной въ жаркое лѣтнее время папироски загорѣлся лѣсъ, и пожаръ истребилъ сотни десятинъ, то и снова при полномъ тожествѣ всѣхъ условій, т.-е., если въ совершенно такомъ же лѣсу, того же возраста деревьевъ, того же ихъ расположенія, при тѣхъ же условіяхъ вѣтра и температуры, въ то же самое время года, на томъ же самомъ мѣстѣ будетъ брошена папироска, лѣсъ загорится, а коли борьба съ пожаромъ будетъ опять организована совсѣмъ такъ, какъ было въ первый разъ, выгоритъ опять столько же сотенъ десятинъ. Знаніе такого рода не можетъ дать намъ точки опоры для нашей дѣятельности. Полнаго тожества всѣхъ условій никогда не встрѣчается. Если даже явленіе воспроизводится въ сходной обстановкѣ, нѣкоторыя различія все же будутъ. И для того, чтобы быть въ состояніи считаться съ этими различіями, намъ нужно знаніе связей между отдѣльными явленіями, намъ надо знать, что послѣдуетъ за *А* и чѣмъ сопровождается *Б*.

Такого рода знанія выработываются въ насъ въ значительной мѣрѣ путемъ полубезсознательнымъ, путемъ наблюденій и выводовъ, въ которыхъ мы не даемъ себѣ точнаго отчета. Ребенокъ начинаетъ ходить, не раздумывая объ условіяхъ равновѣсія и о центрѣ тяжести. Мы учимся плавать, не зная, что тѣло теряетъ въ водѣ столько въ своемъ вѣсѣ, сколько вѣситъ вытѣсненная имъ жидкость, и что вода

имѣетъ большій вѣсъ, нежели наше тѣло въ среднемъ. Но этотъ путь, путь жизненной школы, медленъ и невѣренъ, богатъ паденіями и ошибками. Вы бѣжите на пожаръ съ ведромъ воды, а тутъ же суевѣрная старушка спѣшитъ съ пасхальнымъ яичкомъ, и подите, убѣдите ее, что этимъ не спасешь деревни. Желая слѣзать на ходу съ конки, мы прыгаемъ впередъ, и остаемся цѣлы; а сколько народу, несмотря на довольно частые эксперименты, продолжаетъ упорно прыгать назадъ? Нѣтъ, для того чтобы дѣйствительно познать, какъ, что и почему совершается въ природѣ, намъ нуженъ путь болѣе вѣрный и болѣе безопасный; всего на своей шкурѣ не испытаешь. Эту задачу заполненія общаго принципа единообразія природы конкретнымъ содержаніемъ, задачу раскрытія частныхъ закономѣрностей во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи и принимаютъ на себя науки созерцательныя.

Совершенно иного рода задачи преслѣдуютъ науки описательныя. Если наука созерцательная стремится къ открытію причинныхъ соотношеній, независимыхъ отъ условій и времени, и мѣста, то наука описательная какъ-разъ направляетъ свое вниманіе на опредѣленныя условія времени и мѣста и стремится дать для этихъ условій систематическій обзоръ явленій извѣстной категоріи. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить географія. Но въ циклъ наукъ описательныхъ войдетъ и та часть геологіи, которая даетъ намъ исторію земли, т.-е. изображеніе индивидуальнаго, одинъ разъ случившагося процесса. Сюда же войдетъ и исторія, ибо и ея задача изображеніе единичнаго процесса, разсказъ о томъ, что и какъ, когда и гдѣ случилось и было, а не открытіе общихъ формулъ, примѣнимыхъ къ любому времени и мѣсту.

Обѣ группы наукъ, созерцательныя и описательныя, стоятъ, конечно, въ тѣснѣйшей связи; однѣ не мыслимы безъ другихъ. Мы не можемъ изслѣдовать связей между явленіями, если не знаемъ, что, гдѣ и какъ есть въ дѣйствительности. Но мы желаемъ, съ другой стороны, и при разсказѣ объ единичномъ случаѣ знать не только, что произошло, но и почему это было и есть такъ, а не иначе, а это предполагаетъ, въ свою очередь, знаніе законовъ, знаніе причинно-зависимостей, которое даютъ намъ науки созерцательныя. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что при описаніи мы часто не имѣемъ непосредственнаго наблюденія всѣхъ моментовъ или всѣхъ частей явленія, а должны заключать о нихъ по косвеннымъ признакамъ и показаніямъ. А это опять-таки предполагаетъ, что мы знаемъ законы, связывающіе то, что намъ прямо извѣстно, съ тѣмъ, что мы собственно хотимъ знать. Но какъ ни глубоко взаимодѣйствіе обѣихъ группъ наукъ, цѣли ихъ сами по себѣ вполнѣ различны.

Какое же мѣсто занимаетъ въ этой системѣ наукъ предметъ нашего спеціальнаго интереса, статистика? Если вы начнете пригля-

дываться къ употребленію слова статистика въ литературѣ и въ жизни, вы долго не будете въ состояніи придти ни къ какимъ опредѣленнымъ заключеніямъ относительно того, что люди понимаютъ подъ статистикой. То вы будете видѣть, что статистическимъ называютъ всякій выводъ, опирающійся на сопоставленіе чиселъ; то статистикой вамъ будутъ называть простое перечисленіе того, сколько въ данномъ мѣстѣ живетъ мужчинъ и женщинъ, сколько родилось мальчиковъ въ данномъ году и сколько дѣвочекъ; то, наконецъ, подъ названіемъ статистики вамъ будутъ предлагаться сложныя разсужденія, опирающіяся на математическую теорію вѣроятностей, о томъ, какими способами въ сферѣ изслѣдованія «нетипическихъ явленій общественной жизни», противополагаемыхъ при этомъ «типическимъ явленіямъ неодушевленной природы», можетъ идти установленіе причинныхъ связей между наблюдаемыми нами событіями. Для того, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ понятій, покрываемыхъ однимъ и тѣмъ же словомъ «статистика» и дать себѣ отчетъ въ томъ, что же собственно надо разумѣть подъ статистикой, намъ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и заняться вопросомъ о тѣхъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ созерцательныя науки для достиженія своей конечной цѣли, для установленія частныхъ причинныхъ связей между отдѣльными явленіями на почвѣ общаго убѣжденія въ закономѣрности всего сущаго. Задачу выработки такихъ пріемовъ беретъ на себя логика, наука о правильномъ мышленіи*).

Логика отправляется при этомъ отъ представленія о причинной связи какъ неизмѣнномъ преемствѣ двухъ явленій. Если A причина a, то всякій разъ, какъ случается A, за нимъ слѣдуетъ a, и никогда a не имѣетъ мѣста безъ того, чтобы ему не предшествовало A. Изъ этого опредѣленія вытекаютъ два весьма важныхъ слѣдствія. Съ одной стороны, очевидно, что такое предшествующее обстоятельство, которое можетъ быть опущено безъ вреда для дѣйствія, не можетъ быть причиной или частью причины. Съ другой стороны, ясно, что если нѣкотораго предшествующаго обстоятельства нельзя устранить, не вызывая исчезновенія послѣдующаго, то это предшествующее и есть, несомнѣнно, причина или часть причины.

*) Въ своемъ изложеніи я примыкаю къ наивно реалистическимъ представленіямъ въ виду того, что переводъ мысли съ языка наивнаго реализма въ термины принимаемой читателемъ гносеологической и метафизической системы по своей привычности не можетъ представить затрудненій, осложнять же примѣсью личныхъ гносеологическихъ взглядовъ изложеніе вопросовъ, допускающихъ въ сущности тожественныя рѣшенія при самыхъ разнообразныхъ точкахъ зрѣнія, я не считалъ цѣлесообразнымъ. Изъ тѣхъ же соображеній экономіи вниманія я пользуюсь при изложеніи методовъ индукціи обычными схемами, хотя признаю за ними лишь значеніе силлогистическихъ фигуръ.

На эти два положенія и опираются основные методы индуктивнаго изслѣдованія причинной связи. Они позволяютъ намъ на основаніи наблюденія, что за извѣстной группой обстоятельствъ послѣдовалъ нѣкоторый рядъ событій, при соблюденіи опредѣленныхъ условій, на которыхъ мы послѣ остановимся, рѣшать, какія изъ составныхъ частей нашего предшествующаго стоятъ въ причинной связи съ тѣми или иными элементами послѣдующаго и какія нѣтъ. Наблюденіе или экспериментъ даютъ намъ, что въ такомъ-то мѣстѣ и въ такое-то время за *ABCD* слѣдовало *abcd*, въ другое время и въ другомъ мѣстѣ за *ABDE* слѣдовало *abde* и т. д. Общая увѣренность въ единообразіи природы позволяетъ намъ утверждать, что, если только наблюденіе произведено было точно и не было упущено существенныхъ обстоятельствъ, всегда и вездѣ при повтореніи *ABCD* произойдутъ и *abcd*, что мѣсто и время тутъ не играютъ роли. Методы же установленія причинной связи, предлагаемые логикой, стремятся на основаніи наблюденныхъ нами конкретныхъ случаевъ преемства *ABCD* и *abcd*, *ABDE* и *abde* и другихъ и того основного представленія о причинности, о которомъ у насъ уже шла рѣчь, рѣшить вопросъ, является ли причиной *a A*, или *B*, или *C*, и что служитъ дѣйствіемъ *A*,—*a*, или *b*, или *c*?

Такихъ методовъ установленія причинной связи между отдѣльными явленіями логика предлагаетъ нѣсколько; въ нѣкоторыхъ учебникахъ число ихъ доходитъ до пяти, но логически самостоятельными можно признать изъ числа этихъ пяти въ лучшемъ случаѣ три, которые носятъ названіе метода сходства, метода различія и метода остатковъ *).

Методъ сходства опирается на первое изъ слѣдствій, вытекающихъ изъ нашего представленія о причинности, именно, на допущеніе, что предшествующее обстоятельство, которое можно устранить, не вызывая исчезновенія дѣйствія, не можетъ быть причиной. Его правило: если двумъ или болѣе случаямъ изслѣдуемаго явленія обще лишь одно обстоятельство и только въ этомъ обстоятельствѣ совпадаютъ всѣ случаи, то оно и есть причина даннаго явленія. Это методъ отрицательный въ своемъ существѣ, методъ исключенія; мы доказываемъ имъ, что то, другое, третье не есть причина изслѣдуемаго явленія, и только перебравъ и исключивъ всѣ различныя предшествующія обстоятельства,

*) Косвенный методъ разницы Милля и методъ сопутствующихъ измѣненій, поскольку они могутъ претендовать на логическую самостоятельность, покоятся на соображеніяхъ, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, что лежатъ въ основаніи индуктивнаго вывода. Ихъ мѣсто не въ теоріи индукціи, а въ теоріи статистическаго метода.

которыя могли бы быть причиной, кромѣ одного, дѣлаемъ выводъ, что это единственное остающееся и есть настоящая причина.

Напротивъ того, методъ различія, опирающійся на второе изъ отмѣченныхъ выше слѣдствій, именно на положеніе, что «такое предшествующее обстоятельство, котораго нельзя исключить, не вызывая исчезновенія дѣйствія, есть причина», ведетъ прямо и непосредственно къ цѣли, къ установленію искомой связи. Его правило: если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе наступаетъ, и случай, въ которомъ оно не наступаетъ, совпадаютъ во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного, встрѣчающагося только въ первомъ случаѣ, то обстоятельство, составляющее единственную разницу двухъ случаевъ, и есть причина или необходимая часть причины явленія.

Въ виду того, что выводъ по методу разницы только тогда пріобрѣтаетъ силу, когда обстоятельство, въ которомъ оба случая различаются, является ихъ единственнымъ различіемъ, этотъ пріемъ установленія причинной связи называютъ иногда методомъ единственнаго различія. Въ соотвѣтствіе этому обозначенію и для метода сходства употребляютъ названіе «методъ единственнаго сходства». Эти названія ярко подчеркиваютъ характеръ вывода по тому и другому методу.

Наконецъ, методъ остатковъ является въ сущности тѣмъ же методомъ различія, только въ нѣсколько болѣе общей формулировкѣ. Его правило: вычтите изъ слѣдствія ту его часть, которая представляетъ изъ себя дѣйствіе нѣкоторыхъ предшествующихъ обстоятельствъ, и остатокъ слѣдствія будетъ дѣйствіемъ остальныхъ предшествующихъ. Мы имѣемъ: *ABC* имѣетъ слѣдствіемъ *abc*. Для того, чтобы получить выводъ методомъ различія требовалось бы наблюденіемъ установить, что *BC* причина *bc*; методъ же остатковъ ничего не говоритъ о томъ, какъ должно быть получено наше знаніе связи между *BC* и *bc*; непосредственнымъ ли наблюденіемъ, или какими окольными путями, для него безразлично; но разъ, такъ или иначе, мы знаемъ, что *BC* причина *bc*, то на основаніи наблюденія преемства *ABC* и *abc* мы по его правилу безошибочно выводимъ, что *A* причина *a*.

Мы видимъ, что пріемы, предлагаемые логикой индукціи, логически вытекаютъ изъ представленія о причинной связи, какъ неразрывномъ преемствѣ двухъ явленій, и въ тѣхъ условіяхъ, какія принимаетъ ихъ отвлеченная схема, безошибочно ведутъ къ нужному намъ выводу касательно связи каждой изъ частей предшествующаго съ тѣмъ или инымъ элементомъ послѣдующаго. Но соблюдаются ли эти условія въ дѣйствительной практикѣ научнаго изслѣдованія? А если нѣтъ, то можно ли полагаться на наши методы? Не трудно убѣдиться, что реальная обстановка научной работы лишь въ исключительныхъ слу-

чаяхъ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, на которыхъ покоится выводъ о причинной связи по методамъ сходства, различія или остатковъ. Вообще же она бываетъ такова, что при помощи этихъ методовъ не только нельзя дѣлать точныхъ выводовъ о наличности или отсутствіи связи, но даже существуетъ постоянный рискъ сдѣлать выводы, прямо противорѣчащіе дѣйствительности.

Правила методовъ индукціи предполагаютъ, что предшествующее и послѣдующее, преемство которыхъ, установленное наблюденіемъ, служитъ исходнымъ пунктомъ нашихъ разсужденій, взяты въ такой полнотѣ, что существованіе причинной связи между ними гарантируется общимъ принципомъ единообразія природы. Но вѣдь этотъ принципъ говоритъ намъ лишь о томъ, что, коли в с ѣ обстоятельства повторятся, то вновь произойдетъ и событіе, слѣдовавшее за ними одинъ разъ въ полѣ нашего зрѣнія. А можемъ ли мы всегда быть увѣрены, что въ наше сложное предшествующее входятъ всѣ безъ исключенія существенныя обстоятельства? До изслѣдованія мы и не знаемъ, какія обстоятельства существенны, какія нѣтъ. Всѣхъ обстоятельствъ до одного, и важныхъ, и не важныхъ, мы не въ силахъ отмѣтить. Волей-неволей приходится отмѣчать въ качествѣ элементовъ предшествующаго только тѣ, которые кажутся намъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ возможными причинами. Но никогда мы не можемъ ручаться, что, принявъ во вниманіе всѣ такія возможныя причины и не опустивъ ни одного существеннаго обстоятельства, не можемъ утверждать, что въ числѣ тѣхъ фактически сосуществовавшихъ съ отмѣченными нами обстоятельствами явленій, которыя въ сущности, вѣдь, являются въ той же мѣрѣ предшествующими, какъ и взятыя нами, навѣрное нѣтъ обстоятельствъ, стоящихъ въ причинной связи съ изслѣдуемымъ дѣйствіемъ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы всегда подвержены риску, что между нашимъ сложнымъ предшествующимъ и нашимъ послѣдующимъ нѣтъ такой связи, чтобы всякій разъ, какъ осуществится первое, неизмѣнно происходило второе, и никогда второе не могло имѣть мѣста безъ того, чтобы ему не предшествовало первое. А коли такъ, то отпадаетъ краеугольный камень нашего умозаключенія: т.-е. мы не можемъ уже начинать съ утвержденія: причина a должна быть непремѣнно или A, или B, или C, или D, а не что другое. И сколько при этихъ условіяхъ ни исключай отдѣльныхъ обстоятельствъ, мы никогда не доберемся до законнаго положительнаго вывода.

Остановимся теперь на другомъ осложненіи, являющемся еще болѣе существеннымъ препятствіемъ для пользованія методами индукціи. Эти методы имѣютъ своей цѣлью разрѣшать причинныя соотношенія между сложными группами предшествующихъ и послѣдующихъ обстоятельствъ въ причинныя же связи между возможно простыми состав-

ными частями этихъ группъ. Отъ связи между ABC и abc мы переходимъ къ связямъ между A и a, B и b и т. д. Но какъ только мы сдѣлаемъ одинъ шагъ на этомъ пути, приходится снова отправляться дальше: наши A, B, C и наши a, b, c оказываются, въ свою очередь, сложными группами обстоятельствъ, и мы начинаемъ при помощи все тѣхъ же методовъ индукціи стараться разложить и связь между A и a, которую мы только-что установили, на болѣе простыя причинныя соотношенія, изъ которыхъ она слагается. Обусловливается такое желаніе знать связи между возможно простѣйшими явленіями тѣмъ громаднымъ облегченіемъ работы ума, которое доставляетъ намъ подобное знаніе. Зная сотню связей между ста различными причинами и сотней ихъ дѣйствій, мы можемъ безъ труда опредѣлять законы связи между всѣми возможными комбинаціями этихъ причинъ и этихъ дѣйствій, тогда какъ, если бы надо было разсматривать всѣ эти комбинаціи какъ самостоятельныя явленія, намъ пришлось бы устанавливать и держать въ умѣ тысячи и сотни тысячъ отдѣльныхъ законовъ.

Для такого дробленія предшествующихъ и послѣдующихъ мы не можемъ принципіально установить никакого матеріальнаго предѣла. Какъ рѣшить, должно ли наше стремленіе къ анализу остановиться передъ A, или передъ его составными частями, или передъ элементами, на которые распадаются, въ свою очередь, эти составныя части? Но при выводѣ пріемовъ изслѣдованія удобнѣе допустить, что гдѣ-то—гдѣ именно, совершенно безразлично—этому дробленію наступаетъ конецъ, и мы наталкиваемся на недробимые уже дальше элементы причинъ и слѣдствій, атомы причинъ и дѣйствій, какъ ихъ можно назвать. Конечной цѣлью нашей работы въ области изслѣдованія причинной связи и является установленіе связей между этими атомами причинъ и дѣйствій.

Въ отвлеченной схемѣ, развиваемой логикой индукціи, это установленіе причинныхъ связей между атомами причинности идетъ очень гладко. Мы шагъ за шагомъ разбиваемъ сложныя предшествующія и послѣдующія на ихъ составныя части и медленно, но вѣрно подвигаемся къ своей цѣли. Но если внимательнѣе присмотрѣться къ тому, какъ идетъ дѣйствительное изслѣдованіе, то мы увидимъ, что его ходъ далеко не соотвѣтствуетъ этой отвлеченной схемѣ. Логика индукціи выводитъ свои методы въ предположеніи, что мы всегда въ состояніи наше предшествующее и послѣдующее разбить на ограниченное число составныхъ частей, нашихъ A, B и C, нашихъ a, b и c, и притомъ такъ, что одно дѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ другому, т.-е. если A причина a, то оно не связано уже ни съ b, ни съ c, а съ другой стороны въ этомъ случаѣ и a уже не зависитъ ни отъ B,

ни отъ C. Но такъ ли это? Вспомните, что наши A, B, C и a, b, c въ свою очередь представляются сложными комплексами обстоятельствъ. Въ случаѣ, если A и a слагаются какъ-разъ изъ соотвѣтственныхъ элементарныхъ причинъ и дѣйствій, если $A=MNPQ$, а $a=mnpq$, гдѣ одной и той же буквой латинской азбуки обозначены связанные между собой элементы, то дѣйствительно связь между A и a, несмотря на сложность этихъ явленій, будетъ носить тотъ же характеръ неразрывности и однозначности, что и связь между элементами причинъ и дѣйствій. Но что мы встрѣтимъ въ томъ случаѣ, когда наше A слагается изъ элементовъ причинъ $MNPQ$, наше же a отчасти изъ соотвѣтствующихъ имъ элементовъ, отчасти же изъ иныхъ, напр., представляется въ видѣ $Klmn$? Не трудно убѣдиться, что при этихъ условіяхъ между A и a не будетъ уже существовать причинной связи такого рода, что всякій разъ какъ осуществится A, за нимъ будетъ слѣдовать a, а всякій разъ какъ будетъ на лицо a, ему будетъ неизмѣнно предшествовать A. За A можетъ слѣдовать и какое-нибудь иное явленіе, въ которое не входитъ элементовъ Kl и которое слѣдовательно отлично отъ нашего a; съ другой же стороны, a можетъ быть вызвано не A, а какой-нибудь причиной, въ которую MN входятъ, а PQ не входятъ. Въ тѣхъ случаяхъ, слѣдовательно, когда наши A и a, на которыя мы нацѣливаемся своими методами индукціи, слагаются не изъ соотвѣтственныхъ атомовъ причинъ и слѣдствій, мы не имѣемъ права предполагать, что у нашего A можетъ быть только одно слѣдствіе, которое и нужно выдѣлить изъ числа составныхъ частей нашего послѣдующаго, а у нашего a имѣется только одна причина, которую мы должны разыскать среди элементовъ нашего сложнаго предшествующаго. У каждой причины можетъ быть много дѣйствій, у каждаго дѣйствія нѣсколько разныхъ причинъ *). Но въ такомъ случаѣ пріемы индукціи, которые предлагаетъ логика,—методъ сходства, методъ различія и методъ остатковъ—становятся неприложимыми, ибо они все-

*) Чтобы ввести намѣченное здѣсь представленіе множественности причинъ и дѣйствій въ привычныя рамки, полезно прослѣдить развитіе категоріи множественности причинъ въ англійской логикѣ (Милль, Бенъ, Веннъ, Минто). Развиваемое мною построеніе множественности дѣйствій лежитъ въ основаніи категоріи объективной возможности и опирающейся на эту категорію математической теоріи вѣроятностей. Въ послѣднее время эти представленія начинаютъ проникать и въ область естествознанія, именно, въ біологію, гдѣ изученіемъ причинныхъ соотношеній интересующаго насъ вида занимается группа ученыхъ, съ Ф. Гальтономъ и К. Пирсономъ во главѣ, объединяющихся около журнала Biometrica, A journal for the statistical Study of Biological Problems. (Для первоначальнаго ознакомленія съ этимъ мало у насъ извѣстнымъ направленіемъ можно указать небольшую книжку G. Duncker, Die Methode der Variationsstatistik, Leipzig, 1899).

цѣло покоятся на допущеніи существованія такой связи между нашими A и a, что ни то, ни другое явленія другъ безъ друга встрѣчаться не могутъ.

Между тѣмъ, какъ не трудно убѣдиться, на практикѣ научнаго изслѣдованія никогда нельзя ручаться, что явленія, приводимыя нами въ связь, слагаются какъ-разъ изъ соотвѣтственныхъ атомовъ причинъ и дѣйствій. До изслѣдованія мы, вѣдь, собственно, не знаемъ, что они изъ себя представляютъ и въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу: иначе нечего было бы хлопотать. Мы пробуемъ, напримѣръ, рѣшить, не стоитъ ли распространеніе звука въ связи съ присутствіемъ воздуха, и находимъ, выкачивая воздухъ изъ-подъ колокола насоса, что связь есть. Но, вѣдь, если мы подъ колоколомъ оставимъ не пустоту, а заполнимъ его какимъ-нибудь газомъ, то звукъ будетъ распространяться и безъ воздуха. Почему? Потому, что «воздухъ» въ нашемъ изслѣдованіи—это не одно какое-нибудь простое явленіе, а цѣлая сложная группа обстоятельствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, именно, упругость, стоятъ, дѣйствительно, въ связи съ распространеніемъ звука, другія же на распространеніи звука не отражаются. Связь есть, но не того типа, который предполагаетъ логика индукціи. Послѣ изслѣдованія, послѣ того, какъ намъ удалось опредѣлить, чѣмъ собственно обусловливается распространеніе звуковой волны, для насъ уже не представляетъ большого затрудненія выдѣлить въ сложной группѣ явленій, входящей въ наше изслѣдованіе подъ однимъ общимъ обозначеніемъ «воздухъ», тѣ именно элементы, которые существенны, но до начала работы мы этого сдѣлать не могли и, вообще говоря, никогда не можемъ. Въ силу этого, научный изслѣдователь всегда обязанъ предполагать, что передъ нимъ находится связь, характеризуемая множественностью причинъ и множественностью дѣйствій, связь свободная, какъ мы ее будемъ называть, при которой за одной и той же причиной могутъ слѣдовать нѣсколько различныхъ слѣдствій и одному и тому же слѣдствію предшествовать нѣсколько различныхъ причинъ. Допускать же, что связь, которую онъ стремится установить, есть связь неразрывная, такая, что ни причина безъ своего слѣдствія, ни слѣдствіе безъ своей причины не могутъ осуществиться, онъ имѣетъ право лишь, если имѣются прямыя доказательства того.

Но для установленія отношеній связи свободной методы индукціи, предлагаемые логикой, не годятся. Какъ же быть? Надо построить иные пріемы, не опирающіеся на характерныя особенности неразрывной связи. Совокупность такихъ пріемовъ изслѣдованія причинной связи, приспособленныхъ къ изученію отношеній связи свободной, и есть то, что обычно именуютъ статистическимъ методомъ.

Эти статистическіе пріемы, при всемъ ихъ разнообразіи, имѣютъ

нѣкоторыя общія черты. Ихъ наиболѣе характерная особенность заключается въ томъ, что они всегда выбираютъ для изслѣдованія не отдѣльное явленіе или предметъ, а цѣлыя группы явленій, сходныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но различныхъ въ другихъ, массы или совокупности, какъ ихъ называютъ. Эти массы или совокупности статистикъ и изучаетъ: онъ разсматриваетъ, изъ какихъ элементовъ онѣ слагаются, подсчитываетъ ихъ въ цѣломъ и въ ихъ составныхъ частяхъ и затѣмъ при помощи статистическихъ пріемовъ путемъ сравненія различныхъ массъ устанавливаетъ причинныя зависимости, стремясь въ конечномъ идеалѣ все къ той же цѣли, которой призваны служить и методы индукціи, именно къ установленію причинныхъ связей между возможно простѣйшими явленіями, между атомами причинъ и слѣдствій. Задачи научнаго изслѣдованія въ области изученія причиннозависимостей всегда однѣ и тѣ же, для статистика и для нестатистика; разнствуютъ лишь способы, которыми эти задачи рѣшаются.

По отношенію къ изучаемымъ статистикомъ массамъ у него могутъ быть двѣ различныя точки зрѣнія. Съ одной стороны, массы эти интересуютъ его, какъ средство къ цѣли, какъ способъ установленія причиннозависимостей. Въ этихъ рамкахъ статистика не образуетъ самостоятельной науки; она отчасти входитъ въ другія созерцательныя науки, оказывая нестатистическимъ пріемамъ изслѣдованія посильную помощь въ дѣлѣ осуществленія общихъ цѣлей; отчасти же, какъ теорія самыхъ пріемовъ изслѣдованія, образуетъ особую главу логики, на ряду съ теоріей индуктивныхъ методовъ. Но, съ другой стороны, массы, съ которыми оперируетъ статистикъ, нуждаются сами-по-себѣ въ систематическомъ изученіи; онѣ представляютъ не малый интересъ, какъ самостоятельный объектъ изслѣдованія, въ особенности въ одной области знанія, въ обществовѣдѣніи, гдѣ составными элементами этихъ массъ являются люди и людскія дѣйствія. Изученіе этихъ массовыхъ явленій общественной жизни и составляетъ предметъ самостоятельной описательной науки, получающей также названіе статистики.

Такимъ образомъ, общимъ наименованіемъ статистики покрываются три совершенно разнородныя вещи. Съ одной стороны, чисто описательная наука, изслѣдующая для опредѣленныхъ условій времени и мѣста такъ называемыя массовыя явленія общественной жизни. Съ другой, теорія пріемовъ изслѣдованія особаго вида причинныхъ соотношеній, свободной причинной связи, какъ мы ее назвали. И, наконецъ, съ третьей стороны, статистикой называютъ всякое конкретное примѣненіе этихъ пріемовъ къ изслѣдованію тѣхъ или иныхъ проблемъ, къ области какой бы созерцательной науки эти проблемы ни относились. Эти три смысла слова «статистика» необходимо ясно различать,

если желать разобраться въ вопросахъ теоріи нашей науки, а также и въ историческомъ ходѣ ея развитія.

Какъ самостоятельная описательная наука, статистика изучаетъ для опредѣленныхъ условій времени и мѣста такъ называемыя массовыя явленія общественной жизни: сколько было въ Москвѣ по переписи 1897 г. мужчинъ и женщинъ въ разныхъ возрастахъ и сколько ихъ оказалось въ 1902 г., сколько изъ нихъ было женатыхъ и замужнихъ, сколько холостыхъ, сколько вдовцовъ и вдовицъ; сколько въ такомъ-то году въ Петербургѣ умерло лицъ отъ разныхъ болѣзней; въ какихъ возрастахъ сколько лицъ вступило въ бракъ въ данномъ году въ Россіи и въ Германіи—вотъ образцы вопросовъ, которыми интересуется описательная статистика. Гдѣ, когда и сколько—вотъ о чемъ она спрашиваетъ. Установленіемъ причинныхъ соотношеній, имѣющихъ силу вездѣ и всегда, она не занимается. Она лишь, подобно другимъ описательнымъ наукамъ, привлекаетъ ихъ къ объясненію описываемыхъ ею явленій, обращаясь для этого къ помощи тѣхъ или иныхъ созерцательныхъ наукъ, а, съ другой стороны, и сама оказываетъ созерцательнымъ наукамъ не малую поддержку въ дѣлѣ открытія причинныхъ связей тѣмъ, что предлагаетъ имъ для дальнѣйшей переработки массы конкретныхъ наблюденій.

При этомъ, однако, единичные факты, которые развертываетъ передъ нами въ систематическомъ порядкѣ описательная статистика, не такъ уже лишены общаго значенія, какъ можетъ показаться. Дѣло въ томъ, что эти, на первый взглядъ, совершенно индивидуальныя и случайныя числа обладаютъ свойствомъ оставаться въ теченіе довольно долгихъ промежутковъ времени поразительно постоянными. Общественная жизнь въ своемъ цѣломъ течетъ довольно ровно, и наши моментальныя фотографіи, если ихъ удачно снимать, оказываются въ концѣ концовъ характерными не только для той минуты и того мѣста, гдѣ онѣ сняты. Числа преступленій держатся, напр., для каждой страны съ такимъ постоянствомъ въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, что знаменитый бельгійскій статистикъ Кетле, открывая эту правильность, съ ужасомъ восклицаетъ: «Есть бюджетъ, который страна выплачиваетъ съ потрясающей аккуратностью; это бюджетъ тюрьмы, каторги и эшафота. Мы заранѣе можемъ высчитать, сколько лицъ замараетъ руки въ крови себѣ подобныхъ, сколько совершитъ подлоги, сколько будетъ отравителей».

Впечатлѣніе, которое оставляетъ разсмотрѣніе этихъ правильностей, съ большой силой передано въ извѣстномъ трудѣ нѣмецкаго статистика и экономиста Ад. Вагнера, «О закономѣрности кажущихся произвольными человѣческихъ дѣйствій» *): «Перенесемся въ то доброе

*) Я привожу слова Вагнера въ изложеніи Янсона (см. «Теорія статистики», стр. 37—38).

старое время, когда были въ ходу баснословные разсказы о путешествіяхъ, и представимъ себѣ, что какой-нибудь писатель разсказывалъ намъ слѣдующее о неизвѣстномъ до тѣхъ поръ народѣ и государствѣ. Въ этой странѣ на каждый годъ закономъ опредѣлено, сколько паръ должно сочетаться браком, какіе возрасты могутъ вступать между собою въ бракъ, сколько молодыхъ дѣвушекъ со старыми мужчинами, сколько молодыхъ мужчинъ со старухами, въ сколькихъ парахъ какая должна быть разница въ лѣтахъ, сколько браковъ будетъ расторгнуто судомъ и т. д. Затѣмъ жребій выбираетъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, кто, именно, по полу, возрасту, занятію долженъ вступить въ бракъ. Другой законъ напередъ устанавливаетъ нормы для числа тѣхъ лицъ, которыя въ текущемъ году должны лишить себя жизни, и распредѣляетъ это число по полу, возрасту и т. д., опредѣляетъ, сколько и какимъ средствомъ должны исполнить этотъ законъ, и затѣмъ опять на основаніи этого предписанія по жребію выбираются его исполнители. Третій законъ точно такимъ же образомъ предписываетъ число долженствующихъ совершиться преступленій, приговоровъ, осуждающихъ и оправдывающихъ по совершеннымъ преступленіямъ, и точно также по жребію назначаются лица, долженствующія совершить эти преступленія. Итакъ далѣе, другіе законы опредѣляютъ количество добрыхъ и злыхъ дѣлъ съ распредѣленіемъ ихъ описаннымъ образомъ между населеніемъ. Короче, всѣ дѣйствія, которыя мы считаемъ свободными, и думаемъ, что предпринимаемъ ихъ по собственному внушенію и соизволенію, по описанію нашего путешественника, въ этомъ государствѣ опредѣляются повелѣніями свыше, и народъ въ этомъ государствѣ совершенно подчиняется этимъ законамъ и вѣрно исполняетъ ихъ, и каждый годъ исполненіе закона контролируется особыми записями. Тогда оказывается, что дѣйствительно законы исполнялись, какъ слѣдовало; правда, случаются незначительныя уклоненія, тѣ или другія дѣйствія выполнялись не вполнѣ согласно съ предписаніями; но тогда недостатокъ или излишекъ зачисляется въ бюджетъ будущихъ дѣйствій слѣдующаго года—совершенно такъ, какъ дѣлается съ нашими финансовыми смѣтами. Народъ въ этомъ государствѣ такъ свыкся съ такимъ порядкомъ, что не замѣчаетъ даже въ немъ ничего особеннаго. Мы сочтемъ подобное описаніе праздной выдумкой, нелѣпымъ анекдотомъ. Но что кажется невозможнымъ устроить никакой человѣческой волей, то удивительнымъ образомъ совершается вслѣдствіе естественной организаціи человѣческаго общества. Не ту же ли самую картину представляютъ, дѣйствительно, существующія государства и народы, съ тою только разницей, что надъ индивидуумомъ исполняются нечувствительно законы природы? То, что намъ казалось бы

нестерпимымъ посягательствомъ на нашу личную свободу со стороны высшей силы, то совершается само собой».

Это постоянство статистическихъ чиселъ имѣетъ громадное научное и жизненное значеніе. Возможность статистическаго описанія всецѣло покоится на немъ. Въ конечномъ счетѣ, оно лежитъ и въ основаніи самаго представленія объ обществѣ, какъ устойчивомъ организмѣ, связующемъ въ одно стройное цѣлое массы свободныхъ самихъ-по-себѣ личностей. Если бы числа, устанавливаемыя статистическимъ наблюденіемъ, мѣнялись отъ года къ году и отъ минуты къ минутѣ, ихъ не стоило бы и регистрировать. Они не давали бы точки опоры ни умозрѣнію, ни практической дѣятельности. Если бы для насыщенія десяти человѣкъ требовалось то пять пудовъ, то десять золотниковъ мяса, нельзя было бы устроить званнаго обѣда. Если бы число дѣтей въ школьномъ возрастѣ составляло то одинъ процентъ населенія, то 50%, никакая школьная организація не могла бы существовать. Организація врачебной помощи, желѣзныя дороги и почты, устройство снабженія большого города пищей и питьемъ все отъ начала до конца покоится на открываемомъ описательной статистикой постоянствѣ регистрируемыхъ ею чиселъ и числовыхъ отношеній. Въ этомъ и лежитъ ключъ къ тому значенію, которое пріобрѣла статистика въ наше время, характеризуемое стремленіемъ къ сознательному вліянію на ходъ общественной жизни. Ни одна смѣта, никакой планъ дѣйствій не могутъ быть построены безъ обращенія къ статистикѣ, безъ пользованія ея числами.

Но является вопросъ, въ какой мѣрѣ это постоянство статистическихъ чиселъ оправдываетъ, дѣйствительно, расчеты на будущее. На первый взглядъ, казалось бы почти, что благодаря ему предвидѣть будущее становится дѣтской игрой: чтобы знать, на что расчитывать въ будущемъ, достаточно только сосчитать разъ на всегда, сколько разъ интересующее насъ явленіе повторилось въ какомъ-нибудь году. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ задача не такъ уже проста. Постоянство—постоянствомъ, но такъ слѣпо на него полагаться не приходится по цѣлому ряду причинъ. Прежде всего, это постоянство обладаетъ тѣмъ, крайне страннымъ на первый взглядъ, свойствомъ, что оно становится замѣтнымъ только тогда, когда мы разсматриваемъ большое число наблюденій. Нѣтъ другой статистической величины, которая отличалась бы такой устойчивостью, какъ отношеніе числа рождающихся мальчиковъ къ числу рождающихся дѣвочекъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, какія доступны нашему точному наблюденію, оно держится на опредѣленной высотѣ—въ большинствѣ странъ на 104—107 съ самыми ничтожными колебаніями. Между тѣмъ, какъ замѣтилъ еще въ серединѣ XVIII в. Зюсмильхъ, одинъ изъ первыхъ указавшій на

эту правильность, «если мы станемъ считать дома по одному, то найдемъ, гдѣ только дочерей, гдѣ однихъ сыновей, гдѣ тѣхъ и другихъ въ самыхъ неправильныхъ сочетаніяхъ; порядокъ трудно замѣтить даже въ небольшихъ общественныхъ группахъ и деревняхъ. Но чѣмъ больше становятся наши суммы, тѣмъ ближе подходятъ онѣ къ истиннымъ законамъ природы, тѣмъ болѣе неправильности малыхъ чиселъ какъ бы проглатываются». Но разъ это такъ, разъ статистическая правильность раскрывается только въ большомъ числѣ наблюденій и не замѣтна, пока наблюденій мало, очевидно, для того, чтобы пользоваться правильностью, надо умѣть оцѣнить, достаточно ли велико число наблюденій, изъ которыхъ она выводится. Иначе неминуемы ошибки. Если бы мы вздумали сосчитать въ двухъ-трехъ знакомыхъ семьяхъ, сколько въ нихъ мальчиковъ и сколько дѣвочекъ, и на основаніи этихъ данныхъ стали бы рѣшать вопросъ, сколько открыть въ городѣ мужскихъ начальныхъ училищъ и сколько женскихъ, то мы легко могли бы ошибиться, такъ что лучше бы ужъ было вовсе не прибѣгать къ счету, а открывать школы прямо наудачу, безъ всякой статистики. Но для того, чтобы быть въ состояніи рѣшить, достаточно ли велико наше число наблюденій, пропали ли въ нашемъ общемъ результатѣ неправильность и случайность малыхъ чиселъ, надо понимать, что собственно означаютъ эти правильности большихъ чиселъ, и почему онѣ раскрываются только въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюденія многочисленны. Надо, словомъ, ясно понять теорію статистическаго закона; иначе всѣ наши расчеты, опирающіеся на него, будутъ строиться на пескѣ, и наши статистическія выкладки будутъ карточными домиками, которые разлетятся при первомъ соприкосновеніи съ жизнью.

Въ связи съ тѣмъ же свойствомъ статистическихъ правильностей обнаруживаться лишь въ большихъ числахъ стоитъ и другое препятствіе для свободнаго пользованія ими при построеніи расчетовъ на будущее. Постоянство статистическихъ чиселъ никогда не бываетъ полнымъ; они никогда не воспроизводятся отъ года къ году въ совершенно тожественномъ видѣ, небольшія колебанія всегда есть. Правда, поскольку эти колебанія обусловливаются нормальнымъ ходомъ событій и являются чисто случайными, они держатся въ довольно узкихъ предѣлахъ, и теорія статистическаго закона даетъ точныя формулы для установленія ихъ границъ. При помощи этихъ формулъ мы всегда можемъ, разъ намъ извѣстно число повтореній интересующаго насъ событія въ текущемъ году, съ достаточною точностью опредѣлить, въ какихъ границахъ это число будетъ держаться и въ будущемъ, если только колебанія его будутъ чисто случайными. Такимъ образомъ, если бы не эта оговорка, дѣло предвидѣнія буду-

щаго въ статистикѣ было бы все же, несмотря на разобранныя нами осложненія, въ сущности не хитрымъ, такъ какъ добиться пониманія теоретическихъ основаній статистическихъ правильностей и разобраться въ формулахъ не трудно. Но такими постоянными колебаніями случайнаго характера затрудненія наши еще не исчерпываются. Наши статистическія числа не гарантированы, несмотря на все ихъ постоянство, и отъ внезапныхъ рѣзкихъ скачковъ. Дѣло въ томъ, что ихъ постоянство обусловливается неподвижностью общественной среды, устойчивостью жизненной обстановки, въ которой существуютъ и дѣйствуютъ люди, дающіе въ результатѣ своей дѣятельности массовыя явленія, учитываемыя статистикой (какая, собственно, связь между неизмѣнностью этихъ жизненныхъ условій и постоянствомъ статистическихъ чиселъ, какъ одно вытекаетъ изъ другой, и составляетъ центральную проблему теоріи статистическаго закона). Но жизненныя условія далеко не неизмѣнны сами. Правда, при ровномъ теченіи жизни общества перемѣны въ нихъ происходятъ очень медленно и плавно, такъ что для ряда послѣдовательныхъ лѣтъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, можно практически считать неизмѣнными. Но пѣтъ-нѣтъ—да и ворвется что-нибудь, что вызоветъ въ нихъ рѣзкій скачекъ. И тотчасъ же статистическія числа отвѣчаютъ столь же рѣзкимъ уклоненіемъ отъ обычной нормы. Отношеніе числа рожденій и смертныхъ случаевъ къ численности населенія остается въ каждой странѣ изъ года въ годъ вообще довольно неизмѣннымъ. Но случится сильный неурожай въ земледѣльческой мѣстности, и смертность замѣтно поднимается, а рождаемость столь же замѣтно падаетъ. Казалось бы, человѣку нужно всегда одно и то же количество матеріала, чтобы одѣться, а какъ колеблется спросъ населенія на ситецъ въ связи съ тѣмъ же урожаемъ. Желѣзныя дороги и конки перевозятъ вообще въ одни и тѣ же часы и по однѣмъ и тѣмъ же линіямъ довольно близкія количества пассажировъ и товаровъ; но наступитъ въ воскресный или праздничный день въ весеннее время хорошая погода, и на подгородныхъ поѣздахъ не добьешься мѣста; придетъ осенью время усиленной перевозки хлѣбовъ, и на всѣхъ линіяхъ начинаютъ кричать, что не хватаетъ вагоновъ.

Такимъ образомъ, постоянство статистическихъ чиселъ не даетъ намъ возможности безъ труда строить планы нашихъ дѣйствій, слѣпо полагаясь на опытъ прошлаго. Точный расчетъ возможенъ, но только при раздумьи, на почвѣ знанія и пониманія. Чтобы подняться выше гаданій, надо умѣть опредѣлять, какъ будетъ обстоять дѣло, если въ интересующей насъ сферѣ не произойдетъ никакихъ потрясеній, и сверхъ того умѣть учитывать измѣненія жизненныхъ условій. Первое дается намъ теоріей статистическаго закона. Для успѣшнаго разрѣ-

шенія второй задачи необходимы знанія двухъ родовъ. Подобно тому, какъ научное предсказаніе погоды въ современной метеорологіи опирается, съ одной стороны, на теорію циклоновъ, дающую намъ съ достаточной степенью точности связь географическаго распредѣленія температуръ и давленій для одного дня съ ихъ распредѣленіемъ для слѣдующаго дня, а, съ другой, на широкую сѣть метеорологическихъ станцій, дающихъ намъ необходимыя наблюденія для каждаго даннаго момента; такъ же точно и въ области общественной жизни намъ необходимо, съ одной стороны, знаніе законовъ, связывающихъ наблюдаемыя нами непосредственно измѣненія въ жизненныхъ условіяхъ съ тѣми явленіями, которыя намъ надо напередъ учесть; а съ другой стороны, необходимо имѣть эти самыя непосредственныя наблюденія для каждаго даннаго момента; ибо безъ нихъ самое полное знаніе законовъ и причинныхъ связей не дастъ намъ для нашей цѣли, для предвидѣнія будущаго, ровно ничего. Пусть мы знаемъ, что за A слѣдуетъ B, а за C слѣдуетъ D; но для того, чтобы рѣшить, чего же намъ ждать, B или D, мы, вѣдь, должны знать, кромѣ того, что имѣется на лицо, A или C.

Разрѣшенію обѣихъ этихъ задачъ служитъ въ области общественныхъ отношеній статистика; дѣлу установленія причинныхъ связей—тою своей стороной, которой она, не образуя самостоятельныхъ наукъ, входитъ составной частью въ соотвѣтствующія созерцательныя науки, какъ о томъ была уже рѣчь выше; дѣлу же непосредственнаго наблюденія за ходомъ явленій всей организаціей—статистики описательной. Статистика—это бюджетъ вещей, сказалъ Наполеонъ; или, скорѣе, каталогъ вещей, въ который, въ идеалѣ, немедленно должны заноситься всѣ новыя пріобрѣтенія, и изъ котораго должно вычеркиваться все, что пропадаетъ. При помощи теоретическаго анализа, пользуясь и статистическими, и нестатистическими пріемами, экономистъ, финансистъ и прочіе представители общественныхъ наукъ открываютъ намъ связь нашихъ A съ B, нашихъ C съ D, а статистика описательная слѣдитъ за тѣмъ, что сейчасъ наблюдается въ дѣйствительности, A или D. Мы уже останавливались на вопросѣ о связи размѣровъ спроса населенія на тѣ или иные продукты съ высотой урожая; насколько здѣсь важно своевременное статистическое наблюденіе для самыхъ практическихъ соображеній, видно изъ того, что на нѣкоторыхъ изъ нашихъ крупныхъ фабрикъ, работающихъ ситецъ для крестьянскаго населенія, ведется собственная статистика урожаевъ; отъ своихъ корреспондентовъ возможно своевременно собираются подробныя свѣдѣнія о видахъ на урожай въ ихъ мѣстности, и на основаніи получаемыхъ данныхъ дѣлаются расчеты количества товара, которое можно надѣяться сбыть. А съ какимъ вниманіемъ собираются

статистическія свѣдѣнія объ урожаѣ на крупныхъ биржахъ, торгующихъ тѣмъ или инымъ сельскохозяйственнымъ продуктомъ. Да къ чему тутъ примѣры. Всякому ясно, какое громадное значеніе для всѣхъ жизненныхъ расчетовъ имѣютъ своевременно полученныя статистическія свѣдѣнія, какъ намъ только извѣстны законы, связывающіе эти наблюденія съ ходомъ общественной жизни, все равно, будутъ ли эти связи установлены путемъ научнаго размышленія, или полуинстинктивнымъ путемъ житейской практики.

Но если статистическое наблюденіе имѣетъ такое громадное жизненное значеніе и если безъ пользованія статистическими пріемами изслѣдованія не обходится въ настоящее время почти ни одна изъ созерцательныхъ наукъ, то почему же не существуетъ на ряду съ описательной статистикой, какъ наукой о массовыхъ явленіяхъ общественной жизни, иныхъ самостоятельныхъ статистическихъ дисциплинъ? Когда физикъ или химикъ, произведя рядъ повторныхъ наблюденій, беретъ для своихъ дальнѣйшихъ вычисленій и выводовъ ихъ среднюю; когда метеорологъ выводитъ за нѣсколько лѣтъ среднія температуры для ряда мѣстностей и сопоставляетъ эти среднія хотя бы съ высотой положенія надъ уровнемъ моря; когда врачъ, изслѣдуя новое средство, даетъ его десяткамъ больныхъ, отмѣчая, сколькимъ оно помогло и сколькимъ нѣтъ—всѣ они, подчасъ не вполнѣ ясно сознавая это, работаютъ статистическимъ методомъ. Почему же мы не имѣемъ статистической патологіи или статистической метеорологіи? Дать отвѣтъ на этотъ вопросъ не трудно. Наличность лишь одной, самостоятельной описательной статистической науки обусловливается тѣмъ, что только въ массовыхъ явленіяхъ общественной жизни удается выдѣлить для статистики,—и то, быть-можетъ, не безъ нѣкоторой натяжки—опредѣленный объектъ изученія, представляющій интересъ не только въ силу своеобразности пріемовъ изслѣдованія, но непосредственно, самъ по себѣ; статистическія же массы, съ которыми приходится имѣть дѣло физику или метеорологу, недостаточно богаты содержаніемъ, чтобы посвящать имъ отдѣльныя описательныя науки. Что же касается причинъ, въ силу которыхъ не возникаетъ самостоятельныхъ созерцательныхъ статистическихъ наукъ, то и здѣсь рѣшающее значеніе имѣютъ соображенія цѣлесообразности: непрактично дробить науки по методамъ изслѣдованія. Науки раздѣляются на группы и отдѣлы по своему реальному содержанію, по тѣмъ областямъ природы, которыя ими изучаются; а методы часто для рѣшенія одной какой-нибудь проблемы приходится примѣнять самые разнообразные. Мы, вѣдь, не образуемъ самостоятельныхъ наукъ изъ всѣхъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ употребляются вѣсы или микроскопъ. А между тѣмъ въ сферѣ установленія причинныхъ соотноше-

ній, гдѣ статистика образуемыя имъ массы интересуютъ не сами по себѣ, а исключительно какъ средство къ цѣли, лишь какъ этапъ на пути открытія законовъ, вся разница между статистикомъ и не-статистикомъ сводится къ выбору средствъ.

Но отъ такого отрицанія самостоятельности статистическаго созерцательнаго изслѣдованія далеко до умаленія его достоинства. Изъ того, что вѣсами работаетъ и физикъ, и химикъ, слѣдуетъ только, что и тому, и другому необходимо быть знакомымъ съ теоріей вѣсовъ и умѣть владѣть ими на практикѣ. Изъ того, что и медику, и естественнику, и экономисту приходится временами вести статистическое изслѣдованіе, вытекаетъ лишь, что всѣмъ имъ надо быть знакомыми съ теоріей статистическаго метода, надо знать, какими пріемами можно добиться открытія причинныхъ соотношеній, когда имѣешь дѣло съ массовыми явленіями, какъ для этого надо составлять изучаемыя массы, какъ производить наблюденія. И мало знать, надо умѣть прилагать свои знанія на дѣлѣ! Изъ теоріи статистики надо почерпнуть свѣдѣнія, путемъ упражненія овладѣть техникой; лишь послѣ этого можно съ надеждой на успѣхъ приступать къ научной статистической работѣ. Иначе общественная и научная цѣнность статистическаго изслѣдованія, сколько бы ни было вложено въ него труда, легко можетъ оказаться ниже нуля. Къ сожалѣнію, такіе статистики, которые производятъ наблюденія, не раздумывая, зачѣмъ и какъ, и продѣлываютъ сложнѣйшія вычисленія, не понимая, куда всѣ эти перемноженія и дѣленія должны и могутъ ихъ привести, чрезвычайно многочисленны, и имъ обязана статистика той худой славой, которой она пользуется въ широкихъ кругахъ читающей публики, чаще нападающей на хлесткія произведенія дилетантовъ, нежели на болѣе строгія, но и болѣе скучныя сочиненія спеціалистовъ. Статистика—это карета, которая везетъ тебя, куда прикажешь,—говоритъ Карлейль. Статистика—искусство давать точныя данныя о томъ, чего не знаешь,—опредѣляетъ Тьеръ. И нельзя не признать, скрѣпя сердце, что въ этихъ строгихъ сужденіяхъ заключается не мало истины.

Предметъ и задачи политической экономіи

Проф. Н. А. Карышева.

Наука о народномъ хозяйствѣ, или такъ называемая политическая экономія, приняла во второй половинѣ XIX в. особо выдающіеся размѣры. Въ этомъ смыслѣ она была счастливѣе прочихъ общественныхъ наукъ. Книжная и журнальная разработка народно-хозяйственныхъ вопросовъ, систематическое и монографическое ихъ изученіе, изложеніе и популяризація поистинѣ огромны во всѣхъ странахъ земного шара съ болѣе или менѣе развитой общественной и умственной жизнью. При этомъ характерной чертой послѣдняго періода экономической литературы слѣдуетъ признать ея тенденцію къ демократизаціи. Экономія давно уже успѣла выйти «изъ кабинетовъ ученыхъ», гдѣ она преимущественно культивировалась еще во времена физіократовъ, Ад. Смита и его ближайшихъ учениковъ, и стала достояніемъ людей практической политики (К. Марксъ, Энгельсъ, Бемъ-Баверкъ, А. Менгеръ и мн. др.); за ея работой слѣдятъ въ наше время не одни только ограниченные кружки спеціалистовъ, но и широкіе мыслящіе общественные круги культурныхъ странъ—отъ парламентаріевъ до развивающаго свое классовое самосознаніе пролетаріата.

Причину указаннаго явленія слѣдуетъ искать въ предметѣ экономическихъ наукъ. Содержаніе послѣднихъ наполняетъ хозяйственная жизнь народовъ. Экономія изучаетъ законы, управляющіе этою жизнью, и тѣ послѣдствія, которыя проистекаютъ отъ ихъ приложенія въ смыслѣ измѣненія соціальнаго строя. Очевидно, сфера вѣдѣнія этой науки охватываетъ наиболѣе близкіе человѣческому обществу интересы, наиболѣе живые, нерѣдко—весьма пестрые. Это—сфера удовлетворенія человѣкомъ своихъ первыхъ, насущныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, составляя часть науки, всесторонне изучающей строеніе и развитіе человѣческихъ обществъ, политическая экономія отмежевываетъ себѣ одну область общественныхъ отношеній, ту, въ основѣ которой лежатъ матеріальныя потребности людей и

возникающія на этой почвѣ экономическія и классовыя отношенія. А матеріальныя потребности людей вытекаютъ изъ требованій самой природы и человѣческаго организма и заявляютъ о себѣ съ категоричной настойчивостью. Имъ подчиняется все живущее; онѣ составляютъ необходимое условіе человѣческаго существованія.

Въ живомъ организмѣ происходитъ вѣчный обмѣнъ матеріи. На мѣсто отжившихъ частицъ притекаютъ новыя. Организмъ живетъ и развивается, пока молекулярное обновленіе происходитъ безостановочно. Для этого необходимо питаніе и тепло. Если же сказанный процессъ замедляется, организмъ разрушается. Наступаетъ истощеніе, болѣзненность, смерть. На нашей ступени историко-экономическаго развитія элементарная забота о возстановленіи (хотя бы только частичномъ) силъ своего организма, заботъ въ буквальномъ смыслѣ о «кускѣ хлѣба» наполняетъ по необходимости почти исключительно существованіе подавляющей массы населенія каждой страны. Если вычесть изъ общей суммы дохода средней семьи ея расходы на пищу, жилище, одежду и топливо, то на удовлетвореніе всѣхъ прочихъ ея потребностей (въ число которыхъ входятъ и образовательныя, и всѣ прочія, такъ называемыя культурныя) остается всего—въ Бельгіи въ сельской рабочей семьѣ (1886) 2,02%, въ индустріальной (1891)—3,66%. [1]); въ рабочей семьѣ въ Саксоніи 5% [2]); въ семьѣ воронежскаго крестьянина (за вычетомъ расходовъ только на пищу и одежду) — 6,5% [3]). При всей неизбѣжной неточности этихъ и подобныхъ вычисленій не остается все же сомнѣній въ томъ, что подавляющая масса всей суммы производительнаго труда каждой страны (болѣе $^9/_{10}$) по необходимости направляется исключительно на удовлетвореніе запросовъ питанія и тепла. Экономическій мотивъ, такимъ образомъ, доминируетъ въ жизни отдѣльнаго индивида и человѣческихъ обществъ. Онъ создаетъ промышленность страны, развиваетъ предпріимчивость, перемѣщаетъ массы населенія изъ однѣхъ странъ въ другія, раздѣляетъ общества на классы и производитъ коллизіи ихъ интересовъ; онъ служитъ первоисточникомъ преступленій; онъ ложится въ основу законодательства, регулируетъ международныя отношенія, производитъ вооруженныя столкновенія [4]). И по мѣрѣ размноженія населенія, роста его культурныхъ потребностей,

[1]) D-r Ernst Engel, «Die Lebenskosten belgischer Arbeiter-Familien».—«Bulletin de l'Institut International de Statistique». Tome IX, 1-e Livr.—Rome. 1895 page 71 et 85.

[2]) Ibid. Anlage 1. S. 34.

[3]) Щербина, «Потребности и потребленіе земледѣльческаго населенія». Памятн. кн. Ворон. губ. на 1894 г. По даннымъ на стр. 20.

[4]) «Экономика—основа всякой соціальной организаціи. Ибо пока человѣкъ не умѣетъ обезпечить себѣ средства къ существованію, нечего ожи-

отдѣленія производства отъ орудій производства и дифференцированія хозяйствъ, значеніе экономическаго фактора не перестаетъ возрастать. Увеличеніе производительности труда далеко не всегда поспѣваетъ за количественнымъ и качественнымъ увеличеніемъ потребностей растущаго населенія. Въ сферу всемірнаго обмѣна втягиваются мало-по-малу всѣ части земного шара. Недавнія событія въ Трансваалѣ и Пекинѣ были лишь эпизодами начавшагося уже ранѣе раздѣла чернаго и желтаго материковъ, вызываемаго современными условіями труда и промышленности въ Европѣ.

Переходя къ анализу опредѣленія науки о народномъ хозяйствѣ, мы замѣчаемъ прежде всего, что средствомъ реализаціи указанной заботы объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей людей служитъ человѣческій трудъ, т. е. потребленіе рабочей силы человѣка. Какую бы общественную форму ни принималъ трудъ производительный, потребляетъ ли его рабовладѣлецъ, капиталистъ или самъ производитель, онъ прежде всего служитъ для производства предметовъ потребленія. Послѣднее «не измѣняетъ своей общей природы вслѣдствіе того, что оно совершается для капиталиста, или подъ его контролемъ. Поэтому процессъ труда слѣдуетъ разсмотрѣть сначала въ его абстрактныхъ моментахъ» [1]). Это и составляетъ содержаніе начальныхъ главъ курса политической экономіи. Здѣсь же ограничимся лишь слѣдующими замѣчаніями.

На первый взглядъ можетъ казаться, что имѣется много общаго между трудомъ человѣка, направленнымъ на производство предметовъ потребленія, и поисками добычи животными. «Паукъ исполняетъ операціи, очень сходныя съ операціями ткача; а пчела, способомъ построенія своихъ восковыхъ ячеекъ, пристыжаетъ многихъ человѣческихъ строителей. Но между самымъ плохимъ архитекторомъ и самою искусною пчелою есть одно существенное различіе, заключающееся въ томъ, что архитекторъ строитъ свою ячейку въ головѣ прежде, чѣмъ начнетъ лѣпить ее изъ воску. Въ концѣ рабочаго процесса получается результатъ, который при началѣ этого процесса уже существовалъ въ представленіи работника, т.-е. въ идеѣ» [2]).

дать развитія высшихъ и болѣе утонченныхъ сторонъ цивилизаціи. Экономическія потребности должны быть удовлетворены раньше, чѣмъ могутъ быть удовлетворены высшія интеллектуальныя и моральныя потребности. Формы политическаго строя и правленія у промышленнаго населенія иныя, чѣмъ у націи, состоящей изъ земледѣльцевъ. Вліяніе экономики часто простирается на самыя утонченныя проявленія цивилизаціи въ эстетической, этической, религіозной сферахъ». (Майо-Смитъ, «Статистика и экономія». М. 1902, стр. 1).

[1]) К. Марксъ, «Капиталъ», т. I, стр. 121—2. Русск. перев. Изд. 1872 г.

[2]) Тамъ же.

Человѣческому труду свойственна нѣкоторая особенность, качественно отличающая его отъ поисковъ добычи животными, особенность, которую называютъ планомѣрностью. Человѣкъ, производя предметы потребленія, «осуществляетъ свою цѣль, которую онъ знаетъ напередъ» и для достиженія которой подчиняетъ свою волю и напрягаетъ свое вниманіе. Слѣдовательно, трудъ, при помощи котораго человѣкъ реализуетъ свою хозяйственную дѣятельность, такъ называемый хозяйственный трудъ долженъ быть прежде всего планомѣрнымъ, и именно въ одной сферѣ—въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ человѣческихъ обществъ.

Далѣе. Поле приложенія хозяйственнаго труда составляютъ матерія и силы природы. Человѣкъ «принимаетъ участіе въ обмѣнѣ веществъ, происходящемъ между нимъ и природою, регулируетъ и контролируетъ этотъ обмѣнъ» [1]). Онъ комбинируетъ природныя данныя съ цѣлью полученія нужныхъ для себя результатовъ. Такимъ путемъ природа становится экономическимъ факторомъ. Изучая свойства матеріи и силъ природы, человѣкъ научается достигать своихъ цѣлей съ наименьшей затратой труда. Желѣзныя дороги сокращаютъ время и трудъ при перевозкѣ товаровъ и людей; паровой плугъ—при обработкѣ почвы и т. д. Главной цѣлью всякаго техническаго прогресса производства служитъ достиженіе возможно большаго количества продуктовъ при относительномъ сокращеніи затратъ человѣческаго труда [2]).

Не трудно замѣтить, что экономія близко соприкасается съ такъ называемыми науками техническими, изучающими пріемы утилизаціи силъ природы. Наука о сельскомъ хозяйствѣ (агрономія), о лѣсномъ хозяйствѣ, вся масса такъ называемыхъ наукъ технологическихъ (о разработкѣ рудъ, металловъ, угля, нефти, соли и проч., технологія волокнистыхъ веществъ, винокуренія и проч., и проч.)

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Найр., въ хлопчато-бумажномъ производствѣ въ Англіи:

	Недѣльное рабочее время:	Недѣльный продуктъ въ hank (hank=768 метр.=1080 арш.) Пряжа № 40 twist.	Пряжа № 60 twist.	Пряжа № 200 weft.
1812 г.	74 ч.	12,5	10,5	4,5
1830 г.	69—70 ч.	16,5	15,0	5,4
1890 г.	56½ ч.	28—30	23,5	17—18

Слѣдовательно, производительность веретена не только возрастала въ XIX в., но возрастала даже при значительномъ сокращеніи рабочаго времени. (Шульце-Гевернитцъ, «Крупное производство». Спб. 1897, стр. 121).

также изучаютъ приложеніе человѣческаго труда въ области удовлетворенія людьми своихъ матеріальныхъ потребностей. Но всѣ эти науки разработываютъ техническіе пріемы, при помощи которыхъ человѣкъ достигаетъ намѣченной цѣли, и отвѣчаютъ на вопросъ: к а к ъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ; экономія же производитъ о ц ѣ н к у этихъ пріемовъ съ точки зрѣнія затратъ труда. Первыя представляютъ собой приложеніе человѣческаго знанія и изобрѣтательности къ производству и доставкѣ продуктовъ; но, когда наступаетъ моментъ сравненія затратъ съ результатами, цѣлей съ средствами, момента учета съ точки зрѣнія количества употребленнаго труда, техника уступаетъ мѣсто экономической оцѣнкѣ относительныхъ достоинствъ своихъ пріемовъ. Изъ нѣсколькихъ возможныхъ въ данномъ мѣстѣ въ данную минуту сѣвооборотовъ избирается тотъ, который оказывается выгоднѣе, соображаясь съ мѣстными рыночными и проч. условіями; изъ нѣсколькихъ возможныхъ видовъ тяги предпочитается (напр., паровая, а не электрическая) болѣе выгодная, принимая во вниманіе состояніе рыночныхъ цѣнъ на товары, конкуренцію и т. п.

Очевидно, между экономіей и техникой существуетъ весьма тѣсная связь, которая сказывается, между прочимъ, и въ томъ вліяніи, которое взаимно оказываютъ одна на другую успѣхи каждой. Великія техническія открытія и изобрѣтенія второй половины XVIII в. произвели коренной переворотъ въ пріемахъ производства; благодаря имъ мануфактурный періодъ уступилъ мѣсто фабричному; машина произвела существенныя измѣненія въ соціальномъ строѣ; капитализмъ получилъ могучія средства къ широкому развитію и распространенію; рабочій классъ сталъ одной изъ крупнѣйшихъ общественныхъ величинъ. Весь этотъ переворотъ въ хозяйственной жизни начала XIX вѣка положилъ свой отпечатокъ на экономическую науку и далъ ей новое направленіе и то развитіе, о которомъ упомянуто выше. Съ другой стороны, и техническіе пріемы производства и доставки товаровъ находятся въ зависимости отъ окружающихъ хозяйственныхъ условій. Капиталистическое производство не можетъ прививаться тамъ, гдѣ нѣтъ контингента для образованія рабочаго класса (напр., при крѣпостномъ правѣ, когда производитель не можетъ свободно располагать продажей своей рабочей силы). Пріемы высшихъ формъ полевой культуры (плодосмѣна, вольной системы) не могутъ быть примѣняемы, напр., въ только-что заселяемой странѣ, гдѣ нѣтъ подходящихъ рыночныхъ условій для сбыта всѣхъ получаемыхъ въ такомъ хозяйствѣ продуктовъ и т. д.

Мы можемъ теперь сказать, что цѣль политической экономіи состоитъ въ изученіи планомѣрной дѣятельности людей въ области удовлетворенія ими своихъ матеріальныхъ интересовъ съ наименьшей затратой труда.

Но такое понятіе далеко не полно. Только примитивное хозяйство было изолированнымъ и стремилось удовлетворить по возможности всѣмъ своимъ потребностямъ трудомъ однихъ своихъ членовъ. На нашей же исторической ступени развитія дифференціація хозяйствъ подвинулась весьма далеко даже въ отсталыхъ странахъ. Отдѣльная хозяйственная единица спеціализируется, работаетъ для рынка и удовлетворяетъ потребностямъ своихъ членовъ *путемъ сбыта* продуктовъ своего производства. Не зная индивидуальныхъ потребностей своего потребителя, современное хозяйство принуждено руководствоваться указаніями рынка, которыя являются равнодѣйствующею запросовъ отдѣльныхъ лицъ. Этотъ коллективный потребитель—рынокъ—и служитъ представителемъ того общества, для котораго работаетъ каждая хозяйственная ячейка. Съ другой стороны, и послѣдняя получаетъ нужные ей для потребленія и производства продукты отъ неизвѣстныхъ ей производителей, разбросанныхъ иногда даже въ разныхъ частяхъ свѣта [1]), руководящихся, въ свою очередь, требованіями рынка, на которыя, въ свою очередь, оказываютъ вліяніе запросы отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, въ томъ числѣ и ея самой, и т. д. Словомъ, продуктъ становится *общественнымъ* и въ смыслѣ производства, и въ смыслѣ потребленія. Взамѣнъ хозяйственныхъ интересовъ отдѣльнаго хозяйства возникаютъ интересы всего общества. Всѣ работаютъ на всѣхъ. Частное хозяйство становится общественнымъ и международнымъ. Отдѣльныя хозяйственныя единицы становятся частью одного цѣлаго, которому онѣ подчиняются съ непреложностью закона [2]).

Сказанное значительно расширяетъ область экономической науки. Цѣлью политической экономіи служитъ такимъ образомъ изученіе явленій планомѣрной дѣятельности *общества* въ области удовлетворенія имъ своихъ матеріальныхъ интересовъ съ наименьшей затратой труда.

Наконецъ, приведенное опредѣленіе нуждается еще въ одной существенной поправкѣ.

Предметомъ научнаго изученія могутъ быть лишь явленія, подчиняющіяся какимъ-нибудь законамъ и находящіяся между собой въ причинной зависимости. Задача *науки* и заключается именно въ изученіи (при помощи логическихъ методовъ) этихъ законовъ,

---

[1]) Тифлисскій или ташкентскій портной употребляетъ матерію, сотканную на владимірской фабрикѣ изъ американскаго хлопка, и т. п.

[2]) «Стоимость хлѣба, производимаго орловскимъ крестьяниномъ, нынѣ диктуется лондонскимъ рынкомъ, по соображенію съ состояніемъ жатвы въ Америкѣ». (*Чупровъ*, «О современномъ значеніи и задачахъ политической экономіи». М. 1874, стр. 6).

этихъ зависимостей съ цѣлью объяснить природу и распространенность явленія въ данный моментъ и его видоизмѣненія подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ во времени (въ исторіи). Радуга и ученіе Будды не могутъ входить въ сферу изученія одной и той же науки, ибо философія восточнаго мыслителя съ названнымъ оптическимъ явленіемъ ни въ какой причинной зависимости не состоитъ. Не могутъ, слѣдовательно, быть предметомъ научнаго изученія и такіе факты, которые представлялись бы случайными, безпричинными, которые были бы результатомъ каприза, были бы ничѣмъ не вызваннымъ актомъ метафизической «свободы воли». Такимъ произвольнымъ дѣйствіямъ чуждъ моментъ причинности, который допускалъ бы научное ихъ изученіе.

Итакъ, обладаетъ ли хозяйственная дѣятельность людей закономѣрностью, которая позволяла бы политической экономіи возвышаться надъ простымъ описаніемъ до уровня науки? Убѣжденіе въ отсутствіи такого свойства соціальныхъ явленій вообще было господствующимъ еще во времена основателя научной статистики Ад. Кетле — около половины истекшаго вѣка. Одно изъ величайшихъ завоеваній мысли XIX столѣтія—ученіе о закономѣрности общественной жизни встрѣчаетъ по временамъ возраженія еще и теперь. Нельзя поэтому не остановиться здѣсь на вопросѣ о непроизвольности хозяйственныхъ явленій, о ихъ подчиняемости законамъ.

Возьмемъ сначала наудачу отдѣльныхъ производителей. Передъ нами екатеринославскій хлѣборобъ, ланкаширскій ткачъ и калифорнійскій золотоискатель. Что можетъ быть общаго между этими разбросанными по свѣту людьми, которыхъ профессіи, привычки, стремленія, культура столь различны между собою? Несмотря, однако, на полную ненаучность такого сопоставленія, даже у нихъ можно, такъ сказать, взять кое-что за скобки. Во-первыхъ, всѣ они трудятся потому, что нуждаются въ заработкѣ для прокормленія себя и своихъ семей. Какъ бы ни были разнообразны хозяйственныя и прочія соціальныя условія, окружавшія предшествующую жизнь каждаго изъ названныхъ лицъ, равнодѣйствующія ихъ оказались для послѣднихъ одинаковыми и выразились въ необходимости прилагать хозяйственный трудъ въ той формѣ и къ тѣмъ природнымъ даннымъ, которыя ихъ окружаютъ. Во-вторыхъ, эти природныя данныя и установившіяся формы промышленности, направляющія трудъ производителей именно такъ, а не иначе. Въ Калифорніи есть золото, котораго нѣтъ ни въ Ланкаширѣ, ни въ Екатеринославской губ.; въ Ланкаширѣ издавна утвердилась хлопчато-бумажная индустрія, дающая рабочему желательный заработокъ; въ Екатеринославской губ., по мѣстнымъ условіямъ, практикуется воздѣлываніе пшеницы, не обѣщающее тѣхъ

же выгодъ ни въ Ланкаширѣ, ни въ Калифорніи. Такимъ образомъ, окружающія естественныя и общественныя условія диктуютъ всѣмъ названнымъ лицамъ форму и направленіе, которое долженъ принять ихъ трудъ для полученія заработка. Мы привели только два пункта, указывающихъ на то, что даже на такомъ грубомъ примѣрѣ разбросанныхъ производителей можно подмѣтить, нѣкоторыя общія причины, руководящія ихъ хозяйственною дѣятельностью. Можно бы, пожалуй, предположить и другія (въ какихъ-нибудь измѣненіяхъ въ цѣнности золота, въ условіяхъ мірового обмѣна и т. д.).

Повторяемъ, однако, что такой пріемъ не научен, такъ какъ закономѣрность общественныхъ явленій можетъ быть изучаема только путемъ систематическихъ массовыхъ наблюденій. Воспользуемся какимъ-нибудь примѣромъ, удовлетворяющимъ такому требованію. Для этой цѣли пригодно, напр., явленіе нашихъ отхожихъ промысловъ, захватывающее громадныя массы людей. Еще въ концѣ 80-хъ годовъ отхожіе промышленники составляли у насъ огромную армію въ 5—6 милліоновъ человѣкъ ежегодно, при чемъ цифра эта была завѣдомо ниже дѣйствительности [1]). Съ тѣхъ поръ, по даннымъ текущей земской статистики, явленіе это не переставало возрастать. Обусловлено ли чѣмъ-нибудь это «великое перемѣщеніе», или оно является результатомъ произвольныхъ дѣйствій отдѣльныхъ индивидовъ, принимающихъ въ немъ участіе?

Очевидно, не безъ причины такія массы крестьянъ оставляютъ свои дома и хозяйства и отправляются на сторону въ поискахъ за невѣрнымъ заработкомъ. Ближайшее разсмотрѣніе убѣждаетъ въ томъ, что побуждаетъ ихъ къ этому и малоземелье, и слабое развитіе арендъ, и невозможность использовать свой трудъ въ собственномъ хозяйствѣ, и недостатокъ заработковъ на мѣстахъ, и недостаточный доходъ отъ надѣловъ, и высокіе платежи и нѣкоторыя другія причины, свойственныя особенно тѣмъ мѣстностямъ, откуда движется потокъ отхожихъ промышленниковъ. Слѣдовательно, не капризъ, не произволъ руководитъ ими, а цѣлый комплексъ причинъ (который можно бы назвать строемъ мѣстнаго хозяйства) и съ принудительностью закона заставляетъ милліоны людей искать приложенія своего труда вдали отъ мѣстъ ихъ жительства.

Послѣдуемъ, далѣе, за тѣми, кто ищетъ на югѣ заработковъ земледѣльческихъ. Движутся они при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: по большей части пѣшкомъ на разстояніи сотенъ и иногда болѣе тысячи верстъ, спятъ на сырой землѣ, почти не знаютъ горячей

---

[1]) Карышевъ, «Къ изученію нашихъ отхожихъ промысловъ». «Русск. Бог.» 1896 г. № 7.

пищи и т. д. Все это отражается на ихъ истощеніи, болѣзненности, уменьшеніи трудоспособности; все это обусловливаетъ громадную непроизводительную трату времени на передвиженія. Предъ нами опять сумма явленій, обусловленныхъ не волей, а необходимостью, нищетой.

Еще далѣе. Рабочіе прибыли въ Новороссію или Сѣверный Кавказъ. Степень ихъ удачи здѣсь опять зависитъ отъ цѣлаго ряда причинъ, не зависящихъ отъ ихъ воли. На ихъ успѣхъ вліяютъ и размѣры ожидаемаго урожая, и распространенность въ мѣстномъ хозяйствѣ машинъ, и освѣдомленность пришлыхъ рабочихъ о спросѣ на трудъ въ той или другой части Юга, и размѣры конкуренціи мѣстныхъ, и мн. др. Ни одна изъ этихъ и подобныхъ причинъ не находится ни въ какой зависимости отъ тѣхъ лицъ, которыя явились за заработкомъ, но для которыхъ онѣ имѣютъ безусловно рѣшающее значеніе. Сложились онѣ благопріятно для нихъ—цѣль отхода болѣе или менѣе достигнута; сложились неблагопріятно—отходъ далъ въ результатѣ почти безцѣльную огромную трату времени и силъ.

Наконецъ, отхожіе промышленники возвратились домой. Отъ размѣровъ принесенной каждымъ суммы денегъ, т.-е. отъ той равнодѣйствующей, которая получилась изъ комбинаціи всѣхъ разнообразнѣйшихъ условій, обставившими отходъ сначала до конца, зависитъ, будутъ ли уплачены подати, будутъ ли хоть сколько-нибудь удовлетворены хоть частью первѣйшія потребности семей, или же ничего этого не послѣдуетъ, а нищета заставитъ на будущій годъ домохозяина брать съ собой въ отходъ подростка-сына или дочь и т. д.

Не трудно видѣть, что каждый шагъ въ описанномъ явленіи обусловленъ императивами, въ силу которыхъ при наличныхъ условіяхъ оно должно было наступить и не могло не наступить. И наоборотъ, если бы измѣнившіяся условія выбросили изъ этой цѣпи какое-нибудь звено, то и въ самомъ явленіи должны были бы наступить соотвѣтственныя измѣненія. Такъ, уменьшеніе выкупныхъ платежей и уничтоженіе подушной подати были причиной того, что немалое число отхожихъ промышленниковъ, работавшихъ на фабрикѣ уже годами, стали возвращаться на свои надѣлы въ 80-хъ годахъ; а голодъ начала 90-хъ годовъ служилъ причиной небывалаго увеличенія отхода, напр., изъ Воронежской губ. и другихъ на Сѣверный Кавказъ и т. п.

Мы не можемъ себѣ представить такого общественнаго явленія, въ которомъ ближайшій анализъ не установилъ бы такого же рѣшающаго вліянія производящихъ причинъ.

Еще съ бо́льшей рельефностью закономѣрность соціальныхъ явленій можно замѣтить въ тѣхъ случаяхъ, когда мы постараемся вдуматься въ наблюденія надъ очень большими массовыми явленіями, лучше подчиняющимися числовому учету

При отсутствіи измѣненій въ производящихъ причинахъ бываютъ крайне ничтожны и колебанія числа случаевъ такихъ явленій, которыя, казалось бы, всецѣло зависятъ отъ воли человѣка. Напр., «постоянство изъ года въ годъ въ числѣ самоубійствъ въ Европѣ иногда поразительно. Въ Англіи число это колеблется менѣе, чѣмъ число убійствъ и незаконныхъ рожденій. Въ Швеціи оно колеблется менѣе, чѣмъ ежегодное число убійствъ и браковъ и лишь немного болѣе, чѣмъ смертей или случайныхъ смертей. Въ Баваріи ежегодное число самоубійствъ колеблется менѣе, чѣмъ число убійствъ, браковъ, незаконныхъ рожденій и случайныхъ смертей» [1]). Или вотъ нѣсколько поразительныхъ по своему постоянству цифръ убійствъ разнаго рода во Франціи по Кетле [2]).

	1826	1827	1828	1829	1830	1831	
Изъ ружья и пистолета .	56	64	60	61	57	83	
Ножомъ	39	40	34	46	44	34	
Палкой	23	28	31	24	12	21	
Орудіями колющими и т. п.	35	40	42	45	46	49	и. т. д.

Вотъ, далѣе, нѣсколько данныхъ о пассажирскомъ движеніи въ среднемъ на версту дороги въ Россіи [3]).

Годы:	Количество пассажировъ.
1870	1684
1871	1615
1872	1610
1873	1635
1874	1678

Средній пробѣгъ пассажировъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ [4]):

Годы:	Верстъ на 1 пассажира въ годъ:
1868	109
1869	108
1870	103
1871	105
1872	111
1873	109
1874	106

Если, такимъ образомъ, число явленій въ единицу времени почти не измѣняется даже въ случаяхъ, когда нелегко бываетъ примириться съ мыслью о ихъ непроизвольности и закономѣрности (въ самоубійствѣ, въ выборѣ орудій убійства, въ передвиженіи по желѣзнымъ до-

---

[1]) Майо-Смитъ, «Статистика и соціологія». М. 1901 г., стр. 257.
[2]) A. Quetelet, «Sur l'homme et le developpement de ses facultés». Paris, 1835 г. Т. 1, p. 8.
[3]) Чупровъ, «Желѣзнодорожное хозяйство». М. 1878 г., т. II, стр. 35.
[4]) Чупровъ, «Лекціи». Изд. 1880—81, стр. 17.

рогамъ), то едва ли можно удивляться постоянству, обусловленному причинностью, явленій въ иныхъ областяхъ, гдѣ вліяніе окружающихъ условій понимается яснѣе: напр., въ Россіи соотношеніе между площадью яровыхъ и озимыхъ посѣвовъ (перевѣсъ первыхъ приблизительно на 30%) не измѣнилось съ 1881 до 1892 года; площадь подъ рожью составляла всей площади посѣвовъ въ 1881 г.—37%, а въ 1892 г.—35%; площадь овса — 20% и 19,3%; площадь ячменя — 7,1% и 8,7% [1]). Мужская поденная плата въ нечерноземныхъ губерніяхъ (въ коп.) [2]):

Годы:	Въ періодъ: яровыхъ посѣвовъ	уборки хлѣбовъ.
1882	37,38	47,29
1883	37,28	45,52
1884	37,62	45,40
1885	35,48	40,15
1886	33,21	43,36
1887	33,82	45,00
1888	35,99	44,37
1889	36,80	44,32
1890	36,67	44,60
1891	34,12	42,60

Довольно примѣровъ. Ничтожность колебаній всѣхъ этихъ цифръ указываетъ на то, что каждое указанное явленіе имѣетъ извѣстный типъ, составляющій равнодѣйствующую причинъ, его производящихъ. Частичныя измѣненія и колебанія причинъ обусловливаютъ и небольшія колебанія въ слѣдствіяхъ. Но безъ крупныхъ перемѣнъ въ первыхъ вторыя сохраняютъ постоянство своего типа.

Мы не будемъ черпать здѣсь изъ теоріи статистическаго метода объясненія всего сказаннаго. Укажемъ лишь, что Ад. Кетле [3]) различаетъ два рода причинъ общественныхъ явленій: 1) *постоянныя*, дѣйствующія на большія или меньшія массы явленій, и 2) *случайныя* (*пертурбаціонныя*) или *индивидуальныя*, подъ вліяніемъ которыхъ находится одно данное явленіе или небольшая ихъ группа. Когда мы наблюдаемъ одно конкретное явленіе (смерть даннаго ребенка), зрѣніе наше черезчуръ заслоняется непосредственными его причинами (скарлатина), что мѣшаетъ намъ видѣть болѣе общія постоянныя причины (податливость заразѣ организмовъ, истощенныхъ постояннымъ недоѣданіемъ, благодаря экономической несостоятельности данной мѣстности и т. д.), одно изъ проявленій которыхъ намъ случайно удалось наблюсти. Для изученія законовъ общественной жизни,

[1]) Фортунатовъ, «Сельско-хоз. статистика». М. 1893 г. стр. 161.
[2]) Тамъ же, стр. 140.
[3]) Ad. Quetelet, указ. соч. стр. 5 и слѣд.

говоритъ Кетле, надо отвлечься отъ индивидуальныхъ явленій и разсматривать ихъ массами; въ этомъ случаѣ характерныя особенности каждаго взаимно уничтожатся; намъ станетъ возможнымъ понять общій типъ и изслѣдовать его причинную зависимость. Пусть, поясняетъ тотъ же авторъ, будетъ начерчена (мѣломъ, напр. на доскѣ) большая окружность. Если мы будемъ разсматривать (напр., при помощи увеличительнаго стекла) на весьма близкомъ разстояніи одну какую-нибудь ея небольшую часть, то мы увидимъ лишь массу бѣлыхъ точекъ по черному полю, разбросанныхъ въ величайшемъ безпорядкѣ, и никакая мысль о томъ, что онѣ составляютъ какую-нибудь систему, не придетъ намъ въ голову. Если мы затѣмъ помѣстимся нѣсколько дальше, то замѣтимъ дугу, составленную изъ тѣхъ же бѣлыхъ точекъ. Наконецъ, если мы взглянемъ на всю начерченную фигуру, то мы совсѣмъ уже не будемъ замѣчать отдѣльныхъ точекъ, изъ которыхъ она составлена, не увидимъ болѣе безпорядка въ ихъ размѣщеніи и поймемъ ту общую систему, которую онѣ составляютъ. «Такимъ же способомъ слѣдуетъ изучать и законы, которыми управляется общественная жизнь людей: когда наблюдаешь ее черезчуръ близко, ихъ невозможно уловить изъ-за индивидуальныхъ особенностей явленій, которыя разнообразны до безконечности».

Такимъ образомъ, всѣ явленія соціальной и, слѣдовательно, экономической жизни не произвольны, а закономѣрны и потому могутъ подлежать научному изученію.

Слѣдовательно, можно сказать, что политическая экономія есть наука, изучающая законы и явленія планомѣрной дѣятельности общества въ области удовлетворенія имъ своихъ матеріальныхъ потребностей съ наименьшей затратой труда, или короче: политическая экономія есть наука, изучающая законы развитія хозяйственной жизни общества.

Методы экономическихъ изслѣдованій *).

А. И. Чупрова.

Задача политической экономіи заключается въ познаніи типическихъ формъ и типическихъ отношеній въ области хозяйства. Какъ же можетъ быть достигнута эта задача? Какимъ путемъ пріобрѣтается познаніе общихъ законовъ, управляющихъ явленіями, которое составляетъ конечную цѣль теоріи?

Первоначальнымъ отношеніемъ мысли къ изслѣдуемымъ явленіямъ служитъ простое наблюденіе. По опредѣленію логики, наблюденіемъ называется подмѣчаніе отдѣльныхъ явленій, равно какъ порядка ихъ сосуществованія или послѣдовательности. Въ результатѣ наблюденія, повтореннаго достаточное число разъ, получается извѣстный выводъ, который называется эмпирическимъ закономъ. Эмпирическій законъ, основанный на наблюденіи, утверждаетъ только, что во всѣхъ замѣченныхъ случаяхъ извѣстныя явленія встрѣчаются вмѣстѣ или слѣдуютъ одно за другимъ, но этотъ законъ ни въ какомъ случаѣ не обосновываетъ ихъ причинной связи. Наблюдая явленія народнаго хозяйства, мы замѣчемъ, напримѣръ, что увеличеніе цѣнъ на всѣ предметы совпадаетъ съ прибавленіями количества денежныхъ знаковъ, что развитіе желѣзныхъ дорогъ сопровождается увеличеніемъ цѣнъ на земли, что цѣны на фабричныя издѣлія измѣняются въ исто-

*) Источники и пособія по вопросу о методѣ: Д. С. Милль. Логика, особенно 3 и 6 книги. Джевонсъ, Основы науки. Минто, Логика. Левитскій, Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, 1890. J. S. Mill, Essays on some unsettled questions of Political Economy: Sect. III,—V. Menger, Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften 1883. Knies, Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte 1883. A. Wagner, Grundlegung, 3-te Aufl. § 65—97, Schmoller, Art. «Volkwirtschaftslehre» въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. VI. 539—560. Keynes, The scope and method of Political Economy. 1893.

Настоящая статья съ разрѣшенія автора заимствована изъ его книги: «Политическая экономія. Лекціи орд. проф. Императорскаго Московскаго университета А. И. Чупрова» (М. 1902).

ріи въ обратномъ направленіи съ цѣнами на продукты сельскаго хозяйства и т. п. Если мы находимъ совпаденіе этихъ явленій во всѣхъ или почти во всѣхъ наблюденныхъ случаяхъ, то мы имѣемъ право возвести нашъ выводъ въ эмпирическій законъ. Такіе выводы остаются на степени эмпирическихъ законовъ до тѣхъ поръ, пока мы не въ состояніи будемъ объяснить причинную связь между одновременно существующими или слѣдующими другъ за другомъ явленіями. Такъ какъ простое наблюденіе не даетъ намъ возможности заключать о причинной связи, то оно не можетъ и сообщить увѣренности, что замѣченное совпаденіе будетъ всегда неизмѣнно повторяться. Такой характеръ эмпирическихъ законовъ имѣютъ и обобщенія, полученныя въ результатѣ статистическихъ наблюденій, пока не указана причинная зависимость между совпадающими явленіями. Чтобы выяснить причинную связь явленій, нужно доказать, что одному явленію постоянно сопутствуетъ или за нимъ слѣдуетъ другое, что мы не можемъ устранить причины, не устранивъ въ то же время и слѣдствія. Какъ скоро такая зависимость установлена, эмпирическій законъ пріобрѣтаетъ значеніе и силу научнаго закона. Какимъ же путемъ опредѣляется причинная зависимость между явленіями? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается ученіемъ о методѣ научнаго изслѣдованія.

Умъ человѣческій вообще владѣетъ двумя средствами заключать отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Мы или изъ изслѣдованія частныхъ единичныхъ фактовъ выводимъ общее правило о всѣхъ однородныхъ фактахъ, въ томъ числѣ и о неизвѣстныхъ, или подъ извѣстное общее правило подводимъ частные случаи. Первый способъ именуется индукціей (наведеніемъ), второй—дедукціей (выведеніемъ). Методъ индукціи сводится къ пяти основнымъ пріемамъ изслѣдованій: a) методу совпаденія, b) методу разницы, c) косвенному методу разницы, d) методу остатковъ и e) методу сопутствующихъ измѣненій *).

Пріемы опытнаго изслѣдованія въ чистомъ ихъ видѣ могутъ примѣняться только къ объясненію такихъ фактовъ, гдѣ каждое дѣйствіе связано исключительно съ какою-нибудь одною причиной. Но въ области общественной жизни такіе факты составляютъ рѣдкое исключеніе. Огромное большинство общественныхъ явленій зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ причинъ, которыя, притомъ, подлежатъ постояннымъ измѣненіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что явленія че-

*) Съ перечисленными методами можно въ подробности познакомиться изъ трактата Джона Стюарта Милля о Логикѣ, изъ «Логики» проф. Троицкаго, изъ «Логики» Минто и т. п. Сущность этихъ методовъ будетъ изложена въ одномъ изъ выпусковъ «Библіотеки самообразованія» за 1904 г., озаглавленномъ «Словарь философскихъ знаній», подъ ред. Э. Л. Радлова. Кромѣ того, ср. въ статьѣ А. А. Чупрова, стр. 62 и слѣд.

ловѣческаго общества суть слѣдствія извѣстныхъ причинъ и подчиняются опредѣленнымъ законамъ; этимъ обусловливается возможность существованія общественныхъ наукъ вообще, и съ этой стороны явленія соціальной жизни ничѣмъ не разнятся отъ явленій, изучаемыхъ естественными науками, не исключая и самой совершенной изъ нихъ — астрономіи. Но астрономическія явленія управляются немногими причинами, которыя, притомъ, измѣняются весьма мало и по вполнѣ извѣстнымъ законамъ, такъ что возможно съ точностью опредѣлить, каковы эти причины теперь, и какія произойдутъ въ нихъ измѣненія въ любую эпоху отдаленнаго будущаго. Напротивъ, причины, отъ которыхъ зависятъ явленія соціальной жизни: а) многочисленны; b) эти многочисленныя причины дѣйствуютъ большею частью совмѣстно, такъ что представляется невозможнымъ отдѣлить дѣйствіе однѣхъ отъ дѣйствія другихъ; с) наконецъ, каждый изъ общественныхъ факторовъ подлежитъ постояннымъ измѣненіямъ. Эти особенности общественныхъ явленій обусловливаютъ собою неприложимость къ соціальнымъ наукамъ чисто опытнаго метода. Тѣмъ не менѣе, мы часто наталкиваемся на попытки прилагать индуктивные пріемы, во всей ихъ чистотѣ къ явленіямъ общественной жизни. Сплошь-и-рядомъ, и въ жизни, и въ литературѣ ссылка на факты, встрѣчающіеся въ экономической практикѣ той или другой страны, является аргументомъ противъ общихъ положеній и теоретическихъ выводовъ науки, или выставляется, какъ достаточное основаніе, для оправданія того или другого мѣропріятія въ сферѣ экономической политики. Укажемъ для иллюстраціи на изслѣдованія американскаго экономиста Кэри, направленныя къ доказательству необходимости покровительственной системы ввозныхъ пошлинъ. Для рѣшенія этой проблемы Кэри, не удовлетворившись обычными въ экономической наукѣ методами изслѣдованія, прибѣгаетъ къ эмпирическому пріему, который состоитъ въ сравнительной оцѣнкѣ послѣдствій, сопровождавшихъ введеніе покровительственной системы, или отмѣну ея въ различныхъ странахъ. Пользуясь, такимъ образомъ, повидимому, индуктивнымъ методомъ разницы, Кэри, съ историческими фактами въ рукахъ, старается убѣдить своихъ читателей въ томъ, что введеніе покровительственной таможенной системы влечетъ за собою процвѣтаніе промышленности, и, наоборотъ, упадокъ послѣдней является прямымъ послѣдствіемъ установленія началъ свободной торговли. Не трудно замѣтить, что эти и подобныя соображенія, несмотря на ихъ кажущееся научное построеніе, обладаютъ весьма малой доказательной силой. Хотя во Франціи временъ Кольбера — примѣръ, на который ссылается Кэри — дѣйствительно замѣчается высокая степень развитія мануфактурной промышленности рядомъ съ существованіемъ покровительственной системы, но одно это совпаденіе

не представляетъ еще достаточнаго логическаго основанія для признанія между двумя указанными фактами неизмѣнной причинной связи. Такую связь можно было бы считать несомнѣнно существующею лишь въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать, — какъ это и требуется индуктивнымъ методомъ разницы, — что на процвѣтаніе промышленности въ данную эпоху не оказывали вліянія никакія другія причины, кромѣ покровительственныхъ тарифовъ. Такихъ доказательствъ нѣтъ у Кэри и быть не можетъ. Прогрессивный ростъ національной промышленности, равно какъ и упадокъ послѣдней, подобно другимъ сложнымъ феноменамъ общественной жизни, не происходитъ въ одно мгновеніе, а обнаруживается въ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, въ теченіе котораго въ народной жизни, помимо установленія или отмѣны покровительственныхъ пошлинъ, можетъ совершиться множество разнообразныхъ измѣненій, оказывающихъ вліяніе на ходъ промышленности. Игнорировать это разнообразіе причинъ, одновременно дѣйствующихъ въ общественномъ организмѣ, изслѣдователь соціальныхъ явленій—не въ правѣ, если онъ желаетъ остаться на высотѣ научныхъ требованій.

Мы должны, такимъ образомъ, придти къ выводу, что пріемы чисто индуктивнаго изслѣдованія, въ примѣненіи къ анализу сложныхъ экономическихъ фактовъ, не могутъ дать надежныхъ заключеній о причинной зависимости между явленіями. Между тѣмъ истинное знаніе заключается въ пониманіи причинъ изучаемыхъ фактовъ—scire est per causas scire *), и если бы человѣческая мысль располагала только однимъ чисто индуктивнымъ пріемомъ изслѣдованія, заранѣе пришлось бы отказаться отъ возможности имѣть точные законы въ области экономической науки. Но умъ человѣка владѣетъ еще другимъ пріемомъ изслѣдованія. Вмѣсто того, чтобы изучать явленія во всей ихъ дѣйствительной цѣлости, человѣческая мысль старается отыскать и изслѣдовать простѣйшіе элементы явленій и затѣмъ уже показать, какъ изъ этихъ простыхъ элементовъ слагаются болѣе сложные феномены. Это тотъ пріемъ, который заставляетъ физика, изучающаго сложное движеніе тѣла подъ вліяніемъ взаимодѣйствія нѣсколькихъ силъ, изслѣдовать сначала вліяніе каждой отдѣльной составляющей силы; который побуждаетъ химика познавать законы сложнаго соединенія путемъ разложенія его на простѣйшіе составные элементы и предварительнаго изученія законовъ этихъ послѣднихъ.

Какъ уже было указано выше, этотъ второй методъ научнаго изслѣдованія, извѣстный въ логикѣ подъ названіемъ дедуктивнаго, стремится найти законы сложнаго явленія, исходя изъ законовъ про-

*) Знаніе заключается въ знаніи причинъ.

стѣйшихъ причинъ, производящихъ это явленіе. 1) Первая ступень дедуктивнаго процесса состоитъ въ томъ, что при помощи индукціи или основаннаго на ней вывода опредѣляется законъ каждой изъ причинъ, вліяющихъ на отдѣльныя явленія. 2) Когда законы простѣйшихъ причинъ обнаружены, предстоитъ вторая ступень дедуктивнаго процесса: должно опредѣлить по законамъ причинъ, какое дѣйствіе произведетъ данная ихъ совокупность. Это—процессъ вычисленія: нужно вычислить, какъ видоизмѣняется каждая изъ причинъ при соединенномъ ихъ дѣйствіи, когда однѣ изъ нихъ подпадаютъ подъ вліяніе другихъ. Но такимъ опредѣленіемъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ, ранѣе изслѣдованныхъ причинъ, не заканчивается работа мысли въ дедуктивномъ изслѣдованіи. 3) Чтобы дедуктивный методъ имѣлъ доказательную силу, необходимо получить убѣжденіе, что при изслѣдованіи приняты въ соображеніе всѣ причины и что вѣрно опредѣлены законы каждой изъ нихъ. Это ведетъ къ необходимости провѣрки, которая составляетъ третій фазисъ всего процесса. Довѣріе къ общимъ заключеніямъ, пріобрѣтеннымъ путемъ абстрактнаго вывода, только тогда основательно, когда эти заключенія, по тщательномъ сравненіи съ дѣйствительностью, окажутся согласными съ результатами прямого наблюденія. Если же выводы не совпадаютъ съ явленіями наблюдаемой дѣйствительности, то изслѣдователь обязанъ показать, какими обстоятельствами въ данномъ случаѣ ослабляется или даже вовсе парализуется дѣйствіе изслѣдованныхъ причинъ. На этой третьей стадіи дедуктивнаго метода, провѣркѣ, основывается, главнымъ образомъ, довѣріе къ двумъ предшествующимъ. Провѣрка выводовъ съ дѣйствительными фактами иллюстрируется Джевонсомъ въ его «Основахъ науки» чрезъ сравненіе съ разгадкой ребусовъ; при разгадываніи ребусовъ мы предполагаемъ, не такое-то ли слово выражено данными знаками, и свѣряемъ нашу гипотезу съ дѣйствительными начертаніями ребуса; вышло, — ребусъ разгаданъ, не вышло, — мы снова строимъ гипотезу и т. д. Таковы главныя три ступени дедуктивнаго процесса.

Попытаемся теперь охарактеризовать тѣ особенности, которыя встрѣчаетъ экономическая дедукція на каждой изъ указанныхъ трехъ стадій.

Обращаясь къ первой стадіи дедуктивнаго изслѣдованія, къ отысканію законовъ отдѣльныхъ причинъ, производящихъ явленіе, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ: откуда экономическая наука почерпаетъ познаніе простѣйшихъ элементовъ разсматриваемыхъ ею сложныхъ хозяйственныхъ явленій?

Познаніе первичныхъ факторовъ явленій политическая экономія можетъ во многихъ случаяхъ получать въ готовомъ видѣ изъ другихъ наукъ. Дѣйствительно, бо́льшая часть экономическихъ фактовъ зави-

ситъ или отъ отношенія человѣка къ внѣшнему міру, или отъ взаимныхъ отношеній людей между собою; слѣдовательно, объясненія этихъ фактовъ нужно искать частью въ законахъ внѣшней природы, частью въ законахъ, управляющихъ физической и духовною жизнью человѣка. Такъ какъ политическая экономія имѣетъ дѣло съ дѣйствіями людей, соединенныхъ въ общества, то простѣйшими элементами изучаемыхъ фактовъ являются отдѣльные индивидуумы и ихъ стремленія. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается важное преимущество политической экономіи, какъ науки. Въ самомъ дѣлѣ, теорія наиболѣе развитыхъ отраслей естествознанія, если она желаетъ дойти до первичныхъ факторовъ явленій, должна считаться съ такими простыми элементами, какъ атомы, молекулы и ихъ взаимныя отношенія, которыя не доступны непосредственному наблюденію и могутъ быть лишь предметомъ болѣе или менѣе удачныхъ гипотетическихъ построеній. Между тѣмъ, свойства и дѣятельность индивидуумовъ, составляющихъ общества, суть факты, поддающіеся наблюденію и представляющіе обширное поле для точныхъ научныхъ изысканій. Во всѣхъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ явленіяхъ стоятъ, какъ первыя причины: во-первыхъ, извѣстныя свойства человѣческаго организма; во-вторыхъ, чувствованія и привычки людей; въ-третьихъ, условія внѣшней природы, среди которыхъ приходится дѣйствовать человѣку; и, наконецъ, политическія учрежденія, юридическій бытъ и другія стороны общественной обстановки въ ихъ вліяніи на личность. Многія изъ этихъ причинъ составляютъ предметъ изслѣдованія другихъ отраслей знанія. Такъ, физіологія знакомитъ съ явленіями человѣческаго организма, психологія— съ законами духовныхъ проявленій человѣка; естественная исторія сообщаетъ познанія о внѣшней природѣ, среди которой дѣйствуетъ человѣкъ; наконецъ, юридическій бытъ и политическія учрежденія народовъ изучаются различными отраслями правовѣдѣнія. Такимъ образомъ, значительное число наведеній, на которыхъ экономическая наука строитъ свои выводы, заимствуется ею въ готовомъ видѣ изъ другихъ наукъ.

Возьмемъ для примѣра извѣстную теорему Мальтуса о народонаселеніи. Она представляетъ собою дедукцію, въ которой на первой стадіи берутся двѣ посылки, созданныя не самостоятельною работою изслѣдователя, а заимствованныя цѣликомъ изъ другихъ наукъ. Первая посылка заключается въ указаніи на законъ, по которому происходитъ размноженіе населенія. Законъ этотъ выводится сначала эмпирически изъ статистическихъ наблюденій, а затѣмъ подтверждается ссылкой на физіологическія условія, опредѣляющія срокъ беременности женщинъ, періодъ кормленія ребенка грудью и maximum возможнаго количества дѣтей въ періодъ дѣторожденія. Такимъ образомъ, первая

посылка заимствована изъ физіологіи и только подтверждается статистическими наблюденіями. Вторая посылка опредѣляетъ законы возрастанія продуктовъ земли. Наблюдено, что прибавка новыхъ затратъ труда и капитала на землю увеличиваетъ количество получаемыхъ отъ земли продуктовъ не въ одинаковой пропорціи съ этой затратой. Такъ, если, при затратѣ 100 единицъ труда и капитала на извѣстной площади, сумма получаемыхъ продуктовъ равняется, напримѣръ, a, то добавочная затрата на ту же площадь новыхъ 100 единицъ увеличитъ сумму продуктовъ не на a, а быть-можетъ только на $^3/_4a$, такъ что весь продуктъ отъ данной площади при затратѣ 200 единицъ будетъ равняться не $2a$, а $1^3/_4a$. Послѣдній законъ, основанный на наблюденіяхъ въ области сельскаго хозяйства, былъ прямо заимствованъ Мальтусомъ изъ агрономіи его времени. На двухъ указанныхъ посылкахъ, взятыхъ готовыми изъ другихъ отраслей знанія, строится цѣлый рядъ выводовъ, которые и составляютъ самостоятельную часть работы Мальтуса. Ближайшій изъ этихъ выводовъ состоитъ въ томъ, что увеличеніе средствъ существованія идетъ медленнѣе, нежели размноженіе человѣчества.

Приведенный примѣръ съ достаточною наглядностью показываетъ, что политическая экономія, дѣйствительно, имѣетъ возможность часть своихъ посылокъ брать готовыми изъ другихъ наукъ; не слѣдуетъ, однако, думать, что изъ этого источника можно почерпать всѣ посылки, потребныя для построенія ея выводовъ. Во многихъ случаяхъ экономисту *самому* приходится изучать законы причинъ, отъ которыхъ зависятъ разсматриваемыя имъ явленія. Откуда же и какимъ способомъ онъ можетъ добыть эти посылки?

Со многими изъ такихъ посылокъ знакомитъ изслѣдователя его собственный *внутренній опытъ*. Свойства человѣческаго характера, отъ которыхъ зависятъ экономическія явленія, могутъ быть нерѣдко познаны изъ самонаблюденія или изъ наблюденія надъ другими. Внутреннее содержаніе дѣйствій человѣка, его желанія и основные мотивы его поведенія во многихъ случаяхъ бываютъ намъ знакомы изъ опыта нашей личной жизни. Мы каждый день наблюдаемъ въ отдѣльныхъ единичныхъ хозяйствахъ многія изъ тѣхъ явленій, которыя подлежатъ анализу экономическаго изслѣдованія. Соединяясь въ общества, люди не перестаютъ быть людьми; ихъ страсти и дѣйствія продолжаютъ подчиняться законамъ, управляющимъ дѣятельностью индивидуальнаго человѣка. Эти послѣдніе могутъ осложняться, претерпѣвать нѣкоторыя измѣненія, примѣняясь къ болѣе широкой общественной средѣ, но они не исчезаютъ и не перестаютъ дѣйствовать. Поэтому объясненіе явленій общественныхъ во множествѣ случаевъ сводится на изученіе свойствъ и стремленій индивидуумовъ, входящихъ въ составъ обще-

ства, и такъ какъ съ явленіями индивидуальной жизни мы знакомимся изъ собственнаго опыта, то этимъ путемъ нерѣдко можемъ дойти и до познанія законовъ общежитія. Примѣненіе внутренняго опыта къ экономическимъ изслѣдованіямъ облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что самому направленію человѣческихъ желаній въ области хозяйства свойственно извѣстное однообразіе. Большинство этихъ желаній составляетъ проявленіе такъ называемаго хозяйственнаго интереса,— естественнаго стремленія человѣка удовлетворять своимъ потребностямъ возможно полнѣе и съ наименьшими затратами труда. Собственное сознаніе указываетъ намъ планомѣрный образъ дѣйствій, диктуемый этимъ интересомъ. Ограниченность силъ, данныхъ природой человѣку, и настоятельность его многочисленныхъ потребностей по необходимости побуждаютъ человѣка подчинять свою дѣятельность хозяйственному расчету, сообразоваться съ его требованіями въ каждомъ своемъ актѣ. Это обстоятельство въ огромной степени облегчаетъ работу изслѣдователя-экономиста. Опираясь на такой могущественный стимулъ человѣческихъ дѣйствій, какъ личный интересъ, онъ весьма часто имѣетъ возможность заключать a priori, какимъ образомъ, при извѣстной совокупности условій, будетъ дѣйствовать человѣкъ. Значеніе этого обстоятельства было выдвинуто впервые Адамомъ Смитомъ, который и положилъ прочныя основы систематической разработкѣ нашей науки.

Кромѣ внутренняго опыта и личныхъ наблюденій, обширный матеріалъ для первой стадіи экономической дедукціи даютъ статистика и исторія. Статистическій методъ, состоящій въ систематическомъ наблюденіи большихъ массъ однородныхъ случаевъ и въ примѣненіи закона большихъ чиселъ въ изслѣдованіи общественныхъ явленій, въ особенности пригоденъ для изученія тѣхъ разнообразныхъ факторовъ, которые въ области хозяйства осложняютъ дѣйствіе постоянныхъ причинъ. Статистика даетъ изслѣдователю нерѣдко первую точку опоры, первый толчекъ мысли: при наблюденіи отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ многія стороны явленія остались бы вовсе незамѣченными и совершенно ускользали бы отъ нашего вниманія.

Вотъ главные источники, изъ которыхъ политическая экономія беретъ свои основныя посылки, изъ которыхъ она запасается познаніемъ первичныхъ факторовъ явленій, подлежащихъ ея анализу.

Перейдемъ ко второй стадіи дедуктивнаго процесса. Какъ мы указали, вторая стадія экономической дедукціи имѣетъ цѣлью вывести изъ законовъ отдѣльныхъ причинъ объясненіе изучаемаго факта. Характеръ этого объясненія измѣняется въ зависимости отъ самыхъ свойствъ разсматриваемыхъ явленій. Путь, по которому надлежитъ здѣсь слѣдовать, состоитъ въ томъ, что сначала объясняется вліяніе главныхъ основныхъ причинъ, производящихъ явленія, а затѣмъ по-

степенно вводятся второстепенные факторы, и при этомъ изучается, какія осложненія вноситъ въ сдѣланный выводъ участіе этихъ послѣднихъ. Такой процессъ опять въ значительной степени облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что основнымъ мотивомъ дѣйствій человѣка въ области хозяйства бываетъ хозяйственный расчетъ. Этотъ мотивъ, вытекая изъ основныхъ свойствъ человѣческой натуры, руководитъ огромнымъ большинствомъ человѣческихъ дѣйствій въ экономической области. Каждое лицо не только само въ своихъ дѣйствіяхъ подчиняется хозяйственному интересу, но и всѣ расчеты строитъ на предположеніи, что и другія лица, участвующія въ хозяйственномъ оборотѣ, поступаютъ точно такимъ же образомъ, въ силу того же самаго мотива. Поэтому экономистъ, при анализѣ явленій, входящихъ въ его область, съ полнымъ основаніемъ предполагаетъ, что люди, пока не доказано противное, управляются хозяйственнымъ расчетомъ, что они умѣютъ и хотятъ дѣйствовать по его указаніямъ. Сопоставленіе этого расчета съ извѣстными внѣшними условіями, съ которыми изслѣдователь знакомъ или изъ другихъ наукъ, или изъ собственныхъ наблюденій, служитъ обыкновенно первою ступенью экономическаго вывода. Самыя условія, съ которыми сопоставляется хозяйственный расчетъ, вводятся въ изслѣдованіе въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности. Сначала изслѣдователь анализируетъ простѣйшій случай, пользуясь для этого или наблюденіями надъ общественною жизнью на первобытныхъ ступеняхъ культуры,—что составляло любимую точку отправленія Адама Смита,—или собственными произвольными гипотетическими построеніями, составляющими обычный пріемъ изслѣдованія Рикардо; затѣмъ, указавъ на проявленія хозяйственнаго интереса при самой простой обстановкѣ, изслѣдователь постепенно вводитъ болѣе сложныя условія. Изучивъ проявленіе личнаго интереса среди разнообразныхъ, постепенно усложняющихся условій, изслѣдователь вноситъ въ работу поправки, зависящія отъ различныхъ вліяній, дѣйствующихъ на самое сознаніе хозяйственнаго интереса, каковы, напримѣръ, воззрѣнія и привычки людей, ограниченіе ихъ дѣйствій со стороны власти, законодательства и проч. Такого именно пути держались писатели, положившіе своими трудами основаніе политической экономіи. Обычный логическій пріемъ Адама Смита и Рикардо состоитъ въ томъ, что они прежде всего изслѣдуютъ, какой способъ дѣйствій подскажетъ человѣку хозяйственный разсчетъ при извѣстныхъ простѣйшихъ внѣшнихъ условіяхъ, причемъ, какъ мы уже указали, Адамъ Смитъ больше любилъ останавливаться на первобытныхъ стадіяхъ общественной культуры, а Рикардо самъ создавалъ путемъ абстрактныхъ построеній простѣйшіе гипотетическіе случаи; послѣ первой ступени изслѣдованія они анализируютъ, какія осложненія будутъ внесены въ выводъ, съ

одной стороны, введеніемъ новыхъ болѣе сложныхъ условій, съ другой — разнообразными ограниченіями свободнаго проявленія хозяйственнаго расчета.

Чтобы пояснить сказанное, разсмотримъ послѣдовательный процессъ вывода знаменитой теоремы Рикардо о поземельной рентѣ. Исходя изъ того простого факта, что существуютъ почвы различнаго плодородія, Рикардо изъ самой природы хозяйственнаго интереса заключаетъ, что при существованіи свободы выбора человѣкъ займетъ сначала участки съ лучшей почвой. Когда размножившееся населеніе, вслѣдствіе недостатка въ земляхъ высшаго плодородія, будетъ вынуждено перейти къ участкамъ худшаго качества, т.-е. такимъ, которыя, при той же затратѣ труда и капитала, доставляютъ меньшее количество продуктовъ, когда, слѣдовательно, одновременно будутъ находиться подъ обработкой участки неодинаковаго плодородія, то какой, спрашивается, способъ дѣйствія продиктуетъ человѣку его личный интересъ. Этотъ интересъ, прежде всего, не дозволитъ человѣку продавать продукты своего труда ниже издержекъ производства, а затѣмъ не допуститъ, чтобы на одномъ и томъ же рынкѣ существовали на одинъ и тотъ же товаръ разныя цѣны. Соединяя въ одно цѣлое три указанныя посылки, мы получимъ слѣдующее умозаключеніе. Такъ какъ размножившееся населеніе не можетъ удовлетворить своимъ потребностямъ съ участковъ первостепеннаго плодородія, а должно пустить въ обработку также земли худшаго качества; такъ какъ, далѣе, цѣна товаровъ должна во всякомъ случаѣ оплатить издержки производства; такъ какъ не могутъ, наконецъ, на одномъ и томъ же рынкѣ существовать въ одно и то же время разныя цѣны на одинъ и тотъ же продуктъ, то для всего хлѣбнаго запаса на рынкѣ установится по необходимости цѣна, соотвѣтствующая издержкамъ производства на худшихъ земляхъ. Отсюда логически слѣдуетъ, что собственникъ земли лучшаго качества, приносящей то же количество продуктовъ съ меньшими затратами, получитъ, по продажѣ своихъ продуктовъ, излишній доходъ сравнительно съ владѣльцемъ участковъ низшаго плодородія. Такой добавочный доходъ и есть поземельная рента. На этомъ оканчивается первая стадія дедуктивнаго анализа, основаннаго на сопоставленіи хозяйственнаго расчета анализа; выводъ, полученный въ результатѣ этого анализа, основанъ на сопоставленіи хозяйственнаго расчета съ нѣкоторыми простѣйшими факторами. Затѣмъ изслѣдователь переходитъ ко второй стадіи анализа, стараясь прослѣдить, какія осложненія будутъ внесены въ полученный выводъ нѣкоторыми болѣе сложными факторами. До сихъ поръ имѣлись въ виду земли неодинаковаго плодородія, находящіяся въ равномъ разстояніи отъ рынка; но въ дѣйствительности къ рынку могутъ

подвозиться продукты съ участковъ, различно отъ него удаленныхъ. Поэтому Рикардо, продолжая свои изслѣдованія, подвергаетъ анализу вліяніе на ренту разстоянія земельныхъ участковъ отъ мѣста сбыта земледѣльческихъ продуктовъ. Въ заключеніе Рикардо разсматриваетъ болѣе сложный случай, когда всѣ земли уже заняты и когда добавочные продукты для прокормленія размножающагося населенія должны добываться не черезъ обработку новыхъ худшихъ земель, а черезъ затрату въ давно обработываемые участки добавочныхъ количествъ труда и капитала. Объясненіе этого сложнаго случая, ради котораго собственно и построена вся теорія, становится возможнымъ только потому, что на болѣе ранней ступени изслѣдованія, при предположеніи простѣйшихъ условій, было уже выведено происхожденіе земельной ренты. Въ окончательный выводъ вносятся затѣмъ еще поправки въ зависимости отъ тѣхъ осложняющихъ вліяній, какія оказываютъ на свободный выборъ людей второстепенные факторы, именно: государство, законодательство, господствующія привычки и воззрѣнія, которыя нерѣдко заставляютъ человѣка дѣйствовать вопреки указаніямъ личнаго интереса.

Приведенный примѣръ достаточно иллюстрируетъ тѣ пріемы, которые обыкновенно примѣняются при экономической дедукціи. Это тотъ способъ, которому слѣдуетъ физикъ, когда, при выводѣ законовъ паденія тѣлъ, онъ вычисляетъ сперва эти законы для безвоздушнаго пространства, а затѣмъ вводитъ поправки въ зависимости отъ сопротивленія среды, равно какъ отъ физическихъ свойствъ и фигуры тѣла.

Нужно, однако, замѣтить, что всѣ выводы, полученные такимъ путемъ, подобно заключеніямъ физика, имѣютъ только гипотетическій характеръ. Большинство положеній политической экономіи имѣютъ силу лишь при наличности тѣхъ условій, которыя легли въ основу вывода. Но эти условія могутъ или вовсе не существовать въ данномъ мѣстѣ, или же ихъ вліяніе можетъ парализоваться и осложняться дѣйствіемъ другихъ одновременно встрѣчающихся условій. Каждая сила, дѣйствующая въ обществѣ, можетъ встрѣтиться съ другою силой, которая вполнѣ или отчасти видоизмѣнитъ ея вліяніе. Поэтому экономическая дедукція можетъ указать лишь тенденцію извѣстной силы, намѣтить то направленіе, по которому сила эта стремится дѣйствовать, но не можетъ сообщить увѣренности, что мы всегда встрѣтимъ въ жизни проявленіе силы во всей ея первоначальной чистотѣ. Упуская изъ виду этотъ гипотетическій характеръ экономическихъ законовъ и прилагая безъ всякаго разсужденія отвлеченный выводъ къ дѣйствительной жизни, люди часто впадали въ опасныя ошибки: естественное теченіе экономической жизни насиловалось въ угоду теоретическимъ выводамъ. Нѣтъ экономическаго вывода, который имѣлъ бы значеніе

всегда и вездѣ приложимаго закона. Изложенный выше законъ поземельной ренты и въ особенности основывающаяся на немъ формула для опредѣленія высоты ренты могутъ осуществляться въ жизни лишь въ томъ случаѣ, если будутъ на лицо всѣ условія, предположенныя при его выводѣ, что, однако, не всегда имѣетъ мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, законъ ренты выведенъ въ томъ предположеніи, что люди, заселяя страну, вполнѣ свободны въ выборѣ земель; но это предположеніе не всегда осуществлялось въ исторіи: разныя соображенія, не имѣющія ничего общаго съ хозяйствомъ, иногда вынуждали разселяться въ иномъ порядкѣ, нежели предположенный у Рикардо. Можно указать на то могущественное вліяніе, которое зачастую оказываютъ соображенія государственной политики на колонизацію новыхъ странъ. Даже и при полной свободѣ выбора проявленіе хозяйственнаго расчета, побуждающаго людей селиться на земляхъ, первоклассныхъ по плодородію, можетъ быть парализовано несовершенствомъ орудій и техническихъ пріемовъ обработки. На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ было построено одно изъ самыхъ популярныхъ возраженій противъ изслѣдованія Рикардо. Извѣстный американскій экономистъ Кэри утверждалъ, что процессъ заселенія Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки служитъ яркимъ опроверженіемъ теоремы Рикардо. При колонизаціи этой страны, какъ доказываетъ упомянутый экономистъ, люди, имѣя полную свободу выбора, раньше всего селились на сравнительно худшихъ по качеству почвы возвышенныхъ плоскостяхъ, между тѣмъ какъ наиболѣе плодородныя земли, лежащія въ прирѣчныхъ низменностяхъ, были заняты лишь позднѣе. Это обстоятельство объясняется единственно тѣмъ, что новые поселенцы не обладали надлежащими техническими средствами для того, чтобы справиться съ роскошною тропическою растительностью прирѣчныхъ мѣстностей. Далѣе, мы предположили, что размноженіе населенія побуждаетъ людей переходить къ худшимъ землямъ. Но необходимость такого перехода, особенно при новѣйшемъ складѣ человѣческой жизни, можетъ быть устранена или улучшеніемъ пріемовъ земледѣлія, или усовершенствованіемъ путей сообщенія. Развитіе земледѣльческой техники даетъ возможность получить на тѣхъ же земляхъ больше продуктовъ, а усовершенствованные пути сообщенія дѣлаютъ возможною доставку хлѣба изъ другихъ странъ. Многія изъ европейскихъ государствъ давно уже поддерживаютъ свое возрастающее населеніе постоянно увеличивающимся подвозомъ хлѣба изъ-за границы. Обильные массы хлѣба, доставляемаго на европейскіе рынки съ плодородныхъ равнинъ Сѣверной Америки, пріостановили за послѣднее время ростъ поземельной ренты во всѣхъ странахъ Европы, вызывая со стороны землевладѣльцевъ непрерывныя жалобы на экономическій кризисъ.

Гипотетическій характеръ экономическихъ законовъ часто вызываетъ нареканія на самую науку; но эти нареканія объясняются лишь недоразумѣніемъ. Выводы политической экономіи нисколько не теряютъ ни своей научной важности, ни своего практическаго значенія вслѣдствіе того, что они показываютъ лишь тенденціи, а не дѣйствительныя проявленія силъ, обнаруживающихъ свое вліяніе на народномъ хозяйствѣ. Правда, экономистъ не можетъ, подобно физику, опредѣлить линію, по которой пойдетъ тѣло подъ вліяніемъ нѣсколькихъ силъ, но онъ въ состояніи показать, куда отклонится общественное тѣло подъ вліяніемъ изслѣдуемаго фактора, и между какими предѣлами будутъ колебаться эти отклоненія. Такъ, въ вопросѣ о вліяніи желѣзныхъ дорогахъ нельзя сказать, на какую сумму увеличится послѣ ихъ сооруженія производство страны, насколько упадетъ или поднимется цѣна товаровъ, доходъ земледѣльца или рабочаго; но можно съ полною увѣренностью утверждать, что подъ вліяніемъ этого фактора производство громоздкихъ продуктовъ выиграетъ больше, нежели выдѣлка фабричныхъ произведеній, что земельный доходъ въ отдаленныхъ отъ рынка мѣстностяхъ поднимется, а въ ближайшихъ, напротивъ, понизится и т. д., а этого обыкновенно бываетъ достаточно для научнаго объясненія явленій и для руководства практики.

Хотя, такимъ образомъ, гипотетическій характеръ законовъ экономіи не подрываетъ ихъ значенія, но понятно, что ихъ научная и практическая важность возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ фактамъ дѣйствительной жизни. Чтобы достигнуть этого приближенія, экономическая дедукція должна схватить возможно большее число осложняющихъ обстоятельствъ, должна, если возможно, исчерпать всѣ эти обстоятельства. Изучивъ проявленія хозяйственнаго расчета въ связи съ основными условіями экономической жизни, одинаково имѣющими мѣсто во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, изслѣдователь долженъ остановиться на факторахъ меньшей широты, которые имѣютъ отношеніе не ко всѣмъ стадіямъ развитія, а только къ данной эпохѣ и къ извѣстной странѣ. Политическая экономія въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ первыхъ ея основателей, нерѣдко грѣшила малымъ вниманіемъ къ этимъ осложняющимъ факторамъ, въ дальнѣйшемъ же своемъ развитіи наука обращаетъ на нихъ особое вниманіе.

Особенно важныя осложненія общихъ экономическихъ законовъ происходятъ отъ того, что явленія въ области народнаго хозяйства, при поступательномъ движеніи культуры человѣческихъ обществъ, подлежатъ постепенному росту и развитію. Въ формахъ явленій обнаруживается съ теченіемъ времени извѣстное движеніе, и притомъ такого рода, что позднѣе являющіяся формы обнаруживаютъ сравнительно съ болѣе ранними большій или меньшій прогрессъ. Это раз-

витіе формъ или видовъ явленій составляетъ со времени Дарвина любимый предметъ изслѣдованій въ естественныхъ наукахъ, особенно въ тѣхъ отрасляхъ естествознанія, которыя изучаютъ органическую жизнь. Идея развитія въ области наукъ общественныхъ должна получить еще болѣе широкое приложеніе. Дѣйствительно, во внѣшней природѣ измѣненіе формъ или видовъ происходитъ медленно; иногда цѣлыя тысячелѣтія должны пройти, прежде чѣмъ послѣдуетъ какая-нибудь замѣтная перемѣна въ существенныхъ признакахъ животнаго или растительнаго вида; бо́льшая часть перемѣнъ, необходимыхъ и изучаемыхъ современнымъ естествознаніемъ, восходитъ къ отдаленнѣйшимъ доисторическимъ эпохамъ. Напротивъ, въ области общественныхъ и, въ частности, хозяйственныхъ явленій развитіе формъ совершается сравнительно быстро, почти на нашихъ глазахъ. Иногда достаточно одного поколѣнія, чтобы формы экономической жизни передѣлались вполнѣ. Такія явленія, какъ собственность, обмѣнъ, деньги, кредитъ, существуютъ въ человѣческомъ обществѣ съ незапамятныхъ временъ; но настолько различны ихъ теперешнія формы отъ тѣхъ, какія были свойственны этимъ явленіямъ въ болѣе ранніе эпохи. Тогда какъ, напримѣръ, на раннихъ ступеняхъ историческаго развитія роль денегъ выполняли то домашнія животныя, то неблагородные, то, наконецъ, благородные металлы,—теперь въ различныхъ странахъ мы имѣемъ сложную систему, которая основывается частью на металлическихъ, частью на кредитныхъ деньгахъ. Въ виду такой измѣнчивости формъ хозяйственныхъ явленій, дедуктивные выводы экономіи, стремясь ближе подойти къ дѣйствительной жизни, должны быть постоянно сопоставляемы съ различными чертами прогрессивнаго роста самихъ человѣческихъ обществъ.

Таковы особенности, которыя изслѣдователь долженъ имѣть въ виду на второй стадіи экономической дедукціи. Чтобы убѣдиться въ полнотѣ и вѣрности сдѣланнаго вывода, въ его научной законченности, необходимо перейти къ третьей стадіи индуктивно-дедуктивнаго процесса—къ провѣркѣ. Необходимость провѣрки вытекаетъ изъ многосложности причинъ, оказывающихъ вліяніе на экономическія явленія; цѣль ея состоитъ въ рѣшеніи вопроса, дѣйствительно ли изслѣдованіе охватило всѣ причины явленія и вѣрно опредѣлило ихъ совокупное дѣйствіе. Если выводъ окажется согласнымъ съ результатами прямого наблюденія, то мы можемъ безопасно довѣрять ему; если же факты дѣйствительной жизни вполнѣ или частію не подтверждаютъ вывода, то слѣдуетъ показать, какими вліяніями ослабляется или совершенно парализуется дѣйствіе изученныхъ факторовъ.

Провѣрка сравниваетъ выводъ, полученный путемъ теоретическихъ выкладокъ, съ фактами дѣйствительности. Во многихъ случаяхъ

сравненіе это не идетъ далѣе простыхъ наблюденій, составляющихъ жизненный опытъ каждаго человѣка. Такой простѣйшій пріемъ провѣрки часто практиковался лучшими экономистами, которые въ такомъ случаѣ прибавляли, что сдѣланный выводъ совпадаетъ съ тѣмъ, что каждый можетъ наблюдать въ дѣйствительности. Но есть болѣе совершенные способы провѣрки. Повторяя наши наблюденія въ значительномъ числѣ однородныхъ случаевъ и замѣчая извѣстную правильность въ порядкѣ сосуществованія и послѣдовательности явленій, мы имѣемъ, какъ извѣстно, право возвести подмѣченную правильность въ эмпирическій законъ. Эти-то эмпирическія обобщенія, полученныя въ результатѣ простыхъ наблюденій, и могутъ служить для провѣрки дедуктивныхъ выводовъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для таковой провѣрки недостаточно одного личнаго опыта.

Важнѣйшимъ источникомъ эмпирическихъ обобщеній для провѣрки результатовъ экономической дедукціи можетъ служить исторія. Она показываетъ, какъ совершались и развивались хозяйственныя явленія въ различныхъ странахъ и на разныхъ ступеняхъ общежитія. Подмѣчая въ одной странѣ извѣстный порядокъ развитія земледѣлія или въ движеніи заработной платы, мы можемъ сопоставить эти наблюденія съ замѣчаніями, сдѣланными въ другихъ странахъ, и, въ случаѣ совпаденія ихъ, мы получимъ эмпирическій законъ, съ которымъ и можетъ быть сравненъ выводъ. Уже экономисты ранняго періода пользовались этимъ пріемомъ для провѣрки своихъ заключеній. Такъ, Адамъ Смитъ провѣрялъ свое ученіе о деньгахъ подробнымъ изложеніемъ исторіи денегъ въ разныхъ странахъ; равнымъ образомъ, онъ сопоставлялъ абстрактный выводъ закона заработной платы съ фактами англійской исторіи. Но особенно наука стала пользоваться этимъ пріемомъ провѣрки со времени возникновенія такъ называемой исторической школы. «Аналогія», говоритъ Книсъ, «есть не только орудіе къ познанію закономѣрности въ повторяющихся хозяйственныхъ явленіяхъ, но также путь, слѣдуя которому, мы можемъ исправить невѣрности въ формулировкѣ ранѣе узнанной и доказанной закономѣрности. Что прежде, при наблюденіи малаго числа явленій, представлялось случайнымъ и незначительнымъ, то при повтореніи аналогическихъ случаевъ можетъ пріобрѣсть значеніе существеннаго элемента для характеристики даннаго рода явленій». Дѣйствительно, человѣческая мысль весьма часто скользитъ по поверхности явленія, останавливаясь только мимоходомъ на тѣхъ его чертахъ, которыя, на самомъ дѣлѣ, являются наиболѣе существенными и типическими, и только путемъ продолжительнаго повторенія того же наблюденія въ цѣломъ рядъ однородныхъ фактовъ мы получаемъ возможность дать настоящую оцѣнку существеннымъ и несущественнымъ особенностямъ занимающаго насъ явленія.

Другая отрасль эмпирическихъ законовъ, съ которыми можетъ быть сравниваема экономическая дедукція, дается статистикой. Статистическія обобщенія, придавая явленію простѣйшій типическій видъ, представляютъ особенно удобный и важный матеріалъ для провѣрки выводовъ экономіи. Въ настоящее время статистическія наблюденія охватываютъ всѣ сколько-нибудь важныя отрасли общественной жизни, доставляя огромную массу данныхъ, которыми современная экономія умѣетъ пользоваться въ очень широкой мѣрѣ. Результаты такого пользованія успѣли уже обнаружиться во множествѣ случаевъ. Любопытный примѣръ важныхъ поправокъ, внесенныхъ статистикой въ теорію, представляютъ изслѣдованія англійскаго экономиста Тука въ области денежнаго обращенія. До работъ Тука экономисты полагали, что цѣнность денежныхъ знаковъ находится въ непосредственной зависимости отъ ихъ количества. Поэтому для повышенія цѣнности бумажныхъ денегъ признавалось достаточнымъ уменьшить ихъ количество. Эта теорія держалась съ самаго начала прошлаго столѣтія до 40-хъ годовъ, и на ней долгое время основывалась политика Англійскаго банка, который служилъ въ Великобританіи регуляторомъ всего денежнаго рынка. Но на практикѣ не всегда оказывалось то, что предполагалось въ теоріи. Это несовпаденіе теоріи съ фактами дѣйствительности побудило Тука предпринять изслѣдованія по исторіи и статистикѣ цѣнъ, которыя убѣдили его, что прежняя теорія денежнаго обращенія частью не вѣрна и частью не полна. Во-первыхъ, онъ обнаружилъ, что за причину принималось то, что, на дѣлѣ, нерѣдко было слѣдствіемъ: именно, теорія полагала, что количество денегъ всегда есть причина, а цѣны—слѣдствіе, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, нерѣдко бываетъ наоборотъ. Во-вторыхъ, изслѣдованіе показало, что теоріей былъ упущенъ изъ виду важный факторъ денежнаго обращенія: предполагалось, что выпущенное количество денежныхъ знаковъ поступаетъ на рынокъ и дѣйствуетъ на цѣны, между тѣмъ Тукъ доказалъ, что часть денегъ всегда находится въ запасахъ, внѣ сферы обращенія, и, слѣдовательно, не дѣйствуетъ на цѣны.

Какія бы предосторожности ни принимались экономическою дедукціею, въ нее, во всякомъ случаѣ, могутъ вкрасться ошибки. Поэтому полезно указать, гдѣ именно эти ошибки встрѣчаются всего чаще.

Ни одна изъ ступеней экономической дедукціи не свободна отъ промаховъ. На первой ступени грозитъ опасность внести въ изслѣдованіе, съ одной стороны, неподходящія причины, а съ другой—невѣрно объяснить законы предполагаемыхъ причинъ. Примѣры той и другой ошибки нерѣдки въ литературѣ. Такъ, въ школѣ физіократовъ теорія чистаго дохода строилась на предположеніи содѣйствія силъ природы

къ образованію цѣнности продуктовъ. Это предположеніе объ участіи природы въ созданіи цѣнности есть величайшее заблужденіе физіократической школы. Послѣдующія изысканія Адама Смита и его послѣдователей показали, что предполагавшійся физіократами факторъ не имѣетъ никакого отношенія къ цѣнности. Слѣдовательно, въ приведенномъ примѣрѣ ошибка заключалась въ томъ, что для объясненія явленія была выбрана неподходящая причина. Но гораздо чаще встрѣчаются ошибки въ объясненіи законовъ отдѣльныхъ факторовъ, дѣйствительно участвующихъ въ созданіи явленій. Такъ, Мальтусъ основалъ свою теорію на невѣрномъ расчетѣ періодовъ удвоенія населенія. Лассаль, возражая противъ капитализма, указывалъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что въ средѣ рабочихъ средній возрастъ ниже, нежели въ разрядѣ людей, живущихъ капиталами; но онъ упустилъ изъ виду, что люди вообще переходятъ въ классъ рентьеровъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, нежели въ какомъ вступаютъ въ классъ рабочихъ. Опасность второй стадіи—неполнота или невѣрность вывода. Изслѣдователь можетъ или пропустить вліяніе какой-либо причины, или невѣрно вычислить совокупное дѣйствіе принятыхъ причинъ. Экономисты нерѣдко объясняли хозяйственнымъ расчетомъ то, что являлось простымъ слѣдствіемъ общественнаго устройства страны. На третьей стадіи спеціальную опасность представляетъ невѣрное наблюденіе или искусственная подгасовка фактовъ. Человѣкъ, увлеченный заманчивою теоріей, сплошь-и-рядомъ смотритъ на всѣ явленія окружающей его дѣйствительности сквозь призму излюбленной теоріи. Такого рода погрѣшимости встрѣчаются даже у людей съ несомнѣнно солиднымъ научнымъ образованіемъ. Такъ, Кэри вѣрилъ, что перемѣны въ промышленномъ состояніи взятыхъ имъ странъ подтверждаютъ его теорію тарифнаго покровительства промышленности; между тѣмъ какъ, при болѣе внимательномъ изученіи дѣла, вся приводимая имъ масса фактическихъ подтвержденій оказывается невольною, а быть-можетъ, даже искусственною подтасовкой.

О НАУКѢ ПРАВА.

Прив.-доц. В. М. Гессена.

I.

Приступая къ матеріальному изученію права, къ изученію содержанія той или иной системы юридическихъ нормъ, мы должны, прежде всего, разрѣшить чисто-формальную проблему, отвѣтить категорически на категорическій вопросъ: что такое право? Каковъ отличительный, существенный моментъ, essentiale этого понятія, то первоначальное свойство, которое, съ одной стороны, характеризуетъ явленіе права, а съ другой, отличаетъ его отъ другихъ сопредѣльныхъ ему явленій. Найти такое свойство значитъ опредѣлить существо права, ибо первоначальнымъ, въ логическомъ смыслѣ, свойствомъ опредѣляется совокупность другихъ характеризующихъ явленіе, существенныхъ для него, производныхъ свойствъ.

Изученіе существа права является задачей философіи права. Философія права опредѣляетъ понятіе права; она выводитъ необходимыя свойства этого понятія изъ ею же установленнаго конечнаго принципа его.

Философія права—наука о формальныхъ—постоянныхъ и неизмѣнныхъ—категоріяхъ права.

Какъ всякая теоретическая философія, философія того, что есть, философія права позитивна. Существо явленія заключается не внѣ явленія, а въ немъ самомъ; поэтому возможенъ одинъ только путь для его познанія—изученіе самого явленія. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что существо права не можетъ быть установлено путемъ

аналитическаго изученія юридической нормы, какъ таковой; ибо всякое такое изученіе необходимо предполагаетъ уже предварительное подведеніе нормы подъ понятіе права. Существо права можетъ быть установлено не иначе, какъ синтетическимъ путемъ, путемъ выдѣленія изъ родовой категоріи этическихъ нормъ видовой категоріи нормъ права. Во всякомъ случаѣ, противоположеніе философіи права позитивной наукѣ о немъ не имѣетъ и не можетъ имѣть смысла.

Философія права — формальна. Она изучаетъ ту постоянную форму, въ которую жизнь вливаетъ мѣняющееся и текучее содержаніе права; она изучаетъ скелетъ, а не прихотливые изгибы и линіи живого тѣла. Философія права не даетъ и не можетъ дать непосредственнаго знанія правовой жизни, безконечныхъ и пестрыхъ сочетаній ея калейдоскопическихъ красокъ. Она изучаетъ общія свойства права, независимыя отъ времени и мѣста въ такой же мѣрѣ и въ такомъ же смыслѣ, въ какихъ вообще не зависятъ отъ времени и мѣста формальныя категоріи человѣческой мысли. Философія права изучаетъ не право въ его конкретномъ образованіи, а необходимыя условія возможности и бытія всякаго, прошлаго, настоящаго и будущаго права. Она даетъ намъ ключъ къ Ватикану права, но не описываетъ богатаго убранства его безчисленныхъ аппартаментовъ.

Будучи только одной изъ многочисленныхъ позитивныхъ наукъ о правѣ, философія права, именно, своимъ формальнымъ характеромъ рѣзко отличается отъ другихъ, столь же позитивныхъ, юридическихъ дисциплинъ. Въ то время, какъ послѣднія знакомятъ насъ съ содержаніемъ, первая знакомитъ насъ съ формою права. Философія права готовитъ соты, другія науки наполняютъ ихъ медомъ. Сказаннымъ объясняется то, совершенно особое положеніе, которое занимаетъ и должна занимать философія права въ системѣ юридическихъ наукъ. Она стоитъ надъ другими, или, лучше сказать, впереди другихъ наукъ; она является необходимымъ введеніемъ въ науку права. Знакомство съ содержаніемъ правовой жизни, во всемъ ея объемѣ, или, что то же, съ содержаніемъ всѣхъ юридическихъ дисциплинъ, превышаетъ значительно силы отдѣльнаго человѣка, емкость индивидуальнаго ума. Можно быть цивилистомъ, не будучи государствовѣдомъ, криминалистомъ, не будучи международникомъ; но нельзя быть юристомъ, не будучи философомъ права,—точно такъ же, какъ нельзя быть пѣвцомъ или музыкантомъ, не зная нотъ.

Кажется страннымъ и ненужнымъ доказывать необходимость существованія философіи права. Отрицать эту необходимость значило бы отрицать необходимость формальныхъ категорій, вообще. Можно ли наполнить какимъ-нибудь содержаніемъ пустое мѣсто, «бочку» безъ днища и стѣнъ? А между тѣмъ до настоящаго времени наука

философіи права отнюдь не пользуется всеобщимъ признаніемъ, — до того не пользуется, что у насъ, напримѣръ, въ Россіи она не входитъ даже въ циклъ преподаваемыхъ на юридическихъ факультетахъ наукъ; вы найдете въ программахъ преподаванія исторію философіи, но не философію права. Слѣдуя господствующимъ теченіямъ, составители этихъ программъ считали, очевидно, философію права не наукой или, точнѣе, наукою прошлаго, чѣмъ-то въ родѣ алхиміи, сыгравшей свою роль и уступившей свое мѣсто другимъ «позитивнымъ» наукамъ. Можно, конечно, и теперь преподавать исторію алхиміи, но преподавать алхимію, какъ науку, никто не станетъ.

Объясняется указанный—съ перваго взгляда совершенно непонятный—фактъ очень просто: въ теченіе многихъ вѣковъ своего существованія философія права не была тѣмъ, чѣмъ только она можетъ и чѣмъ только она должна была бы быть.

Дѣло въ томъ, что всегда—вплоть до настоящаго времени—философія права понимала самое себя какъ доктрину естественнаго права; точно-также она понималась и, въ большинствѣ случаевъ, понимается теперь другими. Для большинства современныхъ юристовъ Philosophie des Rechts и Naturrecht—синонимическія обозначенія одной и той же науки.

Для того, чтобы понять, чѣмъ при такихъ условіяхъ является философія права, необходимо, конечно, прежде всего уяснить себѣ истинное существо естественной правовой доктрины *).

Это существо можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ. Наука естественнаго права всегда имѣла двоякій—повидимому, взаимно другъ друга исключающій—характеръ: она являлась въ одно и то же время и теоретической, и практической философіей; «едиными устами», одною и тою же рѣчью она учила и тому, что есть, и тому, что должно быть. Въ зависимости отъ индивидуальности автора и, еще больше, отъ условій времени, въ доктринахъ естественнаго права выдвигается на первый планъ то теоретическій, то практическій моменты. Важно, однако, то, что и тотъ, и другой моменты всегда и необходимо этимъ доктринамъ присущи.

Возможность такого — невозможнаго, повидимому — сочетанія находитъ себѣ объясненіе въ самой природѣ теорій естественнаго права.

Естественное право—право, которое есть, возвышающееся надъ положительнымъ правомъ, которое тоже есть.

---

*) Говоря объ естественномъ правѣ, мы имѣемъ въ виду раціоналистическое естественное право; срв., впрочемъ, В. М. Гессенъ, «Возрожденіе естественнаго права», стр. 13 и сл.

Положительное право—явленіе, обязанное своимъ существованіемъ историческимъ случайностямъ и человѣческому произволу; естественное право—явленіе, обязанное своимъ существованіемъ естественной или разумной необходимости,—необходимости природы или разума. Положительное право—волунтарное, естественное—раціональное право. Естественное право—логически необходимый выводъ изъ того или иного абсолютнаго, даннаго a priori, принципа. Въ до-кантовскій періодъ такимъ принципомъ — принципомъ ex quo continuo ratiocinationis filo omnia deducuntur—признается человѣческая природа, или, точнѣе, опредѣленное, логически первоначальное свойство этой природы, essentia hominis, по выраженію Вольфа: общежительный инстинктъ (appetitus societatis) у Гроція, страхъ у Гоббса, любовь у Томазія и т. п. У Канта апріорнымъ принципомъ естественнаго права является категорическій императивъ практическаго разума, — разума, являющагося не орудіемъ, а источникомъ познанія, создающаго изъ себя и для себя свой міръ.

Естественное право существуетъ; оно дано вмѣстѣ и одновременно съ принципомъ; оно универсально и вѣчно, абсолютно истинно и абсолютно необходимо, какъ тотъ принципъ, изъ котораго оно съ логической необходимостью вытекаетъ *).

Поскольку философія естественнаго права изучаетъ естественное право какъ явленіе, она является теоретической философіей права: она изучаетъ то, что есть.

Поскольку она обращаетъ свои взоры къ положительному праву, она является практической философіей: она учитъ тому, что должно быть. То, что есть, какъ естественное право, то должно быть, какъ право положительное.

Дуалистическое воззрѣніе на право обусловливаетъ, такимъ образомъ, дуалистическій характеръ философіи естественно-правовыхъ доктринъ. Такой характеръ несомнѣнно присущъ и кантовской философіи права, несмотря на то, что естественное и положительное право Канта—явленія, повидимому, несоизмѣримыя, двухъ совершенно различныхъ міровъ, первое — практическаго, второе — теоретическаго разума. И Кантъ не ограничивается изученіемъ естественнаго, созданнаго чистымъ разумомъ права. Прикованный, помимо и противъ своей воли, къ реальному міру дѣйствительности, онъ не только и, можетъ-быть, не столько думаетъ о томъ, что есть тамъ, сколько о томъ, что должно быть здѣсь. Теоретическая въ области практическаго разума, философія Канта является практической въ области разума теоретическаго.

*) См. мою брошюру, «Возрожденіе естественнаго права», стр. 15 и сл.

Какъ уже упомянуто выше, философія права, въ теченіе долгихъ вѣковъ своего существованія, была не чѣмъ инымъ, какъ наукой естественнаго права. Она была въ одно и то же время наукой о «нездѣшнемъ правѣ» и наукой о правѣ, которое должно быть здѣсь. Какъ теоретическая философія права, она была наукой о содержаніи, а не о формѣ права, объ идеалахъ, а не о свойствахъ его.

Историческое міросозерцаніе, пришедшее на смѣну раціоналистическому, осудило безповоротно и навсегда теоретическую философію естественнаго права. Догмату «абсолютной сущности» въ духовномъ мірѣ современности точно такъ же не можетъ быть мѣста, какъ допотопному ихтіозавру въ современной природѣ. Въ настоящее время, говоритъ Шютце, одинъ изъ современныхъ представителей практической философіи естественнаго права, не требуетъ больше опроверженій господствовавшее нѣкогда воззрѣніе, будто «естественное право» есть право *). Все, что есть, — есть во времени и пространствѣ. Въ мірѣ явленій нѣтъ ничего, разъ навсегда установленнаго, непоколебимаго, вѣчнаго; все измѣняется, все течетъ. «Alles was entsteht, ist werth dass es zu Grunde geht» (Гёте).

Право можетъ быть только положительнымъ; другого права, кромѣ положительнаго, нѣтъ и не можетъ быть. Философія права должна быть наукой о положительномъ правѣ; для того, чтобы быть философіей права, она должна быть наукой о формѣ, а не о содержаніи права.

Ниже мы остановимся подробно на судьбахъ практической философіи естественнаго права **). Теперь намъ необходимо констатировать слѣдующій, вполнѣ безспорный фактъ.

Съ паденіемъ философіи права, какъ теоретической науки естественнаго права, новой философіи, въ указанномъ выше, единственно возможномъ смыслѣ этого слова, еще не возникаетъ.

Почему? Конечно, вслѣдствіе многихъ и очень сложныхъ причинъ; наиболѣе важной или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе непосредственной изъ нихъ является то узко-практическое утилитарное направленіе, по которому въ теченіе XIX вѣка неуклонно слѣдуетъ наука права. Изъ чистой наука права становится прикладной; ея задача—научить примѣненію того, что въ данное время и въ данномъ мѣстѣ называется правомъ. Является ли то, что называется правомъ, дѣйствительно правомъ; только-ли то, что называется правомъ, является таковымъ,—эти вопросы выходятъ изъ

*) Schütze, «Die Stellung der Rechtsphilosophie zur positiven Rechtswissenschaft» въ Grünhut's Zeitschr. f. priv. u. öff. Recht. VI (1879) стр. 16.

**) См. ниже § V.

предѣловъ тѣснаго кругозора современной науки. Отсюда безразличное отношеніе этой науки къ основнымъ проблемамъ философіи права, и, въ частности, къ вопросу о сущности права.

Невѣроятный и, тѣмъ не менѣе, дѣйствительный фактъ: вопросъ «что такое право» сплошь-и-рядомъ современными представителями науки о немъ признается не только неразрѣшеннымъ, но и неразрѣшимымъ, вообще *).

Никакой бѣды въ этомъ «современная наука» не видитъ: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, намъ знать, что такое право, когда у насъ подъ рукой шестнадцать, — цѣлыхъ шестнадцать томовъ Свода Законовъ...

И, несмотря на это, въ настоящее время наука права культивируется, пожалуй, больше, чѣмъ когда бы то ни было; разумѣется, какъ культивируется,—это другой вопросъ. Современные юристы нерѣдко напоминаютъ «астронома», который, рѣшившись изучить строеніе звѣздъ, не зная, что такое звѣзда, направилъ свой телескопъ не на небо, а на увѣшанную «звѣздами» грудь сановныхъ особъ...

Прикладнымъ характеромъ современной юриспруденціи и объясняется, прежде всего, возникновеніе, вмѣсто настоящей философіи права, особой науки, какъ ея суррогата,—такъ называемой Энциклопедіи права.

Необходимость какого-нибудь «введенія» въ науку права признается и практической юриспруденціей; трудно, въ самомъ дѣлѣ, приступить начинающему юристу непосредственно къ изученію обильной и сложной матеріи отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ. Такимъ введеніемъ и должна служить Энциклопедія права, изучающая въ сокращенномъ и упрощенномъ видѣ содержаніе всей, вообще, науки права. Въ Энциклопедіи права мы изучаемъ маленькое гражданское, маленькое государственное, маленькое уголовное право прежде, чѣмъ приступить къ изученію большого, настоящаго гражданскаго, государственнаго и уголовнаго права. О томъ, что «губернское правленіе есть высшее въ губерніи мѣсто, управляющее оною въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества (ст. 436 т. II ч. I Св. Зак.), мы узнаемъ изъ Государственнаго права, но о томъ, что «Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный; повиноваться Верховной власти коего не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ»— (ст. 1. т. I ч. 1 Св. Зак.) мы должны уже заблаговременно узнать изъ Энциклопедіи права. Изучивъ «существенное» по Энциклопедіи, намъ не трудно будетъ впослѣдствіи изучить «подробное» по настоящей наукѣ. Зерна

*) См. Петражицкій, «Очерки философіи права», I, стр. 5 и сл.

права отбираетъ себѣ Энциклопедія; солому оставляетъ другимъ наукамъ.

По своему научному значенію, современная Энциклопедія вполнѣ соотвѣтствуетъ «суммѣ» (summa), зерцалу (Speculum juris), «Orbis doctrinarum» среднихъ вѣковъ. Первая «Энциклопедія всеобщаго права» (Encyclopaedia juris universi) Гунніуса (1638) трактуетъ безо всякой системы о судопроизводствѣ, о договорахъ, о наслѣдованіи по завѣщанію и закону и т. под. Слѣдующая за ней Энциклопедія Форбурга (1640) носитъ характерное названіе: «Encyclopaedia juris publici privatique, civilis, criminalis, feudalis»; оно состоитъ изъ двухъ частей: собранія юридическихъ правилъ и юридическаго словаря. Сокращеннымъ изложеніемъ содержанія отдѣльныхъ наукъ является и весьма популярная въ свое время Энциклопедія Стефана Пюттера («Entwurf einer juristischen Encyclopädie», 1757), введшаго самое названіе Энциклопедіи во всеобщее употребленіе.

Въ теченіе XVIII в., эпохи расцвѣта теорій естественнаго права, передовые представители философской мысли, Пуффендорфъ, Лейбницъ, Томазій, избѣгаютъ названія энциклопедіи для своихъ трудовъ. Появляющіяся въ это время и въ началѣ XIX в. «Философскія энциклопедіи» (Неттельбладта, Рудгардта и др.) стоятъ въ такомъ же отношеніи къ философіи естественнаго права, въ какомъ современныя энциклопедіи къ позитивной наукѣ права: онѣ являются философіей права «въ передѣлкѣ для дѣтей старшаго возраста»...

Ничто не характеризуетъ въ такой степени научнаго ничтожества «практической» юриспруденціи XIX в., какъ, именно, это стремленіе поставить энциклопедію права въ основу научнаго, университетскаго изученія его. Въ ней одинаково отражаются и поверхностность и практицизмъ современной юриспруденціи. Энциклопедія права можетъ быть чѣмъ угодно: руководствомъ для свѣтскимъ молодыхъ людей, желающихъ учиться «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь», практическимъ пособіемъ для «законоискусниковъ»; она не можетъ быть наукой, и, менѣе всего, научнымъ введеніемъ къ изученію права.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что и современная наука совершенно обойтись безъ философіи права, въ указанномъ выше смыслѣ, никакъ не можетъ. Ей все-таки приходится оперировать юридическими категоріями, которыя нуждаются въ какомъ-нибудь хоть самомъ поверхностномъ опредѣленіи.

Отсутствіе философіи права приводитъ къ тому, что отдѣльныя науки права или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе разработанныя изъ нихъ стремятся выработать эти опредѣленія собственными силами,— каждая для собственнаго своего употребленія. Отсюда—появленіе

«общихъ частей» отдѣльныхъ наукъ, — главнымъ образомъ, общей части гражданскаго, уголовнаго, а въ послѣднее время и государственнаго права. Говоря объ «общихъ частяхъ» отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ, необходимо впрочемъ имѣть въ виду, что части эти по своему содержанію отнюдь не однородны. Преимущественно философскій характеръ имѣетъ общая часть гражданскаго права; она оперируетъ такими, чисто формальными понятіями, какъ право, въ объективномъ и субъективномъ смыслѣ, субъектъ и объектъ права, юридическое лицо, юридическая сдѣлка и т. п. Наоборотъ, общая часть уголовнаго права стоитъ гораздо ближе къ политикѣ, нежели къ философіи права (см. и ниже). Конечно, и въ ней мы встрѣчаемся съ опредѣленіями такихъ формальныхъ понятій, какъ преступленіе, наказаніе, вмѣненіе и причинная связь и т. под. Но, на ряду съ этимъ, отчасти исходя изъ апріорныхъ соображеній, отчасти на основаніи данныхъ сравнительнаго законодательства, она устанавливаетъ рядъ политическихъ постулатовъ, долженствующихъ служить критеріями дѣйствующаго уголовнаго законодательства того или иного государства.

Не трудно себѣ представить, къ какимъ послѣдствіямъ неизбѣжно приводитъ разработка отдѣльными юридическими дисциплинами «для собственной надобности» вопросовъ философіи права. Именно такой разработкѣ мы обязаны, прежде всего, тѣмъ невообразимымъ хаосомъ, который царитъ въ настоящее время въ области наиболѣе принципіальныхъ вопросовъ юриспруденціи.

Для «надобностей» гражданскаго и уголовнаго права, можетъ-быть, и достаточно вполнѣ опредѣленіе права, какъ совокупности исходящихъ отъ государственной власти принудительныхъ нормъ. Такое опредѣленіе совершенно не соотвѣтствуетъ, однако, «надобностямъ» международнаго и каноническаго права, отнюдь не исходящихъ отъ государственной власти. Одно изъ двухъ: либо право устанавливается не только государственной властью, либо международное и каноническое право—не право. Изъ «общей части» гражданскаго права мы узнаемъ, что лицомъ называется субъектъ имущественныхъ правъ, а изъ «общей части» государственнаго, что само государство, какъ субъектъ власти, является лицомъ. Какъ криминалисты, нормативнымъ принципомъ въ понятіи права мы считаемъ этическій принципъ, какъ цивилисты—моментъ интереса, или воли, и т. д., и т. д. Лабиринтъ безысходныхъ противорѣчій, взаимно другъ друга исключающихъ утвержденій!...

Необходима нить Аріадны для того, чтобы выбраться изъ этого лабиринта; такую нить даетъ философія права. Мы не думаемъ, вмѣстѣ съ Меркелемъ, что философія права должна явиться синтезомъ общихъ частей отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ, что,

на ряду съ такими частными «общими частями», должна существовать философія права, какъ общая часть науки права, вообще *). Намъ кажется, что правильно понимаемая философія права должна явиться не синтезомъ отдѣльныхъ «общихъ частей», а ихъ безусловнымъ и необходимымъ отрицаніемъ. На ряду съ философіей права частнымъ философіямъ отдѣльныхъ юридическихъ наукъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста.

Философія права, какъ наука о формальныхъ категоріяхъ его, является первѣйшей необходимостью современной юридической мысли. Не можетъ быть научнаго прогресса до тѣхъ поръ, пока чуть ли не каждому изслѣдователю, работающему даже въ узко-спеціальной области, приходится создавать свою философію права ad hoc. Утомленная блужданіемъ въ туманномъ царствѣ призрачныхъ тѣней, современная юридическая мысль жадно и нетерпѣливо ищетъ опредѣленныхъ и рѣзкихъ очертаній, выпуклыхъ формъ...

И, надо сказать, ищетъ не напрасно. Оживленіе юридической мысли, замѣчаемое въ самое послѣднее время, свидѣтельствуетъ о томъ, что для науки права—fin de siècle является эпохой возрожденія, а не упадка. Въ частности, на нашихъ глазахъ зарождается наука философіи права. И въ западно-европейской, и въ нашей отечественной литературѣ все чаще и чаще появляются труды истинно-философскаго характера **). Правда, современная наука все еще избѣгаетъ и боится стараго названія философіи права, отчасти вслѣдствіе исторически связанныхъ съ такимъ названіемъ ложныхъ представленій о задачахъ этой науки. Тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ рядѣ трудовъ, часто подъ новымъ болѣе или менѣе удачно придуманнымъ названіемъ, — Общая теорія права, Juristische Principienlehre, Droit pur и т. под. — трактуются, именно, вопросы философіи права. Главное значеніе подобныхъ трудовъ заключается пока еще больше въ критической, нежели созидательной ихъ части. Можно не соглашаться съ философскими построеніями новѣйшихъ авторовъ, но нельзя отрицать, что ими расчищено мѣсто отъ обломковъ «практической юриспруденціи» и, что еще важнѣе,—доказана необходимость возведенія на этомъ мѣстѣ стройнаго и величественнаго зданія философіи права. Вмѣстѣ съ Іеллинекомъ мы думаемъ, что значеніе научныхъ работъ заключается не столько въ количествѣ абсолютныхъ истинъ, выра-

*) Merkel, «Ueber das Verhältniss der Rechtsphilosophie zur «positiven» Rechtswissenschaft» въ Grünhut's Zeitschrift f. priv. u. öff. Recht. B. I (1874) стр. 7 и сл.

**) Укажемъ, для примѣра, на труды Bierling'a, Jellinek'a и др. въ Германіи, Gény во Франціи, Н. М. Коркунова, Л. І. Петражицкаго и П. И. Новгородцева у насъ.

женныхъ ими, сколько въ томъ, способны ли онѣ стать стимулирующимъ моментомъ въ научномъ познавательномъ процессѣ *).

Съ этой точки зрѣнія, нельзя отрицать серьезнаго значенія трудовъ такихъ юристовъ, какъ Бирлингъ, Іеллинекъ, Петражицкій, Новгородцевъ, Жени и др. Благодаря имъ, банкротство «практической юриспруденціи»—совершившійся фактъ; благодаря имъ, еще окруженные пустыней, мы видимъ уже вдали зеленѣющія кущи обѣтованной земли...

II.

Двѣ проблемы должны быть разрѣшены наукою права,—объ касающіяся содержанія той или иной системы—національнаго или общаго права. Первая, теоретическая, проблема гласитъ: каково есть содержаніе права? Вторая, практическая: каковымъ содержаніе права должно быть. Рѣшеніе первой проблемы требуетъ изученія дѣйствующаго права; рѣшеніе второй — построенія системы должнаго, совершеннаго права. Первая проблема рѣшается исторіей и догмой, вторая политикой права.

Исторія и догма права изучаютъ содержаніе дѣйствующаго права. Говоря объ исторіи права, необходимо всегда имѣть въ виду, что наука эта имѣетъ, по существу, двойственный характеръ. Какъ историческая дисциплина, исторія права является отраслью исторіи культуры вообще. Въ этомъ своемъ значеніи она изучаетъ бывшее, а не настоящее право, процессъ праворазвитія, а не его результатъ; интерпретація дѣйствующаго права отнюдь не является ея непосредственной задачей. Подобно исторіи культуры, вообще, она изучаетъ, какъ тѣ формы прошедшаго быта, которыя для пониманія настоящаго безразличны, такъ и тѣ, которыя живутъ еще въ настоящемъ. Степень интереса и вниманія, съ которыми изучается тотъ или иной историко-юридическій институтъ, измѣряется важностью этого института для пониманія той эпохи, къ которой онъ относится, а не той, въ которую живетъ историкъ. Наоборотъ, какъ юридическая дисциплина, исторія права подобно догмѣ является, именно, наукой о правѣ настоящей эпохи, о дѣйствующемъ правѣ. Работая въ одной и той же области исторіи права, юристъ и историкъ преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли. Необходимое для пониманія дѣйствующаго права выясненіе генетической связи его съ правомъ предшествующихъ эпохъ,—такова единственная для юриста цѣль историко-юридическихъ изслѣдованій; наоборотъ, для историка догматическое изу-

*) Jellinek. System der subject. öff. Rechte Vorrede, VI.

ченіе права какой-либо отдаленной эпохи представляетъ самостоятельный, независимый отъ настоящаго, интересъ. «Юридическимъ древностямъ» въ исторіи права, какъ юридической дисциплинѣ, нѣтъ и не можетъ быть мѣста. Съ точки зрѣнія науки права, изученіе содержанія дѣйствующей правовой системы является единственною цѣлью какъ исторіи, такъ и догмы права; первая приходитъ къ этой цѣли историко-генетическимъ, вторая—логически конструктивнымъ путемъ.

Совершенно иную цѣль преслѣдуетъ политика права. Отрицая непримиримый на почвѣ теорій естественнаго права дуализмъ теоретическаго и практическаго міросозерцаній, мы не можемъ и не должны, однако, отрицать существеннаго, принципіальнаго различія теоретической и практической задачи одной и той же позитивной науки. Въ частности, наука права, на ряду съ теоретическимъ познаніемъ существующаго, не можетъ и не должна отказаться отъ построенія идеаловъ долженствующаго существовать. Наука права, говоритъ Гирке, предала бы самое себя, если бы въ великіе рѣшающіе моменты правовой жизни она обрекла себя на молчаніе. Наука права не можетъ отказаться отъ своего призванія указывать цѣли и направленіе правотворчеству, быть наставницей и совѣтницей законодателя. *) Политика права—законодательная наука,—наука о постулатахъ законодательнаго творчества.

Прежде чѣмъ подробнѣй познакомиться съ характеромъ разсматриваемыхъ нами юридическихъ дисциплинъ, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько общихъ, касающихся ихъ замѣчаній.

Нетрудно себѣ представить, какъ богато и многообразно содержаніе юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ въ своей совокупности, безчисленное множество явленій правовой жизни того или иного народа. Изученіе этихъ нормъ возможно не иначе, какъ при условіи послѣдовательной спеціализаціи научной работы. Область науки права дѣлится на участки, и каждый участокъ обработывается отдѣльной юридической дисциплиной. Постоянно прогрессирующая дифференціація науки права, образованіе отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ основаны отчасти на соображеніяхъ принципіальнаго свойства,—т.-е. на однородности опредѣленной изучаемой особой наукой группы правового матеріала, отчасти на соображеніяхъ цѣлесообразности и удобства **).

*) Gierke, «Die sociale Aufgabe des Privatrechts», стр. 4.

**) Обособленіе такихъ наукъ, какъ государственное, гражданское, уголовное, международное право, основано на соображеніяхъ перваго рода. Наоборотъ, на соображеніяхъ второго рода основано обособленіе хотя-бы такихъ наукъ, какъ уголовное и гражданское процессуальное право; и то, и другое изучаетъ судоустройство, относящееся, по существу, къ наукѣ о государственномъ устройствѣ, т.-е. къ государственному праву, и судопроизводство, относящееся къ наукѣ о госуд. дѣятельности,—т.-е. къ административному праву.

Основныя проблемы науки права, вообще, рѣшаются, въ предѣлахъ своей области, каждой юридической дисциплиной въ отдѣльности; поэтому, на ряду съ исторіей и догмой государственнаго права, существуетъ политика государственнаго права; на ряду съ исторіей и догмой гражданскаго права,—политика гражданскаго права (цивильная политика) и т. д.

Объектомъ каждой, въ отдѣльности, юридической дисциплины могутъ служить какъ національное право опредѣленнаго государства, такъ равно и «общее» право опредѣленной группы государствъ. Само собою разумѣется, что «общее право» можетъ служить объектомъ той или иной дисциплины лишь постольку, поскольку оно существуетъ или—съ точки зрѣнія политики права—должно существовать; другими словами, поскольку тожественны или должны быть тожественны начала различныхъ національныхъ правъ.

Наиболѣе національно историческое изученіе права. Исторія общаго права (напр., общеевропейскаго, или общаго западно-европейскаго уголовнаго или гражданскаго права) не можетъ быть особенно содержательной уже по одному тому, что характеръ исторической эволюціи различныхъ правовыхъ системъ, даже тожественныхъ въ данный моментъ по основному своему содержанію, является крайне индивидуальнымъ. Вспомнимъ, хотя бы, исторію англійскаго и континентальнаго конституціонализма.

Наоборотъ, объектомъ догматической науки права можетъ въ одинаковой мѣрѣ служить какъ національное, такъ и общее право. На ряду съ догматической наукой русскаго уголовнаго или гражданскаго права несомнѣнно возможна догматическая наука такого же общеевропейскаго права; ибо содержаніе важнѣйшихъ уголовно- и цивильно-правовыхъ институтовъ (собственность, различные виды договоровъ и деликтовъ, карательныя мѣры etc.) во всѣхъ современныхъ правовыхъ системахъ въ большей или меньшей степени тожественно. Гдѣ такой тожественности нѣтъ, тамъ, разумѣется, вообще не можетъ быть рѣчи объ общемъ правѣ. Поэтому, напримѣръ, не существуетъ догматической науки общеевропейскаго государственнаго права: русскому государственному праву противополагается, какъ общее право, государственное право западно-европейскихъ государствъ.

Въ отличіе отъ исторіи и догмы, политика права имѣетъ преимущественно универсальный характеръ. Она имѣетъ такой характеръ уже потому, что этическіе принципы, лежащіе въ основѣ человѣческихъ представленій о совершенномъ правѣ, всегда и необходимо универсальны. Національная исключительность свойственна, по преимуществу, институтамъ, возникающимъ обычно правовымъ путемъ, т.-е. путемъ безсознательнаго приспособленія индивидовъ къ окружаю-

щей ихъ соціальной средѣ. Обычное право всегда «національнѣй» законодательнаго. И чѣмъ больше законодатель эмансипируется отъ безсознательнаго подчиненія обычно-правовымъ воззрѣніямъ господствующей группы, чѣмъ сознательнѣе и планомѣрнѣе правотворческая дѣятельность законодателя, тѣмъ болѣе универсальны принципы, лежащіе въ основѣ законодательства. Таможенныя заставы, препятствующія обмѣну матеріальныхъ благъ между народами, безсильны воспрепятствовать обмѣну между ними духовныхъ благъ. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что правосознаніе современныхъ народовъ, въ своихъ основныхъ началахъ, тожественно, несмотря на національный характеръ ихъ права. И если, напримѣръ, въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о догматической наукѣ общеевропейскаго государственнаго права, то политическая наука такого права и въ настоящее время является единственно-возможной.

Исторія, догма и политика права—таковы три, одинаково необходимыхъ—направленія науки права. Они постоянны и неизмѣнны настолько, насколько постоянны и неизмѣнны тѣ цѣли, къ которымъ каждое изъ нихъ стремится.

Необходимо, однако, замѣтить, что въ зависимости отъ характера и содержанія положительнаго права той или иной эпохи, той или иной страны, въ его разработкѣ преобладаетъ то исторія, то догма, то политика права. Вопросъ о такомъ преобладаніи является, конечно, вопросомъ исторической, а не логической необходимости *).

Не случайно, напримѣръ, наука права въ Россіи имѣла и отчасти имѣетъ теперь исключительно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно историческій характеръ. Историческое par excellence направленіе русскаго правовѣдѣнія объясняется, прежде всего и главнымъ образомъ, самымъ характеромъ русскаго законодательства. Какъ извѣстно, нашъ Сводъ Законовъ является инкорпораціей, механическимъ соединеніемъ въ чисто-внѣшнюю систему внутренне не согласованныхъ, не переработанныхъ во-едино законодательныхъ постановленій самыхъ различныхъ историческихъ эпохъ. На каждомъ шагу въ Сводѣ Законовъ мы встрѣчаемъ Петровское и Екатерининское законодательство въ безпорядочной смѣси съ законодательствомъ нашихъ дней. Чуждыя другъ другу по содержанію и духу законодательныя нормы различныхъ эпохъ, повидимому, восполняютъ, а въ дѣйствительности отрицаютъ другъ друга. Историческая коллекція

*) Моя ст. «Государственное право» въ «Словарѣ юридическихъ и госуд. наукъ» подъ ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова, вып. VI стр. 343 и сл.

законовъ, изданныхъ въ Россіи съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Полное Собраніе Законовъ является единственнымъ ключемъ къ уразумѣнію и истолкованію Свода Законовъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ изученіе дѣйствующаго права является задачей, посильной по преимуществу наукѣ исторіи права.

Догматическая разработка права наиболѣе возможна и необходима въ эпохи обширныхъ кодификаціонныхъ работъ, претворяющихъ исторически накопленный матеріалъ въ единую, проникнутую общими началами, правовую систему. Характеромъ юстиніановой кодификаціи—римскаго Corpus juris, рецепированнаго Германіей, объясняется традиціонное господство догматическаго направленія въ германской наукѣ гражданскаго права; такое же вліяніе на французскую науку оказано кодексомъ Наполеона. Наоборотъ, вплоть до послѣднаго времени, въ теченіе долгой эпохи такъ называемаго «Стараго Режима», догматическое направленіе, естественнымъ образомъ, не имѣло и не могло имѣть мѣста въ западно-европейской наукѣ государственнаго права. Господству такого направленія препятствовало не только отрицательное отношеніе подозрительнаго и нетерпимаго абсолютизма къ обсужденію въ печати и съ каѳедры вопросовъ государственнаго права, но, еще въ большей степени, крайняя бѣдность содержанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничтожность практическаго значенія дѣйствующаго публичнаго права. Важнѣйшія отношенія между гражданами и властью, регулируемыя въ настоящее время правомъ, въ государствахъ стараго режима опредѣляются ничѣмъ не сдерживаемымъ и ничѣмъ не ограничиваемымъ усмотрѣніемъ и произволомъ верховной и подчиненныхъ властей. При такихъ условіяхъ, конечно, о догматической разработкѣ права не можетъ быть рѣчи. Только съ изданіемъ конституціонныхъ хартій, т.-е. съ кодификаціей новаго государственнаго права, становится возможной дѣйствительно плодотворная догматическая его разработка.

Что касается Россіи, то указанныя выше особенности нашего законодательства, препятствующія, вообще, догматической разработкѣ дѣйствующаго права, въ особенности препятствуютъ догматической разработкѣ государственнаго и административнаго права. Такъ, напримѣръ, наше административное право въ значительной своей части — XIV т. Св. Законовъ!..—является архаическимъ и безжизненнымъ, существующимъ только на бумагѣ. Новѣйшее же законодательство состоитъ, по преимуществу, изъ всякаго рода «временныхъ правилъ», вызванныхъ соображеніями цѣлесообразности, потребностями момента, и уже по одному этому не укладывается въ рамки строго-догматической системы.

Наконецъ, наука политики права необходимо пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе въ эпохи «великихъ реформъ», коренныхъ и все-

общихъ преобразованій государственнаго и правового порядка. Въ такія эпохи чувствуется сильнѣе всего необходимость общихъ принциповъ, маячныхъ огней, озаряющихъ извилистые пути законодательнаго творчества. Не случайно конецъ XVIII и начало XIX вв.—эпоха всеобщаго политическаго и соціальнаго переворота — является въ то же время эпохой господства практической философіи естественнаго права,—философіи, противопоставлявшей дѣйствующему «противоестественному» праву естественное, идеальное право человѣческой природы. Не случайно въ Германіи идея «цивильной политики» возникаетъ на нашихъ глазахъ и пріобрѣтаетъ популярность въ эпоху обсужденія и разработки новаго гражданскаго уложенія Германской имперіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и у насъ въ Россіи научное движеніе, извѣстное подъ именемъ «возрожденія естественнаго права», находится въ тѣсной и неразрывной связи съ растущимъ и укрѣпляющимся день ото дня сознаніемъ безусловой необходимости коренныхъ преобразованій въ области государственной и общественной жизни.

III.

Исторія права—одна изъ самыхъ молодыхъ юридическихъ дисциплинъ. Ея родина—Германія; научное направленіе, ее создавшее, извѣстно подъ именемъ исторической школы юристовъ.

Практическая задача, поставленная жизнью наукѣ права XVII и XVIII вв., заключалась не столько въ познаніи, сколько въ созданіи права. Рецепція римскаго права Германіей и, въ значительной степени, Франціей не дала и не могла дать законченной и полной правовой системы, регулирующей всѣ отношенія—какъ публично, такъ и частноправовыя—соціальной жизни новыхъ народовъ, столь отличной отъ жизни классическаго Рима.

Неудовлетворительность и недостаточность римскаго права сказались прежде всего и наиболѣе ярко въ области публичнаго права. Въ свое время въ рукахъ легистовъ римское право явилось могучимъ орудіемъ ниспроверженія феодальнаго строя; но когда на развалинахъ этого строя началось созиданіе новаго историческаго порядка, римское право, возникшее въ совершенно иной матеріальной и духовной средѣ, годнаго для созидательной работы матеріала дать не могло.

Та же недостаточность римскаго права, хотя и не въ такой степени, не замедлила обнаружиться и въ области гражданскаго права. Необходимо замѣтить, что даже въ Германіи, а тѣмъ болѣе во Франціи, римскому праву никогда не удалось окончательно вытѣснить и

упразднить мѣстнаго обычнаго права, за которое цѣпко держалось народное правосознаніе и которое то конкурировало съ римскимъ правомъ, то, на ряду съ нимъ, играло субсидіарную, всполняющую роль. Чѣмъ болѣе становилось извѣстнымъ содержаніе реципированнаго права, тѣмъ болѣе обнаруживалось несоотвѣтствіе его какъ съ идеальными требованіями народнаго духа, такъ и съ реальными потребностями народной жизни. Пробуждающееся—пока еще скорѣе инстинктивное, нежели сознательное—національное чувство категорично требовало націонализаціи римскаго права, приспособленія универсальныхъ категорій его къ индивидуальнымъ условіямъ мѣстной, національной жизни.

Отсюда—необходимость широкой и свободной, сознательной правообразующей дѣятельности, оперирующей весьма сложнымъ матеріаломъ и стремящейся къ созданію изъ исторически-данныхъ элементовъ новаго права. Само собою разумѣется, что такая дѣятельность оказалась и должна была оказаться не подъ силу какъ народу, творящему свое обычное право на-ощупь, съ завязанными глазами, такъ и законодателю, еще плохо сознающему общіе интересы и, въ значительной мѣрѣ, пренебрегающему ими. Такимъ образомъ, и въ новое время, какъ нѣкогда въ Римѣ, не обычай и не законъ, а право юристовъ, по необходимости, явилось наиболѣе активнымъ и продуктивнымъ источникомъ права.

Съ самаго начала, стремясь къ одной и той же цѣли—къ созданію права—наука права пошла двумя далеко расходящимися путями, распалась на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличныхъ школы: первую можно назвать философской, вторую — эмпирической, или позитивной.

Отвернувшись отъ хаотической дѣйствительности, свободная философствующая мысль, сбросившая съ себя еще въ эпоху реформаціи тяжелое ярмо авторитета, въ самой себѣ находитъ непзмѣнный и вѣчный законъ, возвышающійся надъ всякимъ, божественнымъ и человѣческимъ, произволомъ и, какъ солнце для бури, недосягаемый для него. Со времени Гуго Гроція и ближайшихъ его предшественниковъ ведетъ свое происхожденіе теорія естественнаго права, выводящая изъ того или иного принципа, имманентнаго человѣческой природѣ, всю совокупность юридическихъ нормъ, долженствующихъ регулировать общежитіе.

Въ отличіе отъ философской школы естественнаго права, эмпирическая школа юристовъ, достигшая наибольшаго расцвѣта въ Германіи, въ своихъ воззрѣніяхъ на право стоитъ на строго-позитивной и узко-практической точкѣ зрѣнія. Она забываетъ возвышенное опредѣленіе науки права — ars boni et aequi—Ульпіана и Цельза; для

нея вся задача юриспруденціи заключается въ созданіи права, годнаго для надобностей судебнаго разбирательства. Юриспруденція, говоритъ Струве, германскій юристъ XVII в., есть не что иное, какъ практическій пріемъ, соотвѣтственно приспособляющій право къ веденію гражданскихъ исковъ *). Само собою разумѣется, что, при подобныхъ взглядахъ, основная задача эмпирической школы заключалась не столько въ созданіи идеальнаго, совершеннаго права, сколько въ созданіи права, непосредственно примѣнимаго къ жизни, приспособленнаго къ уровню житейскихъ потребностей и понятій. Съ этой цѣлью эмпирическая школа обращается къ жизни, стараясь, во что бы то ни стало, путемъ всевозможныхъ ухищреній, нерѣдко путемъ насилія надъ здравымъ смысломъ, претворить и слить во-едино сохранившіяся въ ней разнородныя начала римскаго, каноническаго и мѣстнаго, какъ обычнаго, такъ и статутарнаго права, — по самому существу своему, по своему историческому происхожденію, чуждыя и нерѣдко враждебныя другъ другу. Завершеніе этого труда потребовало около столѣтія. Трудами германскихъ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ XVII ст., Карицова, Бруннемана, Мевіуса, Струве и др., созданъ былъ знаменитый Usus Modernus,—положительное право, которымъ еще въ XIX в. жила Германія. Въ теченіе трехъ вѣковъ, говоритъ Штинтцингъ, общимъ правомъ въ Германіи являлось то, что признавалось таковымъ наукою права.

Несмотря на принципіальную противоположность охарактеризованныхъ направленій, въ дѣйствительности, между ними существовали весьма интенсивное взаимодѣйствіе и чрезвычайно тѣсная связь. Многія положенія естественнаго права, выводимыя якобы изъ апріорнаго принципа, въ дѣйствительности, оказывались заимствованными изъ римскаго или германскаго права. По справедливому замѣчанію Гирке и Штрогаля, нѣкоторыя нормы германскаго обычнаго права только въ формѣ естественнаго права могли сохраниться въ правосознаніи юристовъ и даже одержать верхъ надъ соотвѣтственными нормами римскаго права **).

Съ другой стороны, апріорныя построенія и схематизмъ естественнаго права оказываютъ рѣшительное воздѣйствіе на труды эмпирической школы. И философскому, и эмпирическому направленію одинаково свойственны отличительныя черты раціоналистическаго міровоззрѣнія: съ одной стороны, крайній субъективизмъ, безусловная вѣра въ неограниченное всемогущество, въ творческую силу разума;

*) Stintzing, «Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft», II, стр. 12.
**) Gierke, «Naturrecht und deutsches Recht».

а съ другой, отрицаніе какихъ бы то ни было объективныхъ основъ правосознанія,—и, прежде всего, отрицаніе исторіи.

Съ точки зрѣнія теоріи естественнаго права, положительное право является результатомъ произвола, естественное—результатомъ необходимости, — двухъ началъ, одинаково отрицающихъ начало исторической закономѣрности. Съ точки зрѣнія эмпирической школы, историческое изученіе права, раскрывающее существенныя различія въ происхожденіи и содержаніи чуждыхъ другъ другу правовыхъ системъ, способно только затруднить образованіе изъ нихъ новаго, единаго и общаго, права. Отсюда—презрѣніе къ исторіи, полная неспособность къ историческому выясненію содержанія права, характеризующія направленіе трудовъ эмпирической школы. Неудержимое стремленіе къ источникамъ, духъ исторической критики, присущій наукѣ права въ эпоху возрожденія, въ эпоху Альціата и Куяція, Цазіуса и Голоандра, исчезаютъ безслѣдно въ разсматриваемую эпоху. Практическому уму юристовъ XVII в. занятія древностями представляются научнымъ сибаритствомъ, ненужною роскошью. Пустое любопытство, говоритъ Мевіусъ, изучать древнее, отмѣненное, вышедшее изъ употребленія право *); въ другомъ мѣстѣ тотъ же Мевіусъ пронизируетъ надъ юристами, которые копаются въ могилахъ древняго права и, забывая о судѣ, учатся и учатъ праву для себя самихъ и для школы **). Бруннеманъ настойчиво доказываетъ, что юристы должны изучать исключительно новѣйшихъ авторовъ, такъ какъ «нельзя отрицать, что древніе съ великимъ трудомъ занимались великимъ вздоромъ (magnas nugas magno labore tra tasse), тогда какъ новѣйшіе, напротивъ, занимаясь «практической дисциплиной» права, обращаютъ вниманіе на нужды суда и общую пользу» ***).

Не трудно, послѣ сказаннаго, понять, что при такихъ условіяхъ объ исторіи права, какъ юридической дисциплинѣ, въ теченіе XVII и XVIII вв. не могло быть и рѣчи. Правда, и въ теченіе этого періода,—въ особенности, къ его концу—знаніе историческихъ фактовъ начинаетъ входить мало-по-малу въ моду; тѣмъ не менѣе, духъ юриспруденціи, по существу, остается антиисторическимъ. Юристы пользуются исторіей, главнымъ образомъ, для того, чтобы блеснуть ученостью, украсить свой трудъ орнаментами антикварныхъ знаній, подобно тому какъ нѣкоторые изъ насъ украшаютъ стѣны своего жилища древнимъ, негоднымъ къ употребленію оружіемъ. Въ лучшемъ случаѣ, исторія является для нихъ, по выраженію Савиньи, «собраніемъ морально-

*) Цит. у Stintzing'a l. c. стр. 23
**) Ib. стр. 127.
***) Ib. стр. 108.

политическихъ примѣровъ», иллюстрирующихъ абстрактныя истины и подкрѣпляющихъ произвольныя построенія. Такое quasi-историческое направленіе юриспруденціи, извѣстное подъ именемъ элегантной школы юристовъ, характеризуется словами юриста XVII в., Артура Дука: qui jurisprudentiam ex antiquitatibus illustrant, magis flores quam fructus nobis attuler nt *). Іоаннъ Яковъ Мозеръ называетъ элегантныхъ юристовъ, или, какъ онъ ихъ называетъ, «галантныхъ правовѣдовъ» (die galanten Rechtsgelahrten) блестящимъ, но безполезнымъ фейерверкомъ, которому слѣдуетъ предпочесть фунтъ, хотя бы и тусклыхъ, свѣчей.

Въ Германіи въ наукѣ гражданскаго права элегантная школа господствуетъ въ теченіе всего XVIII в. Послѣдніе представители ея встрѣчаются въ началѣ XIX в.; между прочимъ, къ этой же школѣ принадлежалъ учитель знаменитаго Савиньи, профессоръ Марбургскаго университета, Вейссъ.

Съ началомъ XIX в. открывается новая эра въ исторіи развитія науки права. Субъективный раціонализмъ, опредѣляющій содержаніе и цѣли этой науки въ теченіе двухъ предшествующихъ столѣтій, мало-по-малу уступаетъ мѣсто въ области права, какъ и въ смежныхъ областяхъ философіи и искусства, новому настроенію, новому міросозерцанію объективнаго историзма. Исчезаетъ вѣра во всемогущество человѣческаго разума, въ продуктивность его творческой силы. Не созидать, а познавать хочетъ разумъ, познавать то, что есть, что создано жизнью, независимо отъ человѣка, или даже вопреки ему. Шеллинговой системѣ въ области философіи, романтизму въ области искусства соотвѣтствуетъ историческая школа юристовъ въ области права.

Глава и теоретикъ этой школы, Савиньи, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ сущность историческаго міросозерцанія въ примѣненіи къ наукѣ права.

Въ наукѣ права, говоритъ Савиньи, существуютъ двѣ категоріи воззрѣній, двѣ юридическихъ школы. Множество частныхъ разногласій между ними сводится, въ сущности, къ одному разногласію,—къ различному отвѣту на слѣдующій кардинальный вопросъ: каково отношеніе прошедшаго къ настоящему, развитія (des Werden) къ бытію? По мнѣнію однихъ, каждая эпоха изъ себя самой создаетъ свой міръ, свое бытіе, разумное и счастливое, или неразумное и несчастное, по мѣрѣ своего пониманія и силъ. Въ частности, право въ каждый дан-

*) Иллюстрирующіе юриспруденцію древностями приносятъ намъ больше цвѣтовъ, нежели плодовъ. Цит. у П. И. Новгородцева, «Историческая школа юристовъ», стр. 27.

ный моментъ произвольно создается лицами, облеченными законодательной властью, на основаніи мимолетныхъ убѣжденій, независимо отъ права предыдущихъ эпохъ. Таково мнѣніе, таковы взгляды неисторической школы юристовъ.

Діаметрально противоположны взгляды исторической школы. Индивидуальное и изолированное человѣческое существованіе, говоритъ Савиньи, невозможно. Все то, что индивидуально, является въ то же время той или иной стороной своего бытія, органическою частью какого-либо высшаго цѣлаго. Каждая эпоха народной жизни есть не что иное, какъ продолженіе и развитіе прошедшаго; настоящее не создаетъ своего міра произвольно изъ самого себя: оно дѣлаетъ это въ неразрывной общности съ неразрывнымъ прошлымъ. Поэтому каждое поколѣніе должно признавать нѣчто данное, являющееся въ одно и то же время необходимымъ и свободнымъ,—необходимымъ, т.-е. независимымъ отъ произвола настоящаго, и свободнымъ, т.-е. независимымъ отъ чьего бы то ни было произвола, вообще. Исторія съ этой точки зрѣнія отнюдь не является «собраніемъ примѣровъ», памятникомъ ошибокъ и заблужденій человѣческаго духа. Именно потому, что прошлое имѣетъ имманентный, а не преходящій характеръ, что оно живетъ въ настоящемъ, а не смѣняется имъ, исторія—единственный путь къ пониманію настоящаго *).

Въ этихъ словахъ, въ этомъ «манифестѣ» исторической школы—теоретическое обоснованіе исторіи права, какъ юридической дисциплины.

Говоря объ этой дисциплинѣ, намъ, разумѣется, нѣтъ надобности останавливаться на выясненіи философскихъ воззрѣній исторической школы на самое существо права **). Какъ бы ни были ошибочны эти воззрѣнія, необходимость исторіи права, какъ юридической дисциплины, находитъ свое обоснованіе въ неоспоримомъ фактѣ исторической закономѣрности развитія права. Значеніе исторической школы заключается, именно, въ томъ, что этотъ неоспоримый фактъ положенъ ею въ основу методологическихъ пріемовъ изученія права. Правда, отрицая значеніе идеологическаго фактора въ процессѣ правообразованія, значеніе сознательной и разумной творческой дѣятельности живыхъ людей, направленной на улучшеніе права, историческая школа преувеличиваетъ значеніе историческаго момента,—одного изъ моментовъ, вліяющихъ на образованіе права; она отводитъ настоящему, съ его идеалами и потребностями, слишкомъ

*) Savigny, «Ueber den Zweck dieser Zeitschrift» въ I т. «Zeitschr. f. ges. Rechtswiss.» (1815).

**) См. П. И. Новгородцева, «Историческая школа юристовъ». Срв. также мою брош., «Возрожденіе естествен. права» стр. 18 и сл.

незначительное мѣсто. Создаетъ право не прошлое въ настоящемъ, а настоящее на прошломъ. Конечно, настоящее не можетъ творить права произвольно, изъ себя и для себя; но все-таки оно творитъ право—не изъ себя, но для себя: настоящее право является не только моментомъ историческаго процесса, оно является также системой дѣйствующихъ нормъ; на ряду съ генетическимъ изученіемъ права возможно и необходимо догматическое изученіе его.

Уже Савиньи, даже въ своихъ наиболѣе раннихъ трудахъ, признавалъ необходимымъ существованіе, на ряду съ исторической, догматической науки права. Позднѣе, въ введеніи къ системѣ современнаго римскаго права, которое Рудорффъ—слишкомъ сильно—называетъ некрологомъ исторической школы *), Савиньи выдвигаетъ даже конструктивный методъ на первый планъ, на томъ основаніи, что обстоятельства, заставившія его въ свое время особенно подчеркнуть историческое направленіе въ изученіи права, а именно, пренебреженіе къ нему со стороны науки, миновали безвозвратно и навсегда.

Въ настоящее время исторіи права принадлежитъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ ряду юридическихъ дисциплинъ. Безъ исторіи права, точно такъ же, какъ и безъ догмы его, нѣтъ и не можетъ быть знанія, положительнаго, дѣйствующаго права. Caeca sine historia jurisprudentia.

IV.

Что такое право,—агломератъ, или система юридическихъ нормъ?

Конечно, не агломератъ. Общественная жизнь, регулируемая правомъ, едина; отдѣльныя явленія, изъ которыхъ складывается эта жизнь, находятся въ тѣсной и неразрывной связи другъ съ другомъ. Одно явленіе обусловлено другимъ; каждое образуетъ звено въ неразрывной цѣпи причинъ и слѣдствій.

Пониманіе неразрывности и единства соціальной жизни вообще исключаетъ всякую возможность механическихъ представленій о правѣ, какъ о «кучѣ песка», какъ о безсвязномъ агломератѣ случайныхъ, созданныхъ неограниченнымъ и свободнымъ произволомъ, чуждыхъ другъ другу юридическихъ нормъ. Являясь функціей соціальной жизни, право, разумѣется, не можетъ не быть закономѣрнымъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ закономѣрной является соціальная жизнь.

Будь право—«кучей песка», о наукѣ права не могло бы быть и рѣчи; во всякомъ случаѣ, она не могла бы идти дальше безсвязной

*) Ст. Rudorff'a о Савиньи въ «Zeitschr. f. Rechtsgeschichte», т. I.

ремесленной интерпретаціи отдѣльныхъ законодательныхъ текстовъ. Средневѣковая глосса была бы послѣднимъ словомъ юридической мудрости.

Право является внутреннимъ единствомъ; объектъ юридической науки—не агломератъ, а система юридическихъ нормъ. Въ частности, изученіе системы дѣйствующаго права является задачей догматической науки права.

Говоря о «системѣ права», о «внутреннемъ его единствѣ», мы не должны, однако, забывать, что, въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ, такія понятія, какъ система и единство, имѣютъ иное, болѣе ограниченное и условное, значеніе, нежели въ примѣненіи къ такъ называемымъ точнымъ наукамъ: система юридическихъ нормъ существенно отлична отъ системы математическихъ и логическихъ понятій.

Было бы, напримѣръ, совершенно ошибочнымъ представлять себѣ право какого-либо народа, въ данный моментъ его существованія, стройной и законченной, единой системой юридическихъ нормъ, выводимыхъ съ логической необходимостью изъ того или иного единаго и общаго юридическаго принципа.

Нельзя забывать существованія въ правѣ многочисленныхъ противорѣчій, историческихъ переживаній, логическихъ скачковъ законодательной мысли. Всякая систематизація à l'outrance является Прокрустовымъ ложемъ для дѣйствующаго права: нельзя себѣ представить даже такой «системы», въ которую оказалось бы, напр., возможнымъ вмѣстить и Судебные Уставы Императора Александра II, и Положеніе объ участковыхъ земскихъ начальникахъ.

Конечно, безусловно ошибочна мысль: будто право, по своей природѣ, алогично (Меркель); но, съ другой стороны, равнымъ образомъ ошибается и тотъ, кто приписываетъ логикѣ такое же значеніе въ наукѣ права, какое, напримѣръ, въ небесной механикѣ всегда принадлежало и будетъ принадлежать математикѣ.

Говоря о системѣ права, мы имѣемъ въ виду опредѣленную тенденцію права, всегда и необходимо ему присущую,—его систематичность. Въ большей или меньшей степени эта тенденція всегда и необходимо осуществляется въ дѣйствующемъ правѣ; степень ея осуществленія констатируется догматическою наукою права.

Задача догмы заключается не въ томъ, чтобы создать несуществующую систему, а въ томъ, чтобы открыть существующую систематичность юридическихъ нормъ. Совокупность нормъ, образующихъ дѣйствующее право даннаго народа, сводится догмою права къ сравнительно небольшому числу сравнительно законченныхъ логическихъ системъ. Свести ихъ къ одной и вполнѣ законченной логической системѣ догма права не можетъ.

Необходимо замѣтить, что злоупотребленіе такъ называемымъ «геометрическимъ методомъ» является традиціоннымъ порокомъ догматической науки права *). Стремясь къ созданію дедуктивнымъ путемъ строго-логической правовой системы, юристъ-геометръ, не находя достаточно всеобщихъ и непоколебимыхъ принциповъ для своихъ дедукцій въ дѣйствующемъ правѣ, кладетъ въ основу дедукціи тѣ или иные апріорные принципы. Путемъ дедукціи изъ апріорныхъ принциповъ онъ создаетъ вмѣсто системы дѣйствующаго систему «логичнаго права», вмѣсто системы юридическихъ нормъ систему «юридическихъ понятій». Наука, вся цѣль и весь смыслъ которой заключаются, именно, въ познаніи того, что есть, отворачивается отъ дѣйствительности для того, чтобы, по выраженію Іеринга, витать въ туманномъ небѣ логическихъ абстракцій. Замѣчаемое въ германской и французской литературѣ движеніе противъ такъ называемой юриспруденціи понятій (Begriffsjurisprudenz) является не чѣмъ инымъ, какъ вполнѣ естественной реакціей противъ «геометрическихъ иллюзій» науки права **).

Задача догмы, какъ и задача исторіи права, заключается въ познаніи положительнаго, дѣйствующаго права; въ отличіе отъ исторіи, догма права приходитъ къ этой цѣли не генетическимъ, а логически конструктивнымъ путемъ ***). Какъ всякій истинно научный методъ, и логически конструктивный является сочетаніемъ индуктивнаго пріема съ дедуктивнымъ. Конструктивная работа послѣдовательно проходитъ двѣ стадіи. Прежде всего, она анализируетъ юридическія нормы и скрывающіяся за ними юридическія отношенія, разлагаетъ ихъ на составные элементы и возводитъ эти элементы къ основнымъ началамъ или принципамъ.

---

*) Еще Лейбницъ сравнивалъ римскихъ юристовъ съ математиками и отводилъ ихъ трудамъ второе мѣсто послѣ математическихъ. Въ настоящее время сравненіе науки права съ математикой стало общимъ мѣстомъ. Ср. Louis Liard, «L'enseignement supérieur en France», t. II, стр. 397: «Les articles du code sont autant de théorèmes dont il s'agit de montrer la liaison et de tirer les consequences. Le juriste pur est un géometre; l'education purement juridique est purement dialectique»; и дальше: «le géométrie juridique est impuissante»...

**) Ср. Geny, «Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif», стр. 35 и сл.; стр. 111 и слѣд. Все то ново, что основательно забыто: еще Warnkönig («Juristische Encyclopädie», 1853, стр. 76 и сл.) вполнѣ основательно и съ должной умѣренностью предостерегалъ противъ чрезмѣрныхъ увлеченій конструктивной методой. Явныя преувеличенія, доходящія до искаженія въ существѣ правильной мысли, мы находимъ у Ihering'a: см. «Geist des röm. Rechts» III, 1, стр. 318 и сл.; «Scherz und Ernst in der Jurisprudenz», 5 изд., стр. 3 и сл.; стр. 245 и сл.

***) См. мою статью, «О юридическомъ направленіи въ государственномъ правѣ» («Журн. Мин. Юст.», 1897, мартъ).

Принципы, о которыхъ идетъ рѣчь, ничего апріорнаго въ себѣ не заключаютъ: добытые индуктивнымъ путемъ, они такъ же позитивны, какъ и тѣ нормы, изъ которыхъ они добыты. Нѣкоторые изъ нихъ находятъ себѣ непосредственное выраженіе въ законѣ (напр., никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ, всякій отвѣтствуетъ за причиненные имъ вредъ и убытки и т. п.); другіе, подразумѣваемые, необходимо даны вмѣстѣ съ тѣми выводами, которые expressis verbis дѣлаетъ изъ нихъ законъ. Съ измѣненіемъ юридическихъ нормъ, постепенно мѣняются юридическіе принципы. Правда, сначала самый принципъ остается, повидимому, непоколебимымъ; измѣняются и отпадаютъ тѣ или иные крайніе логическіе выводы изъ него; появляются исключенія изъ общаго правила, не только не отрицающія, но даже, какъ-будто, подкрѣпляющія общее правило. Съ теченіемъ времени, однако, число исключеній увеличивается, и самое правило, нѣкогда богатое содержаніемъ, становится пустой и безсодержательной схемой. Приходится путемъ новой индукціи восходить къ новымъ принципамъ, искать новыхъ понятій, адекватныхъ измѣнившемуся содержанію права*). Вспомните римско-правовое опредѣленіе права собственности, какъ абсолютнаго и неограниченнаго права на вещь; это опредѣленіе удерживается наукой гражданскаго права и теперь, но какъ мало оно соотвѣтствуетъ измѣнившейся природѣ современной, все болѣе и болѣе обобществляемой собственности, ограниченной и стѣсненной до того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она состоитъ изъ опредѣленныхъ, весьма немногочисленныхъ полномочій (право собственности на нѣдра земли, на лѣса и воды, недвижимая собственность, вообще). Все такъ называемое соціальное законодательство (законы о ростовщикахъ, фабричное право, обязательное страхованіе рабочихъ etc.) является прямымъ отрицаніемъ традиціоннаго понятія индивидуальной собственности, не знающей и не допускающей соціальныхъ ограниченій и сдержекъ. Нашему времени предстоитъ, такимъ образомъ, задача найти новое понятіе собственности, соотвѣтствующее новому содержанію нормъ, охватываемыхъ этимъ понятіемъ.

Восхожденіе къ общимъ началамъ является первымъ индуктивнымъ моментомъ логической конструкціи.

Второй моментъ—дедукція. Изъ основныхъ понятій должны быть сдѣланы логическіе выводы; каждый изъ нихъ является, въ свою очередь, исходнымъ моментомъ новыхъ дедукцій и т. д. и т. д.

Получается система логически связанныхъ между собою юридическихъ нормъ.

*) Римскій юристъ Sabinus училъ: regula quasi causae conjectio est, quae simulatque in aliquo vitiosa est, perdit officium suum.

Исчезаетъ первоначальный хаосъ; юридическія нормы кристаллизуются въ институты; институты — въ систему. Каждая норма— разумѣется, общаго, а не исключительнаго характера — занимаетъ опредѣленное, логически необходимое мѣсто въ системѣ; изъ кучи безпорядочно наваленнаго камня возводится стройное зданіе, въ которомъ каждый камень одинаково нуженъ на своемъ мѣстѣ.

Логически-конструктивный методъ не ограничивается, однако, однимъ упорядоченіемъ, систематизаціей нормъ; онъ несомнѣнно обладаетъ своего рода продуктивною силою. Путемъ абстракціи изъ частныхъ наблюденій права общихъ принциповъ и понятій и обратнаго вывода изъ этого абстрактнаго матеріала частныхъ положеній, юриспруденція открываетъ новыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ основанныя на высказанныхъ уже нормахъ положенія права и, такимъ образомъ, способствуетъ дальнѣйшему развитію, самовосполненію права. Теорію юридической продукціи, подъ названіемъ высшей юриспруденціи, блестяще развилъ Іерингъ въ своемъ трудѣ о «Духѣ римскаго права».

Логически-конструктивный методъ является традиціонно господствующимъ въ наукѣ гражданскаго права; гражданское право является догматической наукой par excellence.

Уже въ XVI в. прежнее экзегетическое направленіе, господствовавшее со временъ глоссаторовъ *) въ наукѣ римскаго права (mos italicus), уступаетъ мѣсто—сначала во Франціи — новому синтетическому и систематическому направленію (mos docendi gallicus), наиболѣе выдающимися представителями котораго являются Куяцій и Донелль. Въ XVII в. новое направленіе получаетъ широкое распространеніе въ Германіи и здѣсь, въ теченіе XIX в., достигаетъ наибольшаго своего развитія.

Въ отличіе отъ науки гражданскаго права наука государственнаго до самаго послѣдняго времени догматическаго характера не имѣетъ. Классическіе труды Блунчли и Моля въ Германіи, Б. Констана, Токвиля, Лабуле во Франціи, Беджгота и Герна въ Англіи, несмотря на свои выдающіяся достоинства, съ точки зрѣнія методологической, имѣютъ характеръ mixtum compositum изъ самыхъ гетерогенныхъ, философскихъ и политическихъ элементовъ. Самый методъ, господствующій въ публичномъ правѣ, Лабандъ иронически называетъ историко-философо-политическимъ и не безъ основанія отожествляетъ

*) Болонская школа юристовъ (съ начала XII в.), или глоссаторы, составляютъ примѣчанія, глоссы, къ Corpus juris. Впослѣдствіи изъ этихъ глоссъ Accursius († 1260) составилъ, такъ наз. glossa ordinaria. Комментированіе (толкованіе) ординарной глоссы является исключительнымъ предметомъ возникающей въ срединѣ XIII в. и существующей до XVI в. школы коммситаторовъ.

его съ отсутствіемъ всякаго метода вообще *). По словамъ Штерка, въ курсахъ государственнаго и конституціоннаго права мы встрѣчаемся съ сувереннымъ господствомъ политической метафизики, съ фантастической игрой идеями публичнаго права, и—съ полнымъ отсутствіемъ отчеканенныхъ юридическихъ понятій, твердыхъ и устойчивыхъ юридическихъ категорій **).

Нельзя отрицать совершенной необходимости догматической разработки науки государственнаго права. Не подлежитъ сомнѣнію, что, именно, современнымъ состояніемъ этой науки объясняется повсемѣстно замѣчаемое отсутствіе безусловно необходимаго взаимодѣйствія между теоріей государственнаго права и практикой государственной жизни. «Историко-философо-политическій методъ», по самой природѣ своей, не можетъ дать точнаго и систематическаго знанія дѣйствующаго права,—права, какъ оно есть, не можетъ разграничить Wahrheit und Dichtung, то, что есть, отъ того, что должно быть. При такихъ условіяхъ вліяніе науки государственнаго права на практическую жизнь не можетъ не быть совершенно ничтожнымъ.

Ознакомленіе практики съ дѣйствующимъ правомъ, воспитаніе въ ней чувства законности оказывается непосильной задачей для науки, не умѣющей различать субъективныхъ идеаловъ правоубѣжденія отъ объективно-даннаго права.

Самый прогрессъ науки необходимо требуетъ строгой дифференціаціи ея задачъ, точной опредѣленности ея методологическихъ пріемовъ. Не можетъ быть научнаго прогресса до тѣхъ поръ, пока наука государственнаго права представляетъ собою, по выраженію Прейсса, нейтральную область, нѣчто въ родѣ салона, куда собираются философы и историки, цивилисты и политики для того, чтобы отдохнуть отъ дѣла и поболтать на досугѣ; до тѣхъ поръ, пока поверхностный дилетантизмъ составляетъ обычное, почти нормальное явленіе въ области литературы публичнаго права ***).

Только въ послѣднее время, приблизительно начиная съ 70-хъ и особенно 80-хъ годовъ, въ германской наукѣ публичнаго права зарождается новое, такъ наз. «юридическое направленіе», которое ставитъ себѣ цѣлью догматическую разработку положительнаго государственнаго права, созданіе догмы государственнаго права.

Родоначальникомъ этого направленія является лейпцигскій профессоръ Карлъ Фридрихъ ф.-Герберъ; его современные представители—

---

*) Laband, «Das Staatsrecht des deutschen Reiches» (2 изд.). Введеніе.
**) Stoerk, «Zur Methodik des öffentlichen Rechts», стр. 51 и сл.
***) Preuss, «Gemeinde, Staat, Reich»; стр. 2.

Лабандъ, авторъ огромнаго, классическаго труда: «Das Staatsrecht des deutschen Reiches», Іеллинекъ, Георгъ Мейеръ, Цорнъ, Зейдель, Розинъ, Ремъ и др.

Основной принципъ этого направленія—исключеніе всякой философіи и всякой политики изъ области науки государственнаго права. Изъ расплывчатаго состоянія неопредѣленной и неотграниченной науки государствовѣдѣнія (Staatskunde) государственное право должно перелиться въ твердыя, кристаллизированныя формы юридической дисциплины,—такова та цѣль, въ которой послѣдовательно и успѣшно стремится юридическая школа публичнаго права. Научная задача догматики опредѣленнаго позитивнаго права, говоритъ Лабандъ въ введеніи къ своему Курсу, заключается въ конструированіи правовыхъ институтовъ, въ приведеніи отдѣльныхъ правовыхъ положеній къ общимъ принципамъ, въ дедукціи изъ этихъ принциповъ соотвѣтствующихъ выводовъ. Догматика есть работа чисто логическая. Всѣ историческія, политическія и философскія разсужденія, какъ бы они ни были цѣнны an und für sich, для догматики опредѣленной правовой матеріи не имѣютъ значенія и часто служатъ лишь къ тому, чтобы скрыть недостатки конструктивной работы.

Поскольку въ вышеприведенныхъ словахъ заключается теоретическое обоснованіе самостоятельности задачъ и методовъ догматическаго изслѣдованія, постольку, разумѣется, они не вызываютъ и не могутъ вызвать никакихъ возраженій.

Опасной и неправильной представляется, однако, скрывающаяся въ нихъ несомнѣнная тенденція къ отожествленію догматическаго изслѣдованія, какъ такового, съ наукою права, вообще. Такая тенденці , проходящая красною нитью черезъ всю, вообще, современную германскую науку права, искажаетъ и умаляетъ, до неузнаваемости, значеніе этой науки.

Юристъ и догматикъ, наука права и догма—не синонимы. Юристъ остается юристомъ, изучая историческое происхожденіе дѣйствующаго права или отыскивая принципы законодательнаго совершенствованія его.

Безъ исторіи права самая догма его невозможна. Мы не можемъ понять юридическихъ нормъ и юридическихъ отношеній, не зная ихъ исторіи; но въ такомъ случаѣ, разумѣется, невозможенъ и юридическій анализъ этихъ нормъ, составляющій первую ступень конструктивной работы. Безъ исторіи возможна только механическая, внѣшняя систематизація положительнаго права. Такая система подобна наскоро раскинутой палаткѣ, которую уноситъ первый сорвавшійся вѣтеръ. Конструируя, истинный юристъ долженъ помнить первое правило

строительнаго искусства: чѣмъ выше мы стронмъ, тѣмъ глубже должны мы рыть.

Изученіе—историческое и догматическое—дѣйствующаго права не исчерпываетъ собою задачи юридической науки.

Положительное право не можетъ быть разсматриваемо какъ самоцѣль; оно является только средствомъ для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Наука права не можетъ и не должна ограничить своей задачи изученіемъ положительнаго права, какъ оно есть; ибо въ такомъ случаѣ, изучая средство an sich, независимо отъ соотвѣтствія или несоотвѣтствія его цѣли, она была бы техническимъ ремесломъ, а не наукой.

По самому существу объекта, изучаемаго наукой права, истинно-научное отношеніе къ нему не можетъ быть инымъ, кромѣ критическаго. Юристъ долженъ отвѣтить на вопросъ: соотвѣтствуетъ ли положительное право той цѣли или тѣмъ цѣлямъ, которымъ оно признано служить? Онъ долженъ не только изучать, но и судить право. Для критической оцѣнки права юристу необходимъ опредѣленный критерій; необходимъ масштабъ для измѣренія положительнаго права. Такимъ масштабомъ является представленіе о цѣлесоотвѣтственномъ, о «правильномъ правѣ». Ученье о «правильномъ правѣ» является такою же интегральною частью науки права, какъ и ученье о правѣ положительномъ.

Научная цѣнность ученія о положительномъ правѣ (исторіи и догмы его) заключается, именно, въ томъ, что оно является необходимымъ предположеніемъ ученія о правильномъ правѣ: безъ знанія права невозможна критика его. «Позитивный юристъ», ограничивающійся изученіемъ положительнаго—измѣнчиваго и несовершеннаго—права, умаляетъ значеніе и достоинство своей науки. Само собою понятно, что, напримѣръ, Клюберовское «Государственное право Рейнскаго союза» имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку излагаемая въ немъ правовая система можетъ служить объектомъ критическаго разсмотрѣнія и оцѣнки. Какъ догматическая система дѣйствующаго права, трудъ этотъ, написанный въ 1808 г., никакого значенія не имѣетъ, — ибо самый Рейнскій Союзъ, эфемерное созданіе политики дня, разсыпался въ прахъ въ 1813 г.

Позитивное направленіе въ наукѣ права является причиной господствующаго въ ней формализма, отчужденности юридической мысли отъ мысли народной. Народъ, являющійся въ послѣдней инстанціи творцомъ права, требуетъ отъ науки права не только отвѣта на вопросъ: «что есть право?», но также и прежде всего отвѣта на вопросъ: «чѣмъ право должно быть?»...

Отвѣчая на этотъ вопросъ, наука права «идетъ въ народъ»; она становится учительницей жизни, а не служанкой ея.

Къ современной «позитивной юриспруденціи» вполнѣ примѣнимы слова, обращенныя Лютеромъ къ «позитивной юриспруденціи» его времени: Ein Jurist, der nicht mehr denn ein Jurist ist, ist ein arm Ding! *)...

V.

Въ теченіе многихъ столѣтій ученіе о «должномъ правѣ» занимало первенствующую позицію въ наукѣ права; такимъ ученьемъ являлась теорія естественнаго права. Какъ мы уже знаемъ, теорія естественнаго права, по своему существу, имѣла двойственный характеръ: она являлась теоретической наукой о правѣ, которое е с т ь, и практической—о правѣ, которое д о л ж н о б ы т ь.

Какъ теоретическая наука, естественное право стояло въ непримиримомъ противорѣчіи съ теоретической наукой положительнаго права; она вносила неразрѣшимый д у а л и з м ъ въ самую идею права.

Для всякой теоріи, разсматривающей естественное и положительное право, какъ явленія одного и того же міра, оказывалось логически-необходимымъ, признавая естественное право существующимъ, тѣмъ самымъ признавать его д ѣ й с т в у ю щ и м ъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ дѣйствующимъ является положительное право.

Но въ такомъ случаѣ одинаково дѣйствующими оказывались двѣ системы права, по своему содержанію существенно отличныя другъ отъ друга. Неизбѣжныя и многочисленныя противорѣчія между нормами естественнаго и положительнаго права требовали, во что бы то ни стало, е д и н с т в а права; приходилось либо положительнымъ правомъ пожертвовать для естественнаго, либо естественнымъ для положительнаго.

Предъ наукою права стояла дилемма: либо признать положительное право, поскольку оно противорѣчитъ естественному, не дѣйствующимъ, т.-е. не-правомъ: либо признать недѣйствующимъ, т.-е. не-правомъ, естественное право, поскольку оно противорѣчитъ положительному.

На первой точкѣ зрѣнія стоитъ средневѣковая теорія естественнаго права. Для философствующихъ теологовъ только естественное право божественнаго происхожденія является д ѣ й с т в у ю щ и м ъ, въ самомъ безусловномъ смыслѣ этого слова; положительное право, поскольку оно противорѣчитъ божественному, не-право. Блаженный Августинъ спрашиваетъ: «Если проконсулъ требуетъ одного, императоръ другого, можно ли сомнѣваться, чье требованіе должно быть испол-

*) См. Stammler, «Die Lehre von dem Richtigen Rechte», стр. 3—18.

нено? И точно такъ же, какъ разсудить, если одного требуетъ императоръ, другого богъ? Плати дань; будь въ послушаньи. Правильно; но не въ идолопоклонствѣ. Быть въ идолопоклонствѣ воспрещено. Кѣмъ воспрещено?—высшею властью» *).

Наоборотъ, уже Гуго Гроцій, первый теоретикъ раціоналистическаго естественнаго права, допускаетъ—правда, въ очень узкихъ границахъ — дѣйствіе положительнаго права, хотя бы и не совпадающаго съ естественнымъ **).

Гораздо дальше Гроція идетъ въ этомъ отношеніи Пуффендорфъ. Естественное право, съ его точки зрѣнія, превосходитъ положительное не своей внѣшней, а своей внутренней силой. Положительное право дѣйствуетъ, независимо отъ того, согласно оно, или несогласно съ естественнымъ; и наоборотъ, естественные законы только въ томъ случаѣ обязательны для подданныхъ, если они позитивируются, пріобрѣтаютъ силу положительнаго права. Изъ естественнаго права Пуффендорфъ выводитъ лишь морально-политическую обязанность законодателя приспособлять къ нему, въ предѣлахъ возможнаго, положительное право; его естественное право, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ «законодательная наука», — политика въ современномъ смыслѣ этого слова.

Какъ дѣйствующее, т.-е. внѣшне-обязательное право, естественное право сохраняетъ лишь значеніе субсидіарнаго источника права, призваннаго къ восполненію пробѣловъ законодательства ***).

Вышеприведенный фактъ чрезвычайно важенъ; онъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, въ самой доктринѣ естественнаго права теоретическій моментъ постепенно отодвигается на второй планъ моментомъ практическимъ; теорія естественнаго права становится постепенно, незамѣтными переходами, наукой политики права ****).

Какъ подгнившее дерево подъ первымъ порывомъ бури, теоретическая философія естественнаго права безсильно падаетъ подъ первыми ударами исторической школы.

Гораздо сложнѣе причины, вызвавшія паденіе практической философіи естественнаго права, — только-что начинающей сознавать самое себя науки политики права.

---

*) Цитируется у Rehm'a, «Geschichte der Staatsrechtswissenschaft», стр. 158, прим. 3.

**) De jure belli ac pacis; l. II cap. III § 5.

***) De jure naturae et gentium; l. VIII cap. I § 1.

****) См. мою ст. «Государственное право» въ «Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ», вып. VI стр. 350 и сл.

Въ своемъ трудѣ «Раціонализмъ въ исторіи» Лекки справедливо указываетъ, что, подобно органическимъ существамъ, каждая идея можетъ существовать и развиваться только въ родной, питающей ее стихіи. Въ исторіи человѣческой мысли можно указать не мало примѣровъ, когда та или иная идея безслѣдно исчезала не подъ ударами новыхъ доказательствъ и новыхъ истинъ, постигнутыхъ человѣческимъ умомъ, а просто потому, что она не находитъ себѣ пищи въ измѣнившемся міросозерцаніи эпохи, что она задыхается въ умственной атмосферѣ, созданной совокупностью новыхъ идей.

Паденіе практической философіи естественнаго права объясняется, именно, тѣмъ, что въ міросозерцаніи XIX в., опредѣляемомъ идеями эволюціонизма и позитивизма, идеѣ долженствованія, какъ такового, не оказалось и не могло оказаться мѣста. Завоевавшая область соціальныхъ явленій, категорія необходимости вытѣснила изъ этой области нѣкогда суверенно господствовавшую въ ней категорію долженствованія.

И съ точки зрѣнія исторической школы юристовъ (Савиньи, Пухта и др.), и съ точки зрѣнія позитивной (Іерингъ, Меркель и др.) развитіе права опредѣляется закономъ необходимости, а не долженствованія. Будемъ ли мы себѣ представлять право органическимъ продуктомъ безличнаго историческаго процесса, или необходимой равнодѣйствующей извѣстнаго соотношенія реальныхъ общественныхъ силъ,—во всякомъ случаѣ мы должны признать, что наши представленія о правѣ, какъ оно должно быть, опредѣляющаго вліянія на право, какъ оно есть, не имѣютъ и не могутъ имѣть.

По самому существу своихъ воззрѣній, историческая школа отрицаетъ какую бы то ни было творческую роль этическаго начала въ области права. Право—живой организмъ; «внутреннія силы» исторіи управляютъ его развитіемъ и ростомъ. Только обычное право — настоящее, народное право. Оно растетъ, «пока люди спятъ». Законодатель записываетъ, а не творитъ право. Творчество права—дерзкое и безплодное возстаніе индивидуальнаго произвола противъ неизмѣнныхъ законовъ органической эволюціи права.

По мнѣнію Пухты, практическая философія естественнаго права—«невинная забава», и только. Задача философіи права—изслѣдованіе начала права и его дальнѣйшаго развитія, по даннымъ исторіи права, до послѣдняго его совершенства *). Философія права предсказываетъ необходимое развитіе права совершенно такъ же, какъ біологія—необходимое развитіе того или иного организма. Поскольку, вообще, деонтологическій моментъ присущъ ученію исторической школы,

*) Пухта, «Энциклопедія права» (русск. перев.), стр. 88 и сл.

онъ формулируется слѣдующимъ образомъ: не то будетъ, что должно быть, а то должно быть, что будетъ.

И точно такъ же, какъ къ «невинной забавѣ», относится къ практической философіи естественнаго права позитивное или реалистическое направленіе въ наукѣ права. Съ точки зрѣнія этого направленія, право является *необходимымъ* результатомъ извѣстнаго соотношенія *реальныхъ* силъ; только измѣненіе въ соотношеніи этихъ силъ можетъ повлечь за собой соотвѣтственное измѣненіе въ положительномъ правѣ. Созданное перевѣсомъ *одной* силы, право можетъ быть измѣнено только перевѣсомъ *другой*. Практическая философія естественнаго права, по мнѣнію Меркеля, имѣетъ исключительно историческій интересъ; во всякомъ случаѣ, она не научна *).

И историческое, и реалистическое направленія одинаково «позитивны» въ своемъ пониманіи историческаго развитія права. И то, и другое опредѣляютъ это развитіе естественнымъ закономъ необходимости, а не этическимъ долженствованіемъ; и то, и другое отрицаютъ самостоятельность и творческую силу этическаго начала. Идеологическая критика права и съ той, и съ другой точки зрѣнія одинаково безцѣльна. Критическій духъ—épiphénomène inutile—является возстаніемъ индивидуальнаго разума противъ собирательнаго,—«бунтомъ живыхъ противъ мертвыхъ». Въ «соціальной біологіи» или «соціальной механикѣ» вопросамъ долженствованія нѣтъ и не можетъ быть мѣста.

Глаголы позитивной науки въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ времени имѣютъ одно только изъявительное наклоненіе: повелительное—не научно. Зная, чѣмъ право *было* и что оно *есть*, можно, по закону необходимости, предсказать, чѣмъ оно *будетъ*. Къ чему намъ знать, чѣмъ *должно* быть право?

Такова та, насыщенная углекислотой, атмосфера, въ которой задохнулась практическая философія естественнаго права.

Ассепизація этой атмосферы является первымъ и наиболѣе необходимымъ условіемъ возрожденія естественно правовой идеи. Практическая задача нашего времени заключается, прежде всего, въ выработкѣ такого міросозерцанія, въ которомъ идея долженствованія нашла бы себѣ подобающее мѣсто, принадлежащее ей по праву.

Задачу эту пытается рѣшить то могучее и всеобщее движеніе современной мысли, которое извѣстно подъ именемъ *идеалистическаго направленія*,—движеніе, являющееся, въ лицѣ своихъ *декадентовъ*, реакціей противъ позитивизма вообще, а въ лицѣ

*) A. Merkel, «Juristische Encyclopädie», § 363 стр. 174.

своихъ классиковъ, реакціей противъ «незаконныхъ захватовъ», противъ «превышенія компетенціи» позитивизма *).

Альфредъ Фулье, въ своемъ трудѣ «Le mouvement idéaliste et la réaction contre la science positive», слѣдующимъ образомъ характеризуетъ сущность идеалистическаго направленія. Подъ этимъ направленіемъ, говоритъ онъ, мы понимаемъ представленіе о реально существующемъ, какъ о психологическихъ явленіяхъ, какъ о фактахъ сознанія, являющихся для насъ единственнымъ непосредственнымъ откровеніемъ дѣйствительности. Идеализмъ разсматриваетъ явленіе, какъ доступный внутреннему опыту психическій фактъ, во всей его непосредственной и конкретной реальности. Идеализмъ современныхъ философовъ правильнѣе было бы назвать «психизмомъ» **).

Не подлежитъ сомнѣнію, что понимаемый такимъ образомъ философскій идеализмъ является необходимымъ предположеніемъ идеализма въ правѣ. До тѣхъ поръ, пока право разсматривается какъ «реальный», въ противоположность психическому, фактъ, объ этическомъ характерѣ его не можетъ быть и рѣчи: «психизмъ» является необходимымъ предположеніемъ «этицизма».

Именно такимъ «этицизмомъ» и является идеалистическое направленіе въ области права. Здѣсь подъ этимъ направленіемъ мы понимаемъ «этическій типъ нашихъ представленій о правѣ»; право разсматривается какъ «фактъ этическаго сознанія, являющійся для насъ единственнымъ, непосредственнымъ откровеніемъ дѣйствительности».

Съ точки зрѣнія идеалистическаго направленія, становится понятнымъ огромное значеніе этическихъ идеаловъ въ исторіи развитія права; только съ этой точки зрѣнія можно говорить о прогрессѣ, а не объ эволюціи права. Если право—этическій фактъ, оно опредѣляется совокупностью этическихъ представленій о должномъ; практическая философія естественнаго права—не «невинная забава», а могучая сила, приближающая дѣйствительность къ идеалу.

Послѣ сказаннаго ясно, какимъ образомъ идеалистическое направленіе въ правѣ естественно и неизбѣжно приводитъ къ «возрожденію естественнаго права».

Необходимо категорично отвѣтить на вопросъ: что слѣдуетъ понимать подъ «возрожденіемъ естественнаго права»?

*) Въ нашей литературѣ къ писателямъ второй категоріи мы относимъ, прежде всего, проф. П. И. Новгородцева. Его статью «Нравственный идеализмъ въ философіи права» (въ «Проблемахъ идеализма») слѣдуетъ прочитать всякому, кто хочетъ составить себѣ ясное представленіе о томъ, какъ ставится и рѣшается современной идеалистической философіей проблема долженствованія.

**) L. c., стр. VI.

Прежде всего, такое возрожденіе отнюдь не знаменуетъ собою возвращенія къ «правовому дуализму» естественно-правовой доктрины.—Только положительное право—право. Всякое противопоставленіе положительному праву какого бы то ни было другого, неположительнаго,—теоретически несостоятельно. Естественное право относится къ положительному, какъ то, что должно быть, къ тому, что есть. Естественное право—мѣра, критерій; положительное—объектъ измѣренія и оцѣнки.

Далѣе, подъ возрожденіемъ естественнаго права не слѣдуетъ понимать «воскресенія изъ мертвыхъ» методологическимъ пріемовъ, а тѣмъ менѣе положительнаго содержанія раціоналистическихъ доктринъ. Раціонализмъ безповоротно и навсегда осужденъ историзмомъ. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о выводѣ постулатовъ естественно-правовой идеи изъ какого бы то ни было, даннаго a priori, независимо отъ внѣшняго и внутренняго опыта и наблюденія, «неизмѣннаго и вѣчнаго» принципа; не можетъ быть и рѣчи объ абсолютномъ характерѣ содержанія естественно-правовыхъ доктринъ, объ идеальныхъ кодексахъ права, истинныхъ для всѣхъ временъ и народовъ.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что содержаніе правовыхъ идеаловъ, являясь результатомъ переплетающихся взаимодѣйствій внутренней психической и внѣшней соціальной среды, обусловлено исторической эволюціей какъ той, такъ и другой. Современному міросозерцанію идея этическаго фирмамента такъ же чужда, какъ и идея фирмамента небеснаго: ни вѣчныхъ звѣздъ, ни вѣчныхъ идеаловъ не существуетъ.

Подъ «возрожденіемъ естественнаго права» мы понимаемъ, прежде всего, признаніе, на ряду съ относительностью содержанія этическихъ нормъ, безусловности формальной категоріи этическаго долженствованія. Содержаніе этическихъ представленій—текуче; оно мѣняется въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ человѣка и общества. Но, вливаясь въ категорію этическаго долженствованія, оно тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ безусловный характеръ,—характеръ категорическаго императива. Языческая мораль учила убивать, христіанская—прощать своихъ враговъ. Содержаніе языческой и христіанской морали различно; но для язычника долгъ мести, для христіанина долгъ всепрощенія имѣютъ одинаково безусловный, одинаково абсолютный характеръ. Каково бы ни было содержаніе этическихъ нормъ, по самому существу своему, онѣ принципіально отличаются своимъ безусловнымъ характеромъ отъ правилъ цѣлесообразности, отъ соображеній разсчета,—отъ всякихъ, вообще, условныхъ императивовъ человѣческаго сознанія. Абсолютизмъ морали, говоритъ проф. Новгородцевъ, это—абсолютизмъ

не факта, а идеи, не проявленія, а сущности, не конкретнаго содержанія, а отвлеченной формы. Во всякомъ стремленіи къ воплощенію нравственнаго идеала проявляется одна и та же тенденція—найти содержаніе для безусловнаго нравственнаго закона, во временномъ актѣ проявить силу безконечнаго порыва *).

Заблужденіе естественно-правовыхъ теорій заключалось именно въ томъ, что абсолютизмъ категоріи долженствованія, какъ таковой, онѣ переносили на содержаніе—относительное во времени и пространству—этой категоріи. Исходя изъ факта, что данное содержаніе нормы является безусловно-обязательнымъ въ данное время и для даннаго круга лицъ, онѣ заключали, что то же содержаніе въ такой же мѣрѣ безусловно обязательно для всѣхъ людей и для всѣхъ временъ. И, тѣмъ не менѣе, естественно-правовыя теоріи стояли неизмѣримо ближе къ пониманію истиннаго существа морали, нежели модныя въ настоящее время ученія объ относительности моральнаго долженствованія, вообще.

На ряду съ признаніемъ безусловности этическаго начала, въ понятіе «возрожденнаго естественнаго права» точно также входитъ признаніе творческой его силы, продуктивности его въ области права. Задача доктрины естественнаго права, какъ ее понимаютъ въ настоящее время, заключается не въ томъ, чтобы міру дѣйствительности противопоставить «потусторонній» недосягаемый міръ идеала. Будучи исключительно практической, въ философскомъ смыслѣ этого слова, дисциплиной, теорія естественнаго права имѣетъ своимъ предметомъ этическую оцѣнку положительнаго, дѣйствующаго права. Она указываетъ не только ту цѣль, къ которой правотворческая мысль должна стремиться, но и тѣ средства, при помощи которыхъ, въ данной культурной и экономической средѣ, эта цѣль можетъ быть достигнута.

Естественное право является идеологическимъ критеріемъ положительнаго права, необходимымъ («категорическимъ») постулатомъ его развитія. Обращаясь къ позитивному праву, естественное право говоритъ: «да будетъ!».

Реабилитація повелительнаго наклоненія, «лишеннаго всѣхъ правъ состоянія» позитивною наукою права, — такова прямая и непосредственная цѣль возрожденія естественнаго права.

Для достиженія этой цѣли теорія естественнаго права противопоставляетъ системѣ положительнаго права созданную путемъ дедукціи изъ основныхъ постулатовъ правосознанія систему совершеннаго, или правильнаго права (Richtiges Recht),—права, какъ оно должно быть.

Само собою разумѣется, что и въ настоящее время наука права

*) Цит. выше статья въ «Проблемахъ идеализма», стр. 286.

не отказывается вовсе,—и не можетъ отказаться отъ критической оцѣнки положительнаго, дѣйствующаго права. Программа позитивной науки права — изучать то, что есть, и не заботиться о томъ, что должно быть, — остается неосуществленной. Было бы, однако, весьма поучительно прослѣдить, изъ какихъ совершенно разнородныхъ ингредіентовъ образуется «позитивный критерій» оцѣнки права *). Въ ряду этихъ ингредіентовъ несомнѣнно первое мѣсто занимаютъ соображенія «цѣлесообразности» или «практичности» права. Такъ, напримѣръ, та или другая норма, тотъ или иной институтъ отвергаются или, наоборотъ, одобряются въ зависимости отъ того, насколько они облегчаютъ или затрудняютъ «веденіе дѣла въ судебныхъ инстанціяхъ». Іерингъ высказывается рѣшительнымъ образомъ противъ обычнаго право только потому, что оно, вслѣдствіе своей неопредѣленности, противорѣчитъ интересамъ судебной практики, затрудняетъ рѣшеніе спорнаго дѣла судьей. Институтъ владѣнія онъ оправдываетъ тѣмъ, что, благодаря ему, onus probandi въ судебномъ спорѣ лежитъ на истцѣ, а не на владѣльцѣ вещи, являющемся вѣроятнымъ собственникомъ ея. По тѣмъ же соображеніямъ цѣлесообразности, всякая реформа въ области государственнаго устройства обсуждается, прежде всего, съ точки зрѣнія финансовой выгодности ея; интересами дешевизны приносится въ жертву интересъ законности и правопорядка: изъ-за нихъ судебныя функціи вручаются административнымъ органамъ, единоличному началу отдается предпочтеніе предъ коллегіальнымъ, распорядительная власть предоставляется низшимъ исполнительнымъ органамъ. По тѣмъ же соображеніямъ цѣлесообразности, постоянныя интересы народной жизни сплошь-и-рядомъ приносятся въ жертву преходящимъ интересамъ политики дня. «Временныя правила» занимаютъ мѣсто закона: «на время» пріостанавливаются гарантіи личной свободы; «на время» создается режимъ усмотрѣнія и произвола...

На ряду съ соображеніями цѣлесообразности, обычнымъ ингредіентомъ «позитивной критики» являются соображенія л о г и ч н о с т и права. Логично ли то или иное постановленіе права? Не противорѣчитъ ли оно сущности того института, въ составъ котораго входитъ! Является ли оно правильнымъ выводомъ изъ того или иного основного принципа логической системы? При этомъ забывается мудрое правило классическихъ юристовъ: non ut ex regula jus sumatur sed ex jure, quod est, regula fiat. Если норма права, отвѣчающая требованіямъ справедливости, противорѣчитъ «общему правилу», не эта норма должна быть измѣнена, а то правило, которому она противорѣчитъ. Сплошь-

*) Срв. проф. Л. І. П е т р а ж и ц к і й, «Введеніе въ науку политики права» (Кіев. Унив. Изв. 1896) стр. CCI и сл.

и-рядомъ прогрессъ права заключается, именно, въ томъ, что въ систему его вводятся новыя и новыя исключенія, расшатывающія общіе принципы «устарѣлаго права». Возставать во имя «логики» противъ этихъ исключеній—значитъ возставать противъ прогресса во имя неподвижности права.

Дальше идетъ критика съ точки зрѣнія «историчности» и «національности» права; и только изрѣдка, заглушаемый хоромъ разнорѣчивыхъ голосовъ, робко и нерѣшительно ставится вопросъ о справедливости права, о соотвѣтствіи его правосознанію народа. Позитивная наука права оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта; ибо для нея не существуетъ «туманныхъ отвлеченностей» этическихъ принциповъ.

«Мозаичности» современнаго критерія права то направленіе научной мысли, которое извѣстно подъ именемъ возрожденія естественнаго права, противопоставляетъ категорическое требованіе единства и однородности началъ, положенныхъ въ основу научной критики права. Каждая норма, подвергаемая критикѣ—разумѣется, кромѣ нормъ чисто техническихъ,—должна быть разсматриваема съ одной и той же, безусловной и постоянной точки зрѣнія: справедлива ли она? Соотвѣтствуетъ ли она правосознанію народа? Причемъ подъ правосознаніемъ народа понимается не что иное, какъ совокупность этическихъ требованій общественной мысли, поскольку они предъявляются къ совокупности экономическихъ и культурныхъ условій даннаго общества.

Системѣ положительнаго права должна быть противопоставлена система естественнаго права. Тотъ критерій, которымъ оцѣнивается положительное право, долженъ быть высѣченъ изъ одной и цѣльной—крѣпкой и бѣлой, какъ мраморъ—этической глыбы.

Сущность теоріи естественнаго права, какъ она понимается въ настоящее время, можетъ быть сжато и кратко формулирована слѣдующимъ образомъ.

Этическія нормы являются безусловными, категорическими императивами перемѣннаго содержанія. Онѣ являются творческимъ началомъ правового прогресса. Необходима систематическая, научная критика положительнаго права съ точки зрѣнія соотвѣтствія его этическимъ нормамъ правосознанія.

Возрожденіе естественнаго права—лозунгъ, который избрало для себя новое, охарактеризованное выше направленіе въ наукѣ права. Мы вполнѣ согласны съ проф. Н. И. Карѣевымъ въ томъ, что «съ понятіемъ и самымъ терминомъ «естественное право» соединено столько весьма опредѣленныхъ представленій, совершенно отжившихъ свое время, что возникаетъ весьма понятное опасеніе, какъ бы съ воз-

рожденіемъ естественнаго права не возродились и давно похороненныя начала философской юриспруденціи» *). Поэтому и мы затруднились бы назвать теоріей естественнаго права дисциплину, призванную идеалистическимъ направленіемъ къ жизни. Но названіе этой дисциплины уже существуетъ; оно дано ей еще старикомъ Аренсомъ, однимъ изъ могикановъ стараго идеалистическаго, до-позитивнаго направленія въ правѣ. Это названіе—политика права **).

Политика права — наука будущаго; она возникаетъ и складывается на нашихъ глазахъ. Со всѣхъ сторонъ подвозится уже матеріалъ, изъ котораго будущій зодчій создастъ великолѣпное зданіе новой науки. Еще не обветшалъ и не разсыпался въ прахъ тотъ старый, но крѣпкій камень, изъ котораго нѣкогда воздвигнутъ былъ гордой и свободной мыслью готическій храмъ естественнаго права; необходимо отдѣлить его отъ негоднаго мусора и снова употребить въ созидательное дѣло.

Возможность науки политики права мы считаемъ доказанной; нужно ли доказывать ея необходимость?

Именно теперь, когда пытливая общественная мысль, переросшая отжившія формы общественной жизни, ищетъ и не находитъ новыхъ,— необходима наука о цѣляхъ и средствахъ общественнаго прогресса,— наука политики права.

Современная наука права — мертвая зыбь, на которой лѣниво качается, оставаясь неподвижнымъ, законодательный корабль. Только девятый валъ, — могучій подъемъ правотворческой мысли вынесетъ его на счастливые берега новой и лучшей жизни.

Нашему времени необходима та сила, которую Сперанскій такъ удачно называлъ «страстью создавать». Не въ борьбѣ за ближайшіе интересы, а въ стремленіи къ далекимъ идеаламъ обрѣтаетъ человѣчество эту силу.

Собаки, вырывающія другъ у друга обглоданную кость, борются «за интересъ»; только борьба за идеалъ достойна человѣка.

Наука политики права ставитъ правотворческой мысли далекую и возвышенную цѣль,—осуществленіе въ правѣ этическаго идеала; она указываетъ тотъ путь, который ведетъ къ этой цѣли, тѣ средства, при помощи которыхъ возможно—конечно, не прійти, но приблизиться къ ней.

---

*) Н. И. Карѣевъ, «Нужно ли возрожденіе естественнаго права»? въ «Русскомъ Богатствѣ». Апрѣль 1902 г.

**) Ahrens, «Naturrecht oder Philosophie des Rechts und des Staates». 6 Aufl. 1870 г. Bd. I. Ss. 3 u. ff. Въ новѣйшее время терминъ политики права получаетъ право гражданства въ наукѣ, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ проф. Петражицкаго.

Гражданское право и гражданское правовѣдѣніе.

Прив.-доц. В. М. НЕЧАЕВА.

Гражданское правовѣдѣніе, какъ прикладная наука. Въ области наукъ соціальныхъ изученіе права, какъ и многія отрасли наукъ естественныхъ, развилось изъ практическихъ потребностей. Прежде чѣмъ сдѣлаться чистой наукой, правовѣдѣніе было наукой прикладной, притомъ не въ современномъ ея видѣ, когда она почерпаетъ свои практическіе выводы изъ данныхъ науки чистой, а въ направленіи всѣхъ старыхъ прикладныхъ наукъ, проникнутыхъ духомъ голаго эмпиризма. Гражданское правовѣдѣніе по самому свойству своего предмета особенно долго было проникнуто этимъ практическимъ направленіемъ, а отчасти и даже въ значительной мѣрѣ и до сихъ поръ носитъ на себѣ слѣды старыхъ вліяній. Гражданское право регулируетъ отношенія, наиболѣе близкія каждому члену гражданскаго общества,—отношенія, въ которыя ему приходится вступать почти на каждомъ шагу своей жизни и дѣятельности. Рѣшеніе вопросовъ о моемъ и твоемъ въ области обладанія имуществами, о правахъ должника и кредитора въ области обязательствъ, мужа и жены, родителей и дѣтей въ области семьи, распредѣленіе имущества послѣ смерти — вотъ главнѣйшая область, обнимаемая нормами гражданскаго права. Каждому гражданину важно знать эти нормы, чтобы правильно опредѣлить свои отношенія къ другимъ членамъ общества въ этой области ближайшихъ его и ихъ интересовъ. Естественно, поэтому, что юристъ, изучая право, стремится отвѣтить прежде всего на этотъ практическій вопросъ гражданъ и точно указать, какія права по дѣйствующему праву принадлежатъ каждому изъ нихъ и въ каждой изъ упомянутыхъ областей. Часто возникающіе между гражданами судебные споры еще болѣе поддерживаютъ практическое направленіе науки гражданскаго права. Здѣсь она стремится дать указанія судьѣ для того, чтобы направить его на правильный путь при постановленіи приговора по тому или иному спорному случаю.

Въ качествѣ практической науки гражданское правовѣдѣніе было извѣстно въ древности, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ народовъ (индусовъ, кельтовъ, римлянъ, въ значительной степени у ассиро-вавилонянъ и египтянъ). Изъ этихъ послѣднихъ на европейское правовое развитіе оказали особое вліяніе римляне, гражданское право которыхъ до сихъ поръ осталось опорой многихъ построеній и современной практической науки гражданскаго правовѣдѣнія. Это вліяніе обусловливается какъ матеріальнымъ содержаніемъ нормъ римскаго права, такъ и особыми свойствами работы римскихъ юристовъ, сумѣвшихъ сразу же найти методъ изученія дѣйствующаго права, наиболѣе отвѣчающій упомянутымъ выше практическимъ запросамъ.

Гражданское правовѣдѣніе въ древнемъ Римѣ. Чему обязанъ Римъ развитіемъ въ немъ, въ отличіе отъ Греціи, столь совершенной юриспруденціи, сказать съ точностью трудно. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что значительную долю вліянія здѣсь оказала особая напряженность борьбы за право, со стороны плебеевъ,—борьбы, которой проникнута вся древнѣйшая исторія римскаго государства,—и необыкновенная стойкость въ отстаиваніи своихъ привилегій со стороны патриціевъ. Борьба идетъ не только на политической, но и на экономической почвѣ, причемъ подъ ея вліяніемъ строятся и перестраиваются не только отдѣльныя части государственнаго управленія, но и судъ во всѣхъ своихъ деталяхъ. Въ каждомъ почти процессѣ проявляется эта борьба, и отъ верховнаго судьи-претора требуется много политической мудрости, чтобы уравновѣсить интересы тяжущихся, не затронувъ по возможности политическихъ страстей. Отсюда на первыхъ же порахъ необыкновенная скрупулезность въ опредѣленіи полномочій и обязанностей—«субъективныхъ правъ», какъ говорятъ современные юристы—каждаго изъ противниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость особаго тонкаго толкованія закона. Этимъ искусствомъ примѣненія законовъ къ жизни славились уже древнѣйшіе юристы Рима,—жрецы-понтифики, въ рукахъ которыхъ сосредоточено было на первыхъ порахъ изученіе права и выясненіе его смысла тяжущимся и суду. Своими привилегіями въ этомъ отношеніи они пользовались, однако, въ сильной степени въ интересахъ поддержанія правового господства патриціевъ, къ сословію которыхъ принадлежали. По мѣрѣ уравненія патриціевъ и плебеевъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ руководящимъ началомъ судебной политики претора является начало уравнивающей справедливости (aequitas), постепенно сдѣлавшейся основнымъ принципомъ римскаго гражданскаго правосудія. Въ основаніи этого начала лежитъ признаніе равенства всѣхъ гражданъ Рима передъ закономъ и судомъ, не допускающаго созданія какихъ-либо привилегій для отдѣльныхъ лицъ или классовъ (запрещеніе создавать привилегіи

законодательнымъ путемъ было категорически выражено еще въ XII таблицахъ). Въ судебномъ примѣненіи проведеніе начала равенства выражалось въ томъ, что при установленіи правъ и обязанностей спорящихъ гражданъ въ судебномъ приговорѣ эти права и обязанности опредѣлялись не только примѣнительно къ особенностямъ каждаго даннаго случая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по соображенію всѣхъ возможныхъ положеній, въ которыя встали бы и другіе граждане, находящіеся въ подобныхъ же или аналогичныхъ случаяхъ. Общимъ правиломъ римской судебной уравнивающей справедливости было судить одинаковое одинаково во всѣхъ случаяхъ, кто бы ни явился въ суды, и различное различно. При этомъ какъ въ опредѣленіи равенства положеній, такъ и признаніи неравенства римскіе судьи и юристы останавливались не только на общихъ чертахъ сходства и различія, но старались войти и въ подробности каждаго отношенія, ища основныхъ, а не кажущихся только сходствъ и различій. Они за-разъ и генерализировали, и индивидуализировали отношенія, подводя подъ нихъ столько же политическую, сколько и чисто гражданско-правовую мѣрку равенства.

Теоретическая разработка римскаго права римскими юристами и была вся направлена къ такой интерпретаціи римскихъ источниковъ права, начиная съ XII таблицъ, которая могла бы дать въ результатѣ разложеніе заключающихся въ источникахъ нормъ на частныя отношенія примѣнительно къ возможнымъ положеніямъ личности, какъ обладателя тѣхъ или иныхъ правъ и обязанностей. Они стремились дать систему такъ назыв. «субъективныхъ правъ»,—т.-е. правомочій и обязанностей, вытекающихъ изъ постановленій законовъ для каждой отдѣльной личности, находящейся въ опредѣленномъ юридическомъ положеніи. Заботясь о непосредственномъ проложеніи права къ жизни, римскіе юристы излагали эту систему правъ не въ видѣ отвлеченныхъ постановленій, а приспособили къ интересамъ судебной защиты. Они разложили всѣ постановленія закона на судебные иски, приспособленные къ защитѣ всевозможныхъ отношеній, возникавшихъ между гражданами, вступившими въ обладаніе тѣми или иными правами. Въ каждомъ почти случаѣ самаго мелкаго нарушенія права римскій юристъ могъ указать искъ, который нужно было предъявить въ судъ, и которымъ сразу же опредѣлялись послѣдствія нарушенія права въ случаѣ признанія претензіи правильной *).

Римское право у новыхъ народовъ Европы. Соціально-экономиче-

*) Болѣе подробную характеристику и исторію римской юриспруденціи см. въ нашей статьѣ въ «Энциклопед. Словарѣ», т. XXV, стр. 784, гдѣ указана и литература предмета.

скій строй Рима уже съ эпохи XII таблицъ твердо покоится на тѣхъ же основныхъ началахъ, которыя служатъ устоемъ общественной жизни и нашего времени, т.-е. свободной индивидуальной собственности, свободѣ договора и соотвѣтствующей имъ организаціи семьи и наслѣдованія. Торговыя отношенія Рима съ сосѣдними народами также очень древняго происхожденія; со времени второй пунической войны внутренній и внѣшній торговый оборотъ растетъ постепенно, и римское государство становится страной съ чрезвычайно развитымъ экономическимъ и гражданско-правовымъ бытомъ, захватывающимъ за-разъ и самые крупные правовые вопросы, и самыя мелкія столкновенія интересовъ различныхъ правообладателей. Естественно, что вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ и разработка права, дающая въ заключительномъ результатѣ развитую систему нормъ гражданскаго права, способную удовлетворить запросы огромнаго числа гражданъ на случай самыхъ разнообразныхъ гражданско-правовыхъ сдѣлокъ. Работа римскихъ юристовъ въ такомъ ея видѣ была собрана во-едино въ той части законодательства Юстиніана, которая носитъ названіе Дигестъ или Пандектъ, сдѣлалась постепенно достояніемъ новыхъ государствъ Европы, возникшихъ и развившихся на развалинахъ Римской Имперіи, и до сихъ поръ продолжаетъ поражать юристовъ необыкновенной тонкостью юридическаго анализа и чуткостью къ запросамъ жизни.

Въ обиходъ западныхъ юридическихъ отношеній римское право вошло, впрочемъ, далеко не сразу. Юридическій бытъ варваровъ, поселившихся на мѣстахъ, занятыхъ Имперіей и ея провинціями, былъ чрезвычайно отличенъ отъ развитого римскаго, чтобы можно было примѣнять къ нему римскія нормы, и если римское право совершенно не исчезло изъ жизни ранняго періода среднихъ вѣковъ, то это только потому, что имъ еще пользовались уцѣлѣвшіе въ различныхъ германскихъ государствахъ римскіе граждане. Но за то лишь только юридическія отношенія какой-либо области жизни сколько-нибудь приближались къ структурѣ римскихъ,—римское право возрождалось, и къ нему прибѣгали за помощью при разрѣшеніи недоразумѣній и споровъ, создаваемыхъ новымъ порядкомъ жизни. Къ концу X вѣка въ Италіи гражданскій и торговый оборотъ достигаетъ широкаго развитія; возникаетъ потребность въ регулированіи отношеній, возникавшихъ изъ многочисленныхъ торговыхъ и гражданскихъ сдѣлокъ, и тотчасъ же перестраивается по римскому образцу судъ, и римское обязательственное право получаетъ распространеніе. То же явленіе замѣчаемъ въ Южной Франціи этого же времени и въ Германіи, начиная съ XIV в. Разъ открытое и примѣненное къ жизни въ одной области, римское право привлекаетъ къ себѣ вниманіе ученыхъ и остальными своими сторонами, удивляя богатствомъ выводовъ и тонкостью мысли юристовъ

новаго времени. Начинается процессъ не только приложенія къ жизни тѣхъ или иныхъ практическихъ указаній римскаго права, но и, можетъ-быть, еще гораздо болѣе—теоретическое изученіе его положеній въ интересахъ философскаго познанія существа права. Римское право быстро становится предметомъ преподаванія въ университетахъ Италіи, Франціи, Англіи, а затѣмъ и Германіи, образуя основную юридическую дисциплину, подчиняющую себѣ всѣ остальныя отрасли юридическихъ наукъ.

По мѣрѣ разложенія и постепеннаго паденія средневѣкового феодальнаго быта юридическая жизнь Западной Европы перестраивается на основаніяхъ или совершенно тождественныхъ съ римскими, или имъ аналогичныхъ. Идеалы свободной гражданской личности, какъ субъекта правъ, индивидуальной собственности и свободы договора—вотъ основные устои, которые постепенно укрѣпляются въ европейской жизни и, наконецъ, окончательно преобразуютъ ее. Естественнымъ образомъ борьба за эти идеалы опирается на римское право,—этотъ «писанный разумъ», выяснившій не только въ принципѣ, но и въ мельчайшихъ жизненныхъ приложеніяхъ, благодѣтельное вліяніе, какъ тогда думали, указанныхъ началъ на народную жизнь и отправленіе правосудія. Теорія «естественнаго права», получающая въ это время особое распространеніе, въ сущности лишь передаетъ римскія положенія, когда развиваетъ послѣдовательную схему «соотвѣтствующихъ природѣ вещей» институтовъ гражданскаго права.

Благодаря спеціальнымъ условіямъ правового развитія вліяніе римскаго права сдѣлалось особенно могущественнымъ въ Германіи. Здѣсь римскіе источники права съ конца XVI вѣка становятся дѣйствующимъ «общимъ» правомъ страны и находятъ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ областяхъ гражданской жизни, которая не регулировалась спеціальными узаконеніями отдѣльныхъ государствъ. Сильное стремленіе къ объединенію права страны заставляетъ юристовъ сосредоточить свое изученіе на этихъ источникахъ,—и германская юриспруденція окончательно кладетъ въ основаніе своихъ работъ римское право въ его чистомъ видѣ, не подвергая той переработкѣ, которая совершается во Франціи въ интересахъ согласованія съ основами «обычнаго права», результаты которой мы видимъ во французскомъ гражданскомъ кодексѣ. Сдѣлавшись классической страной изученія римскаго права, Германія встала вмѣстѣ съ тѣмъ и во главѣ современнаго развитія прикладной юриспруденціи, наложивъ на нее особенности, созданныя положеніемъ въ ней римскаго права.

Новая нѣмецкая юриспруденція. То обстоятельство, что въ Германіи изученіе римскаго права и приложеніе его къ жизни основывалось на непосредственныхъ источникахъ этого права, не мѣшало,

однако, введенію въ него многихъ измѣненій, соотвѣтствующихъ несхожимъ во многихъ отношеніяхъ съ римскими условіямъ новой жизни. Вся бытовая обстановка была не-римская; остатки феодальнаго быта попадались на каждомъ шагу; появились новыя отношенія, совершенно неизвѣстныя древнему Риму и обязанныя своимъ происхожденіемъ новымъ направленіямъ торговли и промышленности. Нѣмецкимъ юристамъ вмѣстѣ съ изученіемъ римскаго права приходилось передѣлывать его на современный ладъ, отдѣляя логическую структуру римскихъ нормъ, становившуюся основой и новаго права, отъ римской бытовой обстановки, и приспособляя новыя явленія, выросшія изъ другого строя идей, къ римскому. Такимъ образомъ, работа новыхъ юристовъ получила коренныя отличія отъ работы римской юриспруденціи, почему и результатъ ея трудовъ сталъ иной, чѣмъ тотъ, который мы получили отъ римскаго прошлаго.

Какъ указано было выше, характерной особенностью работы римскихъ юристовъ была тѣсная связь ихъ рѣшеній съ жизнью. Они работали не надъ отвлеченными правилами, высказанными въ законахъ, преторскомъ эдиктѣ и другихъ источникахъ права, а надъ живымъ матеріаломъ, доставляемымъ текущей дѣйствительностью. Задачей нѣмецкихъ юристовъ XVII—XVIII вв. прежде всего было очищеніе римскаго права отъ бытового матеріала и извлеченіе изъ мертваго уже права отвлеченныхъ логическихъ формулъ,—выводъ понятій и опредѣленій, которыя дали бы возможность уразумѣть «существо» институтовъ гражданскаго права, понять ихъ логическую «природу» и т. д. Къ текущей дѣйствительности,—къ спорнымъ случаямъ гражданскаго права, возникавшимъ въ судебной практикѣ, они подходили, поэтому, не съ яснымъ пониманіемъ цѣлей и жизненнаго смысла узаконеній, а съ чисто формальнымъ выводомъ, которому и подчиняли жизнь, рѣзко отбрасывая особенности новой жизни, или извращая смыслъ римской нормы въ интересахъ приспособленія и дѣйствительности.

Схоластическіе пріемы мышленія, вынесенные изъ средневѣковой школы, заставили привести добытыя изъ такого изученія римскаго права познанія въ систему понятій, никогда не бывшую извѣстной римскому праву. Такимъ образомъ мы получили особый методъ изученія римскаго права, легшій въ основаніе курсовъ такъ назыв. «современнаго римскаго права» или «Пандектовъ»,—методъ, называемый «юридической конструкціей». Задачей этихъ курсовъ было изложеніе чисто формальной, логической теоріи гражданскаго права, опирающейся на римскіе источники. Ихъ появленіе и развитіе обусловливалось вѣрой въ возможность построить правовую систему любого народа изъ чисто апріорныхъ началъ, выводя изъ нихъ логическимъ путемъ

опредѣленныя слѣдствія, которыя, какъ предполагали, неизбѣжнымъ образомъ вытекали изъ этихъ началъ. Отсюда представленіе о наукѣ права, допускающей изученіе, подобное математическому. Теорію гражданскаго права, построенную на такихъ началахъ, и стали называть математикой права.

Эта точка зрѣнія была свойственна не только старой школѣ естественнаго права, строившей свои заключенія на чистыхъ постулатахъ разума, а и такъ назыв. «исторической школѣ», возникшей въ началѣ XIX столѣтія. Защищая дѣйствующее, историческое право противъ раціональнаго естественнаго, но въ то же время признавая, что римское право въ качествѣ этого историческаго права имѣетъ полную силу въ Германіи, основатель исторической школы Савиньи явился какъ-разъ главнымъ защитникомъ формально-логическаго изученія гражданскаго права. Математическій методъ изученія права—умѣнье «считать понятіями», какъ онъ говорилъ—онъ считалъ главнымъ качествомъ римской юриспруденціи, и въ подражаніи ей въ этомъ отношеніи видѣлъ задачу юриспруденціи германской. Послѣдователи Савиньи продолжали начатую имъ въ его трудѣ «Система современнаго римскаго права» работу, пытаясь найти и въ римскихъ источникахъ, и въ чисто логическихъ, «конструктивныхъ» построеніяхъ современнаго права на римскій ладъ—ясную и послѣдовательную схему гражданско-правовыхъ понятій, способную дать ключъ къ рѣшенію всевозможныхъ спорныхъ случаевъ судебной практики.

Основы методики подобнаго рода изученія права далъ въ своей статьѣ «Наша задача» извѣстный нѣмецкій юристъ Іерингъ *), въ первый періодъ своей дѣятельности стоявшій подъ сильнымъ вліяніемъ ближайшаго ученика Савиньи и виднѣйшаго, даже превзошедшаго въ этомъ отношеніи учителя, представителя формально-логическаго изученія права, Пухты. Нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи могутъ служить иллюстраціей тѣхъ крайностей, до которыхъ дошли представители формально-логическаго изученія права.

«Я различаю—писалъ Іерингъ—высшую и низшую юриспруденцію, высшее и низшее аггрегатное состояніе права. Обыкновенной формой проявленія права въ жизни служитъ форма юридическихъ правилъ, изъ которыхъ болѣе общія называются юридическими принципами, спеціальныя же—юридическими положеніями... Но самую юриспруденцію составляютъ всѣ тѣ операціи ея, которыя придаютъ юридическому матеріалу первоначальную и непосредственно практическую форму его; слѣдовательно, эта юриспруденція не подни-

*) См. о немъ статью въ «Вѣстникѣ Самообразованія», № 24, и нашу статью въ Словарѣ Брокгаузъ-Ефронъ, т. XIII, 644.

мается выше юридическихъ положеній и принциповъ, открытыхъ ею же самою и представляющихъ изъ себя только обработку матеріала, даннаго законодателемъ. Противоположность высшей и низшей юриспруденціи опредѣляется противоположностью юридическаго понятія и юридическаго правила и переходомъ права изъ низшаго аггрегатнаго состоянія въ высшее,—переходомъ, совершающимся съ помощью юридической конструкціи, сообщающей данному сырому матеріалу форму понятій. Превращеніе это съ отрицательной стороны состоитъ въ томъ, что матеріалъ совершенно теряетъ свою непосредственно практическую и императивную форму, съ положительной же—въ томъ, что онъ получаетъ форму юридическаго организма. Все право, такимъ образомъ, является теперь не системой положеній, идей, а совокупностью юридическихъ организмовъ, такъ сказать, живыхъ существъ, служебныхъ духовъ» *).

Здѣсь задачи юриспруденціи, и низшей, и высшей, сводятся одинаково къ логической обработкѣ законодательнаго матеріала. Низшая юриспруденція занимается лишь первоначальнымъ толкованіемъ законовъ, выводомъ изъ него правилъ и повелѣній; высшая же обращаетъ повелѣнія закона въ абстрактныя понятія. Дальнѣйшая задача состоитъ въ логической обработкѣ понятій. Жизненныя явленія, которыя регулируетъ законъ,— цѣли законодателя и права, цѣлесообразность нормъ—всѣ эти стороны изученія внѣ задачи юриста. Послѣдній знаетъ лишь логическую, мысленную, а не реальную, жизненную структуру права. И, тѣмъ не менѣе, тотъ же Іерингъ утверждалъ, что эти абстрактныя юридическія понятія, добытыя логическимъ путемъ изъ нормъ закона, по своей природѣ тождественны съ физическими явленіями, съ естественными организмами! «Всякій юридическій организмъ—писалъ Іерингъ—обладаетъ своими особенными свойствами, формой и природой, въ силу которыхъ онъ способенъ производить извѣстныя дѣйствія. На основаніи силъ и свойствъ этихъ организмовъ мы опредѣляемъ способъ ихъ происхожденія, всевозможныя ихъ положенія и состоянія, вліяніе, производимое на нихъ послѣдними, метаморфозы, къ которымъ они способны, отношенія ихъ къ другимъ юридическимъ величинамъ, связи и конфликты, въ которые они приходятъ съ ними. Затѣмъ, на почвѣ этихъ предварительныхъ изслѣдованій мы выражаемъ ихъ юридическую индивидуальность въ одномъ понятіи, какъ логическомъ фокусѣ, и постепенно приводимъ всю совокупность юридическихъ организмовъ въ одну систему, подобно

*) См. переводъ ст. Іеринга, напечатанный въ «Юрид. Вѣстникѣ» за 1883 г., № 8, подъ заглавіемъ «Задачи современной юриспруденціи», стр. 539—40.

тому, какъ естествоиспытатель классифицируетъ свои естественно-историческіе объекты. Задача наша по отношенію къ праву получаетъ, поэтому, характеръ естественно-историческаго изслѣдованія».

Развивая подробности методики такого рода изученія права, Іерингъ говоритъ объ анатомическомъ и физіологическомъ изученіи юридическихъ организмовъ, о разложеніи абстрактныхъ юридическихъ величинъ на элементы, которые сравниваетъ съ химическими элементами *). Вкратцѣ работа юриста изображается однимъ изъ новѣйшихъ юристовъ Германіи по Іерингу слѣдующимъ образомъ: «Научный процессъ, посредствомъ котораго находятъ высшія юридическія положенія, не заключающіяся непосредственно въ источникахъ права, можно сравнить съ химическимъ процессомъ... Юриспруденція расчленяетъ юридическія отношенія, которыя регулируются даннымъ юридическимъ правиломъ, на его элементы. Она открываетъ, что въ цѣлой, кажущейся необозримой, неисчислимой массѣ правовыхъ отношеній, которыя постоянно вновь производятся ежедневной жизнью, заключается относительно небольшое число элементовъ, постоянно возстановляющихся только въ различномъ соединеніи. Эти элементы составляютъ, такъ сказать, азбуку права. Такъ, напр., во всѣхъ договорахъ: покупкѣ, наймѣ, въ договорѣ о наслѣдствѣ, въ договорѣ о передачѣ и т. д., заключается одинъ элементъ: договоръ, т.-е. изъявленіе согласія. Если у меня есть весь рядъ юридическихъ положеній, создающихъ договоръ покупки, то я имѣю также необходимо и тѣ положенія, которыя относятся къ этому элементу договора покупки: изъявленіе согласія. Эти юридическія положенія отъ элемента «договоръ» (они опредѣляютъ: на какихъ условіяхъ состоялся договоръ, какое дѣйствіе имѣетъ ошибка, прибавочное условіе или оговорка и т. д.) суть высшія положенія, полученныя мною изъ юридическихъ положеній о покупкѣ и заключающія въ себѣ безчисленное множество дальнѣйшихъ правовыхъ положеній, которыя въ состояніи объяснить мнѣ также и образованіе договора о наймѣ, о наслѣдствѣ, договора передачи и т. д. (если только не видоизмѣнятъ ихъ другія высшія положенія») **).

Такого рода представленіе объ юридическихъ тѣлахъ и организмахъ, подобныхъ естественно-историческимъ организмамъ, возможно было только при предположеніи, что въ общественной жизни гражданско-правовыя учрежденія, каковы: собственность, владѣніе, договоры

*) См. 1-ю и 3-ю части его «Духа римскаго права». 1-я часть есть въ русскомъ переводѣ (Спб. 1875 г.), см. особ. §§ 3—5 перваго тома.

**) См. Зомъ, «Институціи римскаго права», нашъ переводъ, стр. 17—18 (М. 1888).

и обязательства покупки, найма, перевозки и т. д., семейная организація, порядокъ наслѣдованія и т. д. представляютъ изъ себя въ своей основѣ, въ своемъ понятіи, въ своемъ существѣ, величины постоянныя и неизмѣнныя, такъ что, изучивши разъ эти «организмы», возможно было уже путемъ чисто логическихъ операцій надъ ними достигать юридическаго пониманія и всѣхъ видоизмѣненій, которыя въ исторіи происходятъ въ гражданскомъ обществѣ. Эта вѣра въ неизмѣнность, по крайней мѣрѣ, основъ существующаго гражданско-правового порядка въ дѣйствительности и лежитъ въ основаніи умозаключеній какъ Іеринга, такъ и почти всѣхъ представителей догматической юриспруденціи первой половины XIX столѣтія. «Если постигнуто—говоритъ Іерингъ—родовое (высшее юридическое) понятіе, и если оно развито надлежащимъ образомъ, то мы тѣмъ самымъ, слѣдовательно, получили готовый правовой матеріалъ не только для всѣхъ существующихъ уже видовъ, но и для тѣхъ, которые имѣютъ еще возникнуть... Развитая юриспруденція никогда не можетъ бояться абсолютнаго дефицита въ юридическихъ нормахъ. Къ какимъ бы необычайнымъ, рѣзко уклоняющимся образованіямъ ни привелъ прогрессирующій гражданскій оборотъ—опасеніе, что онъ будто бы можетъ принести намъ нѣчто абсолютно новое, т.-е. нѣчто такое, чего мы не были бы въ состояніи подвести подъ одно изъ существующихъ понятій—это основаніе настолько же безосновательно, какъ и то, если бы мы стали вѣрить, что теперь еще могутъ быть открыты звѣри, которые не найдутъ никакого мѣста въ системѣ современной науки. Юриспруденція, работающая тысячелѣтія, открыла уже основныя формы или основные типы юридическаго міра, а въ нихъ-то и заключается залогъ всего дальнѣйшаго ея движенія, какъ бы оно ни отклонялось отъ теперешняго; такую юриспруденцію исторія уже не можетъ поставить втупикъ» *).

Гордость успѣхами новой юриспруденціи довела Іеринга и до слѣдующаго заявленія. «Только люди не свѣдующіе—говоритъ онъ—могутъ смѣяться или назвать юриспруденцію философіей; здѣсь подъ юриспруденціей я понимаю не философію права, а практическую юриспруденцію—догматику, на которую философы часто смотрятъ съ презрѣніемъ. Я не могу не сказать, что современная философія права, а также и прежнее естественное право не могутъ даже и сравниваться съ догматикой по степени философской силы, проявлявшейся въ нихъ,... наша философская потребность нашла полное свое удовлетвореніе въ догматикѣ римскаго права, понимаемой въ современномъ смыслѣ» **).

*) «Задачи современной юриспруденціи», стр. 545.
**) Тамъ же, стр. 547—8.

Развитіе чистой науки гражданскаго правовѣдѣнія. Теоріи «естественнаго права». Вѣра въ незыблемость основныхъ элементовъ гражданско-правового строя, на которую, какъ было сейчасъ сказано, только и могло опираться апріорное логическое изученіе гражданскаго права,—права, захватывающаго самые живые и жгучіе интересы людей,—очень давняго происхожденія. Уже у древнихъ грековъ, а за ними и у римлянъ были формулированы нѣкоторые постулаты такъ называемаго «естественнаго права», т.-е. представленія о нѣкоторой системѣ юридическихъ идей, которыя свойственны всѣмъ народамъ въ силу психическихъ особенностей человѣческой личности и «природы вещей». Въ послѣдній періодъ римскаго юридическаго развитія римскіе юристы часто говорятъ объ естественномъ правѣ (jus naturale), какъ основѣ изучаемыхъ имъ гражданско-правовыхъ институтовъ. И для римскихъ юристовъ это не представляется удивительнымъ. Римскій гражданско-правовой строй, служившій основаніемъ ихъ работы, установился въ основныхъ своихъ чертахъ въ римской жизни очень рано. Въ эпоху XII таблицъ уже установлены были основные его принципы, такъ что вся дальнѣйшая исторія гражданскаго права Рима кажется лишь послѣдовательнымъ развитіемъ этихъ принциповъ въ жизни. Съ этимъ строемъ связано было процвѣтаніе и величіе Рима. Естественно было и представленіе о немъ, какъ идеальномъ, и тогда, когда подъ наплывомъ новыхъ народностей и съ развитіемъ абсолютной монархіи начали колебаться его основы: новые порядки и современникамъ казались упадкомъ старой культуры, гибелью ея подъ напоромъ варварства.

Средневѣковая Европа, какъ уже было указано, принесла съ собою совсѣмъ отличные отъ римскихъ устои гражданско-правовой и политической жизни. Юристы этого времени имѣли передъ глазами большое разнообразіе институтовъ права, отъ первобытныхъ до культурныхъ, и могли бы, повидимому, задумавшись надъ этимъ разнообразіемъ, поставить вопросъ объ историческомъ происхожденіи этихъ институтовъ, связи ихъ съ другими сторонами жизни и такимъ образомъ придти къ мысли, что римскій гражданско-правовой порядокъ—такое же временное историческое явленіе, какъ и тотъ, который былъ у нихъ на виду. Но дѣло въ томъ, что образованные юристы среднихъ вѣковъ были, какъ уже сказано выше, преемниками римской юридической культуры, ученики прямыхъ потомковъ древнихъ римлянъ,—ученики, для которыхъ римскій строй казался идеаломъ, а средневѣковой порядокъ—упадкомъ. Въ новой же Европѣ началъ уже складываться въ силу новыхъ соціально-политическихъ и экономическихъ преобразованій порядокъ, схожій въ основахъ съ древнимъ римскимъ, и такимъ образомъ снова римское право сдѣла-

лось не только идеальнымъ воспоминаніемъ, но и идеаломъ дальнѣйшаго развитія. Развившаяся съ XVI вѣка школа естественнаго права, установившая кругъ естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина, подкрѣпила лишь философскими основаніями тѣ положенія, которыя въ Римѣ были развиты въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ жизни.

Научно-философскіе выводы о правѣ, сдѣланные школой «естественнаго права», такимъ образомъ, совершенно совпали съ практическими положеніями прикладной науки права.

Философскія основы гражданско-правовыхъ институтовъ по ученію школы естественнаго права. Основнымъ началомъ римской жизни была личная свобода римскаго гражданина. Институтъ рабства ограничивалъ предѣлы свободы личности опредѣленнымъ кругомъ людей, но всѣ полноправные граждане пользовались этимъ правомъ въ полной мѣрѣ и участвовали въ гражданскомъ оборотѣ, не будучи стѣснены ни государственной опекой, ни сословными или классовыми перегородками. Творцомъ гражданско-правовыхъ отношеній была свободная воля полноправнаго гражданина. Обладаніе имуществами опиралось на институтъ индивидуальной собственности, устанавливавшій то же безграничное господство личности надъ объектомъ обладанія, не стѣсненное ни при жизненныхъ сдѣлкахъ, ни при сдѣлкахъ на случай смерти. Юридическая сдѣлка и договоръ въ своемъ содержаніи диктовались только волей личности; дѣйствительная воля и намѣренія личности служили единственной мѣркой привычной силы сдѣлокъ. Гражданско-правовая дѣятельность лица вообще рѣзко отличалась отъ публичной, покоясь всецѣло на содержаніи частныхъ интересовъ заинтересованныхъ въ ней членовъ гражданскаго общества безъ государственнаго направляющаго вліянія. Отсюда въ римскомъ правѣ и рѣзкое раздѣленіе права публичнаго отъ права частнаго, построенное на различіи понятій интереса частнаго и общественнаго и выраженное въ знаменитомъ опредѣленіи римскаго юриста Ульпіана: «publicum jus est, quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem» (публичное право есть то, которое относится къ положенію римскаго государства, частное—то, которое относится къ интересамъ отдѣльныхъ лицъ).

Если мы разсмотримъ теперь схему частно-правовыхъ отношеній, установленную представителями естественнаго права и обоснованную ими философскими доводами, то мы встрѣтимъ только повтореніе римскаго ученія о правѣ. Не слѣдя за видоизмѣненіями въ опредѣленіи содержанія естественныхъ и неотъемлемыхъ гражданскихъ правъ личности у различныхъ представителей философской мысли, мы остановимся лишь на окончательномъ результатѣ, достиг-

путомъ апріорной философіей въ этомъ отношеніи. Какъ уже было указано, идеи естественнаго права держались въ этой области долго еще въ теченіе XIX столѣтія. У самыхъ виднѣйшихъ догматиковъ права, какими являются нѣмецкіе юристы Савиньи и Унгеръ, мы видимъ повтореніе построеній XVIII вѣка. Въ 80-хъ годахъ подробно развилъ эту философскую схему въ Россіи Чичеринъ въ своемъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ сочиненіи «Собственность и государство». У него, какъ кажется, эта схема нашла и болѣе законченное выраженіе.

«Коренной признакъ человѣческаго общежитія, полагающій глубокую пропасть между царствомъ животныхъ и царствомъ (человѣческаго) духа (человѣческимъ общежитіемъ) есть свобода,—говоритъ Чичеринъ.—Человѣкъ самъ себѣ даетъ законъ и по своему произволу исполняетъ его или не исполняетъ. Отсюда ясно, что всякое ученіе о человѣческомъ общежитіи должно начать съ изслѣдованія свободы» *). Господство свободы яснѣе всего въ области гражданскаго права. «Полнымъ выраженіемъ юридическихъ началъ (началъ свободы) безъ всякой посторонней примѣси,—говоритъ Чичеринъ,—является право частное или гражданское. Здѣсь человѣкъ представляется какъ свободное, самостоятельное лицо, которому присвоивается извѣстная область матеріальныхъ отношеній, и которое состоитъ въ опредѣленныхъ юридическихъ отношеніяхъ къ другимъ, таковымъ же лицамъ. По самой природѣ этихъ отношеній, въ этой сферѣ господствуетъ индивидуализмъ; здѣсь находится главный центръ человѣческой свободы. Изъ взаимодѣйствія свободныхъ воль возникаетъ цѣлый міръ безконечно переплетающихся отношеній, въ опредѣленіи которыхъ выражается вся тонкость человѣческаго ума. Въ этомъ дѣлѣ римскіе юристы были величайшіе мастера, вслѣдствіе чего римское право сдѣлалось какъ бы нормою для гражданскаго права всѣхъ новыхъ народовъ». Въ частности, изъ понятія человѣческой свободы въ противоположность несвободѣ внѣшняго міра выводится философами и основной институтъ современнаго гражданскаго права, собственность. «Человѣкъ, какъ свободное существо, налагаетъ свою волю на внѣшній міръ»—читаемъ дальше у Чичерина.—Въ этомъ заключается основаніе собственности. Право собственности содержитъ въ себѣ двоякій элементъ: фактическое отношеніе къ вещи, или пользованіе ею для своихъ цѣлей, и идеальное отношеніе—право. Источникъ перваго лежитъ, съ одной стороны въ человѣческихъ потребностяхъ, для удовлетворенія которыхъ необходимы матеріальные предметы; съ другой стороны,—въ физической силѣ, покоряющей

*) «Собственность и государство», I, стр. 2—3 (М. 1882).

эти предметы власти человѣка. Источникомъ же идеальнаго отношенія является законъ, законъ разума, который подчиняетъ неразумную природу разумному существу и неразлучный съ нимъ законъ свободы, требующій осуществленія ея во внѣшнемъ мірѣ, или присвоенія ей внѣшней сферы, которою она могла бы располагать по усмотрѣнію. Въ другихъ подобныхъ ему лицахъ лицо находитъ границу своей свободы; матеріальный же міръ представляетъ ему открытое поприще, гдѣ оно можетъ безпрепятственно проявлять свою дѣятельность. Такимъ образомъ, собственность вытекаетъ изъ природы человѣка, какъ разумнаго существа». Дальше Чичеринъ приводитъ рядъ мнѣній философовъ различныхъ школъ *).

Относительно естественныхъ основаній силы договоровъ и обязательствъ представители естественнаго права сильно расходятся, но мнѣніе ихъ въ общемъ можетъ быть выражено въ слѣдующихъ словахъ. Потребность въ договорахъ и обязательствахъ тѣсно связана съ распредѣленіемъ имуществъ въ индивидуальную собственность, при которомъ получается естественное неравенство, и создается классъ неимущихъ и нуждающихся въ чужомъ имуществѣ. Доступъ къ послѣднему и получится путемъ договоровъ и обязательствъ, связывающихъ волю лицъ въ интересахъ общихъ выгодъ, доставляемыхъ обмѣномъ вещей на вещи и вещей на услуги. Основаніемъ обязательствъ является такимъ образомъ совокупная воля договаривающихся лицъ, т.-е. то же начало свободы,—нравственнаго самоопредѣленія личности. «Въ договорѣ такъ же, какъ и въ собственности, читаемъ мы опять у Чичерина,—свобода составляетъ источникъ и мѣрило всѣхъ отношеній. Это не временное только явленіе, не порожденіе современнаго индивидуализма, а вѣчное требованіе права, которое вытекаетъ изъ самой природы вещей и потому составляетъ движущую пружину всего человѣческаго развитія или, какъ выражаются философы, идею, развивающуюся въ исторіи человѣчества» **). При обязательствахъ воля одного лица, кредитора, господствуетъ надъ волей другого, должника, но подчиненіе послѣдняго здѣсь не безгранично. Свободное существо не можетъ подчиниться такъ, какъ подчиняется неразумная вещь,—а отсюда и особая юридическая структура обязательственныхъ отношеній, при которыхъ подчиненіе одного лица другому идетъ лишь до тѣхъ поръ, пока имъ не ограничивается самая свобода личности, пока одинъ не становится рабомъ другого. Поэтому въ обязательствѣ кредиторъ имѣетъ

*) «Собств. и госуд.», I, 97 слѣд.
**) Тамъ же, стр. 201.

право не на всю личность должника, а лишь на опредѣленную совокупность дѣйствій, выговоренныхъ въ договорѣ, дѣйствій, имѣющихъ по преимуществу имущественную цѣнность, каковой они и окупаются, не касаясь свободы самой личности.

Что касается семейнаго права, то здѣсь въ основаніи нормъ и субъективныхъ правъ членовъ семьи лежатъ слѣдующія два естественныя же начала: свобода личности и физическая и кровная близость членовъ семьи между собою. Начало свободы лежитъ въ основаніи брачнаго союза, и прежде всего условій заключенія брака, гдѣ договорному элементу принадлежитъ первенствующая роль. Оно же кладетъ и предѣлы личной власти главы дома по отношенію къ женѣ и дѣтямъ, никогда не доходящей до предѣловъ власти собственника надъ вещами. Второе опредѣляетъ характеръ и содержаніе власти—ея нравственный характеръ, выражающійся столько же въ правахъ, сколько и обязанностяхъ; онъ же обосновываетъ и самую власть, какъ необходимый элементъ домашняго порядка и средства защиты слабѣйшихъ членовъ семьи со стороны сильнѣйшаго *).

Естественныя основы наслѣдственнаго права спорны, хотя уже римскіе юристы подчеркивали ихъ какъ-разъ особенно сильно по отношенію къ наслѣдственному праву. «Естественный разумъ, какъ нѣкій молчаливый законъ,—говорилъ, напр., римскій юристъ Павелъ,—присвоиваетъ дѣтямъ наслѣдство родителей, какъ бы призывая къ должному наслѣдованію... Въ своихъ наслѣдникахъ (римскій терминъ для обозначенія ближайшихъ нисходящихъ наслѣдниковъ) яснѣе видно, какимъ образомъ продолженіе собственности приводитъ къ тому, что кажется, будто вовсе не было наслѣдства, но уже и прежде хозяевами были тѣ, которые еще при жизни отца нѣкоторымъ образомъ считались хозяевами» **). Съ этой точкой зрѣнія, однако, не всѣ согласны. «Естественный законъ, говоритъ, напр., Монтескье, предписываетъ дѣтямъ давать пропитаніе, но онъ не заставляетъ ихъ дѣлать наслѣдниками. Раздѣлъ имуществъ, законы объ этомъ раздѣлѣ, наслѣдованіе послѣ того, кто получилъ свою часть—все это могло быть установлено только обществомъ, слѣдовательно, законами политическими и гражданскими». Главное затрудненіе при установленіи исходнаго

*) Эта точка зрѣнія на семью развита у Савинья, «System des heutigen römischen Rechts», I, и Унгера, «System des österreichischen Privatrechts». См. нашу статью въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона, «Семейное право», XXIX, 428.

**) Диг. 38, 6, 11. Цит. у Чичерина, тамъ же, стр. 207. У него же перечень и изложеніе всѣхъ ученій о природѣ наслѣдственнаго права. См. также нашу статью: «Право наслѣдственное» въ «Энциклопед. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефронъ, XXIV, 899 и слѣд.

естественнаго начала наслѣдованія заключается въ двойственности основаній наслѣдованія. Въ современномъ правѣ наслѣдуютъ или по закону, по принципу кровнаго родства, или по завѣщанію, въ силу воли наслѣдователя, бывшаго собственника имущества. Естественный характеръ каждаго изъ основаній еще можетъ быть установленъ, но почему два «естественныхъ» порядка конкурируютъ другъ съ другомъ, это не кажется яснымъ. Какъ бы то ни было, путемъ тѣхъ или иныхъ объясненій приходятъ къ выводу, что и наслѣдственное право въ его современной организаціи естественное и неизбѣжное дополненіе существующаго гражданско-правового порядка. «Наслѣдство есть всемірно-историческое явленіе—говоритъ Чичеринъ въ заключеніе своего разбора философскихъ теорій, посвященныхъ этому институту.—Отвлеченные утописты могутъ противъ него возставать: дѣйствительная жизнь всегда крѣпко держалась этого начала, а здоровая философія всегда понимала его, какъ одну изъ непоколебимыхъ основъ человѣческихъ обществъ. И точно, оно коренится въ глубочайшихъ свойствахъ человѣческаго духа и связано съ міровыми законами человѣческаго развитія. Источникъ его лежитъ въ преемственности поколѣній, изъ которыхъ отходящее отъ міра передаетъ оставшемуся на землѣ все свое, полученное отъ предковъ и умноженное собственною дѣятельностью умственное, нравственное и матеріальное достояніе. На этомъ основано историческое развитіе человѣчества, т.-е. то, что дѣлаетъ изъ человѣческаго рода единое духовное цѣлое, а изъ отдѣльнаго лица звено въ этомъ общемъ духовномъ процессѣ» *).

Характерная черта изложенной схемы гражданско-правовыхъ институтовъ заключается въ томъ, что эта схема выводитъ изъ естественныхъ свойствъ личности не только наличность опредѣленныхъ ея потребностей, но и юридическія формы удовлетворенія этихъ потребностей. Потребность въ обладаніи имуществомъ нормальнымъ путемъ съ ея точки зрѣнія можетъ быть удовлетворена лишь путемъ института собственности,—неограниченнаго и исключительнаго, какъ ее опредѣляютъ юристы, обладанія вещами; этотъ институтъ, въ свою очередь, можетъ существовать лишь при наличности извѣстныхъ условій и исключаетъ рядомъ съ собою иныя формы обладанія, кромѣ нѣкотораго количества такъ назыв. «правъ въ чужой вещи» или «сервитутовъ», т.-е. зависимыхъ отъ собственности формъ обладанія. Совмѣстное обладаніе нѣсколькихъ лицъ допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда собственники или товарищи по обладанію могутъ въ каждый данный моментъ раздѣлиться и создать собственность индивидуальную. Точно также составъ содержанія договоровъ, условія ихъ заключенія и пор-

*) Тамъ же, 226.

мальныя послѣдствія различныхъ договорныхъ отношеній опредѣляются въ ихъ деталяхъ, какъ величины постоянныя и т. д. Иначе говоря, схема отношеній и институтовъ, установленная римскими юристами и выводимая логически конструктивнымъ путемъ изъ основныхъ «понятій» гражданскаго права, получила здѣсь философское оправданіе и стала нормальной схемой,—мѣркой цѣлесообразности гражданско-правового строя во всѣ періоды исторіи. Наука гражданскаго права допускала видоизмѣненія изучавшагося ею такимъ образомъ гражданскаго права, «исключенія» изъ началъ теоріи права для отдѣльныхъ случаевъ и отношеній, но не принципіальныя отступленія или преобразованія. И эти видоизмѣненія, и эти исключенія старались опредѣлить и «конструировать» съ точки зрѣнія римскихъ понятій, откуда масса споровъ въ текущей литературѣ современнаго права о «природѣ» цѣлаго ряда формъ правового быта, возникшихъ при условіяхъ, несхожихъ съ римскими и неизвѣстныхъ римлянамъ.

Гражданское и публичное право съ точки зрѣнія теорій естественнаго права. Философская опредѣленность гражданско-правовыхъ институтовъ и логическое развитіе ихъ юридическихъ слѣдствій содѣйствовали и образованію взгляда на гражданское право, какъ на замкнутую область отношеній, развивающуюся по своимъ законамъ и не допускающую вторженія, кромѣ извѣстныхъ предѣловъ, воли законодателя. Отсюда рѣзкое отдѣленіе права публичнаго и гражданскаго,—разграниченіе общества политическаго или государства отъ общества гражданскаго,—провозглашеніе начала государственнаго невмѣшательства въ гражданско-правовую жизнь.

Если гражданско-правовые институты со всѣми ихъ частными приложеніями основаны на непреложныхъ законахъ человѣческой природы и опредѣляются лишь логически, то само собою понятно, что всякая попытка законодателя внести въ эти законы какія-либо видоизмѣненія является произвольнымъ искаженіемъ нормальнаго гражданско-правового порядка. Задачей законодателя, въ области гражданскаго права, съ точки зрѣнія представителей школы естественнаго права, является, поэтому, лишь формулированіе естественныхъ законовъ гражданско-правового строя, основываясь на научныхъ изысканіяхъ о его существѣ и конструктивной работѣ юристовъ, «додумываніе» частной воли членовъ гражданскаго общества тамъ, гдѣ они сами не сумѣли точно опредѣлить своихъ отношеній, и, наконецъ, помощь и защита тѣхъ, кто самъ, въ силу природныхъ условій, несовершеннолѣтія или болѣзни, не можетъ надлежащимъ образомъ проявлять свободную волю въ гражданскомъ оборотѣ. У Б. Н. Чичерина опять находимъ мы по этому поводу самыя энергичныя замѣчанія, основанныя на приведенныхъ выше и другихъ подобныхъ же построеніяхъ. Оспаривая, напр.,

точку зрѣнія Руссо, который «общей волѣ» придалъ преувеличенное значеніе, грозившее опасностью волѣ частнаго лица, Чичеринъ пишетъ: «Въ государствѣ народъ является какъ единое цѣлое, которому принадлежитъ верховная власть; оно въ общественной жизни верховный распорядитель; но оно не одно существуетъ на землѣ. Въ предѣлахъ единства есть мѣсто для отдѣльныхъ лицъ и для частныхъ союзовъ; и тѣ, и другіе требуютъ свободы и самостоятельности, и это свобода и самостоятельность должны быть уважаемы. Нарушеніе этого правила есть деспотизмъ, т.-е. выступленіе власти изъ свободныхъ своихъ границъ. Конечно, формально, верховная власть, будучи верховною, можетъ все себѣ позволить; на нее нѣтъ апелляціи. Тѣмъ не менѣе въ посягательствѣ на частное право можно видѣть только злоупотребленіе власти» *).

Выходя изъ этой точки зрѣнія, цитируемый авторъ высказывается послѣдовательно по отношенію ко всѣмъ разсматриваемымъ имъ институтамъ гражданскаго права въ смыслѣ безусловнаго сохраненія того ихъ состоянія, которое выводится логически изъ основного начала гражданско-правовой жизни—свободы. Такимъ образомъ по отношенію къ собственности онъ говоритъ слѣдующее: «Если идеаломъ человѣческаго общежитія можетъ быть только расширеніе, а не подавленіе свободы, то въ будущемъ мы можемъ ожидать не стѣсненія, а, напротивъ, утвержденія и расширенія права собственности. Чистый индивидуализмъ безъ сомнѣнія не есть окончательный результатъ исторіи. Можно полагать, что будущее принесетъ намъ и бо́льшую крѣпость частныхъ союзовъ, и развитіе дѣятельности государства въ принадлежащей ему сферѣ; но все это можетъ совершиться только на почвѣ свободы. Область, присвоенная свободѣ, ея точка опоры во внѣшнемъ мірѣ, должна оставаться неприкосновенною. Свободная собственность при свободномъ трудѣ составляетъ поэтому идеалъ всякаго гражданскаго быта» **). Въ другомъ мѣстѣ: «Свобода состоитъ въ правѣ располагать собою и своими средствами независимо отъ чужой воли и чужого авторитета. Это и есть то понятіе, которое принято правовѣдѣніемъ и приведено въ договорномъ правѣ. Иного понятія нѣтъ и не можетъ быть, ибо оно вытекаетъ изъ самого существа дѣла. Поэтому невозможно видѣть въ существующемъ договорномъ правѣ только временное и случайное явленіе, историческую категорію... Какъ чистое выраженіе свободы, существующее договорное право развивалось вмѣстѣ со свободою и можетъ пасть только со свободою ***)... Вмѣстѣ съ

*) «Собственность и государство», т. II, стр. 214.
**) Тамъ же, I, стр. 159—160.
***) Тамъ же, стр. 189.

неприкосновенностью собственности, ненарушимость договоровъ образуетъ непоколебимое основаніе всякаго свободнаго и образованнаго гражданскаго быта» *). Точно также по отношенію къ семейному и наслѣдственному праву Чичеринъ доказываетъ, что они подлежатъ со стороны закона лишь установленію въ томъ ихъ видѣ, какъ они образуются природой отношеній. «Государство, установляющее нормы, беретъ на себя и ихъ защиту. Но, вступаясь во внутреннія отношенія семьи, оно неизбѣжно приходитъ въ столкновеніе съ семейнымъ началомъ. Родительская власть (напр.) составляетъ необходимую принадлежность семейнаго союза, а по своему нравственному характеру она въ значительной степени руководствуется усмотрѣніемъ. Поэтому злоупотребленіями могутъ считаться только самые крайніе случаи, и только въ этихъ случаяхъ можетъ быть допущено вмѣшательство государства. Иначе это будетъ посягательствомъ на семейное начало, что ведетъ къ разрушенію нравственной связи, которой держится союзъ». И въ области наслѣдственнаго права, «установляя нормы, государство должно руководствоваться началами, лежащими въ самомъ союзѣ... Государство, которое изъ политическихъ видовъ присвоило бы себѣ частное наслѣдство, явилось бы грабителемъ. Даже при разрѣшеніи обоюдныхъ притязаній частныхъ лицъ, первенствующее значеніе принадлежитъ не политическимъ цѣлямъ, а выработывающимся въ самой семейной жизни началамъ, которыя выражаются въ семейныхъ нравахъ. Законодательство, которое пошло бы имъ наперекоръ, опять не посягнуло бы на самыя завѣтныя чувства гражданъ» **).

Историческое направленіе въ изученіи права. Новое направленіе въ изученіи права вообще и гражданскаго права въ особенности, стремящееся вывести науку изъ области апріорныхъ и совершенно гадательныхъ соображеній о наилучшемъ и естественномъ строѣ гражданскаго общества на путь изслѣдованія реальныхъ законовъ общественныхъ явленій, обозначается уже въ серединѣ XVIII столѣтія, хотя рѣшительные удары школѣ естественнаго права и практической догматикѣ наносятся имъ лишь въ половинѣ XIX столѣтія.

Родоначальникомъ новаго историко-философскаго направленія по всей справедливости долженъ быть признанъ Монтескье, сумѣвшій сочетать начала естественнаго права съ историческими видоизмѣненіями права въ одной цѣльной концепціи. Но между Монтескье и новой школой, во главѣ которой въ Германіи ставятъ Іеринга, лежитъ промежутокъ времени, въ который господствовала такъ назыв. историческая школа, виднѣйшими представителями которой, какъ

*) Тамъ же, стр. 201.
**) Тамъ же, стр. 216, 217.

уже было упомянуто выше, считаются Савиньи и Пухта—школа, на до гое время заставившая-было забыть заслуги Монтескье.

Монтескье самъ хорошо понималъ, что его точка зрѣнія на процессъ правообразованія совершенно не соотвѣтствовала современности, и что лишь въ отдаленномъ будущемъ ей предстоитъ успѣхъ. И, въ самомъ дѣлѣ, мысль о возможности общественной науки, построенной на столь же прочныхъ методахъ изслѣдованія, какъ и науки естественныя, получаетъ серьезное значеніе лишь у соціологовъ XIX в., тѣмъ не менѣе она—исходный пунктъ всего построенія Монтескье! «Когда изучаешь человѣческое тѣло и проникаешься тѣми неизмѣнными законами, которые соблюдаются въ этомъ маленькомъ царствѣ, когда отдаешь себѣ отчетъ въ безконечномъ числѣ частей, работающихъ для общаго блага... въ этихъ движеніяхъ, одновременно соподчиненныхъ и свободныхъ, въ этой волѣ, повелѣвающей и послушной, когда сосредоточиваешь свое вниманіе на постоянствѣ періодовъ, на простотѣ хода машины и множествѣ подавляющихъ ее пружинъ, на постоянномъ возстановленіи силы и жизни, на чудѣ воспроизведенія и зарожденія... нельзя допустить мысли, чтобы что-нибудь въ нашемъ организмѣ было нужнымъ. Если назначеніе какой-нибудь части намъ еще неизвѣстно, то не должны ли мы съ благодарнымъ рвеніемъ направить всѣ усилія на его открытіе». Вотъ представленіе о закономѣрности явленій міра природы, высказанное Монтескье въ одномъ изъ его раннихъ сочиненій. «Перенесенная въ сферу общественныхъ наукъ, та же точка зрѣнія,—говоритъ, приведя эти слова, проф. М. М. Ковалевскій въ своей превосходной статьѣ о Монтескье, составляющей введеніе къ русскому переводу «Духа законовъ»,—позволяетъ Монтескье говорить о томъ, что законы политическіе и гражданскіе, свойственные отдѣльнымъ націямъ, не болѣе какъ частныя проявленія того общаго закона, какимъ является человѣческій разумъ *). Мы позволимъ себѣ и дальше охарактеризовать значеніе Монтескье словами этого изслѣдователя. «Если въ основѣ всѣхъ общественныхъ явленій—продолжаетъ М. М. Ковалевскій—лежитъ необходимость, если всѣ они разумны, то задача изслѣдователя, очевидно, сводится не къ выдумкѣ новыхъ еще болѣе совершенныхъ порядковъ, а къ раскрытію той внутренней связи, какая существуетъ между тѣми, которые присущи данной націи. Источникъ этихъ порядковъ, положительные законы, должны въ такой мѣрѣ приходиться къ народу, у котораго они дѣйствуютъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ можно привить другому.

*) Монтескье, «О духѣ законовъ, или объ отношеніяхъ, въ которыхъ законы должны находиться къ устройству каждаго правленія, къ нравамъ, климату, религіи, торговлѣ и т. д.». Перев. съ франц. А. Г. Горнфельда со вступит. статьей М. М. Ковалевскаго (Спб. 1900), стр. IV.

Но такое соотвѣтствіе мыслимо только въ томъ случаѣ, когда они соотвѣтствуютъ природѣ и жизненному принципу дѣйствующаго у даннаго народа правительства, когда они согласованы съ физическими условіями страны, съ ея климатомъ, съ качествомъ почвы, съ топографическимъ положеніемъ, величиною государства, образомъ жизни его обитателей, степенью свободы, допустимой учрежденіями, религіей, вкусами, богатствомъ, численностью населенія, торговлей, нравами и привычками. Съ этихъ точекъ зрѣнія Монтескье и беретъ разсмотрѣть положительное законодательство древнихъ и новыхъ народовъ. Раскрытіе взаимной связи, въ которой стоятъ законы того или другого государства между собою, съ источникомъ, изъ котораго они возникли, т.-е. съ задачами, которыя преслѣдовалъ ихъ виновникъ, и съ тѣмъ порядкомъ вещей, для которыхъ они созданы, равнозначительно въ глазахъ Монтескье раскрытію духа законовъ» *).

«Естественно-научное» изученіе права, какъ реальнаго жизненнаго явленія, у Монтескье такимъ образомъ за 100 лѣтъ до Іеринга было поставлено на надлежащую дорогу,— какъ изученіе, опирающееся на сопоставленіе правовыхъ явленій съ другими сторонами жизни и реальной обстановки, въ которой приходилось и приходится жить различнымъ человѣческимъ обществамъ, а не какъ изученіе абстрактныхъ типовъ правовыхъ институтовъ, искусственно отождествленныхъ съ физическими тѣлами. Право понятно было Монтескье, какъ явленіе культуры, какъ произведеніе естественныхъ и культурныхъ факторовъ, а не какъ логическая величина, непосредственно вытекающая изъ психологіи человѣка. Характерной особенностью творенія Монтескье является при этомъ то, что, изучая связь правовыхъ явленій съ природными и культурными факторами развитія общества, онъ наблюдаетъ не случайныя соотношенія между явленіями права и культуры, а постоянныя,—изучаетъ не только причины, но и постоянные законы явленій, чтобы, опираясь на нихъ, указать чисто научныя основы дальнѣйшаго правового развитія человѣческихъ обществъ и законодательной политики. Въ этомъ отношеніи задачи соціологическаго изученія права поставлены у Монтескье совершенно такъ, какъ они поставлены были во второй половинѣ XIX вѣка соціологами-позитивистами.

Достигнутые Монтескье результаты не удовлетворяютъ теперешнихъ соціологовъ. Его сближенія и обобщенія основаны на недостаточномъ матеріалѣ и далеко не отличаются той глубиной мысли, которую мы встрѣчаемъ въ послѣдующихъ трудахъ этого направленія. Но для его времени все же имъ данъ обзоръ такой массы правовыхъ

*) Тамъ же, стр. IV.

явленій, и сдѣлана попытка сблизить этотъ матеріалъ съ такими фактами, о которыхъ юриспруденція того времени и не подозрѣвала *). Задача была поставлена; оставалось продолжать начатое Монтескье дѣло. Но условія времени не дали возможности труду Монтескье оказать того вліянія, какое оно могло бы при иныхъ обстоятельствахъ. Задача, поставленная себѣ Монтескье, говоритъ Ковалевскій, «была новой для его времени и мало отвѣчала общественному настроенію. XVI и XVII столѣтія, когда подъ вліяніемъ внутреннихъ междоусобій и религіозныхъ войнъ впервые поставленъ былъ вопросъ объ условіяхъ закономѣрности правительствъ и границахъ повиновенія имъ подданныхъ, пріучили европейскихъ читателей къ публицистикѣ совершенно иного рода. Еще не вполнѣ освободившись отъ узъ теократіи, политика попала въ новую кабалу къ метафизикѣ. Только немногимъ писателямъ эпохи Возрожденія: Макіавелли, Гвечіардинѣ, Фортескью и Бодену приходило на умъ обосновать ее на изученіи быта древнихъ и новыхъ народовъ; но эта недавняя традиція внезапно была прервана тѣмъ широкимъ расцвѣтомъ, какой метафизика получила въ трудахъ Декарта, Гоббса, Спинозы и Локка... Отъ политическаго трактата общественное мнѣніе XVIII вѣка, уже встревоженное ожидавшейся революціей, ждало не раскрытія внутренней связи существующихъ порядковъ, которые для многихъ являлись не болѣе какъ устарѣлымъ безправіемъ, а указанія общихъ и непзмѣнныхъ законовъ общественнаго благоденствія. Немудрено, поэтому, если книга Монтескье встрѣчена была дружнымъ неодобреніемъ не однихъ богослововъ, но и сторонниковъ всякаго рода метафизическихъ системъ, будетъ ли ими превозносимый физіократами «естественный порядокъ человѣческихъ обществъ» или матеріализмъ Гельвеція и Дидро! Отъ Монтескье требовали этическаго одобренія или неодобренія опредѣленныхъ законовъ, а не раскрытія законовъ правовыхъ явленій. Эту мысль прямо и высказываетъ Кондорсэ. «Почему—пишетъ онъ—Монтескье никогда не говоритъ въ своемъ «Духѣ законовъ» о справедливости и несправедливости разсматриваемыхъ имъ мѣропріятій, а только о причинахъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни? Почему не указано имъ никакого принципа, по которому можно было бы установить между законами, вытекающими изъ рукъ правомѣрной власти, различіе справедливыхъ и несправедливыхъ?» **).

---

*) Обзоръ результатовъ, добытыхъ Монтескье, и ихъ критику см. въ указанной статьѣ М. М. Ковалевскаго, а также въ обширной статьѣ, посвященной Монтескье проф. Герье въ «Энциклопедическ. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона.

**) Названная статья М. М. Ковалевскаго, стр. V—VII.

Идея историческаго изученія права въ связи съ другими сторонами народной жизни не умерла, однако, въ послѣдующемъ развитіи. Въ концѣ XVIII вѣка и во Франціи, и особенно въ Германіи начинаютъ усиленно подчеркивать значеніе историческаго порядка общественныхъ учрежденій въ противовѣсъ раціоналистическимъ преобразованіямъ, и все болѣе и болѣе выдвигается мысль о томъ, что право создается не только человѣческимъ произволеніемъ и разумомъ, но и подвержено вліянію иныхъ, ирраціональныхъ факторовъ. Въ Германіи въ концѣ XVIII вѣка это ученіе опредѣленно высказано и развито уже Гуго *). Подъ вліяніемъ политической борьбы, усилившейся въ Германіи въ 1-й четверти XIX вѣка между приверженцами стараго феодально-полицейскаго строя жизни и раціоналистическихъ началъ новаго порядка, провозглашеннаго французской революціей,—историческое направленіе изученія права одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ идеями естественнаго права. Попытка оправдать необходимость слѣдовать по тому пути преобразованія гражданско-правовыхъ отношеній, который указанъ былъ Франціей, но независимо отъ непосредственнаго вліянія послѣдней,—попытка, сдѣланная Тибо въ своей брошюрѣ о «Необходимости изданія общегерманскаго гражданскаго уложенія» **), встрѣтила рѣшительный отпоръ въ памфлетѣ Савиньи «О призваніи нашего времени къ законодательству» ***), обоснованный на доказательствѣ самопроизвольнаго, органическаго роста правовыхъ идей въ связи со всѣмъ строемъ жизни и національными особенностями народа, не подлежащаго, поэтому, искусственному воздѣйствію законодателя. Непосредственной цѣлью Савиньи было задержать ростъ преобразованій въ области политическаго и общественнаго строя, но аргументація поставлена была на совершенно теоретическую и научную почву и поэтому имѣла не только политическій, но и научный успѣхъ. Идея закономѣрности правового развитія сама по себѣ уже завоевала прочное мѣсто въ сознаніи ученыхъ. Указанная сейчасъ политическая окраска сильно отразилась, однако, на установленіи задачъ историческаго изученія права. Послѣднія были поняты чрезвычайно узко. Послѣдователи Савиньи совершенно оставили въ сторонѣ вопросъ о законахъ историческаго развитія права и ограничились въ практической области изученіемъ лишь дѣйствующаго, исторически сложившагося права, устранивъ изъ науки совершенно всѣ законодательно-политическіе вопросы и допуская лишь одинъ видъ научной обработки—исто-

*) См. нашу статью о немъ въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона.
**) См. о немъ нашу статью въ томъ же «Энциклопедич. Словарѣ».
***) См. наши статьи: Историческая школа права и Савиньи въ томъ же Словарѣ. Изложеніе ученія Савиньи см. выше въ ст. г. Гессена.

рическій комментарій къ дѣйствовавшему римскому и германскому праву. Въ практическомъ отношеніи наука гражданскаго права, поэтому, и выродилась въ охарактеризованную выше абстрактно-конструктивную юриспруденцію, а въ чисто-научномъ сосредоточила свое вниманіе на мелочномъ изслѣдованіи историческихъ фактовъ, обогатившемъ науку богатымъ историческимъ матеріаломъ, но не дававшемъ удовлетворенія философской мысли, требовавшей, попрежнему, не только констатированія, но и объясненія явленій, опредѣленія ихъ взаимнаго соотношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и освѣщенія дальнѣйшаго пути историческаго развитія.

Историко-философское направленіе. Историко-философское направленіе въ изученіи права возрождается въ половинѣ XIX столѣтія и снова связывается съ перемѣной политическаго настроенія. Какъ-разъ послѣ германской революціи 1848 г. дѣлаются попытки въ новомъ видѣ опредѣлить задачи исторической школы въ изученіи права. Профессоръ Гейбъ издаетъ въ этомъ году брошюру, въ которой старается ослабить обвиненія, бывшія общими въ это время по отношенію къ созданному Гуго, Савиньи и Пухтой направленію,—обвиненія въ склонности къ политической реакціи,—полной враждебности всѣмъ освободительнымъ теченіямъ современности и сосредоточенія научнаго вниманія исключительно на антикварныхъ вопросахъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что главнѣйшіе представители школы принадлежали къ консервативной партіи, Гейбъ думаетъ, однако, что историческое направленіе само по себѣ враждебно лишь радикализму, а не либерализму. Указывая на закономѣрность развитія и невозможность скачковъ изъ одного состоянія въ другое, оно вовсе не имѣетъ своей задачей смотрѣть назадъ и искать идеаловъ въ прошломъ народа. Наоборотъ, одной изъ важнѣйшихъ его задачъ является—слѣдить за постепеннымъ ростомъ прогрессивныхъ теченій и, указывая отживающія, тормозящія прогрессъ и подлежащія устраненію дѣятельностью законодателя явленія стараго быта, облегчать такимъ образомъ созданіе новаго порядка вещей. Нѣсколько поздпѣе тотъ же взглядъ на задачи исторической школы повторилъ Іерингъ въ некрологѣ Савиньи. Но болѣе замѣтный поворотъ отъ простой исторіи къ философіи исторіи права связывается съ появленіемъ труда Іеринга «Духъ римскаго права» (первое изданіе 1852—54 гг.).

Въ названномъ сочиненіи Іерингъ стремился въ исторіи римскаго права отдѣлить элементы національные отъ общечеловѣческихъ, чтобы такимъ путемъ установить окончательно ту схему основныхъ юридическихъ и институтовъ, и понятій, которая дала бы возможность для конструктивныхъ операцій, составлявшихъ, по его приведенному выше ученію, задачу высшей юриспруденціи, замѣняющей

философію права. Приступивъ къ изслѣдованію права древняго Рима съ этой цѣлью, Іерингъ примѣнилъ къ нему, однако, не апріорные методы юридической конструкціи, а реальный методъ изслѣдованія явленій. Этотъ методъ и далъ возможность обнаружить въ исторіи Рима главные жизненные факторы правообразованія и прослѣдить дѣйствительную картину роста римскаго права въ связи съ условіями его политическаго, соціальнаго и культурнаго быта,—картину, въ которой вопросъ объ «общечеловѣческихъ» и «національныхъ» чертахъ развитія замѣнился вопросами о потребностяхъ человѣческой личности, съ одной стороны, а съ другой—объ юридическихъ средствахъ и формахъ, служащихъ къ удовлетворенію этихъ потребностей. Исторія Рима обнаружила передъ нимъ какъ постепенный ростъ этихъ потребностей, такъ и постоянную смѣну юридическихъ формъ быта,—факты, сильно поколебавшіе въ немъ вѣру въ постоянство и неизмѣнность юридическихъ «понятій». Чѣмъ дальше шло изслѣдованіе, тѣмъ болѣе измѣнялись у Іеринга первоначальныя воззрѣнія, высказанныя имъ въ упомянутой выше статьѣ о задачахъ современной юриспруденціи и первомъ томѣ «Духа римскаго права». Постепенно у него созрѣла новая философія правообразованія, принудившая его отложить продолженіе работы о «Духѣ римскаго права» и заняться формулированіемъ новыхъ идей, созданныхъ въ теченіе этой работы. Такимъ образомъ создалось новое сочиненіе Іеринга, «Цѣль въ правѣ».

Одной изъ основныхъ задачъ, преслѣдовавшихся Савиньи въ упомянутомъ выше памфлетѣ, было показать безсиліе человѣческой личности въ процессѣ образованія права, создающагося органически, самопроизвольно, самой жизнью и отливающагося прежде всего въ форму обычая, а не закона. Приступивъ къ изученію римскаго права въ его исторіи, начиная съ самыхъ древнихъ его временъ, съ «нулевыхъ пунктовъ» развитія, какъ говоритъ онъ самъ, Іерингъ не могъ не быть пораженъ той силой энергіи, съ помощью которой римскій народъ создавалъ свое право,—огромной ролью борьбы за право, а также величіемъ умственной работы,—«психическаго труда», положеннаго Римомъ на созданіе своего права. Чѣмъ дольше шло изученіе, тѣмъ яснѣе становилась для него ошибочность воззрѣнія Савиньи, и еще до окончательнаго сложенія «Цѣли въ правѣ» онъ формулировалъ свой протестъ противъ ученія Савиньи въ знаменитой брошюрѣ «Борьба за право», гдѣ онъ и излагаетъ уже основныя мысли «Цѣли въ правѣ», съ первыхъ же страницъ подчеркивая ихъ значеніе. «Право есть понятіе практическое, т.-е. представленіе цѣли... Право есть непрерывная работа, и не только исключительная работа государственной власти, но и цѣлаго народа. Если мы окинемъ однимъ взглядомъ всю совокупность правовой жизни, то она представитъ намъ то же зрѣлище

неустанной борьбы и работы всей націи, какое представляется намъ въ области экономической дѣятельности... Всѣ великія пріобрѣтенія, отмѣченныя исторіей права: уничтоженіе рабства и крѣпостного права, свобода поземельной собственности, промысла, вѣры и т. д.,—всѣ они должны были выдержать жестокую борьбу, продолжавшуюся часто цѣлыя столѣтія, которая нерѣдко обозначалась потоками крови, вообще же разрушеніемъ права, ибо здѣсь уничтожалось самое право... Право это—Сатурнъ, пожирающій собственныхъ дѣтей» *).

Въ «Цѣли въ правѣ» Іерингъ стремится понять и осмыслить философскія и психологическія основанія борьбы за право, опредѣлить роль индивидуальнаго и соціальнаго элемента въ правообразованіи и показать, какимъ образомъ изъ грубой на первыхъ порахъ борьбы реальныхъ силъ, интересовъ и страстей, постепенно установляется правовой порядокъ, основанный на уваженіи личности и проникнутый началомъ цѣлесообразности.

Заслугой Іеринга является такимъ образомъ проведеніе въ сознаніе юристовъ мысли о постоянной измѣнчивости юридическихъ формъ, въ которыя въ разное время отливается удовлетвореніе человѣческихъ потребностей въ зависимости отъ цѣлей, которыя въ разное время ставятся себѣ человѣкомъ подъ вліяніемъ окружающихъ условій. Но, подчеркивая роль личности и общества въ правообразованіи и постоянную смѣну юридическихъ формъ, Іерингъ не успѣлъ выяснить другую сторону образованія гражданско-правовыхъ представленій,—зависимость дѣятельности личности отъ конкретной среды и связь цѣлей права съ иными цѣлями общежитія. Однако, онъ отчетливо понималъ значеніе этой стороны дѣла и намѣтилъ въ новой работѣ, только-что начатой передъ смертью, программу новаго пути чисто научнаго изученія исторіи права, задачей котораго онъ считаетъ «преслѣдованіе идеи причинности въ исторіи права». Какая выгода для насъ знать, говоритъ Іерингъ, что право съ теченіемъ времени мѣняется, что законъ слѣдуетъ за закономъ? При такомъ изслѣдованіи мы получаемъ въ результатѣ лишь голый фактъ, что право, какъ и все на свѣтѣ, испытываетъ перемѣны, что оно *движется*. Вотъ часы,—и они идутъ, а что же намъ извѣстно объ ихъ ходѣ, разъ мы знаемъ только фактъ, что часовая стрѣлка передвигается съ мѣста на мѣсто? Исторія права до нашего времени знаетъ только циферблатъ часовъ, не имѣя понятія объ ихъ механизмѣ; между тѣмъ ея задача найти разгадку этого механизма, что и дается постиженіемъ проявленій въ исторіи права идеи причинности. «Идея же причинности въ исторіи права сводится къ изложенію фактовъ, обусловившихъ собою тотъ или иной видъ права на данной ступени

*) «Борьба за право», пер. П. П. Волкова. М. 1874, стр. 1, 12 и 17.

его развитія: внутреннихъ импульсовъ, т.-е. народнаго характера, склада ума и образа мыслей народа, а также высоты его культурности въ описываемое время,—и внѣшнихъ, т. е. экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условій его жизни, а также, въ особенности, его сношеній съ другими народами». Познаніе идеи причинности приводитъ постепенно и къ убѣжденію, что самое понятіе права, наше сознаніе о немъ, чувство права, какъ теперь говорятъ,—величина производная, создавшаяся исторіей. «Не правовое чувство родило право, говоритъ Іерингъ, а право родило правовое чувство. Если бы правовое чувство было прирождено людямъ, то всюду и всегда выражалось бы одинаково, а въ дѣйствительности оно говоритъ на разныхъ языкахъ; мнимое дитя правового чувства, право даже въ существенныхъ своихъ основаніяхъ разнообразится по времени и мѣсту» *).

Вотъ программа, которую приняло изученіе исторіи права въ XIX столѣтіи, и вотъ какое выраженіе получили теперь извѣстныя слова Монтескье въ «Духѣ законовъ», выражавшаго ту же идею причинности въ развитіи права, говоря, что «законы должны соотвѣтствовать физическимъ свойствамъ страны, ея климату (холодному, жаркому или умѣренному), качествамъ ея почвы, ея положенію, ея величинѣ, образу жизни ея народовъ (земледѣльцевъ, охотниковъ или пастуховъ), степени свободы, допускаемой устройствомъ государства, религіи населенія, его склонностямъ, богатству, численности, торговлѣ, нравамъ и обычаямъ; наконецъ, они должны состоять въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу, къ условіямъ своего происхожденія, къ цѣлямъ законодателя и къ порядку вещей, на которомъ они утверждаются» **).

Въ трудахъ Іеринга былъ приведенъ рядъ иллюстрацій и доказательствъ проявляющейся въ развитіи права идеи причинности и закономѣрности, понимаемыхъ въ объясненномъ выше смыслѣ. Въ нихъ намѣченъ рядъ постепенныхъ ступеней этого развитія, обусловленныхъ характеромъ быта страны и измѣненій этого быта подъ вліяніемъ разнообразныхъ факторовъ. Метода Іеринга нашла себѣ распространеніе и обнаружила свою правильность въ приложеніи къ изученію права другихъ народовъ, и прежде всего германскаго.

Рядомъ съ изученіемъ исторіи римскаго права представители историческаго изученія права занялись изслѣдованіями и въ области германскаго права. Сотрудникомъ и проводникомъ идей Савиньи былъ здѣсь Эйхгорнъ и рядъ его учениковъ, но и здѣсь изученіе давало на первыхъ порахъ лишь ознакомленіе съ массой историческихъ

*) «Entwickelungsgeschichte des römischen Rechts», Leipz. 1894. См. сокращенный переводъ въ «Ж. М. Юстиціи» за 1896 г., № 2.

**) «Духъ законовъ», русск. пер., стр. 11.

фактовъ безъ ихъ объясненія и освѣщенія. «Духъ римскаго права» Іеринга побудилъ искать объяснительныхъ параллелей и въ развитіи германскаго права. Рядъ изслѣдователей: Зомъ, Бруннеръ, Шредеръ, Амира, Гейслеръ и др., обратившись къ изученію исторіи германскаго права, замѣтили въ ней однохарактерный съ римской процессъ развитія и такимъ образомъ дали новое доказательство тому, что это развитіе совершается по опредѣленнымъ законамъ, подъ воздѣйствіемъ различныхъ факторовъ на дѣятельность человѣка въ борьбѣ за право *).

Такимъ образомъ историческое изученіе права преобразовалось въ историко-философское, сдѣлавшись изъ простого перечня смѣны явленій изученіемъ законовъ правового развитія и сблизивъ такимъ образомъ въ дѣйствительности свои задачи съ задачами, которыя ставитъ себѣ и естествознаніе.

Историко-сравнительное изученіе права. Параллельно съ Германіей и въ значительной степени независимо отъ нея идея историческаго изученія права находитъ себѣ осуществленіе въ рядѣ трудовъ англійскихъ и французскихъ юристовъ. Незатемненная здѣсь политическими пристрастіями, она здѣсь рѣзче стремится проявиться въ изслѣдованіи процесса закономѣрности развитія. Почти одновременно съ «Духомъ римскаго права» Іеринга въ Англіи появляется (въ 1861 г.) трудъ Генри Сомнера Мэна: «Древнее право, его связь съ древней исторіей общества и его отношеніе къ новѣйшимъ идеямъ», имѣвшій своей цѣлью какъ-разъ показать зависимость правовыхъ идей отъ среды, въ которой онѣ выражаются, и преемственность въ преобразованіи этихъ идей въ новѣйшія представленія о правѣ. Послѣдовательно вслѣдъ за «Древнимъ правомъ» появляются «Древнѣйшая исторія учрежденій» и «Древній законъ и обычай» **). Особенность этихъ трудовъ Мэна состоитъ въ томъ, что сфера наблюденій надъ правовыми явленіями была расширена, обнявъ собою всѣ народы арійской вѣтви: индусовъ, римлянъ, грековъ, кельтовъ, германцевъ и славянъ. Это расширеніе показало, съ одной стороны, однородность законовъ образованія права при однохарактерныхъ условіяхъ быта народовъ, давая увѣренность въ возможности научнаго возсозданія естественной исторіи человѣческаго общества, а съ другой обнаружило рядъ такихъ юридическихъ формъ, о возможности кото-

*) См. нашу статью, «Древнѣйшее французское и германское право въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ», въ «Юрид. Вѣстн.» за 1887 г., № 3.

**) Сочиненія переведены на русскій языкъ въ изданіяхъ 1873, 1876 и 1884 годовъ. Сводъ ихъ результатовъ и замѣчаній критики см. въ сочиненіи M. O. Evans, «Theories and criticisms of Sir Henry Maine», къ сожалѣнію не переведенномъ на русскій языкъ (London, 1896). См. также нашу статью о Мэнѣ въ «Энцикл. Словарѣ», т. XX, 343.

рыхъ и не подозрѣвали историки, воспитанные на римскомъ правѣ. Получалась совершенно иная картина древняго быта, при наличности которой не стало уже возможности говорить о незыблемости основныхъ устоевъ гражданскаго общества, облеченныхъ въ юридическія понятія римскими юристами, пришлось находить объясненія преобразованія этихъ древнихъ гражданско-правовыхъ учрежденій въ римскія формы и задать вопросъ объ ихъ вѣчности.

Еще дальше Мэна въ этомъ направленіи пошли англійскіе и французскіе, а за ними и нѣмецкіе соціологи: Макъ-Леннанъ, Морганъ, Леббокъ, Спенсеръ, Летурно, Постъ, Колеръ, Кюновъ и цѣлый рядъ другихъ *), обратившіеся вмѣстѣ съ изученіемъ древняго права къ наблюденіямъ надъ формами юридическаго быта и народностей, стоявшихъ и стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, независимо отъ принадлежности ихъ къ той или иной расѣ. И здѣсь наблюденія дали вмѣстѣ съ констатированіемъ массы новыхъ формъ гражданско-правовыхъ отношеній и выводъ о той же закономѣрности образованія права и послѣдовательной эволюціи этихъ формъ въ связи съ естественными, экономическими и культурными факторами развитія. Такимъ образомъ создалась совершенно иная, чѣмъ римская, исторія формъ брака и семьи, формъ обладанія, обязательствъ и наслѣдованія.

Новѣйшее направленіе въ изученіи гражданскаго права, какъ и въ области другихъ вѣтвей соціологіи, направляется къ отысканію основного базиса эволюціи гражданско-правовыхъ учрежденій,—базиса, вопросъ о которомъ поставленъ такъ наз. матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи, стремящимся положить въ основу эволюціи законы производства и распредѣленія имущественныхъ благъ. Борьба между защитниками этой точки зрѣнія и ихъ противниками школы такъ наз. «возрожденнаго естественнаго права» захватила и юристовъ-цивилистовъ, виднѣйшими изъ которыхъ являются Штаммлеръ и Антонъ Менгеръ. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію этихъ воззрѣній, необходимо остановиться на результатахъ, достигнутыхъ историческимъ и историко-философскимъ изученіемъ права сравнительно съ приведенными выше объясненіями строя гражданско-правовыхъ учрежденій, сдѣланными представителями стараго естественнаго права.

Результаты историческаго изученія гражданско-правовыхъ учрежденій. Защищая и доказывая постоянство и неизмѣнность основныхъ устоевъ современнаго гражданскаго общества и прежде всего свободы личности, Б. Н. Чичеринъ между прочимъ задается слѣдующимъ вопросомъ. Если, говоритъ онъ, человѣкъ, «въ какой бы области онъ ни вращался, какому бы онъ ни подчинялся закону, вездѣ является

*) Сочиненія большинства изъ нихъ переведены на русскій языкъ.

свободнымъ существомъ, ибо свобода составляетъ неотъемлемую принадлежность его духовной природы, то какимъ образомъ возможно объяснить столь часто встрѣчающееся въ исторіи и въ жизни отрицаніе свободы? Почему съ самой колыбели человѣчество и до нашихъ дней милліоны людей погружены въ рабство? Повидимому, факты совершенно противорѣчатъ теоріи, ибо невозможно признать неотъемлемою принадлежностью природы извѣстнаго существа то, что не принадлежитъ ему вездѣ и всегда». На этотъ вопросъ Чичеринъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. «Это противорѣчіе—говоритъ онъ—разрѣшается закономъ развитія. Сущность развитія состоитъ въ постепенномъ осуществленіи внутренней природы развивающагося существа. Сначала эта природа является только въ зародышѣ или въ возможности; затѣмъ она переходитъ черезъ различныя ступени, въ которыхъ проявляется разнообразіе ея опредѣленій, и только въ концѣ она раскрывается во всей своей полнотѣ. Такъ, напр., въ области физическаго развитія, цвѣтъ и плодъ несомнѣнно выражаютъ собою природу растенія, но они являются завершеніемъ его роста, а иногда могутъ даже вовсе не развиться. Точно также и въ области духа мы на первыхъ ступеняхъ находимъ лишь зачатки того, что позднѣе раскрывается въ полномъ цвѣтѣ. Поэтому истинная природа духа познается не на низшихъ, а на высшихъ ступеняхъ развитія. Но такъ какъ начала, господствующія на высшихъ ступеняхъ, развиваются постепенно и въ зачаткѣ находятся уже въ первоначальныхъ формахъ человѣческаго общежитія, то весь историческій процессъ представляетъ послѣдовательное развитіе лежащихъ въ человѣческой природѣ началъ» *).

Историческія изслѣдованія до нѣкоторой степени подтверждаютъ слова Чичерина относительно постепеннаго осуществленія начала свободы въ исторіи человѣчества. И въ древнемъ Римѣ, и въ новой Европѣ ходъ развитія шелъ въ направленіи постепеннаго расширенія свободы на все бо́льшія и бо́льшія массы человѣчества. Чѣмъ больше каждый отдѣльный человѣкъ дѣлалъ завоеваній по отношенію къ внѣшней природѣ, и себѣ подобнымъ, но враждебнымъ и порабощающимъ силамъ, тѣмъ болѣе общество устраивалось на началахъ правового и свободнаго общежитія. И это понятно. Если, какъ показалъ это Іерингъ, человѣкъ есть свободный агентъ въ области борьбы за право и правового творчества, активный дѣятель, руководимый началомъ цѣли, хотя бы и не безусловно могущественный, зависимый въ результатахъ своихъ стремленій отъ той или иной организаціи среды,—то естественно, что съ большими завоеваніями у него увеличивается и сознаніе своей личности, и онъ стремится найти такую форму общежитія, которая бы

*) «Собственность и государство». 1, 18—19.

охраняла ему эту свободу личности. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы та форма общежитія, въ которой будетъ осуществляться и въ будущемъ начало свободы личности, останется тою, что и теперь, что «общая воля» всѣхъ людей въ обществѣ будетъ руководить частной волей каждой единицы лишь въ области публично-правовыхъ отношеній въ нашемъ смыслѣ слова и не распространится на всю сферу современнаго гражданскаго права, т.-е. на всю область распредѣленія и производства имущественныхъ благъ и современныхъ «частныхъ» отношеній членовъ гражданскаго общества другъ къ другу. Возможно предположить, что чувство и сознаніе своей личности и личной свободы найдетъ себѣ въ будущемъ удовлетвореніе въ широкомъ и всестороннемъ умственномъ и нравственномъ развитіи и равноправномъ участіи всѣхъ гражданъ во всѣхъ проявленіяхъ руководства какъ общественной, такъ и частной жизнью, и неравенства, характеризующія современную систему производства и распредѣленія имущественныхъ благъ будутъ считаться сами по себѣ нарушеніями свободы личности...

Но даже если признать спорнымъ вопросъ о формахъ личной свободы въ смыслѣ опредѣленія положенія человѣка среди себѣ подобныхъ въ общественномъ союзѣ, то изъ тѣхъ же историческихъ изслѣдованій, данныхъ намъ представителями чисто-научнаго изученія общественныхъ явленій, съ несомнѣнностью вытекаетъ, что объясненіе Б. Н. Чичерина относительно постепеннаго, все бо́льшаго и бо́льшаго проявленія въ жизни зачатковъ другихъ институтовъ гражданскаго права, устанавливаемыхъ схемою естественнаго права, не находитъ себѣ оправданія въ дѣйствительномъ историческомъ развитіи.

Начнемъ съ собственности. Мы видѣли, что сущность этого права, по ученію представителей школы естественнаго права, состоитъ въ томъ, что свободная личность налагаетъ свою безграничную и исключительную власть на вещь, какъ несвободную и неразумную величину, неспособную противостоять свободной и разумной личности. Но если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что если человѣкъ когда-либо и могъ налагать свою безграничную и исключительную власть на вещи, то лишь въ первобытномъ состояніи, когда онъ бродилъ въ одиночку— если допустить такое состояніе — съ своей женой и дѣтьми. Какъ скоро же онъ соединился съ себѣ подобными, а въ такомъ состояніи его только и знаетъ исторія, и создалъ общество,—его власть по отношенію къ вѣщамъ стала простираться лишь до тѣхъ предѣловъ, какіе допускала та общественная организація производства, которая существовала въ данномъ обществѣ. На охотничьей площади, которую то или иное племя считало принадлежащей себѣ, каждый отдѣльный членъ племени могъ пріобрѣтать дичь для потребленія, т.-е. обладать ею безгранично, но если дичи было мало, то индивидуальное обладаніе

уступало мѣсто общественному захвату и раздѣлу въ интересахъ удовлетворенія потребности всѣхъ. Когда земли, лѣсу, рыбы и другихъ угодій было много, каждый владѣлъ тѣмъ, куда топоръ, коса и соха ходили, и до тѣхъ предѣловъ, пока соха съ сохой, а топоръ съ топоромъ не встрѣчалися, но когда годная для обработки земля становится цѣнностью, не всякому доступною, — ея усвоенію ставятся предѣлы интересами всѣхъ или привилегированныхъ обладателей. Въ исторіи распредѣленія обладанія землями въ особенности ясно сказывается зависимость индивидуальной власти человѣка по отношенію къ объектамъ несвободной природы отъ общественныхъ условій.

Исторія земельнаго обладанія начинается вообще не съ захвата земли отдѣльными лицами, а съ занятія цѣлымъ племенемъ опредѣленной территоріи, которая затѣмъ и распредѣляется по тѣмъ или инымъ началамъ между отдѣльными составными единицами племени, семьями или родовыми союзами. Поскольку остается свободной земли, она подлежитъ въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ свободному захвату со стороны членовъ племени (право занимки), но только со стороны членовъ племени, а не постороннихъ лицъ; на поселеніе послѣднихъ въ племенной общинѣ требуется согласіе всѣхъ членовъ. Въ первоначальномъ обиходѣ существовало при этомъ равное право всѣхъ членовъ на землю, и тотъ или иной надѣлъ ея получали всѣ члены племени. Позднѣе это начало равенства исчезаетъ и распредѣленіе земли совершается уже на иныхъ началахъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ является начало признанія бо́льшаго или меньшаго политическаго и экономическаго могущества лица. Благодаря праву занимки, которая естественнымъ образомъ была доступна болѣе сильнымъ и богатымъ скотомъ и рабочими силами въ видѣ подвластныхъ членовъ семьи или захваченныхъ на войнѣ рабовъ,—въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ племени сосредоточивается бо́льшее количество земли и иныхъ богатствъ, что выдѣляетъ ихъ изъ среды, ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ высшему политическому положенію и кладетъ основаніе зависимости отъ нихъ остальныхъ членовъ племени. Земля, какъ средоточіе богатства, дѣлается цѣлью стремленій высоко политически поставленныхъ лицъ, которыя постепенно захватываютъ всѣ свободныя земли, а занятыя мелкими владѣльцами подчиняютъ своему вліянію. Послѣднее обусловливается отчасти необходимостью въ помощи со стороны богатыхъ владѣльцевъ мелкимъ собственникамъ скотомъ и деньгами, а отчасти потребностью въ защитѣ отъ насилій, которую въ состояніи оказывать при нападеніяхъ только богатые собственники, окруженные дружинами слугъ и зависимыхъ отъ нихъ людей. Въ средніе вѣка эти и другія условія повели, какъ извѣстно, къ тому, что вся земля сосредоточилась въ рукахъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ съ

королями во главѣ, все же остальное населеніе встало въ личную или поземельную отъ нихъ зависимость. Порядки обладанія землею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и распредѣленіе получаемаго съ нея дохода, стали такимъ образомъ въ это время, въ зависимости отъ цѣлаго ряда событій и внутренней общественной организаціи того времени, въ полное противорѣчіе съ «естественнымъ» отношеніемъ человѣка къ землѣ и ея произведеніямъ, благодаря чему и составъ гражданскихъ правъ, вытекающихъ какъ изъ верховнаго, такъ и зависимаго обладанія (dominium directum и utile)—двухъ формъ, въ которыя вылился описанный сейчасъ средневѣковой порядокъ обладанія,—сдѣлался совершенно отличенъ отъ господствующаго въ настоящее время. Это отличіе и характеризуется прежде всего смѣшеніемъ частнаго и публичнаго начала въ обладаніи, т.-е. не бо́льшимъ проявленіемъ начала свободы собственности, а, наоборотъ, его подавленіемъ и превращеніемъ единичнаго обладанія въ коллективное,—обладаніе двухъ, связанныхъ между собою личными и вещными узами лицъ.

Паденіе средневѣковыхъ формъ гражданско-правового обладанія и переходъ къ современнымъ съ свободной собственностью во главѣ совершился по причинамъ, далекимъ отъ признанія естественнаго отношенія свободнаго человѣка къ несвободной природѣ, хотя и поставленъ былъ теоретически подъ защиту естественнаго права. Переворотъ къ средствахъ военной защиты со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, поведшій къ учрежденію постоянныхъ армій и освободившій помѣщиковъ отъ обязательной военной службы, огромное повышеніе цѣнъ на земледѣльческіе продукты, вызвавшее потребность въ интенсивномъ хозяйствѣ и обусловленномъ послѣднимъ кредитѣ, а слѣдовательно и свободномъ распоряженіи недвижимостями, которому мѣшали всѣ зависимыя формы обладанія,—эти и другія причины повели къ постепенной ликвидаціи стараго поземельнаго строя, при которомъ обладаніе недвижимостями было раздѣлено между двумя лицами, зависимыми другъ отъ друга и потому стѣснявшими другъ друга въ отношеніи къ пользованію и распоряженію землей, и образованію свободной индивидуальной собственности, дающей право свободнаго распоряженія, одному лицу, единому собственнику. Но и вмѣстѣ съ установленіемъ этой приближающейся къ схемѣ естественнаго права формы обладанія она не становится учрежденіемъ, покоющимся только на частной волѣ, свободной отъ государственнаго вмѣшательства. Въ интересахъ поддержанія и укрѣпленія экономическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическаго значенія этого юридическаго института, государство обставляетъ его существованіе спеціальными заботами въ видѣ устройства правильной системы регистраціи земельныхъ владѣній, ихъ перехода изъ рукъ въ руки, а также и на тотъ случай, если бы воля собственника укло-

нилась въ распоряженіи недвижимостью отъ интересовъ охраны этой формы обладанія и передала свое обладаніе другому лицу на такихъ условіяхъ, которыя повели бы, въ концѣ концовъ, вновь къ установленію зависимой, несвободной собственности. Поэтому, напр., запрещается вовсе или разрѣшается только со многими ограниченіями учрежденіе такъ назыв. фиденкоммиссовъ или заповѣдныхъ имѣній, наслѣдственныхъ арендъ или разнаго рода формъ общаго обладанія. Въ интересахъ свободной собственности регулируется особыми нормами система сервитутовъ и сосѣдскихъ правъ и т. д. Безъ этихъ мѣръ свободная собственность могла бы также исчезнуть и теперь, какъ исчезла въ средніе вѣка.

Рядомъ съ этой охраной собственности со стороны государства многіе писатели—въ послѣднее время Антонъ Менгеръ—совершенно справедливо указываютъ на то, что римское представленіе о собственности въ новой и современной ея организаціи потерпѣло значительныя видоизмѣненія. «Прежде всего—говоритъ Менгеръ—потерпѣло значительныя ограниченія благодаря возрастающему развитію государственнаго управленія свободное распоряженіе собственностью. Сельская, лѣсная, горная, торгово-промышленная, водная, уличная, санитарная, строительная и пожарная полиція все болѣе и болѣе подчиняетъ государственному надзору свободное осуществленіе собственникомъ своихъ правъ.... Затѣмъ самый доходъ собственника съ объекта своего обладанія благодаря развитію податной системы все болѣе и болѣе отнимается у собственниковъ въ пользу государства. Въ отдѣльныхъ государствахъ, гдѣ обложеніе достигло особенно высокаго размѣра, собственники домовъ и поземельныхъ участковъ должны уплачивать въ общественныя кассы треть, даже половину своего дохода, а въ тѣхъ, гдѣ эти платежи стоятъ еще на болѣе низкой ступени, они въ каждый данный моментъ, напр., вслѣдствіе несчастной войны, могутъ быть возвышены». Благодаря этимъ обстоятельствамъ, говоритъ Менгеръ, уже и теперь индивидуальная собственность сдѣлалась только тѣнью римскаго института этого имени. Современный собственникъ даже въ области наиболѣе важныхъ областей обладанія все болѣе и болѣе начинаетъ занимать скромное положеніе управляющаго, связываемаго на каждомъ шагу осуществленія своего права согласіемъ государства, и даже доходъ съ принадлежащей ему вещи отдавать въ значительномъ размѣрѣ государству, а также еще и ипотечнымъ кредиторамъ *).

Къ этимъ замѣчаніямъ нужно присоединить еще указанія на то, что чрезвычайно существенныя измѣненія намѣчаются современнымъ

*) Anton Menger, «Neue Staatslehre», 99—101.

культурно-экономическимъ развитіемъ по отношенію и къ самому существу правомочій собственника. Не говоря уже о тѣхъ изъ нихъ, которыя вызываются неравенствомъ существующаго распредѣленія собственности и создаютъ мечты о преобразованіи индивидуальнаго обладанія въ коллективное, можно остановиться на тѣхъ потребностяхъ въ видоизмѣненіи структуры собственности, которыя вызываются и современной организаціей хозяйства. Эта организація требуетъ прежде всего сохраненія разъ возникшихъ и хорошо поставленныхъ предпріятій въ рукахъ лицъ, наиболѣе способныхъ ихъ продолжить, съ устраненіемъ наслѣдниковъ, случайно поставленныхъ во главѣ этихъ предпріятій безъ всякой охоты и наклонности къ дѣлу. Затѣмъ по отношенію къ одному и тому же объекту обладанія при современной организаціи хозяйства возможно допустить нѣсколькихъ обладателей, ведущихъ разное хозяйство. Болѣе яркимъ примѣромъ такой потребности служитъ уже осуществленное въ западныхъ государствахъ отдѣленіе обладанія поверхностью отъ обладанія нѣдрами земли, т.-е. созданіе новаго вида двойной собственности, напоминающей средневѣковое дѣленіе на dominium utile и directum, но, разумѣется, по существу совершенно отличное и отъ него, и отъ римской собственности. Какія формы предпримутъ видоизмѣненія собственности въ другихъ областяхъ, мы теперь сказать пока еще не можемъ, но во всякомъ случаѣ въ будущемъ мы стоимъ передъ новымъ фазисомъ въ развитіи системы вещныхъ правъ въ направленіи, совершенно отличномъ отъ того, которое развила передъ нами философія естественнаго права.

Если мы отъ эволюціи формъ обладанія обратимся къ эволюціи обязательственнаго права и договора, то и здѣсь увидимъ постепенную смѣну принциповъ, на которыхъ въ разное время строились эти институты. Первоначальная исторія договора совсѣмъ не соотвѣтствуетъ сущности обязательственныхъ отношеній, изображаемой схемой естественнаго права. Въ ней мы не замѣчаемъ и «зародыша» новаго обязательственнаго права. Историческія изслѣдованія показываютъ намъ, что древнѣйшія обязательства отличаются, какъ говорятъ юристы, «вещнымъ характеромъ», выражающимся въ томъ, что по своему положенію по отношенію къ кредитору должникъ стоитъ совершенно въ положеніи вещи: малѣйшая неисправность въ исполненіи обязательствъ,— и онъ рабъ кредитора. Первичныя формы договора даже прямо сдѣлки съ отдачей себя въ рабство за оказанную помощь или ссуду. Объ уваженіи личности въ должникѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Постепенно положеніе должника смягчается, но долгое время отвѣтственность неисправнаго должника остается еще очень тяжелою (личное задержаніе). Въ новое время отношенія по обязательствамъ въ значительной степени приближаются къ тѣмъ, которыя рисуютъ

намъ теоріи естественнаго права. Формальное равенство въ положеніи кредитора и должника, признаніе ихъ свободы и оцѣнка обязательствъ, при которой суды принимаютъ во вниманіе прежде всего в о л ю и намѣренія сторонъ при заключеніи обязательства,—вотъ характерныя черты современнаго обязательственнаго права. Но и это формальное равенство, и сохраненіе свободы достигаются только спеціальными гарантіями, даваемыми общественной властью въ видѣ запрещенія кредиторамъ налагать на обязавшихся лицъ такія обязанности, которыя не совмѣстимы съ свободой или достоинствомъ человѣческой личности. Дальнѣйшее развитіе обязательственныхъ отношеній, подобно развитію собственности, идетъ въ направленіи, совершенно не схожемъ съ тѣмъ, которое опредѣлилось въ позднѣйшій періодъ римскаго правового развитія. Какъ уже было указано, основаніемъ римскаго обязательства является с о г л а ш е н і е договаривающихся лицъ, которое при этомъ стоитъ независимо отъ соотвѣтствія оказываемыхъ обязавшимся услугъ вознагражденію за эти услуги. Каждая изъ сторонъ обязывается лишь исполнить тѣ дѣйствія, которыя обѣщалась исполнить, независимо отъ соображенія интересовъ противника, и не заботясь о послѣдствіяхъ выговореннаго дѣйствія для положенія этого послѣдняго. Поэтому наниматель можетъ всегда уволить рабочаго, разъ онъ ему не нуженъ, не обращая вниманія на то, будутъ ли у него средства къ жизни или нѣтъ; заработная плата, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть сведена къ минимуму; собственникъ можетъ выгнать арендатора или жильца изъ дома и съ земли, въ случаѣ его неисправности, не обращая вниманія на то, гдѣ онъ преклонитъ голову; торговецъ можетъ обобрать бѣднаго человѣка, ставя при отпускѣ въ кредитъ высшія и не соотвѣтствующія стоимости продаваемаго цѣны и т. д. Эти виды проявленій свободы договора и начинаютъ мало-по-малу встрѣчать ограниченія со стороны государства, которое въ нѣкоторыхъ областяхъ обязательственныхъ отношеній, гдѣ наиболѣе рѣзко обнаруживаются вредныя послѣдствія формальной свободы, прикрывающей въ дѣйствительности глубокое матеріальное неравенство договаривающихся лицъ, начинаетъ вырабатывать ограниченія или даже и создавать нормальные контракты, т.-е. замѣнять свободное опредѣленіе членами гражданскаго общества своихъ договорныхъ правъ и обязанностей принудительнымъ порядкомъ отношеній, сообразованнымъ съ интересами слабѣе поставленной стороны и общественнымъ благомъ. Современными юристами и экономистами даже умѣреннаго образа мыслей такой порядокъ считается наиболѣе нормальнымъ. «Личная свобода и свобода договоровъ, въ особенности, говоритъ, напр., Вагнеръ,—должна получить с о д е р ж а н і е, объемъ, а потому и г р а н и ц ы, смотря по потребностямъ о б щ е с т в а. Свободу договора, при иныхъ условіяхъ, Вагнеръ

называетъ фикціей *). Чичерина, правда, эти слова приводитъ въ негодованіе. «Если я нанимаю, напр., повара,—говоритъ онъ,—то договоръ несвободенъ, потому что я владѣлецъ дома, можетъ-быть, полученнаго по наслѣдству а онъ имѣетъ только свои руки и свое умѣнье!.. Можно пожалѣть о человѣкѣ, который подъ гнетомъ внѣшнихъ обстоятельствъ принужденъ продать свое имущество и свой трудъ за безцѣнокъ, но нельзя иначе, какъ метафорически считать его несвободнымъ. Самая невыгодная сдѣлка можетъ быть для него выгоднѣе, чѣмъ разореніе или голодная смерть, и онъ съ радостью можетъ за нее ухватиться. Замѣна же добровольныхъ сдѣлокъ общественною опекою есть не водвореніе, а уничтоженіе свободы». Въ другомъ мѣстѣ Чичеринъ говоритъ: «Человѣку представляется даже дѣйствіемъ человѣколюбія обратить непріятеля въ рабство, вмѣсто того чтобы убить его по праву войны, и нѣтъ сомнѣнія, что порабощеніе побѣжденныхъ составляетъ значительный шагъ впередъ противъ истребленія враговъ» **). Но чѣмъ же отличается защищаемая имъ свобода договора, при которой трудъ продается за безцѣнокъ изъ боязни голодной смерти, отъ рабства непріятеля, которому дарована жизнь? И не являются ли слова Чичерина лучшимъ доказательствомъ, что защищаемая имъ форма договора лишь историческая категорія, подобно рабству?!

Другіе столь же умѣренные, какъ и Вагнеръ, современные юристы, какъ, напр., бывшій австрійскій министръ Штейнбахъ и проф. Антонъ Менгеръ, рисуютъ идеалъ договора уже не въ смыслѣ соглашенія, при которомъ одному контрагенту нѣтъ дѣла до личныхъ качествъ другого внѣ выговоренныхъ обязательствъ, а какъ отношеніе *взаимнаго сотрудничества* договорившихся лицъ въ интересахъ достиженія общихъ цѣлей того вида производства и дѣятельности, къ которымъ относится данный договоръ. При такомъ договорѣ отъ обязавшагося требуется не только совершеніе выговоренныхъ дѣйствій безъ соображенія плановъ вѣрителя, но, наоборотъ, болѣе или менѣе ясное представленіе объ ихъ значеніи для жизни гражданскаго общества и развитія оборота, а также и такія личныя качества, которыя обезпечиваютъ вѣрность со стороны обязавшагося данному обѣщанію и дѣлу, составляющему предметъ обязательства. Повышенное представленіе о добросовѣстности служитъ и средствомъ оцѣнки такого рода договоровъ ***). Само собою разумѣется, что и со стороны нанимателя при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о

*) Цит. у Чичерина, «Собственность и государство», I, 186—7.

**) «Собственность и государство», I, 21.

***) См. Steinbach, «Rechtsgeschäfte der wirtschaftlichen Organisation», Wien 1897, и «Die Moral als Schranke der Rechtserwerbs und Rechtsausübung», Wien 1898.

покупкѣ труда за безцѣнокъ, а на немъ, наоборотъ, лежитъ обязательство позаботиться о поставленіи обязавшагося въ такія условія, при которыхъ онъ могъ бы чувствовать себя способнымъ стоять на высотѣ предъявляемыхъ къ нему требованій. Антонъ Менгеръ, признавая, что до коренныхъ преобразованій современнаго обязательственнаго права еще далеко, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ, что «реформы должны быть направлены къ тому, чтобы ни одинъ членъ гражданскаго общества не могъ подчинять себѣ другого только посредствомъ частноправового договора» *).

Подобно вещному и обязательственному праву послѣдовательныя и принципіальныя видоизмѣненія переживаютъ въ исторіи и современномъ правѣ отношенія семейственныя. Оставляя въ сторонѣ исторію формъ брака, по отношенію къ которой сдѣлана масса наблюденій, но ходъ которой возбуждаетъ множество споровъ, мы остановимся только на отношеніяхъ супруговъ, родителей и дѣтей, какъ такихъ, которыя, повидимому, заключаютъ въ себѣ наибольшее количество «естественно-правовыхъ» элементовъ.

Личныя отношенія супруговъ, какъ и родителей, и дѣтей, разнообразятся въ исторіи, какъ показываютъ изслѣдованія, въ зависимости отъ цѣлаго ряда факторовъ и условій общественной жизни, превращающихъ семейныхъ подвластныхъ то въ простыхъ домашнихъ рабовъ и даже вьючныхъ животныхъ, то возвышающихъ до положенія товарищей. Въ частности на юридическое положеніе женщины вліяетъ то обстоятельство, въ какой мѣрѣ сохраняетъ она, по выходѣ ея замужъ, связь съ своей старой семьей, могущей оказать ей защиту отъ жестокихъ проявленій власти мужа; тамъ, гдѣ эта связь порывается, гдѣ жена берется въ домъ издалека или захватывается силою у враждебнаго племени, она переходитъ подъ безусловную власть мужа и главы его семьи. Съ развитіемъ общественности лишь путемъ долгаго воздѣйствія разнаго рода культурныхъ вліяній проявленія власти мужа смягчаются, уступая мѣсто элементу защиты и покровительства; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы приближаемся и къ полному юридическому равенству положенія супруговъ. Достиженію послѣдняго идеала, становящагося все болѣе и болѣе достояніемъ современности, препятствуетъ точно также не особое естественно-правовое назначеніе, зависимое имущественное положеніе женщины, для которой далеко недоступна еще вся возможная для нея область самостоятельной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ независимаго отъ помощи мужа имущественнаго положенія. Въ связи съ общественными условіями, а не личными качествами женщины стоятъ въ

*) Menger, «Neue Staatslehre», 138.

исторіи и затрудненія, встрѣчаемыя разводомъ, какъ необходимымъ средствомъ прекращенія несчастнаго брака.

Что касается имущественныхъ отношеній супруговъ, то они стоятъ въ тѣсной связи со всѣмъ соціально-экономическимъ строемъ общежитія въ данное время. Новѣйшіе историки права отмѣчаютъ, напр., связь имущественныхъ отношеній съ строемъ землевладѣнія, тѣмъ или инымъ характеромъ распредѣленія недвижимостей, существующими юридическими формами обладанія, а также интересами кредита. Послѣднимъ объясняется то, что безусловной раздѣльности супружескихъ имуществъ не знаетъ ни одна система Запада, хотя, разумѣется, и представляется очевиднымъ, что при личномъ равенствѣ мужа и жены не можетъ быть отстаиваемо неравенство имущественное, какъ бы ни были важны экономическія соображенія.

Отношенія родителей и дѣтей, кромѣ условій чисто культурныхъ, бо́льшаго или меньшаго сознанія отцами своихъ обязанностей по отношенію къ дѣтямъ и умѣнья воспитывать, стоятъ также подъ сильнымъ воздѣйствіемъ соціально-экономическаго фактора. Строй семьи, бо́льшая или меньшая степень крѣпости союза, его обширность, бо́льшая или меньшая степень силы родительской власти, право выхода изъ семьи взрослыхъ членовъ и созданіе ихъ семейной самостоятельности — все это зависитъ отъ хозяйственнаго назначенія семьи въ разные періо́ды историческаго развитія. Крестьянская семья, ведущая земледѣльческое и притомъ натуральное хозяйство, представляетъ собою обширную ассоціацію лицъ, построенную на патріархальномъ началѣ съ сильной властью главы дома и съ особой системой раздѣленія труда между мужчинами и женщинами. Къ ней близка старая торговая купеческая семья съ полной общностью имущества, поставленнаго цѣликомъ на службу предпріятію, и съ особымъ положеніемъ женщинъ. Разрушеніе семейной организаціи, какъ опредѣленной формы производства, ведетъ къ возвышенію самостоятельности ея членовъ и распаденію большого семейнаго союза по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія и полученіи ими самостоятельнаго экономическаго положенія. Имѣя еще недавно значеніе лишь по отношенію къ мужскому поколѣнію семьи, это явленіе въ новое время начинаетъ отражаться и на положеніи женщинъ, ищущихъ самостоятельнаго заработка независимо отъ замужества.

Одно изъ преобразованій въ строѣ отношеній родителей и дѣтей должно быть особенно отмѣчено, какъ постоянно осуществляющееся. Это постепенное превращеніе родительской власти въ интересахъ отца, которая существуетъ у всѣхъ народовъ не только на древнѣйшей ступени развитія, но сравнительно и въ позднее время—въ Россіи по законамъ гражданскимъ и до сихъ поръ,—въ

родительскую власть въ интересахъ дѣтей. Институтъ ограниченій родительской власти получаетъ все бо́льшее и бо́льшее распространеніе въ западномъ правѣ Европы, и юридически родитель, подобно новому собственнику-управляющему, становится лишь повѣреннымъ государства и общества въ дѣлѣ воспитанія и защиты своихъ дѣтей,—ихъ опекуномъ, а не властителемъ. И здѣсь новое направленіе въ организаціи отношеній родителей и дѣтей идетъ совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Чичерина, допускающаго вмѣшательство государства въ эти отношенія лишь «въ самыхъ крайнихъ случаяхъ».

Въ какомъ направленіи пойдетъ дальнѣйшее развитіе семьи, сказать въ настоящее время трудно. Въ этомъ отношеніи неопредѣленность представленій существуетъ даже между представителями соціализма. Оспаривая идеалъ свободной любви, защитниками котораго является рядъ соціалистическихъ писателей, Менгеръ указываетъ, напр., на то, что при осуществленіи этого идеала пользоваться благами полового общенія будутъ только наиболѣе одаренные физическими, умственными или нравственными качествами. Менѣе одаренные останутся безъ любви женщинъ, и мы вступимъ по отношенію къ браку въ такое положеніе, которое имѣемъ въ настоящее время по отношенію къ распредѣленію имуществъ. Онъ думаетъ, поэтому, что институту брака и семьи съ соотвѣтствующими измѣненіями въ ихъ строѣ, въ направленіи установленія полной личной и имущественной равноправности супруговъ должно быть мѣсто и въ новомъ общественномъ строѣ, изображенію котораго посвящена его книга. Но, разумѣется, что предугадываемая имъ новая организація не имѣетъ ничего общаго съ современной семьей въ духѣ Чичерина (Menger, гл. XII—XIV).

Историческое изученіе наслѣдственнаго права въ еще бо́льшей, можетъ-быть, степени обнаружило, что современная организація наслѣдованія, выдаваемая за естественную, далеко не общее достояніе всѣхъ эпохъ и народовъ даже въ своей идеѣ и подлежитъ съ точки зрѣнія дальнѣйшей законодательной политики многочисленнымъ возраженіямъ. Начавшись, повидимому, съ признанія оставшагося послѣ смерти владѣльца имущества достояніемъ всѣхъ и каждаго изъ членовъ общины, къ которой онъ принадлежалъ, и подлежа, поэтому, простому захвату, наслѣдованіе выпадаетъ на первыхъ порахъ обыкновенно по естественному удобству захвата на долю ближайшихъ совладѣльцевъ имущества, членовъ семьи умершаго, или за ихъ отсутствіемъ ближайшаго сосѣда, и лишь мало-по-малу начинаетъ признаваться спеціальнымъ достояніемъ кровныхъ родственниковъ. Идея кровнаго родства, какъ основанія наслѣдованія, укрѣпляется окончательно тогда, когда перестраивается весь характеръ первоначальнаго полуколлективнаго полуиндивидуальнаго обладанія, который

характеризуетъ первоначальныя стадіи развитія имущественнаго обладанія. Разъ возникши, она долгое время остается невыясненной по отношенію къ вопросу о томъ, какой кругъ родственниковъ управомоченъ на обладаніе, и какой порядокъ счета родства долженъ быть установленъ для передачи родственникамъ имущества ихъ родича. Различныя системы счета родства указываютъ прямо на шаткость этого права. Въ настоящее время кровное наслѣдованіе признается вообще «безъидейнымъ», такъ какъ не находитъ себѣ прямого оправданія въ своемъ существѣ, а признается лишь необходимымъ за невозможностью пока создать иную систему перехода имуществъ послѣ смерти его обладателя при наличности существующаго индивидуальнаго распредѣленія имущества, при неприспособленности современнаго государства и общества къ самостоятельному веденію частнаго хозяйства, и при необходимости, поэтому, между прочимъ въ интересахъ кредита, сохранить и послѣ смерти обладателя имущество въ частномъ оборотѣ путемъ передачи его частнымъ же лицамъ. Чрезвычайная важность наслѣдственнаго права для сохраненія преобладающаго положенія въ обществѣ тѣхъ элементовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточено все богатство страны, дѣлаетъ систему распредѣленія имуществъ по наслѣдству зависимой всецѣло отъ господствующаго въ данномъ обществѣ распредѣленія благъ между классами.

Наслѣдованіе по завѣщанію переживаетъ цѣлый рядъ самыхъ различныхъ фазисовъ. Мысль о возможности такого порядка передачи имущества по наслѣдству, при которомъ рѣшающимъ моментомъ является лишь воля стараго собственника имущества, на болѣе раннихъ ступеняхъ или при особыхъ политическихъ условіяхъ совершенно парализуется иной идеей—принадлежности имущества только общинѣ, только семьѣ, только опредѣленнымъ группамъ лицъ, наслѣдующихъ по своему положенію по отношенію къ личности умершаго, а не по его волѣ. Въ дальнѣйшемъ развитіи и при иномъ характерѣ политическаго строя и хозяйства она возрождается въ полной чистотѣ, а иногда ограничивается компромиссами съ системой кровнаго родства и особыми порядками наслѣдованія.

Ни одинъ изъ отдѣловъ гражданскаго права не вызываетъ, поэтому, большихъ предложеній въ смыслѣ преобразованій, какъ наслѣдственное право, смотря по потребностямъ отдѣльныхъ классовъ обладателей имущества и по тѣмъ или инымъ представленіямъ о ходѣ дальнѣйшаго развитія гражданскаго общества *).

Гражданское и публичное право съ точки зрѣнія теорій исто-

*) См. нашу статью «Право наслѣдственное» въ Словарѣ Брокгаузъ-Ефрона XXIV, 899. – Anton Menger, «Neue Staatslehre», 151 слѣд.

рико-философскаго направленія. Если гражданско-правовыя учрежденія являются продуктомъ историческаго развитія и плодомъ сочетанія различныхъ факторовъ общественности,—если они стоятъ въ тѣсной связи съ учрежденіями экономическими, соціальными и политическими, то, само собою разумѣется, не представляется уже возможности говорить о полномъ различіи права гражданскаго и публичнаго и выводить первое изъ начала личности, а второе—государства, противополагая одно другому. Положеніе личности въ обществѣ опредѣляется не противопоставленіемъ ея основныхъ «естественныхъ» правъ принудительнымъ нормамъ, исходящимъ отъ государственной власти. Потребности личности удовлетворяются надлежащимъ образомъ лишь въ государственномъ союзѣ, и послѣднему принадлежитъ могущественное воздѣйствіе въ области созданія юридическихъ формъ, удовлетворяющихъ эти потребности. Между личностью и государствомъ кромѣ того стоитъ союзъ, называемый обыкновенно гражданскимъ обществомъ,—союзъ, который представляетъ собою интересы всей совокупности гражданъ не только въ области защиты внѣшней и внутренней, составляющей по преимуществу функцію государства, но и въ области взаимнаго пользованія услугами гражданъ, урегулированія обладанія вещами, ихъ обмѣна и вообще организаціи хозяйственной и культурной дѣятельности. Создавая и охраняя право отдѣльныхъ гражданъ, государство дѣлаетъ это не на основаніи отвлеченныхъ построеній, выводимыхъ изъ разума, а принимая во вниманіе потребности и уровень культуры всей совокупности гражданъ, между которыми одно должно распредѣлить мое и твое. Гражданское право не вытекаетъ, поэтому, изъ противоположности лица обществу, и само есть произведеніе взаимнаго хозяйственнаго и культурнаго общенія людей, создаваемаго гражданскимъ обществомъ и охраняемаго государствомъ. Иначе говоря, историческія изслѣдованія показываютъ, что гражданское право не есть право, вытекающее непосредственно изъ понятія личности, а право, создаваемое для личности гражданскимъ обществомъ. Что же такое гражданское общество?

Изъ наблюденій надъ строемъ отношеній людей въ исторіи возможно заключить, что какъ бы ни были противоположны интересы людей, какъ бы ни стремилась отдѣльная личность проявить безпредѣльное свое господство надъ вещами и другими людьми,—она сама является во всѣхъ своихъ поступкахъ связанной дѣятельностью другихъ людей и, волей-неволей, должна сообразоваться съ нею и служить другимъ людямъ, обмѣниваясь съ ними продуктами своего труда. Общественные союзы людей, разсматриваемые съ точки зрѣнія ихъ историческаго развитія, представляютъ собою организаціи со-

трудничества людей, создающагося не въ силу принудительнаго воздѣйствія во внѣ, а образующагося изъ взаимнаго примиренія интересовъ людей на почвѣ общей дѣятельности и построеннаго на сознаніи необходимости въ интересахъ личныхъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и интересамъ общественнымъ. Въ «Цѣли въ правѣ» Іерингъ выражаетъ это примиреніе личныхъ интересовъ людей на почвѣ удовлетворенія потребностей всѣхъ въ видѣ компромисса двухъ положеній, очевидныхъ для каждаго человѣка: «міръ существуетъ для меня» и «я существую для міра». Представители школы естественнаго права, говоря о гражданскомъ правѣ, подчеркивали лишь первое положеніе и доказывали, что гражданское право должно служить средствомъ для этого порабощенія міра ради личности. Іерингъ краснорѣчиво подчеркнулъ значеніе и второго положенія, указавъ его творческое воздѣйствіе на образованіе гражданско-правовыхъ отношеній. «Вся наша культура, вся наша исторія, говоритъ Іерингъ,— основаны на распознаніи и оцѣнкѣ истиннаго значенія отдѣльнаго человѣческаго существованія для цѣлей общества. Нѣтъ человѣческой жизни, цѣли которой были бы ограничены исключительно ею самою: каждый человѣкъ существуетъ и ради міра, трудится въ своей хотя и весьма тѣсной сферѣ надъ достиженіемъ культурной цѣли всего человѣчества... Никто не существуетъ ради самого себя, никто не можетъ обойтись самимъ собою, всякій живетъ, сознательно или безсознательно, съ помощью и вмѣстѣ съ тѣмъ для другихъ. Подобно тому какъ всякое тѣло полученную имъ извнѣ теплоту должно возвратить обратно, такъ и человѣкъ, вдыхая въ себя интеллектуальный или этическій эѳиръ, разлитой въ культурной атмосферѣ общества, долженъ выдыхать его... Во всякомъ отношеніи нашей человѣческой жизни можно отыскать признаки подобнаго существованія для другихъ, въ большинствѣ же—признаки существованія другъ для друга. Жена существуетъ ради мужа, но и послѣдній для жены; дѣти для родителей, родители для дѣтей. Слуги и господа, мастеръ и подмастерья, работники и хозяинъ, друзья, община и ея члены, государство и его граждане, общество и индивидъ, народъ и народъ, отдѣльный народъ и человѣчество—гдѣ найдемъ мы отношеніе, въ которомъ не было бы существованія другъ для друга?... Вся наша жизнь, весь нашъ гражданскій оборотъ есть не что иное, какъ товарищество: совмѣстная дѣятельность, направляемая къ общимъ цѣлямъ, причемъ каждый, дѣйствуя для другихъ, дѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя, и наоборотъ» *).

При тѣсной связи отдѣльныхъ людей между собою, и гражданъ-

*) «Цѣль въ правѣ», т. I. Русск. пер., стр. 62—3; 70 (Спб. 1881).

ское право не можетъ опредѣлять ихъ взаимныя отношенія, принимая во вниманіе лишь интересы отдѣльной личности, и должно сообразовать и распредѣленіе благъ и обмѣнъ, организацію взаимныхъ услугъ и союзы людей съ потребностями всѣхъ и цѣлями общежитія въ каждый моментъ исторіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ мы сказали выше, общественное сотрудничество не создавалось въ исторіи по какой-нибудь командѣ лицъ или учрежденій, стоящихъ надъ обществомъ,—и отдѣльной личности, ея энергіи и предпріимчивости мы обязаны въ теченіе долгаго времени созданіемъ средствъ и формъ сотрудничества, въ которыхъ личный элементъ господствовалъ надъ общественнымъ. Отсюда въ исторіи мы и встрѣчаемъ множество «естественныхъ правъ», выражающихъ безусловное подчиненіе индивидууму объектовъ внѣшняго міра и другихъ личностей въ интересахъ доставленія ему бо́льшей, часто львиной доли изъ продуктовъ такого сотрудничества, основаннаго на порабощеніи. Но когда общественный союзъ сложился и на этомъ базисѣ въ почти нерасторжимое товарищество,—интересы сотрудниковъ, порабощенныхъ естественными правами отдѣльныхъ личностей, стали говорить все больше и больше, и они стали предъявлять свою долю участія въ организаціи распредѣленія и установленія порядка сотрудничества. Этимъ требованіемъ и стремится удовлетворять государство путемъ воздѣйствія государственной власти на гражданско-правовыя отношенія сперва въ смыслѣ смягченія ихъ крайностей, а затѣмъ и путемъ измѣненія самыхъ формъ распредѣленія и сотрудничества въ смыслѣ бо́льшаго и бо́льшаго приближенія ихъ къ удовлетворенію интересовъ всѣхъ,—замѣны старыхъ «естественныхъ правъ» раздѣломъ благъ по правиламъ товарищества.

Гражданскія права въ современномъ обществѣ, съ точки зрѣнія новыхъ теорій гражданскаго права, такимъ образомъ не суть правомочія членовъ гражданскаго общества, вытекающія изъ нѣкоторыхъ постоянныхъ и естественныхъ формъ гражданско-правового быта. Они не знаменуютъ собою «естественной власти лица надъ вещами и другими личностями», какъ говорили старые юристы, а представляютъ собою лишь ту долю участія члена гражданскаго общества въ жизненныхъ благахъ, находящихся въ распоряженіи этого общества, которую оно представляетъ ему по условіямъ своего существованія и своей дѣятельности. Эта доля можетъ выражаться въ разныхъ формахъ и опредѣляться различно въ количественномъ отношеніи. Она можетъ состоять и въ правѣ безусловной или условной власти надъ вещами и личностями, но можетъ также и быть долей дохода въ общемъ имуществѣ гражданъ, не распредѣленномъ между членами общества по частямъ, но

управляемомъ по тому образцу, какой современное право представляетъ намъ въ видѣ дѣятельности разнаго рода корпорацій или юридическихъ лицъ.

Измѣнчивость состава гражданскихъ права, а также и средствъ ихъ защищать въ исторіи, и непониманіе связи какъ между этимъ составомъ и всей организаціей гражданскаго общества, такъ и между гражданскимъ обществомъ и государствомъ, служатъ главной причиной многочисленныхъ и до сихъ поръ не разрѣшенныхъ юристами старой школы споровъ относительно взаимнаго отношенія права публичнаго и гражданскаго и особенно—опредѣленія содержанія послѣдняго *). Поэтому и господствующее въ современной литературѣ опредѣленіе пріурочивается къ выставленію на первый планъ процессуальнаго признака. Это опредѣленіе называетъ гражданскими правами тѣ, которыя защищаются гражданскимъ искомъ, т.-е. предоставлены въ отношеніи своей охраны собственному усмотрѣнію и иниціативѣ ихъ обладателей. Вѣрное въ значительной степени по отношенію къ историческому и современному праву, оно однако предрѣшаетъ вопросъ о защитѣ гражданскихъ правъ на будущее время и не отвѣчаетъ на вопросъ о содержаніи гражданскаго права.

Задачи и методы новой науки гражданскаго права.

1. Задачи науки чистой **). Измѣненіе представленій о существѣ гражданско-правовыхъ отношеній и расширеніе сферы наблюденія надъ гражданско-правовыми формами быта съ современныхъ на историческія, притомъ существовавшія и существующія у всѣхъ народовъ земного шара, опредѣлили и значительную широту задачъ изученія гражданскаго права. О простыхъ апріорныхъ и дедуктивныхъ построеніяхъ на основаніи опредѣленія понятія личности или психологіи отдѣльнаго человѣка нечего теперь и говорить. Современная наука гражданскаго права стремится изучить сперва всю совокупность возможныхъ формъ

*) Эти споры обыкновенно излагаются въ началѣ курсовъ «Пандектъ» и гражданскаго права. См. въ русской литературѣ особ. Курсъ гражданскаго права . проф. Шершеневича, вып. 1-й. Установленіе связи гражданскаго и публичнаго приведено, хотя и не совсѣмъ послѣдовательно, въ ст. проф. Гамбарова. Гражданское право», въ «Словарѣ обществен. и государствен наукъ», изд. подъ ред. Волкова и Филиппова, т. VI. Изъ старой литературы см. особенно К. Д. Кавелина, «Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы?».

**) Въ литературѣ о задачахъ изученія гражданскаго права до сихъ поръ остаются лучшими труды С. А. Муромцева: «Очерки общей теоріи права (М. 1885): «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» (М. 1879) и «Рецепція римскаго права на Западѣ (М. 1886).

гражданско-правового быта и затѣмъ путемъ ихъ сравненія между собою и опредѣленія связи ихъ съ другими сторонами общественнаго быта найти законы, управляющіе ихъ образованіемъ, смѣной и исчезновеніемъ. Она имѣетъ своей задачей опредѣлить основные и второстепенные факторы развитія гражданско-правовыхъ учрежденій и такимъ образомъ дать изслѣдователю ключъ къ пониманію причинъ, опредѣляющихъ характеръ гражданско-правового порядка каждой данной страны въ каждую данную эпоху, и указать ему неизбѣжныя слѣдствія для человѣка и общества, обусловливаемыя наличностью даннаго строя учрежденій.

При современномъ состояніи нашихъ знаній въ занимающей насъ области не представляется возможности еще предрѣшить въ самомъ же началѣ изслѣдованія доминирующее значеніе какого-либо одного изъ факторовъ человѣческаго прогресса. Сильное вліяніе экономическаго фактора въ созданіи гражданско-правовыхъ учрежденій, подчеркнутое въ данномъ выше краткомъ очеркѣ результатовъ новыхъ изслѣдованій въ области гражданскаго права, не можетъ еще служить основаніемъ для полнаго замѣщенія имъ стараго исходнаго пункта научныхъ построеній—психологіи человѣческой личности и законовъ ея разума. Многочисленный рядъ писателей настаиваетъ на равноправности и иныхъ факторовъ человѣческой культуры, и споръ можетъ быть рѣшенъ, разумѣется, не гадательными соображеніями о сравнительной силѣ разнородныхъ факторовъ,—соображеніями, подкрѣпленными случайными наблюденіями и подсказываемыми субъективными склонностями ихъ авторовъ, а методическими наблюденіями надъ явленіями стараго и современнаго быта и наглядными возстановленіемъ соотношенія этихъ явленій съ управляющими ими законами и факторами.

Такъ какъ наибольшее количество наблюденій надъ гражданско-правовою жизнью мы можемъ сдѣлать въ исторіи, то и теперь основнымъ методомъ изученія гражданскаго права долженъ остаться методъ историческій, но только не методъ старой исторической школы Савиньи и Эйхгорна, которые и въ исторію перенесли свои формально-логическія представленія о существѣ гражданско-правовыхъ явленій. То, что Чичеринъ въ приведенной выше выдержкѣ изъ его труда говоритъ о самопроизвольномъ историческомъ развитіи юридическихъ идей изъ зародышевыхъ представленій о правѣ въ древности къ современнымъ естественнымъ понятіямъ, совершенно соотвѣтствуетъ представленіямъ исторической школы Савиньи и Эйхгорна о развитіи права. Въ лучшемъ случаѣ они и ихъ послѣдователи стараются возстановить именно это превращеніе сперва смутной національной или общечеловѣческой, по ихъ представленію, идеи въ ясно сознаваемое и конструируемое юридическое понятіе. Обыкновенно же представители

исторической школы въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ не дѣлали и этого, ограничиваясь констатированіемъ простой смѣны институтовъ въ исторіи безъ указанія внутреннихъ причинъ этой связи. Новый историческій методъ предполагаетъ и въ раздѣльномъ изслѣдованіи исторіи гражданскаго права отдѣльныхъ государствъ и народовъ, отысканіе общихъ причинъ его образованія и развитія и послѣдовательнаго установленія связи между гражданско-правовыми формами быта съ самимъ бытомъ,—обнаруженіе не только закономѣрной послѣдовательности правовыхъ явленій, но законовъ ихъ сосуществованія въ данной правовой системѣ, опредѣляемой общей культурой народа.

Естественнымъ дополненіемъ раздѣльнаго историческаго изученія развитія гражданскаго права является сравнительное изученіе, обогатившее науку, какъ показано выше, наиболѣе важными открытіями. Но и это изученіе въ настоящее время не можетъ уже стоять на томъ уровнѣ, какой опредѣлился у названныхъ выше классическихъ представителей этого метода. И эти изслѣдователи, вышедши изъ болѣе глубокаго пониманія сущности права, принуждены были, благодаря новизнѣ дѣла и обширности матеріала, ограничиться по большей части констатированіемъ лишь внѣшней эволюціи учрежденій, далеко не всегда отмѣчая даже основныя причины этой эволюціи. Поскольку же они дѣлали послѣднее, они сводили измѣненія въ составѣ правовыхъ нормъ преимущественно къ смѣнѣ человѣческихъ представленій о правѣ,—какъ бы безсознательной эволюціи человѣческихъ идей. Наконецъ, обильный матеріалъ, доставленный старыми кодексами и писателями, а также извлеченный изъ безчисленнаго количества сочиненій путешественниковъ, посвященныхъ описанію быта разнаго рода народовъ, не могъ быть достаточно хорошо и критически повѣренъ, благодаря чему и давалъ спорные, а часто и безусловно ошибочные выводы. Чтобы достигать своихъ цѣлей, сравнительный или, какъ его правильнѣе называютъ, историко-сравнительный методъ долженъ соединить изученіе внѣшней эволюціи юридическихъ идей съ изученіемъ эволюціи внутренней, т.-е. сопоставлять наблюденія, получаемыя въ одномъ рядѣ фактовъ—въ области познанія смѣны юридическихъ формъ,—съ другими, знаменующими смѣну формъ быта, отливающагося въ юридическія формулы. Иными словами, онъ долженъ опираться не на случайныя сопоставленія однородныхъ явленій у разныхъ народовъ, а на результаты серьезнаго раздѣльнаго изученія права у отдѣльныхъ народовъ *).

*) См. критику историческаго и сравнительнаго метода въ книжкѣ Neukamp'a, «Einleitung in eine Entwickelungsgeschichte des Rechts» (Berlin 1895), а также М. Ковалевскаго, «Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи», новая переработка въ Сборникѣ, изд. подъ ред. проф. Гамбарова.

Чисто историческій и историко-сравнительный методы изученія являются однако только средствами къ построенію чистой науки гражданскаго правовѣдѣнія. Сама эта наука не можетъ ограничиться констатированіемъ послѣдовательнаго историческаго развитія права и выясненія закономѣрности процесса этого развитія. Достаточные результаты въ этомъ направленіи должны лечь въ основаніе не только историческихъ, но и чисто философскихъ построеній относительно гражданско-правового строя отношеній. Эмпирическіе законы явленій, добытые историческими и историко-сравнительными изысканіями, не могутъ удовлетворить запросовъ чистой науки, имѣющей задачей найти постоянные элементы правообразованія, независимо отъ среды и народности, и творческіе его факторы, могущіе руководить изслѣдователя въ дальнѣйшемъ юридическомъ творчествѣ. Нейкампъ совершенно справедливо говоритъ, что эта историческая философія, которой онъ присвоиваетъ названіе исторіи развитія права по преимуществу, должна произвести «переработку всей совокупности матеріаловъ, добытыхъ исторіей и догмой права для того, чтобы при ея помощи выдѣлить тѣ мысли, которыя могутъ быть признаны плодотворными для дальнѣйшаго развитія права,—вскрыть тѣ законы и принципы, по которымъ это развитіе имѣетъ совершиться» *). Уже теперь, несмотря на новизну изученія, возможно было бы намѣтить нѣкоторыя обобщенія, приближающіяся къ рѣшенію такимъ образомъ формулированной задачи.

2. Прикладная наука гражданскаго правовѣдѣнія. А. Догма гражданскаго права. По указаннымъ въ началѣ этой статьи основаніямъ изученіе гражданскаго права въ интересахъ практическихъ будетъ составлять всегда предметъ большого вниманія юриста-теоретика, такъ какъ сила нормъ права опредѣляется прежде всего въ ихъ практическомъ приложеніи, а значеніе науки опредѣляется и ея вліяніемъ на судью и законодателя. Отрасль юриспруденціи, носящая названіе догмы гражданскаго права, имѣетъ своей задачей привести гражданско-правовыя нормы въ такой видъ, который довелъ бы возможность дѣлать изъ нихъ непосредственныя приложенія для рѣшенія судебныхъ случаевъ. Для этого, какъ было указано выше, юристы разлагаютъ законодательныя повелѣнія на такъ назыв. «субъективныя права и обязанности», т.-е. приспособляютъ эти повелѣнія къ отдѣльнымъ положеніямъ, въ которыхъ приходится находиться члену гражданскаго общества, вступая въ юридическія отношенія,—положенію собственника, арендатора, кредитора, должника, наслѣдника и т. д. Юристъ-теоретикъ напередъ опредѣляетъ, на что имѣютъ право, и какимъ процессуальнымъ путемъ могутъ охранить свои права названныя и другія лица,

*) Назв. соч., стр. 98.

какія послѣдствія слѣдуютъ за нарушеніемъ права и т. д. Когда вѣрили въ постоянство юридическихъ формъ и отношеній, ихъ логическій строй, тогда и догма права, какъ мы видѣли, была построена прежде всего на формально-логическомъ основаніи. Юристы не интересовались цѣлями законодателя и тѣми принципами, которыми онъ руководствовался при созданіи своихъ нормъ; они изъ нормъ выводили понятія и опредѣленія, а изъ понятій и опредѣленій логическія слѣдствія въ приложеніи къ лицамъ, пользующимся правами. Такая юриспруденція и носитъ названіе юриспруденціи понятій (Begriffsjurisprudenz) или юридической схоластики. Выше мы показали, до какого увлеченія доходили при изученіи этой «науки», расчитывая сдѣлать изъ юриспруденціи математику права. Съ измѣненіемъ взглядовъ на процессъ образованія права и съ паденіемъ вѣры въ логическую природу права, постепенно начала падать и вѣра въ юриспруденцію понятій. Съ большей силой выразилъ свое разочарованіе въ этой наукѣ тотъ же Іерингъ, который наиболѣе былъ увлеченъ ею раньше, и который—единственное лицо въ Германіи—далъ послѣдовательную ея методологію. Въ позднѣйшемъ своемъ соч. «Scherz und Ernst in der Jurisprudenz» Іерингъ приписываетъ весь застой въ изученіи права, всю вину разлада между профессорской наукой и жизнью господству догматики, превратившейся въ схоластику, утратившей чувство жизни и моментовъ цѣлесообразности, управляющихъ развитіемъ права.

Уже въ концѣ своего главнаго труда «Духъ римскаго права» Іерингъ пришелъ къ выводу, что «юридическія понятія измѣняются въ теченіе времени и должны измѣняться, потому что они не простыя логическія категоріи, но только формы концентраціи матеріальныхъ юридическихъ положеній, которыя измѣняются вмѣстѣ съ отношеніями, для регулированія которыхъ онѣ существуютъ. Вѣрить въ неизмѣнность юридическихъ понятій можетъ только незрѣлое представленіе, созданное некритическимъ изученіемъ исторіи» (т. III § 59). Въ названной выше новой работѣ Іерингъ добавляетъ къ этому: «желательно и необходимо строить нашу романистическую теорію иначе, чѣмъ это было до сихъ поръ; по теперешнему пути дальше идти уже нельзя». Теорія должна отказаться отъ заблужденія, будто она математика права и не знаетъ другой высшей цѣли, кромѣ правильнаго счета понятіями... Что такое всѣ эти понятія? Есть ли понятіе римской собственности, которое въ сущности основывается на виндикаціи, что-нибудь положительное? Можетъ ли быть виндикація логически обусловлена понятіемъ собственности *)? До сихъ поръ думали, что безъ

*) Старые догматики опредѣляли собственность какъ «исключительное и полное господство надъ вещью», т.-е. такое право, которое тѣсно связано съ вещью и поэтому даетъ правомочіе собственнику искать возвраще-

нія о собственности можно было бы думать столь же мало, какъ о пожѣ безъ клинка. Но кто въ это вѣритъ теперь, тотъ долженъ научиться лучшему у современнаго права *). Вопросъ о виндикаціи есть вопросъ о чистой цѣлесообразности **).

Если правовыя положенія суть правила, созданныя законодателемъ по соображеніямъ цѣлесообразности, въ интересахъ примиренія разнаго рода общественныхъ теченій въ области организаціи гражданско-правового порядка,—если они стоятъ въ связи со всѣмъ строемъ общественной и государственной жизни, то понятно, что ни судья, ни адвокатъ не могутъ правильно понять смыслъ и назначеніе нормъ, если они не будутъ знакомы съ цѣлями этихъ нормъ. Изображеніе правовыхъ нормъ въ видѣ нѣкоторой логической системы, несомнѣнно, имѣетъ нѣкоторую цѣну, такъ какъ облегчаетъ знакомство съ правомъ и содѣйствуетъ пониманію нормъ въ ихъ связи. Но необходимо помнить, что логика правовыхъ нормъ относительна, и слѣдствіе выводится изъ понятія лишь настолько, насколько логическій выводъ не парализованъ выводомъ, изъ другого понятія, построеннаго на иномъ принципѣ политики. Регулируя современную собственность, законодатель, напр., стоитъ между двумя потребностями, одинаково претендующими на защиту: потребностью въ покровительствѣ обладанію видами въ смыслѣ проведенія начала его ненарушимости, съ одной стороны, и потребности покровительства обороту, который требуетъ, чтобы обыденныя сдѣлки гражданъ были прочны и не подвергали ихъ опасности потерять пріобрѣтенное безъ ихъ вины и оказавшееся неправомѣрнымъ по неизвѣстному имъ проступку ихъ контрагента. Законодатель и создаетъ здѣсь опредѣленный компромиссъ между теченіями.

Поэтому первой задачей прикладной науки—догмы права должно быть изученіе принциповъ законодательной политики, на которыхъ покоится дѣйствующее право, а это заставляетъ ее опираться на выводы науки чистой. Только изучивъ внутреннюю структуру права, понявъ цѣли нормъ и тѣ пріемы, которые употреблялъ законодатель

нія вещи, разъ владѣніе ею утрачено собственникомъ безъ его воли, отъ всякаго третьяго лица, у котораго вещь въ рукахъ, все равно пріобрѣлъ ли онъ ее недобросовѣстно или нѣтъ. Отсюда и противоположеніе вещнаго права личному и вещнаго иска (виндикація)—личному.

*) По современному западному праву въ случаѣ пріобрѣтенія чужой вещи третьимъ лицомъ добросовѣстно, т.-е. съ убѣжденіемъ, что вещь передана собственникомъ правильнымъ путемъ, старый собственникъ не можетъ уже отнять вещи и можетъ лишь требовать возмѣщенія убытковъ отъ того лица, которое неправильно ею распорядилось. Въ русскомъ правѣ это правило примѣняется къ движимостямъ.

**) «Scherz und Ernst», стр. 342 (цит. по 3-му изд.). Здѣсь же и другіе примѣры ошибочныхъ логическихъ выводовъ.

для достиженія этихъ цѣлей, возможно приступить къ систематизаціи нормъ и выраженію ихъ въ видѣ нѣкоторыхъ опредѣленій регулируемыхъ ими институтовъ, — опредѣленій, въ своей концепціи обнаруживающихъ эти цѣли законодателя и указывающихъ путь для рѣшенія частныхъ случаевъ въ направленіи, продначертанномъ законодателемъ. Итакъ, догма права есть прежде всего наука о принципахъ, которыми должны руководствоваться судьи и тяжущіеся при разрѣшеніи спорныхъ юридическихъ отношеній и при опредѣленіи своихъ юридическихъ отношеній въ жизни, а не науки понятій, дающихъ практическіе выводы путемъ простыхъ логическихъ операцій *).

Къ сожалѣнію, догматическая нѣмецкая юриспруденція стояла до сихъ поръ на старой точкѣ зрѣнія понятій, и въ обыкновенной классической литературѣ нѣтъ образцовъ разработки догматики въ новомъ духѣ, кромѣ отдѣльныхъ попытокъ, посвященныхъ разработкѣ нормъ новаго германскаго уложенія. Со многихъ сторонъ такого рода разработка встрѣчаетъ опасенія въ томъ смыслѣ, что при изученіи не только логики предписаній закона, но и цѣлей законодателя, судья перестанетъ быть безпристрастнымъ рѣшителемъ споровъ и обратится самъ въ законодателя, — опасеніе совершенно напрасное, такъ какъ судья и теперь обязанъ будетъ руководствоваться не своими принципами, а принципами законодателя, а познавать послѣдніе онъ будетъ путемъ изученія науки права, имѣющей цѣлью приводить правовыя нормы въ связь съ тѣми потребностями, ради которыхъ нормы изданы.

В. Законодательная гражданско-правовая политика. Наука стремится не только познавать существующее, но, постигая его законы, вмѣстѣ съ тѣмъ и предвидѣть ходъ дальнѣйшаго развитія жизни природы и человѣка. Этой задачи въ своей области никогда не была чужда и юриспруденція. Какъ уже указано было выше, схема естественныхъ гражданскихъ правъ личности была особенно цѣнна тѣмъ, что она давала въ руки юристу абсолютную критическую мѣрку для оцѣнки политики законодателя. Понятно, поэтому, что какъ скоро эта мѣрка оказалась прозрачной, юристы утеряли и почву для участія въ законодательной дѣятельности, кромѣ технической обработки созданныхъ помимо нихъ нормъ. Отказавшись отъ какихъ-либо поисковъ лучшаго будущаго и погрузившись всецѣло въ прошедшее дѣйствовавшаго въ первой половинѣ XIX вѣка въ Германіи права, историческая школа въ лицѣ многихъ даже позднѣйшихъ видныхъ представителей своихъ (Виндшейдъ, Дернбургъ) учила, что юристъ не законодатель, что онъ лишь обрабатываетъ данный ему законодателемъ матеріалъ, не создавая ничего новаго и не критикуя. Но по-

*) См. Муромцевъ, «Что такое догма права»? М. 1885.

добный взглядъ можно поддерживать, пока юриспруденція не встала еще на путь чистой науки, пока она не въ состояніи еще формулировать какихъ-либо законовъ образованія права. Какъ скоро же послѣдніе будутъ раскрываться, юристъ-теоретикъ будетъ опытнымъ совѣтчикомъ законодателя, подобно естествоиспытателю и медику въ борьбѣ съ природой. Уже и теперь, зная нѣкоторыя эмпирическія обобщенія изъ наблюденій надъ соотношеніемъ жизни и права, мы можемъ часто судить о томъ направленіи, въ которомъ должны быть регулированы многія стороны общественной жизни, соприкасающіяся съ гражданскимъ правомъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ, напр., полнаго вниманія многія заключенія, содержащіяся въ «Neue Staatslehre» *) проф. Менгера, на котораго мы не раз ссылались въ эт й статьѣ.

Въ частныхъ случаяхъ эти указанія могутъ быть даны и теперь съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинности и цѣлесообразности. Но, разумѣется, законодательно политическая функція гражданскаго правовѣдѣнія лишь дѣло будущаго. Въ этой научной области субъективизмъ господствуетъ еще въ полной мѣрѣ, и разнообразныя современныя политическія теченія часто служатъ направляющимъ стимуломъ и для «научныхъ» выводовъ юристовъ. Это обстоятельство сильно сказалось при оцѣнкѣ изданнаго въ 1896 г. германскаго гражданскаго уложенія, когда политическіе взгляды раздѣлили нѣмецкихъ юристовъ на нѣсколько группъ, совершенно разошедшихся въ оцѣнкѣ кодекса. Современная общественная наука знаетъ пока только одну широкую соціологическую концепцію, такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, но промахи, сдѣланные при постройкѣ изъ нея зданія практическаго «научнаго «соціализма» указываютъ, что и эта концепція далека отъ совершенства. Въ юридической наукѣ мы до сихъ поръ не имѣемъ и чего-либо подобнаго такой концепціи.

С. Новыя теченія въ наукѣ и такъ называемое «возрожденіе естественнаго права». Печальное положеніе юриспруденціи при оцѣнкѣ германскаго уложенія вызвало со стороны нѣсколькихъ видныхъ ученыхъ Германіи (Менгеръ, Штамлеръ и др.) реакцію въ смыслѣ возвышенія ея задачъ до законодательно-политической дѣятельности путемъ созданія научныхъ обобщеній, подобныхъ концепціямъ «естественнаго права», хотя и не тождественнымъ съ ними,—обобщеній, способныхъ научить законодателя созданію «справедливаго права» **). Направленіе, съ одной стороны, борется со старой исторической школой ***), а съ другой—съ матеріалисти-

*) Въ «Вѣстн. Самообраз.» мы посвятимъ Менгеру особыя статьи.
**) Stammler, «Die Lehre von dem richtigen Rechte» (Berl. 1902).
***) Менгеръ, «Соціальныя задачи юриспруденціи», р. пер. г. Гродескула.

ческимъ пониманіемъ исторіи *). По отношенію къ первой выдвигается необходимость не только познанія дѣйствительности, но установленія идеаловъ дальнѣйшаго правового развитія, а по отношенію ко второму подчеркивается творческая роль личности въ области правообразованія въ направленіи освобожденія ея отъ гнета экономической необходимости. Эти элементы новаго ученія сближаютъ его со старымъ естественнымъ правомъ, почему и представители школы говорятъ о «возрожденіи естественнаго права». Но сами же они подчеркиваютъ и свое крупное отличіе отъ представителей стараго естественнаго права, замѣчая, что они возрождаютъ не старое вѣчное и неизмѣнное естественное право разума, а «естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ» (выраженіе Штамлера, нашедшее себѣ признаніе у всѣхъ представителей школы). Насколько можно вывести изъ первоначальныхъ попытокъ постройки такого естественнаго права, сдѣланныхъ Менгеромъ и Штамлеромъ, дѣло идетъ о постройкѣ философіи права на тѣхъ же соціологическихъ основахъ, о которыхъ мы говорили въ отдѣлѣ, посвященномъ задачамъ чистой науки. Трудно понять, зачѣмъ понадобилась новая формула для идей, формулированныхъ уже ранѣе и Іерингомъ, и соціологами.

Направленіе нашло отзвукъ во французской и русской литературѣ, въ которыхъ за послѣдніе годы появился рядъ трудовъ, посвященныхъ возрожденію естественнаго права. Во Франціи задачи направленія формулированы близко къ Штамлеру и Іерингу, будучи направлены къ соціологической концепціи идеаловъ правового развитія и расширенію функцій судьи въ интересахъ проведенія въ жизнь началъ справедливости **). Въ Россіи направленіе приняло чисто метафизическій характеръ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ наиболѣе виднаго своего представителя ***), хотя авторъ и высказывается иногда въ смыслѣ Штамлера. Нѣкоторые представители, повидимому, и въ Россіи больше склоняются къ соціологической концепціи возрожденнаго естественнаго права. Болѣе точно ни задачи, ни методы направленія не формулированы; поэтому очень затруднительна пока и его оцѣнка ****).

---

*) Stammler, «Wirtschaft und Recht».

**) См. ст. Saleilles, «École historique et droit naturel d'après quelques ouvrages récents, въ Revue trimestrielle de droit civil», I (1902).

***) Мы разумѣемъ П. И. Новгородцева. Ему принадлежатъ: «Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба», «Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ» и статья «Нравственный идеализмъ въ философіи права» въ «Проблемахъ идеализма» (М. 1903).

****) В. М. Гессенъ. Возрожденіе естественнаго права» въ «Отчетѣ Спб. Юрид. Общества» за 1902 г. Проф. Карѣевъ, «Возрожденіе естественнаго права въ современной юриспруденціи въ «Вѣстн. Самообраз.» № 4.—Теоріямъ Штамлера мы посвятимъ въ «Вѣстн. Самообр.» особый очеркъ.

Преступное дѣяніе и наказаніе.

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Проф. В. Д. Кузьмина-Караваева.

I.

Преступное дѣяніе и наказаніе—явленія человѣческой жизни, столь же древнія, какъ самъ человѣкъ. Адамъ и Ева нарушили запретъ и были изгнаны изъ рая. Каинъ убилъ Авеля.

Лишеніе жизни себѣ подобнаго, посягательство на его тѣлесную неприкосновенность, нарушеніе интересовъ имущественныхъ и т. д., и т. д.—проходятъ красной нитью черезъ всѣ эпохи жизни всѣхъ народовъ. И пока будетъ существовать человѣкъ, имъ будутъ совершаться преступленія. Мѣняются формы преступнаго. Безразличное обращается въ преступное и наоборотъ. Еще рѣзче измѣняются воззрѣнія на сравнительную тяжесть посягательствъ. Возможно представить себѣ, что въ далекомъ будущемъ преступнымъ будетъ почитаться не то, что мы нынѣ признаемъ таковымъ, какъ не считается въ XX столѣтіи вовсе преступнымъ многое изъ того, за что всего двѣсти-триста лѣтъ назадъ людей мучили, колесовали, сжигали на кострахъ. Но преступленіе, въ смыслѣ совершенія дѣйствія, при данныхъ условіяхъ признаваемаго общественнымъ сознаніемъ недопустимымъ, остается и останется всегда неизмѣннымъ. И умъ отказывается создать въ воображеніи такой моментъ, когда человѣкъ не будетъ совершать преступныхъ дѣяній.

Тою же красною нитью проходитъ черезъ исторію наказаніе. Формы его тоже мѣняются. Причиненіе въ наказаніе за преступленіе непосредственныхъ физическихъ страданій, гдѣ оно не исчезло окончательно, составляетъ историческій пережитокъ, котораго дни сочтены. Смертная казнь вымираетъ. Карательное воздѣйствіе направляется преимущественно на ограниченіе свободы и гражданскихъ правъ, причемъ ясно проявляется стремленіе ослабить причиняемое наказаніемъ нравственное страданіе. Возникла и крѣпнетъ идея попечительнаго

отношенія къ преступнику. Но въ смыслѣ лишенія человѣка, вслѣдствіе совершеннаго имъ преступленія, тѣхъ или иныхъ благъ, наказаніе и нынѣ остается все тѣмъ же неизмѣннымъ и неизбѣжнымъ фактомъ. Другой мѣры человѣчество не придумало и едва ли когда-либо придумаетъ.

Преступно то, что въ данный моментъ воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія. Преступное необходимо строго отличать отъ безнравственнаго.

Области преступнаго и безнравственнаго, какъ и области права и нравственности, суть два эксцентричныхъ круга. Они частью совпадаютъ, но не покрываютъ другъ друга. Совершеніе дѣянія въ такъ называемомъ состояніи крайней необходимости, когда лицо не могло спасти своего блага иначе, какъ путемъ посягательства на чужое, равно праздность и пьянство безнравственны, но не преступны. Отчужденіе ввѣренныхъ для храненія денегъ, съ цѣлью спасти человѣка отъ голодной смерти, преступно, но безнравственность дѣянія весьма сомнительна. Разнообразныя нарушенія паспортныхъ и акцизныхъ правилъ преступны, безнравственности же въ нихъ нѣтъ и тѣни. Съ другой стороны, въ отношеніи права оцѣнкѣ подлежатъ одни поступки или дѣйствія, а въ отношеніи этики и религіи также помыслы, намѣренія и побужденія, хотя бы они не получили внѣшняго выраженія.

Смѣшеніе и отожествленіе преступнаго и безнравственнаго приводило къ преслѣдованію идей, убѣжденій, пороковъ и страстей. Карамъ подвергались не только нарушенія правъ другихъ людей и общества, какъ цѣлаго, но и неисполненіе обязанностей, возлагаемыхъ религіей. За богохуленіе и вѣроотступничество назначались высшія наказанія. Правосудіе пыталось стать на мѣсто голоса совѣсти. Въ послѣдніе годы XVIII столѣтія въ Баваріи было возбуждено обвиненіе противъ патера Римбауера въ покушеніи на убійство за то, что онъ ходилъ на богомолье и молился о смерти своего врага.

Современная наука уголовнаго права твердо держится разграниченія нравственнаго и юридическаго вмѣненія. На этой же основѣ построены новѣйшіе кодексы, не знающіе, въ ряду наказуемыхъ дѣяній ни богохуленія, ни покушенія на самоубійство, ни умысла совершить преступленіе, ни приготовленія къ его совершенію. Наше русское уложеніе о наказаніяхъ при государственныхъ преступленіяхъ до сихъ поръ караетъ одно обнаруженіе умысла, за богохуленіе назначаетъ ссылку въ каторжныя работы, за покушеніе на самоубійство—церковное покаяніе.

«Nullum crimen, nulla poena sine lege»*)—основной принципъ, выра-

*) Преступленіе или наказаніе только по закону».

жающій начало законности, которое господствуетъ—вѣрнѣе должно господствовать—въ правовомъ государствѣ. Законъ, трактуя о преступномъ дѣяніи, какъ объ отвлеченномъ понятіи, описываетъ его признаки и опредѣляетъ, какому именно наказанію долженъ быть подвергнутъ виновный.

Но въ жизни приходится имѣть дѣло не съ отвлеченными понятіями, а съ конкретными фактами. Не съ кражей, убійствомъ, поджогомъ, очерченными въ ихъ главныхъ существенныхъ признакахъ въ подлежащей статьѣ уголовнаго кодекса, а съ живымъ конкретнымъ лицомъ, имѣющимъ свои индивидуальныя особенности и совершившимъ, при данной обстановкѣ и при данныхъ личныхъ и внѣшнихъ условіяхъ, поджогъ имущества, или похитившимъ чужую вещь, или причинившимъ смерть другому человѣку. Вмѣстѣ съ тѣмъ для общественнаго сознанія значеніе каждаго единичнаго посягательства, отдѣльно взятаго, ничтожно. Для него важна преступность гражданъ въ ея цѣломъ, какъ явленіе, подтачивающее существованіе общества и государства. Съ соціальной точки зрѣнія вниманіе приковываютъ, главнымъ образомъ, факторы преступности и мѣры борьбы съ нею, также взятыя въ ихъ цѣломъ, цѣлесообразность этихъ мѣръ, а не точность въ соотвѣтствіи содѣяннаго и наказанія, даютъ ли они въ совокупности желательный результатъ.

На почвѣ отвлеченности построенія уголовно-правовыхъ опредѣленій и ихъ оторванности отъ жизни, съ послѣдней четверти XIX столѣтія, подвергнуты энергичной критикѣ окрѣпшія-было и казавшіяся безспорными начала науки уголовнаго права. Раздаются голоса, отвергающіе принципъ: nullum crimen, nulla poena sine lege. Сильныя въ критикѣ предшествующихъ воззрѣній, новыя направленія обнаруживаютъ, однако, не менѣе слабыхъ мѣстъ въ положительной сторонѣ ученія.

Въ смыслѣ совокупности законовъ или обычаевъ о преступномъ дѣяніи и о наказаніи, уголовное право современно первымъ зачаткамъ человѣческой общественности. Но наука уголовнаго права принадлежитъ сравнительно недавнему времени. Пиѳагоръ, Платонъ, Аристотель оставили намъ самыя общія только разсужденія о цѣли наказанія и о правѣ государства наказывать. Римскіе юристы не дали ни одного систематическаго изслѣдованія по уголовному праву. Первое дошедшее до насъ спеціальное сочиненіе принадлежитъ итальянцу Альберту Гандину и относится къ концу XIII столѣтія. Въ Германіи самостоятельныя работы по уголовному праву стали появляться только съ XVII вѣка. Изъ писателей той эпохи наибольшее значеніе имѣли Берлихъ и, особенно, Бенедиктъ Карпцовъ. Карпцовъ далъ научную разработку вопросовъ о составѣ дѣянія, объ умыслѣ, покушеніи,

соучастіи, о необходимой оборонѣ и въ теченіе долгаго времени пользовался громаднымъ вліяніемъ въ литературѣ и нѣмецкой судебной практикѣ. По существу своего ученія, онъ былъ, по выраженію Кистяковскаго, «адвокатомъ и философомъ самой безчеловѣчной юстиціи», «философомъ инквизиціи». Гуманитарное движеніе конца восемнадцатаго вѣка отразилось въ наукѣ уголовнаго права стремленіемъ смягчить суровость каръ и критикой инквизиціоннаго процесса съ его необходимымъ тогда аттрибутомъ—пыткой. Монтескье высказалъ безсмертную мысль, безусловная вѣрность которой и до сихъ поръ, полтора столѣтія спустя, не усвоена положительнымъ законодательствомъ и сознается далеко не всѣми криминалистами: суровость каръ есть безцѣльная жестокость. Опытъ учитъ, сказалъ онъ, что въ странахъ, гдѣ наказанія мягки, умъ гражданъ такъ же ими поражается, какъ въ другихъ странахъ наказаніями жестокими. Съ неменьшей силой аргументаціи выступилъ почти одновременно Беккарія.

Труды Монтескье и Беккаріи рѣзко измѣнили взгляды общества на преступленіе и наказаніе, низвергли средневѣковыя доктрины и расчистили почву для новой конструкціи отправныхъ положеній науки. Эту работу выполнилъ, главнымъ образомъ, Ансельмъ Фейербахъ, по справедливости считающійся отцомъ современнаго уголовнаго права.

Преступное дѣяніе, учитъ созданная имъ классическая или юридическая школа, есть явленіе сложное. Его можно изучать, какъ событіе текущей жизни, какъ явленіе соціальнаго порядка, какъ продуктъ органическихъ особенностей извѣстныхъ лицъ. Но, прежде всего, его должно изслѣдовать, какъ своеобразное юридическое отношеніе, возникающее между виновнымъ и государствомъ, которое, охраняя существующій строй, назначаетъ виновному, вслѣдствіе совершеннаго имъ посягательства на правоохраненный интересъ, наказаніе въ заранѣе обозначенномъ размѣрѣ. Преступное дѣяніе есть единственное основаніе назначенія наказанія. Въ немъ, слѣдовательно, т.-е. въ объективной виновности, лежитъ центръ вопроса. Изученіе преступленія и наказанія, въ отвлеченіи отъ конкретныхъ фактовъ, должно стоять на первомъ мѣстѣ. Необходимо сосредоточивать главное вниманіе на содѣянномъ. Хотя наказывается не содѣянное, а содѣявшій, т.-е. не преступный фактъ, а совершившій преступное дѣяніе человѣкъ, но виновность его оцѣнивается постольку, поскольку его преступныя намѣренія получили реальное выраженіе, ибо только поступки могутъ подлежать юридической квалификаціи. Юриспруденція не можетъ входить въ оцѣнку намѣреній и побужденій человѣка, взятыхъ безотносительно къ его поступкамъ. Отсюда опредѣленіе размѣра отвѣтственности преимущественно съ объективной точки зрѣнія степени причиненнаго вреда, безусловность судебнаго приговора, съ коррек-

тивомъ лишь въ формѣ помилованія, ненаказуемость или значительно пониженная наказуемость предшествующей совершенію преступленія дѣятельности и вообще отнесеніе на второй планъ личныхъ моментовъ.

Наиболѣе правовѣрный представитель классическаго направленія изъ современниковъ—Биндингъ. Въ русской литературѣ сторонники этой школы Таганцевъ, Спасовичъ, Вульфертъ и мн. др. Но всѣ русскіе криминалисты-догматики склонны на болѣе или менѣе значительныя уступки и не отрицаютъ ихъ практической необходимости.

Діаметрально противоположны исходныя положенія антропологической или итальянской позитивной школы. По ученію Ломброзо, Гарофало и Ферри, преступное дѣяніе—только поводъ для примѣненія наказанія, или, точнѣе, показатель необходимости его примѣнить. Предметъ карательной дѣятельности—живой человѣкъ, и онъ — человѣкъ-преступникъ — долженъ быть предметомъ изученія. Наблюденія анатомическія, физіологическія и психологическія свидѣтельствуютъ, что среди людей существуетъ особый преступный типъ, прирожденный человѣкъ-преступникъ. Люди этого типа самой природой лишены альтруистическихъ чувствъ. Они, сами по себѣ взятые, представляютъ опасность для общества, а не совершенныя ими дѣянія. Разработывать въ наукѣ и въ кодексахъ признаки отвлеченнаго понятія о преступленіи, устанавливать объективный критерій наказуемости — безцѣльная и безсодержательная схоластика. Родъ наказанія долженъ опредѣляться принадлежностью даннаго преступника къ тому или другому классу людей преступнаго типа, а отнюдь не характеромъ и свойствомъ содѣяннаго. Гуманности въ построеніи карательной системы быть не должно. Судьи-юристы, опытные въ распознаваніи признаковъ содѣяннаго, и особенно присяжные, призываемые для отвѣта на вопросъ о виновности, должны уступить мѣсто психологамъ и психіатрамъ.

Соціологическая школа менѣе рѣшительна въ отрицаніи значенія изученія формъ и признаковъ преступнаго дѣянія. Начало этому направленію было положено трудами Кетле по теоретической разработкѣ данныхъ уголовной статистики, но развитіе свое оно получило въ изслѣдованіяхъ Тарда, Листа и др., выступившихъ противъ крайностей позитивистовъ-антропологовъ. Отправляясь отъ идеи соціальной эволюціи и отъ законовъ подражательности, Тардъ признаетъ, что цѣли и задачи наказанія эволюціонируютъ. Измѣнившіеся нравы и соціальныя условія не допускаютъ возврата къ прошлому, къ жестокимъ и вѣчнымъ карамъ, какъ того требуютъ антропологисты. Но центральнымъ предметомъ изученія и, по Тарду, долженъ быть преступникъ. Тардъ рѣшительно протестуетъ противъ установившихся теорій покушенія, соучастія, отвергаетъ судъ присяжныхъ и требуетъ,

чтобы функціи суда были переданы спеціалистамъ-психологамъ, соціологамъ и лицамъ, близко знакомымъ съ жизнью и бытомъ арестантовъ.

Листъ и группирующіеся вокругъ него криминалисты международнаго союза имѣютъ еще болѣе точекъ соприкосновенія съ представителями юридической школы. Они не отвергаютъ оцѣнки содѣяннаго по объективнымъ даннымъ. Но первое мѣсто должна занимать преступность намѣреній и побужденій субъекта, особенно склонность къ совершенію однородныхъ посягательствъ. Рецидивъ, какъ показатель развитія преступности, ихъ интересуетъ болѣе всего. Борьба съ рецидивомъ — основная задача законодателя. Въ отношеніи рецидивистовъ, строгая соразмѣрность содѣяннаго и уголовной кары должна быть оставлена. Воспитательно-карательное воздѣйствіе на преступную молодежь также не можетъ отправляться отъ объективной оцѣнки совершеннаго дѣянія. Пониженіе размѣра наказанія при покушеніи не имѣетъ достаточныхъ оправданій. Различеніе участниковъ совершенія одного преступленія искусственно.

Упраздненіе уголовнаго права, съ замѣной его уголовной антропологіей, можно считать въ настоящее время попыткой, отошедшей въ прошлое и не имѣющей будущаго. Сами естествоиспытатели и антропологи не-юристы неоднократно отмѣчали ненаучность пріемовъ Ломброзо и его послѣдователей, случайность и произвольность выводовъ. Въ глазахъ юриста не выдерживаетъ критики ни отожествленіе понятій зловредности лица и его преступности и происходящая отсюда неопредѣленность преслѣдуемой школой задачи, ни отрицаніе гуманности, особенно въ отношеніи преступниковъ, признаваемыхъ прирожденными и, потому, неисправимыми. Ферри говоритъ, что лучшее средство борьбы съ ними—смертная казнь. Но такъ какъ широкое примѣненіе этого средства противорѣчитъ современнымъ нравамъ, то онъ рекомендуетъ пожизненное заключеніе, соединяемое со ссылкой въ нездоровыя мѣстности и съ новой формой тѣлеснаго наказанія для строптивыхъ—обливаніемъ холодной водой или причиняющими боль электрическими разряженіями. Идея гуманности столь глубоко проникла въ сознаніе современнаго человѣка, что и въ наукѣ она не можетъ не стоять непоколебимо, и разъ теорія ее отвергаетъ, она тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на скорое забвеніе.

Позитивно-антропологическая школа, наконецъ, сознательно вноситъ въ отправленіе правосудія усмотрѣніе и произволъ. Дорадо прямо отвергаетъ принципъ nullum crimen, nulla poena sine lege. Онъ, правда, не называетъ мѣръ, примѣняемыхъ къ преступникамъ, наказаніями. Но развѣ дѣло въ названіи? Какъ ихъ ни называть — не это важно, а то, что онѣ состоятъ въ ограниченіи свободы преступника и правъ,

принадлежащихъ каждому гражданину въ государствѣ. Преступникъ—гражданинъ, онъ остается гражданиномъ и послѣ совершенія преступнаго дѣянія. Его интересы также должны быть охраняемы. Законъ долженъ служить и ему оплотомъ противъ фактическаго всемогущества государства. По мнѣнію Дорадо, злоупотребленій и ошибокъ въ отнесеніи преступника къ данному классу и въ опредѣленіи рода избираемой противъ него мѣры «устраненія опасности для общества»—не будетъ; тому воспрепятствуетъ наука. Но гдѣ гарантіи непогрѣшимости науки? Закономѣрность въ отправленіи правосудія выработывалась вѣками. Общество пережило опытъ безграничныхъ полномочій судебной власти. И отказываться отъ этого начала значитъ возвращаться далеко назадъ.

Приведенныя соображенія, въ значительно смягченной мѣрѣ, конечно, приложимы и къ ученію соціологической школы. Она также строитъ свои выводы на данныхъ сомнительной точности и всегда болѣе или менѣе спорныхъ. Факторы преступности—космическіе, біологическіе и соціальные—находятся въ тѣснѣйшемъ взаимоотношеніи. Приложеніе статистическаго метода къ изученію движенія преступности несомнѣнно заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, но раскрытіе, на основаніи этого метода, причинъ, порождающихъ преступность, и построеніе выводовъ допустимо съ крайней осторожностью. Одинъ изъ представителей школы, ванъ-Гаммель, требуетъ дать право тюремной администраціи увеличивать для неисправившихся срокъ заключенія, назначеннаго по судебному приговору, а суду—право не только понижать опредѣленное закономъ наказаніе, но и повышать его, на основаніи общихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ. Въ отношеніи малолѣтнихъ начало законности колеблется еще болѣе. Исходя изъ того, что малолѣтніе не наказываются, а помѣщаются, даже не въ исправительныя заведенія, а въ заведенія принудительнаго воспитанія, отвергаютъ необходимость обычныхъ процессуальныхъ формъ установленія виновности. Это послѣднее воззрѣніе уже отразилось и въ положительномъ правѣ. Такъ, напр., у насъ, по закону 1897 г., малолѣтній, въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ, можетъ быть отданъ въ колонію для малолѣтнихъ преступниковъ, притомъ на неопредѣленный срокъ—впредь до исправленія или до достиженія 21 года,—безъ судебнаго разбирательства, а на основаніи разсмотрѣнія дѣла въ распорядительномъ засѣданіи суда.

Вполнѣ естественно, что съ соціологической точки зрѣнія рецидивъ обращаетъ на себя особое вниманіе, ибо онъ наиболѣе рельефно обнаруживаетъ нецѣлесообразность практикуемыхъ мѣръ борьбы съ преступностью. Но прямолинейная суровость въ отношеніи рецидивистовъ этимъ отнюдь еще не оправдывается. Она, напротивъ, даже не логична, именно съ данной точки зрѣнія. Соціологія должна смот-

рѣть глубже. Повторность касается почти исключительно имущественныхъ посягательствъ. Не въ одряхлѣніи ли буржуазнаго строя, съ его чрезвычайной интенсивностью въ правовой охранѣ имущественныхъ благъ, лежитъ причина явленія? Вотъ въ какую сторону, казалось бы, должны быть направлены изслѣдованія соціологіи. Если строй пережилъ самъ себя, то остановить развитіе преступности въ данномъ направленіи невозможно.

Критическая переоцѣнка ученія о преступномъ дѣяніи принесла, безпорно, благіе результаты. Для научной мысли открылись новые горизонты. Раскрылись ветхость и непригодность многихъ устарѣлыхъ доктринъ. Основныя же начала науки не поколебались. Они остались, какъ твердыня. Эти начала: законность и гуманность. Ихъ завоевала долгой упорной борьбой человѣческая мысль. Имъ никакая критика не страшна. О нихъ разобьется всякая попытка низвергнуть царство права и милости въ отправленіи карательной дѣятельности. Царство абсолютной правды на землѣ не достижимо. На землѣ можетъ царить только правда формальная—право.

II.

Наказаніе, въ самомъ общемъ смыслѣ, есть мѣра, противопоставляемая государствомъ посягательствамъ на его правовыя нормы. Состоитъ оно въ лишеніи посягнувшаго тѣхъ или иныхъ благъ, ему неотъемлемо, внѣ условій наказанія, принадлежащихъ. Какъ лишеніе, наказаніе причиняетъ всегда страданіе.

Нормы права гласятъ: «не убей», «не укради», «повинуйся властямъ», «уважай признанные и охраненные интересы согражданъ». А если убьешь, украдешь, обнаружишь въ дѣйствіи неуваженіе, къ интересамъ согражданъ, или окажешь неповиновеніе или сопротивленіе властямъ, то, добавляетъ уголовный законъ, будешь подвергнутъ ограниченію такихъ-то принадлежащихъ тебѣ благъ: будешь лишенъ жизни или свободы, или понесешь имущественный ущербъ, или будешь подвергнутъ тѣлесному мученію и т. д.

Государство ограждаетъ ненарушимость правовыхъ нормъ далеко не однѣми уголовными карами. Оно практикуетъ, напротивъ, способы самые многообразные, имѣющіе общую цѣль предупредить правонарушеніе. Наказаніе примѣняется тогда, когда правонарушеніе, несмотря на мѣры предупрежденія, все-таки, совершилось.

Формальное опредѣленіе наказанія объясняетъ его, какъ фактъ, но не даетъ никакого отвѣта на вопросъ о его внутреннемъ смыслѣ. На чемъ обосновывается право общества и государства наказывать человѣка, посягнувшаго на правовую норму? Чего имѣетъ въ виду

достичь государство, лишая человѣка свободы, имущества, даже жизни и чего этимъ достигаетъ?—Вопросы мучительные, неизмѣнно приковывающіе вниманіе мысли. Не найдется ни одного философа и юриста-теоретика, который не задумывался бы надъ ними и не пытался на нихъ отвѣтить. Вѣковыя усилія дали безчисленное множество теорій. Отвѣта, однако, все нѣтъ и нѣтъ. Вопросы остаются открытыми. Теоріи не столько дополняютъ, сколько опровергаютъ одна другую.

Наиболѣе категоричный отвѣтъ даетъ Робертъ Оуенъ. Наказаніе внутренняго смысла не имѣетъ. Наказывая, государство только мститъ. Оно должно отказаться вовсе отъ уголовныхъ каръ. Оуенъ не одиноко стоитъ въ своемъ ученіи. Но и не велико число его сторонниковъ: трудно согласиться съ такимъ полнымъ отрицаніемъ факта, проходящаго черезъ всю исторію человѣчества. Гораздо многочисленнѣе голоса, признающіе право государства наказывать. Кантъ выводитъ его изъ нравственныхъ свойствъ человѣческой природы. Гегель сводитъ карательную дѣятельность на діалектическій процессъ развитія идеи. Разумная воля воплощается въ правѣ и тѣмъ создаетъ свое противоположеніе. Это противоположеніе есть воля частная, отрицающая собственную свою сущность преступленіемъ. Но это противоположеніе является только ступенью, ведущею къ третьему моменту — сознательному обнаруженію сущности права, его ненарушимости, къ наказанію, т.-е. къ принужденію частной воли подчиниться общей (формулировка Н. С. Таганцева). Не потому, говоритъ Гегель, наказаніе справедливо, что государство имѣетъ право наказывать, а наоборотъ: государство имѣетъ право наказывать потому, что наказаніе логически неизбѣжно и тѣмъ самымъ справедливо. Схоластики среднихъ вѣковъ строили право наказанія на божеской волѣ и промыслѣ, Гоббесъ, Спиноза, Руссо, Фихте—на теоріи договора. Шульце приравнивалъ наказаніе къ самозащитѣ общества. Юристы, болѣе близкіе къ намъ по времени, выводятъ право наказанія изъ идеи справедливости, или изъ идеи права. Таганцевъ говоритъ: «обоснованіе карательнаго права государства задачами и цѣлями общежитія, какъ правового организма, сложившагося въ государство, и на мой взглядъ, является наиболѣе правильнымъ».

Еще болѣе безконечнаго разнообразія въ отвѣтахъ на второй вопросъ—о цѣли и содержаніи наказанія. Правовая дѣятельность государства, выражающаяся въ наказаніи преступниковъ, имѣетъ корни въ рефлективной дѣятельности животнаго міра. Угроза расправой и самая расправа составляетъ крайній, но всегда неизмѣнный, моментъ защиты. Угроза—воздѣйствіе на врага психическое. Ею врагъ предваряется. Расправа — воздѣйствіе матеріальное, наступающее тогда,

когда предвареніе оказалось недѣйствительнымъ. Примѣнившему расправу это матеріальное воздѣйствіе даетъ, во-первыхъ, удовлетвореніе психическое; можетъ давать, во-вторыхъ, и реальное. Психическое удовлетвореніе состоитъ въ сознаніи своей силы, своего властнаго торжества. Мой интересъ пострадалъ, но его нарушеніе не создало для нарушителя господства надо мной. Интересъ нарушителя пострадалъ также.

Искать цѣлесообразность въ наказаніи съ этой точки зрѣнія нельзя. Относясь къ прошлому, наказаніе, въ данномъ смыслѣ, есть простая отплата, отмщеніе. Отсюда вытекаетъ древнѣйшая карательная формула: око за око, зубъ за зубъ — равноцѣнная отплата, тальонъ. На идеѣ возмездія построены теоріи Канта, Гегеля, Шталя.

Прямолинейное развитіе идеи психическаго воздѣйствія, путемъ угрозы, привело къ системѣ устрашенія, господствовавшей безпредѣльно въ доктринѣ и кодексахъ вплоть до конца XVIII столѣтія. Законодатель стремился ужаснуть гражданъ мучительностью и жестокостью каръ. Казни приводились въ исполненіе у всѣхъ на виду, публично, «дабы другимъ, на то смотря, тако дѣяти не повадно было». Преступникъ являлся средствомъ показать на дѣлѣ, что ждетъ гражданина, буде онъ совершитъ посягательство. Извѣстенъ отвѣтъ англійскаго судьи, когда приговоренный имъ къ смертной казни за кражу лошади заявилъ, что наказаніе несоразмѣрно его винѣ: «не потому ты будешь повѣшенъ, что укралъ лошадь, а для того, чтобы другіе не крали лошадей». Смертная казнь за самыя разнообразныя посягательства, усиленіе лишенія жизни долгими предварительными мученіями—колесованіе, сожженіе, четвертованіе — и членовредительныя тѣлесныя наказанія обязаны своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, этой теоріи. Попытка вернуться къ ней была сдѣлана еще недавно нѣмецкимъ юристомъ Миттельштедтомъ.

На той же идеѣ обоснована теорія психическаго принужденія Фейербаха, но удерживать отъ преступленій, по его ученію, должна не жестокость каръ, а ихъ неизбѣжность.

Теоріи, отправляющіяся отъ момента угрозы въ наказаніи и имѣющія въ виду, какъ предварительное воздѣйствіе на преступника, такъ и воздѣйствіе на гражданъ вообще, отличаются отъ теорій возмездія тѣмъ, что не отвергаютъ цѣли въ наказаніи. Онѣ пользуются наказаніемъ, дабы достичь извѣстной матеріальной цѣли, а не только психическаго удовлетворенія общества, отъ лица котораго наказаніе назначается, и потому именуются теоріями полезности. Еще болѣе ясное выраженіе получаетъ эта идея въ теоріи частнаго предупрежденія Грольмана и въ теоріи исправленія. Наказаніе, по Грольману, предупреждаетъ совершеніе ли-

цомъ новыхъ посягательствъ, ибо ему на опытѣ дѣлается извѣстнымъ карательное послѣдствіе правонарушенія. Его воля, самымъ фактомъ кары, принуждается на будущее время сообразовывать свои проявленія съ требованіями закона. Теоріи исправленія не довольствуются удержаніемъ преступной воли, а считаютъ необходимымъ, чтобы наказаніе перевоспитывало человѣка, развивало въ немъ настроенія, соотвѣтствующія существующимъ нормамъ права. Для этого нужно изъять преступника изъ его обычной обстановки и поставить въ условія, наиболѣе пригодныя для перевоспитанія воли въ условія строгой дисциплины, упорнаго труда, методически проведеннаго режима, благотворнаго вліянія руководителей. Единственной формой наказанія, по теоріи исправленія, должно быть срочное лишеніе свободы въ спеціально устроенныхъ пенитенціаріяхъ, въ связи съ досрочнымъ освобожденіемъ, системой патроната и т. д.

Кромѣ теорій, признающихъ и отвергающихъ цѣль въ наказаніи, существуетъ еще множество такъ называемыхъ смѣшанныхъ или переходныхъ. Голый перечень ихъ названій занялъ бы десятки строкъ.

Уже одно противорѣчіе воззрѣній на наказаніе, его внутренній смыслъ, цѣль, задачи и содержаніе показываютъ, насколько это повседневное явленіе жизни сложно. Необходимость наказанія скорѣе чувствуется, чѣмъ познается. Доказать съ полной убѣдительностью, что государство поступаетъ разумно, причиняя человѣку страданіе и совершая въ отношеніи его дѣйствія, которыя оно само признаётъ въ общежитіи недопустимыми, едва ли возможно. Когда слѣдишь за аргументаціей того или другого автора, невольно подчиняешься логическому ходу его мысли. Но какъ только отрѣшишься отъ его точки зрѣнія, сейчасъ встаетъ сомнѣніе. На какомъ основаніи, объявляя лишеніе жизни, свободы, имущества дѣяніями преступными, государство налагаетъ на людей пени, годами держитъ ихъ въ заключеніи, наноситъ имъ побои и убиваетъ ихъ?

А, съ другой стороны, то же чувство подсказываетъ, что вычеркнуть наказаніе изъ числа явленій общественной жизни нельзя. Чувствуется безсиліе путемъ однѣхъ мѣръ предупрежденія—полицейскихъ въ тѣсномъ смыслѣ и широко поставленныхъ культурно-просвѣтительныхъ и экономическихъ мѣропріятій—удержать отъ паденія устои жизни общества. Чувствуется, что возродятся самосудъ и торжество силы. Наказывая, государство опирается на фактическую возможность, на силу и тѣмъ обезпечиваетъ порядокъ, основанный на правѣ. Въ этомъ положеніи есть несомнѣнное противорѣчіе. Но если бы государство не опиралось на силу, оно не могло бы обезпечить правового порядка. Отсюда фактическая неизбѣжность наказанія.

Сознанію трудно примириться съ тѣмъ, что первый моментъ наказанія—месть, что опредѣленіями уголовнаго закона и примѣненіемъ каръ государство вызываетъ въ гражданахъ чувство страха и на него главнымъ образомъ дѣйствуетъ, что и до сихъ поръ преступникъ является средствомъ демонстрированія закона. А, между тѣмъ, это такъ. Ибо считать, что наказаніе есть актъ, во всей своей совокупности, цѣлесообразный, не приходится. Какая цѣль, кромѣ угрозы, въ суткахъ ареста или въ копѣечномъ штрафѣ, съ одной стороны, и въ смертной казни или пожизненномъ заключеніи—съ другой? Какое воздѣйствіе здѣсь на волю наказаннаго? Какимъ принципомъ руководится законъ, обязывая наказывать вора, возвратившаго сполна украденное и обнаружившаго полное раскаяніе,—кромѣ стараго «дабы другимъ не повадно было»?

Теорія исправленія подкупаетъ своей, на первый взглядъ, цѣлесообразностью. Но эта цѣлесообразность ея, въ значительной мѣрѣ, кажущаяся. Во-первыхъ, она исходитъ изъ того, что преступникъ есть человѣкъ, нравственно незрѣлый или испорченный. Если нравственную испорченность можно предполагать—и то съ оговорками—въ совершившемъ кражу, убійство съ цѣлью грабежа, поджогъ для полученія страховой преміи и т. п., то рѣшительно невозможно дѣлать такое предположеніе относительно совершившаго любое изъ формальныхъ правонарушеній или вовлеченнаго въ преступленіе исключительно сложившимися обстоятельствами. Во-вторыхъ, она ставитъ себѣ, въ общемъ правилѣ, недостижимую задачу нравственнаго перерожденія человѣка. Нельзя отрицать пользы пріученія къ труду бездомнаго босяка. Но нѣтъ смысла заставлять заниматься ремесломъ или другой физической работой и ставить въ условія тюремнаго режима милліонера, убившаго изъ ревности счастливаго соперника или матеріально обезпеченнаго рентьера, совершившаго имущественное посягательство изъ жадности къ наживѣ. Да и босяка развѣ одна невыдержанность характера, непривычка къ труду и нежеланіе работать толкаютъ на преступленіе? Въ преступленіи, учитъ соціологія, участвуютъ факторы, лежащіе внѣ человѣка,—соціальные и даже космическіе. Противодѣйствовать имъ или хотя бы сглаживать ихъ вліяніе черезъ посредство исправленія преступника—явный абсурдъ.

Наказаніе лишеніемъ свободы удобный случай нравственно-воспитательнаго воздѣйствія на человѣка. Итакъ, устраивать мѣста заключенія, чтобы наказанный обязательно проводилъ время въ работѣ, постоянно находился подъ наблюденіемъ спеціально подготовленной тюремной администраціи, чтобы жизнь въ тюрьмѣ была строго распредѣлена по часамъ, чтобы устранено было вліяніе другихъ тюрем-

ныхъ сидѣльцевъ и т. д. — вполнѣ раціонально. Это упорядочиваетъ тюремное заключеніе, ни въ какомъ отношеніи для лишеннаго свободы не вредно, а иногда можетъ принести пользу. Такъ и должно смотрѣть на пенитенціаріи всѣхъ типовъ и системъ. Ошибочно только обязательно связывать ихъ существованіе съ идеей исправленія. А еще болѣе ошибочно дѣлать дальнѣйшее заключеніе, что цѣль всей карательной дѣятельности государства—исправленіе подвергнутыхъ наказанію.

Наказаніе въ рукахъ современнаго государства—такой же фактъ, какимъ оно было въ далекомъ прошломъ человѣчества. Наказаніе есть мѣра крайняя, при данныхъ условіяхъ жизни, неустранимая. Эти положенія опредѣляютъ собой принципы построенія карательной системы.

Постоянно приходится слышать по поводу совершеннаго злодѣйскаго преступленія: «общественная совѣсть возмущена». А послѣ обвинительнаго вердикта: «общественная совѣсть нашла удовлетвореніе». Утвержденія, если въ нихъ вдуматься,—нелѣпыя. Преступленіе должно было бы вызывать въ обществѣ чувство сожалѣнія, въ виду обнаруженія имъ ненормальности условій личныхъ и соціальныхъ. Ибо ненормальное явленіе не можетъ быть результатомъ нормальныхъ условій. Сожалѣніе и въ отношеніи жертвы преступленія, и въ отношеніи преступника, но никакъ не возмущеніе. То же чувство сожалѣнія общественная совѣсть должна была бы испытывать по поводу судебнаго приговора. Еще Аристотель сказалъ: «все дано всемогущимъ богамъ, но одно стоитъ внѣ ихъ власти: бывшее сдѣлать не бывшимъ». Наказаніе ничего не приноситъ жертвѣ и только прибавляетъ одно новое страданіе. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, общественныя массы преступнымъ дѣяніемъ именно возмущаются и наказаніемъ преступника удовлетворяются. Преступленіе вызываетъ жажду мести. Наказаніе ее утоляетъ.

Утолить жажду мести грубаго варвара и средневѣкового рыцаря могъ только суровый тальонъ. Смерть за смерть. Смерть за всякое посягательство на существующій общественный строй. Имъ нужна была кровь, мученія, унижающія достоинство человѣка наказанія. Месть современнаго человѣка утоляется не родомъ и характеромъ наказанія, а фактомъ кары. Смертная казнь, слѣдовательно, не нужна. Если бы наказаніе имѣло внутренній смыслъ, то должно было бы считаться съ доводомъ: лишая преступника жизни, государство ограждается отъ него единственнымъ абсолютно-вѣрнымъ способомъ. Разъ этого нѣтъ, онъ падаетъ самъ собой. Не нужно также униженіе преступника. Не нужны тѣлесныя наказанія: это—регламентированное нанесеніе побоевъ, отвратительнѣйшая изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ каръ.

Свобода—благо, присущее каждому человѣку и каждымъ человѣкомъ равно цѣнимое. Его малоцѣнность для нѣкоторыхъ категорій гражданъ только кажется таковой съ точки зрѣнія другихъ категорій. Ограниченіе свободы всего болѣе удовлетворяетъ техническимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ наказанію. Имъ можно пользоваться въ цѣляхъ частнаго предупрежденія и исправленія. Какъ мѣра предупрежденія общаго, неизбѣжность лишенія свободы служитъ достаточнымъ психическимъ воздѣйствіемъ. Въ современномъ государствѣ это наказаніе и составляетъ основную карательную форму

Ближайшая задача науки открывать новые пути и расчищать дорогу для устраненія жестокости въ примѣненіи тюремнаго заключенія. Ненужнаго нравственнаго страданія еще много причиняетъ нынѣшняя тюрьма. Критерій наказуемости еще слишкомъ высокъ. Кодексы широкой рукой назначаютъ года, десятки лѣтъ заключенія Не сдѣлалось еще общимъ достояніемъ признаніе, что абсолютно-тяжкаго наказанія и абсолютно-легкаго нѣтъ, что тяжесть наказанія, какъ и всего на свѣтѣ, раскрывается изъ сравненія, что суровость каръ—ничѣмъ не оправдываемая и ненужная жестокость.

Введеніе въ курсъ государственнаго права.

В. В. Водовозова.

Всѣ мы, жители Европы и всего культурнаго міра, живемъ въ настоящее время въ государствѣ, и такъ или иначе соприкасаемся съ государствомъ, причемъ это соприкосновеніе не прекращается ни на минуту отъ дня нашего рожденія до дня нашей смерти. Наше появленіе на свѣтъ облегчаетъ акушерка, получившая отъ государства или при посредствѣ государства какъ свои знанія, такъ и свое право заниматься своимъ дѣломъ. Фактъ нашего рожденія заносится по требованію государства въ метрическія книги. Наше начальное, точно такъ же, какъ и слѣдующее за нимъ среднее и высшее образованіе мы получаемъ въ школахъ, содержимыхъ или непосредственно государствомъ, или, по крайней мѣрѣ, при его участіи или съ его разрѣшенія и подъ его контролемъ. Какой бы профессіи мы себя ни посвятили, чѣмъ бы мы ни занимались, мы или получаемъ спеціальное на то разрѣшеніе отъ государства (для занятія врачебной, адвокатской и т. д. практикой), или, по крайней мѣрѣ, характеръ нашихъ занятій косвенно опредѣляется государствомъ посредствомъ разныхъ законоположеній или мѣропріятій (такъ, напр., характеръ торговой, ремесленной, промышленной и всякой другой дѣятельности вполнѣ зависитъ и отъ существующей въ странѣ денежной системы, и отъ путей сообщенія, и отъ спеціальныхъ законовъ, т.-е. вообще отъ дѣятельности государства въ широкомъ смыслѣ слова). Болѣе того, идемъ ли мы по улицѣ, сидимъ ли у себя дома,—наша внѣшняя безопасность охраняется государствомъ при посредствѣ его органовъ, каковы полиція и судъ; самое устройство современнаго города или деревни вполнѣ зависитъ отъ государства. Пишемъ ли мы и посылаемъ нашему пріятелю письмо, мы покупаемъ на деньги, начеканенныя государствомъ и получившія отъ него свое значеніе, почтовую марку, тоже напечатанную государствомъ и тоже получившую свое значеніе почтовой марки

отъ государства; мы опускаемъ письмо въ почтовый ящикъ, устроенный государствомъ, и государственное учрежденіе—почта доставляетъ его по адресу. Мы умираемъ; насъ опять-таки лѣчитъ врачъ, получившій отъ государства и знанія, и право лѣчить, для насъ покупаются лѣкарства въ содержимой подъ контролемъ государства аптекѣ, насъ хоронитъ священникъ, членъ церковной организаціи, находящейся въ строгой зависимости отъ государства, и т. д. безъ конца. Къ этому можно прибавить еще одинъ примѣръ. Если мы совершаемъ что-либо такое, что запрещается современнымъ государствомъ, или, другими словами, что съ его точки зрѣнія является преступленіемъ, то то же самое государство судитъ и наказываетъ насъ: подвергаетъ смертной казни, сажаетъ въ тюрьму или отправляетъ въ ссылку. Такимъ образомъ и въ добрѣ, и въ злѣ, мы связаны съ государствомъ тысячью нитей; государство насъ окружаетъ такъ же, какъ воздухъ, и такъ же, какъ воздухъ, поддерживаетъ наше существованіе. Но какъ воздухъ можетъ быть испорченнымъ и вмѣсто поддержанія нашего существованія можетъ разрушать его, такъ и государство можетъ либо содѣйствовать нашему развитію, либо задерживать его и губить насъ.

Эта тѣсная связь наша съ государствомъ, эта зависимость всего нашего существованія отъ государства дѣлаютъ особенно важнымъ ознакомленіе наше съ сущностью, устройствомъ и ролью государства, другими словами, ознакомленіе съ наукой о государствѣ.

Но что же такое государство?

Прежде всего необходимо отмѣтить, что не всегда человѣкъ жилъ въ такой тѣсной зависимости отъ государства, какъ нынѣ, и даже болѣе того: самое государство не всегда существовало; и теперь еще въ центральной Африкѣ, не захваченной европейцами, существуютъ дикія племена, вовсе не знающія государственной организаціи; а въ Гималайскихъ горахъ, на западѣ Китая, въ пампасахъ Южной Америки, до сихъ поръ живетъ многочисленное населеніе, хотя и числящееся въ составѣ того или иного государства, но въ дѣйствительности очень мало подчиняющееся ему. Въ Одиссеѣ догосударственное состояніе человѣка такъ охарактеризовано при описаніи жизни циклоповъ:

> Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ;
> Въ темныхъ пещерахъ они пль на горныхъ вершинахъ высокихъ
> Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
> Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
>
> (Одисс. IX, 112—115).

Такимъ образомъ было время, когда государства не было, и нельзя утверждать съ увѣренностью, что оно всегда будетъ. Государство, слѣдовательно, есть явленіе историческое, которое теперь достигло своего высшаго развитія.

Циклопы Одиссеи жили небольшими семьями, и ихъ организація не можетъ считаться ни въ какомъ случаѣ государственной. Значительно высшую ступень общественнаго развитія представляютъ, напр., аѳиняне до реформы Солона или римляне до реформы Сервія Туллія,— но и ихъ общественную организацію трудно назвать государственною, ибо народъ тамъ дѣлился по родамъ или племенамъ (фратріямъ и филамъ въ Аѳинахъ, трибамъ и куріямъ въ Римѣ), которые были расширенными, но обыкновенно все-таки замкнутыми семьями. Трудно назвать государствомъ и весьма многочисленныя пастушескія кочевыя племена. Вообще первымъ признакомъ, опредѣляющимъ государство, является опредѣленная территорія. До тѣхъ поръ, пока народъ или племя кочуютъ съ мѣста на мѣсто, до тѣхъ поръ понятію государства нѣтъ мѣста; нѣтъ ему мѣста даже и тогда, когда народъ уже осядетъ на опредѣленную территорію, но пока еще каждый отдѣльный человѣкъ чувствуетъ себя въ гораздо большей степени членомъ семьи, рода или племени, не связаннаго съ территоріей, чѣмъ какой-нибудь территоріальной организаціи. Государства въ точномъ смыслѣ слова тутъ еще нѣтъ, но уже есть его явственные зародыши, изъ которыхъ государство можетъ развиться. Впрочемъ, при нѣкоторомъ растяженіи слова «государство» имъ можно обозначать, если угодно, и дикія полчища Аттилы или Батыя, и первобытныя поселенія въ Италіи или въ Греціи, когда, какъ это было въ Итакѣ по описанію Одиссеи, народъ цѣлыми десятилѣтіями могъ обходиться и безъ царя, ушедшаго на войну, и безъ общихъ народныхъ собраній, и вообще безъ чего бы то ни было напоминающаго о государствѣ. Въ болѣе узкомъ, но за то болѣе точномъ смыслѣ слова государство въ Аттикѣ возникло со временъ реформъ Солона или даже Клисѳена, въ Римѣ со временъ Сервія Туллія, когда рядомъ со старой племенной организаціей возникла новая территоріальная организація всего народа. Въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, какъ въ Новгородѣ или Кіевѣ, государственная организація существовала уже въ IX в., когда органы настоящей государственной власти существовали въ лицѣ князя, властвовавшаго надъ всѣмъ населеніемъ даннаго города, и вѣча, на которое сходилось все его свободное населеніе, жившее на территоріи даннаго города, организованное такимъ образомъ въ одно цѣлое.

Такимъ образомъ, наличность опредѣленной территоріи является первымъ признакомъ, опредѣляющимъ понятіе государства. Одного его однако мало. Территорія должна быть населена, и населеніе должно быть организовано въ одно цѣлое. Такимъ образомъ наличность народа является вторымъ признакомъ государства.

Третьимъ и самымъ важнымъ признакомъ является наличность

власти, единой власти, организующей всѣхъ жителей данной территоріи въ одно цѣлое, въ одинъ народъ. Не всякая однако власть можетъ быть признана государственной; такъ, власть отца и мужа въ семьѣ, учителя въ школѣ, священника въ приходѣ, предсѣдателя въ какомъ-либо собраніи не заставляетъ насъ признать данную семью, данный приходъ за государство, хотя бы они постоянно жили на опредѣленной территоріи. Отличіе тутъ въ томъ, что такого рода власть является не самостоятельной, а производной отъ государственной. Власть отца и мужа въ семьѣ можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ постановленій, господствующихъ въ данномъ государствѣ. Въ древности, напр., отецъ имѣлъ право убить или продать своего сына въ рабство; мужъ—убить свою жену; теперь такого права у него нѣтъ, и при всемъ своемъ желаніи, даже при согласіи жены или сына подчиняться ему безпрекословно онъ не могъ бы его получить, такъ какъ на пути ему станетъ власть государственная, которая въ своихъ законахъ точно опредѣляетъ объемъ правъ отца и мужа и при помощи суда и полиціи охраняетъ ихъ отъ нарушенія. Напротивъ, власть государственная самостоятельна, она не зависитъ ни отъ какой другой власти и не подчинена ей; это власть верховная или, какъ говорится въ наукѣ о государствѣ, суверенная. Этому не противорѣчитъ тотъ фактъ, что исторически государственная власть выросла изъ власти семейной; въ настоящее время во всякомъ сложившемся государствѣ государственная власть выше отцовской, стоитъ надъ нею.

Государственная власть объединяетъ всѣхъ жителей данной территоріи въ одинъ народъ. Понятіе народъ не нужно смѣшивать съ понятіемъ націи или національности (иногда употребляется терминъ народность, какъ однозначащій съ терминомъ націи; нужно, впрочемъ, оговориться, что эти всѣ термины—нація, народность, народъ—далеко не вполнѣ установлены и употребляются въ весьма различномъ смыслѣ). Нація есть понятіе этнографическое; такъ называется совокупность людей, объединенныхъ общностью происхожденія и обыкновенно (однако не всегда) связанныхъ общностью языка. Такъ, подъ нѣмецкою націею мы разумѣемъ нѣмцевъ, населяющихъ какъ Германію, такъ и значительную часть Австріи и Швейцаріи, и говорящихъ на одномъ нѣмецкомъ языкѣ. За то въ ея составъ мы не включаемъ ни поляковъ, живущихъ на востокѣ Германіи въ провинціи Познань, ни датчанъ, живущихъ въ Шлезвигѣ, ни эльзасцевъ, живущихъ въ Эльзасѣ. Въ понятіе же германскаго народа, напротивъ, включаемъ и нѣмцевъ, и поляковъ, и датчанъ, и эльзасцевъ, живущихъ на территоріи Германской имперіи, несмотря на то, что всѣ эти народности говорятъ разными языками, исповѣдуютъ разную религію. То же самое мы видимъ въ Швейцаріи, гдѣ въ составъ одного государства входятъ и

нѣмцы, и французы, и итальянцы, говорящіе на своихъ языкахъ. То же самое мы видимъ въ Австріи и Россіи. Вообще ни языкъ, ни религія не являются обязательно общими для одного народа, за то общимъ для одного народа является общее народное сознаніе, сознаніе принадлежности къ одному народу, воспитанное общею историческою жизнью, нѣчто крайне неопредѣленное и растяжимое, но тѣмъ не менѣе существующее. Такъ, швейцарскій нѣмецъ, французъ и итальянецъ называютъ себя всегда швейцарцами, а не нѣмцами, французами или итальянцами. Конечно, такое общее чувство можетъ выработаться только при продолжительности совмѣстной исторической жизни. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда государство образовалось посредствомъ завоеванія, когда въ немъ слѣдовательно есть господствующая и завоеванная національность, тогда это народное чувство еще не существуетъ, хотя единое государство уже существуетъ, не отличаясь однако при такихъ условіяхъ прочностью. Болѣе или менѣе прочнымъ оно станетъ, когда выработается такое общее народное сознаніе.

Сводя вмѣстѣ всѣ указанные признаки, можно сказать, что государство есть союзъ людей, живущихъ на одной опредѣленной территоріи, объединенныхъ въ одинъ народъ единой общей, верховной и непроизводной (самостоятельной) властью.

Такое опредѣленіе, пригодное для всѣхъ какъ нынѣ существующихъ государствъ, такъ и существовавшихъ въ историческія времена, является несомнѣнно неудобнымъ въ томъ отношеніи, что признакомъ территоріи оно кладетъ слишкомъ опредѣленную грань между осѣдлымъ, вполнѣ организованнымъ государствомъ и тѣми племенными организаціями, въ которыхъ уже вполнѣ ясно намѣчена зарождающаяся государственная организація; но подобнымъ недостаткомъ страдаетъ всякое опредѣленіе, имѣющее своею цѣлью опредѣлить признаки какого-либо развивающагося явленія, не имѣющаго точно и строго опредѣленныхъ границъ. Оно однако далеко не является общепризнаннымъ въ наукѣ. Несмотря на то, что съ государствомъ намъ всѣмъ приходится имѣть постоянно дѣло, что подробности устройства отдѣльныхъ государствъ изучены съ весьма значительной обстоятельностью, несмотря на это, сущность государства выяснена весьма мало, и въ опредѣленіи понятія государства существуетъ весьма большое разнообразіе. Главнымъ источникомъ этого разнообразія является то, что очень многіе ученые, изучавшіе государство, не довольствуясь включеніемъ въ свое опредѣленіе реальныхъ признаковъ, стремились внести въ него указаніе на цѣль существованія государства. Такъ, напр., извѣстный русскій ученый Б. Чичеринъ въ своемъ «Курсѣ Государственной науки» (Москва 1894 г., т. 1, стр. 3) даетъ такое опредѣленіе: «Государство есть союзъ народа, связанное закономъ въ одно юридическое цѣлое,

управляемое верховною властью для общаго блага». Въ это опредѣленіе не включено понятіе территоріи, и съ этой стороны опредѣленіе Чичерина шире приведеннаго выше (впрочемъ, самъ г. Чичеринъ считаетъ территорію необходимымъ элементомъ государства, но только не считаетъ нужнымъ включить его въ свое опредѣленіе). Съ другой стороны, включеніе въ него цѣли государства крайне его суживаетъ; всякая общественная организація, которую мы обыкновенно называемъ государствомъ, не подойдетъ подъ это опредѣленіе, если окажется, что она преслѣдуетъ другую цѣль, чѣмъ указанную г. Чичеринымъ, или что она вовсе не имѣетъ никакой цѣли; да и вообще включеніе въ опредѣленіе признака, наличность котораго нужно еще доказать, является вообще крайне неудобнымъ. Мы изъ исторіи знаемъ, какъ возникли существующія государства; мы знаемъ причины ихъ возникновенія и развитія. Мы знаемъ также тѣ цѣли, которыя преслѣдовали отдѣльныя лица или отдѣльныя группы лицъ въ своей государственной дѣятельности, приведшей къ созданію нынѣ существующихъ государствъ. Но была ли и есть ли цѣль у государства, какъ цѣлаго, а если она есть, то такова ли, какою ее считаетъ г. Чичеринъ? Мнѣніе, господствовавшее въ XVIII в., что люди, когда-то жившіе разрозненно, заключили между собою договоръ, которымъ они основали государство, въ настоящее время не раздѣляется никѣмъ и можетъ считаться безусловно опровергнутымъ. Государства развились постепенно, преимущественно посредствомъ завоеванія. Развѣ можно говорить объ общей цѣли у завоевателей и у завоеванныхъ? А если можно, то неужели таковою цѣлью является общее благо, въ томъ числѣ и благо завоеванныхъ, иногда порабощаемыхъ людей? Очевидно нѣтъ, и очевидно, слѣдовательно, что если опредѣленіе г. Чичерина можетъ быть пригоднымъ для выясненія того, чѣмъ должно быть государство, то оно совершенно непригодно для выясненія вопроса, что такое нынѣ существующее или существовавшее въ разныя эпохи исторіи государство.

Итакъ, какъ мы видѣли, наиболѣе существенный признакъ государства есть наличность единой, организующей, самостоятельной власти, объединяющей людей въ одно цѣлое. Въ различныхъ государствахъ и въ различныя эпохи въ одномъ и томъ же государствѣ власть бываетъ организована самымъ различнымъ образомъ, и въ зависимости отъ этого мы знаемъ государства самыхъ различныхъ типовъ. Разнообразіе это чрезвычайно велико, вслѣдствіе чего классификація государствъ на различныя группы представляетъ почти такія же затрудненія, какъ и опредѣленіе понятія государство. Великій мыслитель древности, научнымъ образомъ построившій теорію государства, Аристотель раздѣлилъ государства по принадлежности въ нихъ

власти одному лицу, многимъ лицамъ или всему народу на монархіи, аристократіи и политіи, а по способу пользованія властью, по тому, пользуется ли правительство (будетъ ли это монархъ или народъ одинаково) своею властью въ интересахъ всего государства, какъ цѣлаго, или же въ грубо своекорыстныхъ интересахъ на правильныя и извращенныя; послѣднія у Аристотеля назывались тираніями, олигархіями и демократіями (терминъ демократія очень скоро послѣ Аристотеля сталъ употребляться для обозначенія того, что Аристотель назвалъ политіей, т.-е. правильнаго государства, въ которомъ власть принадлежитъ народу; взамѣнъ же Аристотелевской демократіи, обозначавшей извращенную политію, явился терминъ охлократія, т.-е. господство черни).

Классификація Аристотеля была очень удобна для сравнительно простыхъ государственныхъ организацій древности, извѣстныхъ Аристотелю; однако уже очень скоро послѣ Аристотеля пришлось ее исправить включеніемъ въ нее государствъ смѣшанныхъ, т.-е. такихъ, гдѣ одновременно присутствовали элементы какъ монархіи, такъ и аристократіи и демократіи (Римъ). Для настоящаго же времени эта классификація совершенно непримѣнима, или всѣ за немногими исключеніями существующія государства пришлось бы занести въ группу государствъ смѣшанныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ какому типу государствъ относится, напр., Англія? Въ ней верховная власть принадлежитъ наслѣдственному королю, но она ограничена парламентомъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ, изъ которыхъ въ одной засѣдаютъ лорды по праву рожденія, а члены другой избираются народомъ, однако не всѣмъ народомъ, а только тою его частью, которая удовлетворяетъ требованію имущественнаго ценза, т.-е. либо обладаетъ какой-либо недвижимой собственностью, либо нанимаетъ или арендуетъ участокъ земли, домъ или квартиру выше опредѣленной стоимости. Очевидно, тутъ мы имѣемъ и элементъ монархіи, и элементъ аристократіи, и элементъ демократіи, однако неполной. По исправленной Полибіемъ классификаціи государствъ—мы, очевидно, должны отнести Англію къ типу государствъ смѣшанныхъ; но къ нему же мы должны отнести и Германію, и Францію, и только Россія и немногія др. останутся чистой монархіей. Даже въ республикахъ въ большинствѣ случаевъ (Соед. Штаты, Франція) верховная власть принадлежитъ одному лицу, хотя и избираемому народомъ, но съ момента избранія и до истеченія полнаго срока своихъ полномочій юридически независимаго болѣе отъ парода. Если же несмотря на это начало избираемости все-таки принять за признакъ демократіи, а не монархіи, то къ типу если не демократій, то аристократій придется отнести избирательныя монархіи, какъ старинную Германскую (или такъ называемую Священную Римскую) Имперію, прежнюю Польшу и прежнюю Папскую Область.

Оставляя въ сторонѣ различныя классификаціи государствъ, предложенныя въ XVIII и XIX в. государствовѣдами, укажемъ здѣсь, что почти всѣ эти классификаціи признаютъ два основныхъ типа государствъ,—монархіи и республики. Въ монархіяхъ верховная государственная власть принадлежитъ одному лицу, по большей части (однако не всегда, какъ доказываютъ приведенные примѣры Священной Римской Имперіи, Папской Области и Польши), получающему ее на началѣ наслѣдованія престола; слѣдовательно, оно управляетъ страною по собственному праву, «божіею милостію», а не по праву, полученному имъ на какихъ-нибудь условіяхъ или безъ условій отъ народа. Это лицо, монархъ, представляетъ государство въ сношеніяхъ съ другими государствами и является неотвѣтственнымъ передъ какою бы то ни было другою властью въ государствѣ; оно не можетъ быть смѣщено, оно не можетъ быть судимо, оно не можетъ быть наказано юридическими (законными) способами. Въ республикахъ верховная власть находится въ рукахъ всей ли народной массы, или (рѣже) значительной ея части, и отправляется по ея порученію президентомъ республики или коллегіальнымъ учрежденіемъ (въ Швейцаріи, напр., Союзнымъ Совѣтомъ, состоящимъ изъ 7 лицъ), избираемымъ прямо или косвенно ею. Монархіи, въ свою очередь, дѣлятся на неограниченныя (самодержавныя) и ограниченныя (конституціонныя). Въ первыхъ вся полнота верховной власти принадлежитъ одному лицу; ему принадлежитъ и законодательная, и исполнительная, и судебная власть. Оно отправляетъ ее черезъ посредство назначенныхъ и зависящихъ отъ него чиновниковъ.

Въ ограниченныхъ монархіяхъ законодательная власть принадлежитъ главнымъ образомъ парламенту, т.-е. учрежденію либо цѣликомъ, либо частью избираемому народомъ; однако ее дѣлитъ съ нимъ и монархъ, который утверждаетъ законы (даетъ имъ свою санкцію), а слѣдовательно иногда можетъ и отказать въ своемъ утвержденіи. Но онъ не можетъ издать ни одного закона безъ согласія парламента,— и въ этомъ существенная черта конституціоннаго строя. Кромѣ того, монарху принадлежатъ извѣстныя права и по отношенію къ самому парламенту: онъ открываетъ и закрываетъ, созываетъ и распускаетъ его, т.-е. назначаетъ новые выборы. Въ понятіе законодательной дѣятельности включается и право назначенія и распредѣленія налоговъ, вообще утвержденіе государственнаго бюджета. Монарху, кромѣ участія въ законодательной власти, принадлежитъ исполнительная власть, которую онъ отправляетъ при посредствѣ назначаемыхъ и зависящихъ отъ него чиновниковъ; ему подчинена армія. Но опредѣленіемъ бюджета парламентъ точно регулируетъ дѣятельность монарха; монархъ не можетъ произвести ни одного дѣйствія, требующаго расходовъ, безъ

согласія парламента. Конечно, это вѣрно только въ томъ случаѣ, если онъ желаетъ оставаться въ предѣлахъ законности, въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ конституціей государства. Но, располагая большою вооруженною силою, каковою не располагаетъ парламентъ, онъ имѣетъ возможность, а иногда и пользуется ею, вступить въ конфликтъ съ парламентомъ и дѣйствовать помимо его воли, что однако не всегда бываетъ легко и безопасно. Въ Англіи такой конфликтъ монарха съ парламентомъ дважды (въ 1649 и 1689 гг.) привелъ къ революціи, въ результатѣ которой въ одномъ случаѣ король былъ казненъ, въ другомъ принужденъ бѣжать. Въ Пруссіи, напротивъ, такой конфликтъ окончился совершенно иначе. Въ теченіе 4 лѣтъ (1862—66) король собиралъ подати, не разрѣшенныя парламентомъ, усилилъ и реформировалъ армію вопреки волѣ парламента, систематически боровшагося съ нимъ. Но военныя побѣды Пруссіи надъ Даніей (1864) и Австріей (1866) измѣнили настроеніе народа, и парламентъ, вновь избранный въ 1866 г., былъ уже настроенъ совершенно иначе: онъ поспѣшилъ вотировать «индемнитетъ», т.-е. общую амнистію всѣмъ министрамъ и другимъ чиновникамъ, которые, исполняя волю короля, совершали незаконныя (т.-е. не разрѣшенныя парламентомъ) дѣйствія (собирали подати и проч.). Полная побѣда такимъ образомъ осталась за королемъ.

Всѣ нынѣ существующія республики являются конституціонными. Во всѣхъ нихъ лицо или коллегія лицъ, стоящихъ во главѣ государства, ограничена въ пользованіи своей властью совершенно такъ же, какъ монархъ въ ограниченныхъ монархіяхъ: вообще между положеніемъ, правами и обязанностями президента республики и положеніемъ конституціоннаго монарха можно провести почти полную аналогію. Такимъ образомъ въ республикахъ верховная власть, принадлежащая народу, отправляется имъ черезъ посредство различныхъ избираемыхъ имъ властей, взаимно другъ друга ограничивающихъ, напримѣръ, во Франціи высшая законодательная власть принадлежитъ парламенту, состоящему изъ двухъ палатъ: сената и палаты депутатовъ; обѣ избираются народомъ, хотя различными способами и въ различные сроки. Обѣ палаты въ совмѣстномъ засѣданіи избираютъ на семилѣтній срокъ президента республики. Разъ избранный, президентъ оказывается уже почти такъ же неотвѣтственнымъ передъ парламентомъ, какъ король, и несмѣняемымъ до истеченія законнаго срока своихъ полномочій. Парламенту принадлежитъ законодательная власть, президенту—власть исполнительная; онъ назначаетъ министровъ и другихъ чиновниковъ. Но президенту, какъ королю, принадлежитъ право санкціи законовъ, а парламенту посредствомъ опредѣленія бюджета и нѣкоторыми другими способами общее направленіе дѣятельности правительства и контроль надъ нимъ.

Изъ этого видно, что конституціонная монархія по организаціи власти стоитъ ближе къ республикѣ, чѣмъ къ монархіи неограниченной. И въ первой, и во второй законодательная власть съ большей или меньшей послѣдовательностью отдѣлена отъ власти исполнительной и вручена различнымъ органамъ. Это сходство не должно, конечно, закрывать отъ насъ того существеннаго отличія, что источникъ той и другой власти въ республикѣ одинъ и тотъ же, именно народъ (и различные только ея органы), тогда какъ въ конституціонной монархіи источниковъ власти два: во-первыхъ, народъ, а во-вторыхъ, монархъ, управляющій по собственному праву («Божіею милостію»). Напротивъ, въ монархіи неограниченной такъ же, какъ въ республикѣ, источникъ власти одинъ, хотя не тотъ, что въ республикѣ; этотъ источникъ—монархъ, который является и законодателемъ, и исполнителемъ своихъ собственныхъ предначертаній *).

Не одна эта черта (раздѣленіе законодательной власти отъ исполнительной, и также судебной, между различными органами и взаимное ихъ ограниченіе) заставляетъ насъ противополагать государство конституціонное, будетъ ли оно монархическимъ, или республиканскимъ, государству неограниченному. Къ тому же приводитъ насъ и различіе въ положеніи личности въ государствахъ этихъ двухъ типовъ.

Въ древности личность подавлялась государствомъ. Человѣкъ былъ частью государства и притомъ частью активною; онъ принималъ участіе въ народныхъ собраніяхъ, слѣдовательно въ выработкѣ законодательства и въ избраніи должностныхъ лицъ; тамъ онъ былъ частью государства и, какъ таковая, имѣлъ свое значеніе; но значеніе его, какъ самостоятельной личности, было совершенно ничтожно; никакихъ правъ, которыя были бы неотъемлемыми, за нимъ не признавалось. Государство предписывало ему вѣрованія и карало за отступленіе отъ нихъ; государство могло предписывать ему форму одежды или составъ его обѣда; у него не было имущества, которое не могло бы быть конфисковано въ каждый данный моментъ безъ всякой вины съ его стороны, а исключительно въ интересахъ государства. Конечно, и въ древности положеніе личности не было совершенно однородно во всѣхъ государствахъ; въ Аѳинахъ оно было гораздо свободнѣе, чѣмъ въ Спартѣ. Но только новое время выработало понятіе о неотъемлемости правъ человѣческой личности, въ силу котораго существуетъ извѣстная сфера правъ отдѣльнаго лица,

*) Въ русскихъ основныхъ законахъ (Сводъ Законовъ, т. I, ч. 1, ст. 1) эта мысль выражена такъ: «Императоръ Всероссійскій есть монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ».

куда государство ни въ какомъ случаѣ не должно вмѣшиваться. Такъ, въ настоящее время общераспространеннымъ является мнѣніе, что религіозныхъ вѣрованій нельзя предписывать и слѣдовательно нельзя карать человѣка за уклоненіе отъ общепринятыхъ вѣрованій, какъ бы это ни было неудобно для государства. Рядомъ съ этой идеей свободы совѣсти болѣе или менѣе общепринятой является идея свободы слова и печати, въ силу которой человѣкъ можетъ говорить и печатать все, что онъ хочетъ, не получая для этого спеціальнаго разрѣшенія отъ государственной власти (но подвергаясь наказанію по суду въ случаѣ, если онъ своимъ устнымъ или печатнымъ словомъ совершитъ какое-либо преступленіе—напримѣръ, нанесетъ кому-либо оскорбленіе, оклевещетъ кого-либо и т. д.). Къ такимъ же правамъ человѣческой личности принадлежитъ право свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто безъ особеннаго разрѣшенія (паспорта), право устраивать товарищества и сообщества съ другими людьми и т. д. Во всѣхъ нынѣ существующихъ конституціонныхъ государствахъ (монархіяхъ и республикахъ одинаково) права человѣческой личности являются признанными въ основныхъ законахъ (конституціяхъ) этихъ государствъ. Напротивъ того, въ монархіяхъ неограниченныхъ, гдѣ источникомъ всей власти и всѣхъ правъ является монархъ, и только онъ одинъ, такихъ неотъемлемыхъ правъ быть не можетъ: иначе монархія перестала бы быть неограниченной *).

*) Терминъ «конституція», какъ очень многіе термины государственнаго права, принадлежитъ къ числу не вполнѣ установленныхъ. Въ точномъ филологическомъ смыслѣ онъ означаетъ собственно устройство, въ примѣненіи къ государству—государственное устройство, вообще, независимо отъ его характера. Въ такомъ смыслѣ этотъ терминъ иногда употребляется въ наукѣ; такъ употреблялъ его, напримѣръ, Лассаль въ знаменитой рѣчи: «Что такое конституція», въ которой онъ объяснилъ, что во всякомъ государствѣ, не исключая самыхъ деспотическихъ, различныя группы населенія обладаютъ извѣстнымъ вѣсомъ въ государствѣ, вслѣдствіе чего власть не можетъ безнаказанно нарушать ихъ интересы, и вслѣдствіе чего такимъ образомъ эти группы пользуются извѣстными фактически неотъемлемыми правами, непризнаваемыми, можетъ-быть, писаннымъ закономъ, но безусловно признаваемыми жизненной практикой. Такимъ образомъ, доказываетъ Лассаль, всякое государственное устройство безъ исключенія опредѣляется въ дѣйствительности отношеніемъ силъ и могуществъ различныхъ группъ населенія, и это отношеніе является истинной конституціей государства. Мысль сама по себѣ правильная, но терминъ конституція употребленъ здѣсь въ необычномъ и неудобномъ для практическаго употребленія смыслѣ. Въ текстѣ настоящаго «Введенія» мы употребляемъ его такъ, какъ онъ употребляется всего чаще: въ смыслѣ такого государственнаго устройства, въ которомъ права личности и народа признаны открыто и въ которомъ населеніе вліяетъ на законодательство

Въ силу всего этого наиболѣе правильнымъ является дѣленіе всѣхъ нынѣ существующихъ государствъ на неограниченныя монархіи и на государства конституціонныя, а послѣднія на монархіи и на республики. Такимъ образомъ мы получаемъ двухчленное дѣленіе, которое удобнѣе трехчленнаго. Въ первую группу въ настоящее время входятъ изъ европейскихъ государствъ Россія, Турція, Черногорія и маленькое княжество Монако, во вторую всѣ остальныя государства Европы и Америки. Недостаткомъ этой классификаціи является непримѣнимость ея къ государствамъ древности, которыя не были ни неограниченными монархіями въ современномъ смыслѣ этого слова, ни государствами конституціонными, ибо хотя въ нихъ и существовало извѣстное раздѣленіе властей, но за то въ нихъ не признавались неотъемлемыми права личности; но при изученіи современнаго государственнаго права оно можетъ быть достаточнымъ.

Конечно, между государствами этихъ двухъ типовъ нѣтъ рѣзкой границы, какъ ея нѣтъ нигдѣ въ природѣ. Такъ, напримѣръ, Сербское королевство подъ дѣйствіемъ конституціи 1869 г. (т.-е. до 1889) считалось государствомъ конституціоннымъ. Между тѣмъ одна треть членовъ ея парламента (скупщины) прямо назначалась королемъ; такимъ образомъ онъ только на двѣ трети состоялъ изъ избираемыхъ народныхъ представителей, да и тѣ избирались подъ такимъ давленіемъ со стороны правительства, при такихъ фальсификаціяхъ результатовъ выборовъ, что почти всегда въ парламентъ попадали тѣ лица, которыхъ желалъ король. Слѣдовательно, по организаціи власти это государство было очень близко къ монархіямъ неограниченнымъ. Что касается правъ личности, то они хотя и признавались въ конституціи, но въ дѣйствительности постоянно нарушались. Нельзя думать также, что тѣ конституціонныя государства, гдѣ парламентъ избирается народомъ цѣликомъ, и гдѣ признанныя въ теоріи права личности не нарушаются на практикѣ, совершенно однородны по организаціи власти. Нѣтъ, разнообразіе весьма велико въ устройствѣ конституціонныхъ, какъ и самодержавныхъ государствъ; по Китаю нельзя судить о Россіи, по Монако о Турціи. Права верховной власти (монарха или президента), права парламента, взаимныя отношенія между ними, составъ парламента (однопалатная и двупалатная система), способъ избранія парламента, отношенія законодательной и исполнительной власти къ власти судебной, организація и значеніе мѣстнаго самоуправленія,—все это безконечно разнообразно

страны и на дѣятельность правительства черезъ посредство правильно и постоянно дѣйствующихъ органовъ власти (преимущественно парламента). Конституціей называется также писанный законодательный актъ, основные законы конституціонныхъ государствъ.

въ различныхъ государствахъ, и нерѣдко черты сходства объединяютъ республику съ монархіей и противополагаютъ ее другой республикѣ и другой монархіи. Такъ, въ одномъ весьма существенномъ отношеніи, именно по вопросу о зависимости исполнительной власти отъ парламента, всѣ конституціонныя государства, независимо отъ главнаго дѣленія на монархіи и республики, дѣлятся на чисто представительныя и на парламентарныя. Въ первыхъ, и къ нимъ рядомъ съ Германской имперіей и Прусскимъ королевствомъ принадлежитъ республика—Соединенные Штаты, монархъ или президентъ республики назначаетъ и смѣщаетъ министровъ, а черезъ ихъ посредство и другихъ чиновниковъ, вполнѣ по своему усмотрѣнію, и парламентъ не имѣетъ законной возможности принудить ихъ къ отставкѣ. Во вторыхъ, къ которымъ рядомъ съ Французской республикой принадлежатъ монархіи Англія, Бельгія, Италія и др., министры отвѣтственны передъ парламентомъ, и хотя ихъ назначаетъ въ теоріи король или президентъ, но въ дѣйствительности при этомъ назначеніи онъ обязанъ безусловно соображаться съ волей парламента, такъ какъ въ противномъ случаѣ парламентъ немедленно принудитъ министровъ къ отставкѣ.

Еще гораздо важнѣе различіе государствъ по составу лицъ, пользующихся въ немъ признаннымъ правомъ участвовать въ законодательной дѣятельности, т.-е. правомъ участія въ выборахъ членовъ парламента. Въ этомъ отношеніи всѣ главныя нынѣ существующія республики (Франція, Швейцарія, Соед. Штаты, Бразилія) сходны между собою; но съ ними сходна и такая монархія съ такою сильною монархической властью, какъ Германская имперія. Въ этихъ государствахъ парламентъ избирается всеобщею прямою равною и тайной подачей голосовъ; все взрослое (въ Германіи старше 25 лѣтъ, въ Швейцаріи старше 20 лѣтъ и т. д.) мужское (а въ нѣкоторыхъ штатахъ Соед. Штатовъ и женское) населеніе имѣетъ право принимать участіе въ выборахъ членовъ парламента (депутатовъ), причемъ каждый избиратель имѣетъ только одинъ голосъ, равный голосу другого избирателя, который онъ подаетъ на избирательномъ бюллетенѣ, опускаемомъ въ закрытую урну (чтобы не могло стать извѣстнымъ, за кого онъ подалъ голосъ), голосуя притомъ прямо за депутата, а не за какого-нибудь промежуточнаго между нимъ и депутатомъ выборщика. Такимъ образомъ весь народъ участвуетъ въ законодательствѣ черезъ посредство избранныхъ имъ представителей; парламентъ избирается слѣдовательно вполнѣ демократическимъ способомъ. Весь народъ избираетъ членовъ парламента и въ Австріи, и въ Бельгіи, гдѣ существуетъ также всеобщее избирательное право, однако не равное, а въ Австріи, сверхъ того, не прямое, а

двухстепенное, и не тайное, а открытое. Въ Бельгіи, хотя въ выборахъ принимаетъ участіе все населеніе, но лица зажиточныя, удовлетворяющія требованію опредѣленнаго имущественнаго ценза, вмѣсто одного голоса имѣютъ два, а нѣкоторыя даже и три. Въ Австріи въ выборахъ принимаетъ участіе также все населеніе, но по сословіямъ (куріямъ); небольшое число помѣщиковъ, купцы, зажиточные горожане и зажиточные крестьяне выбираютъ опредѣленное число депутатовъ; сверхъ того, все населеніе вмѣстѣ, включая въ него тѣхъ же помѣщиковъ и тѣхъ же крестьянъ, но также и лицъ, не участвовавшихъ въ выборахъ въ первыхъ четырехъ куріяхъ, выбираютъ 72 депутата изъ общаго числа 425. Богатство такимъ образомъ даетъ право на усиленное представительство въ парламентѣ. При этомъ крестьяне, а въ послѣдней куріи и весь народъ, выбираютъ не прямо депутатовъ, а особыхъ выборщиковъ, и сверхъ того открытою подачею голосовъ, которая для людей зависимыхъ дѣлаетъ часто невозможнымъ пользованіе ихъ правомъ согласно съ убѣжденіями. Наконецъ, во многихъ государствахъ въ выборахъ принимаетъ участіе только одна часть населенія; такъ, въ Англіи правомъ голоса пользуются только либо землевладѣльцы, либо лица, нанимающія квартиру не ниже опредѣленной стоимости, такъ что около четверти населенія лишено права голоса. Въ Италіи правомъ голоса пользуются только лица, платящія налоги въ пользу государства не ниже опредѣленной, довольно высокой нормы. Къ этому же типу государствъ принадлежатъ и нѣкоторыя менѣе значительныя республики, какъ Чили въ Южной Америкѣ и недавно прекратившая самостоятельное существованіе Оранжевая республика въ Африкѣ. Во всѣхъ этихъ государствахъ слѣдовательно въ законодательной дѣятельности принимаетъ участіе только нѣкоторая, болѣе или менѣе значительная часть населенія; другая часть лишена политическихъ правъ, и государство, одинаково, будетъ ли оно республикой или монархіей, оказывается не демократическимъ, а аристократическимъ или скорѣе плутократическимъ (ибо политическія права въ нихъ даетъ не происхожденіе, а богатство *).

*) Въ этомъ изложеніи, долженствующемъ служить только «введеніемъ» въ Государственное Право, мы классифицируемъ государства въ самыхъ общихъ чертахъ, не останавливаясь на подробностяхъ. Такъ, мы ничего не говоримъ объ особенномъ типѣ государствъ—непосредственныхъ республикахъ въ противоположность республикамъ представительнымъ. Непосредственными республиками называются такія, въ которыхъ народъ отправляетъ и свою законодательную власть непосредственно самъ на общенародныхъ сходахъ, тогда какъ въ представительныхъ онъ избираетъ для этого своихъ представителей, засѣдающихъ въ парламентѣ. Непосредственными республиками были почти всѣ республики древности, какъ

Дѣля государства на различные ихъ виды по организаціи власти и по положенію въ нихъ личности, мы совершенно оставили въ сторонѣ одну важную черту, характеризующую государства въ другомъ отношеніи. Существуютъ государства такія, какъ Россія, Франція, Англія, Италія, гдѣ при всемъ разнообразіи ихъ внутренняго устройства, при томъ условіи, что одни изъ нихъ являются республиками, другія монархіями ограниченными, а третьи монархіями неограниченными, есть одна важная черта сходства; именно всѣ они—государства унитарныя или простыя; на ихъ территоріи дѣйствуетъ единая государственная власть. Рядомъ съ ними мы видимъ такія государства, какъ Германская имперія, Швейцарская республика или Соединенные Штаты; каждое изъ нихъ въ отдѣльности есть государство, но въ то же время оно состоитъ изъ значительнаго числа отдѣльныхъ государствъ. Такъ, Соединенные Штаты состоятъ изъ 45 отдѣльныхъ штатовъ, изъ которыхъ каждый—вполнѣ самостоятельная республика. Ради общихъ дѣлъ, каковыми признаны сношенія съ иностранными государствами, война и миръ, армія и флотъ, установленіе монеты, мѣръ и вѣсовъ, почта, таможня и т. д., ради этихъ дѣлъ 45 штатовъ образовали изъ себя одинъ Союзъ. Союзъ организованъ какъ республика, притомъ республика представительная (не непосредственная и не парламентарная, съ сильной властью главы государства); она управляется президентомъ республики и парламентомъ (конгрессомъ); и тотъ, и другой избираются разными способами населеніемъ всей страны. Но въ вѣдѣніе правительства Соединенныхъ Штатовъ входятъ только общія дѣла, ради которыхъ заключенъ Союзъ; все остальное: народное просвѣщеніе, полиція, тюрьмы, судъ (съ нѣкоторыми ограниченіями) и т. д. остаются въ предѣлахъ вѣдѣнія отдѣльныхъ штатовъ. Каждый штатъ управляется своимъ парламентомъ и своимъ губернаторомъ, изъ которыхъ тотъ и другой избираются населеніемъ даннаго штата (губернаторъ здѣсь есть названіе не назначаемаго должностного

Аѳины, Спарта и др.; къ тому же типу можно отнести и Новгородъ, и Псковъ, вообще вѣчевыя государства древней Руси. Въ настоящее время вполнѣ непосредственными республиками являются только нѣкоторые кантоны Швейцаріи, какъ Ури, Унтервальденъ, Аппенцель, Гларусъ. Переходными отъ непосредственныхъ къ представительнымъ республикамъ являются тѣ, гдѣ законы, хотя и вырабатываются въ законодательномъ собраніи (въ парламентѣ), но потомъ подвергаются всенародному голосованію (референдуму), которое можетъ ихъ либо утвердить, либо отвергнуть. Къ такому типу государствъ принадлежитъ Швейцарская республика въ цѣломъ, а также многіе ея кантоны. Во всякомъ случаѣ непосредственныя республики могутъ быть отнесены къ числу государствъ конституціонныхъ, будучи крайнимъ развитіемъ основного конституціоннаго принципа.

лица, а избираемаго главы государства—штата, т.-е. то же самое, что президентъ республики). Было бы неправильно сказать, что Соединенные Штаты есть государство съ широко развитымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ; нѣтъ, штаты—не самоуправляющіяся провинціи Соединенныхъ Штатовъ, а самостоятельныя республики. Въ государствахъ, гдѣ провинціи пользуются самоуправленіемъ, онѣ такъ же, какъ и штаты, самостоятельно завѣдуютъ своими мѣстными дѣлами; но самая организація мѣстнаго самоуправленія (земство, дума, графскіе совѣты, провинціальные ландтаги и т. д.) опредѣляется общей государственной властью, ею измѣняется и по ея усмотрѣнію можетъ быть отмѣнена. Напротивъ, въ Соединенныхъ Штатахъ каждый штатъ имѣетъ свою конституцію, и эта конституція можетъ быть измѣнена только имъ самимъ; она признается совершенно независимою, какъ отъ президента республики Соединенныхъ Штатовъ, такъ и отъ ихъ парламента. То же самое мы видимъ въ Швейцаріи, которая, будучи республикою, сама состоитъ изъ 22 самостоятельныхъ республикъ, называемыхъ кантонами. То же самое мы видимъ и въ Германской имперіи, съ тѣмъ отличіемъ, что эта послѣдняя, будучи сама монархіей, состоитъ попреимуществу изъ монархій же; однако рядомъ съ 22 монархіями (Пруссіей, Баваріей, Саксоніей, Вюртембергомъ и др.) въ ея составъ входятъ и три небольшія республики (Гамбургъ, Бременъ и Любекъ). Государства, которыя сами состоятъ изъ нѣсколькихъ государствъ, называются *сложными* въ противоположность государствамъ простымъ или унитарнымъ. Сложныя государства бываютъ или федераціями, какъ приведенныя Германія, Швейцарія и Соединенные Штаты, или уніями, т.-е. двумя или болѣе государствами, совершенно независимыми другъ отъ друга, но находящимися подъ властью одного короля (Швеція и Норвегія).

Человѣкъ, стремившійся осмыслить свои отношенія къ окружающему міру, не желающій быть просто безгласнымъ объектомъ воздѣйствія на него со стороны органовъ государственной власти и лишь исполнителемъ ея велѣній, не можетъ обойтись хотя бы безъ нѣкотораго знакомства съ наукой о государствѣ, которая на ряду съ исторіей занимаетъ важное мѣсто въ общемъ образованіи современнаго человѣка. Наука о государствѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова обнимаетъ какъ устройство государства, такъ и всѣ сферы его дѣятельности. Въ тѣсномъ смыслѣ въ нее входятъ прежде всего *государственное право*, изслѣдующее организацію различныхъ государствъ и его органовъ; въ него же обыкновенно включается и общая

теорія государства, пытающаяся изслѣдовать сущность государства и дать точное опредѣленіе этому понятію... Рядомъ съ государственнымъ правомъ стоитъ политика, изучающая общія задачи и цѣли государства и его дѣятельности (нужно оговориться, что терминъ политика—одинъ изъ наименѣе установленныхъ терминовъ въ государственной наукѣ; Аристотель, а также нѣкоторые новѣйшіе писатели употребляютъ его вмѣсто термина государственное право или даже государственной науки). Затѣмъ въ государственную науку, въ широкомъ смыслѣ этого слова, входятъ всѣ юридическія науки, изъ которыхъ каждая изучаетъ какую-нибудь спеціальную сферу государственной дѣятельности; такъ, финансовая наука, или финансовое право, изслѣдуетъ источники государственныхъ доходовъ, судебное право изучаетъ устройство одного изъ важнѣйшихъ органовъ государства—суда и его дѣятельность, направленную къ защитѣ права и къ борьбѣ съ преступленіемъ посредствомъ наказанія и т. д. Наиболѣе близкою собственно къ государственному праву является наука международнаго права, изучающая отношенія государства съ другими государствами. Иногда въ понятіе науки о государствѣ включается и политическая экономія, изслѣдующая вопросъ о богатствѣ государства и о распредѣленіи этого богатства между различными группами его населенія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для ознакомленія съ государственнымъ правомъ являются законы государства и въ особенности ихъ основные законы (конституціи). Однако, знакомство съ государственнымъ правомъ страны только по его законамъ можетъ привести къ совершенно невѣрнымъ представленіямъ. Законы писались въ разное время, и законодательство страны представляетъ обыкновенно громадную массу различныхъ наслоеній, въ которыхъ, во-первыхъ, безъ теоретической подготовки невозможно разобраться, и изъ которой, во-вторыхъ, даже при теоретической подготовкѣ, но безъ провѣрки при помощи другихъ источниковъ, можно почерпнуть совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Вотъ, напр., въ русскихъ законахъ мы найдемъ статью: «всѣмъ и каждому запрещается пьянство» (Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, ст. 153). Достаточно выйти на улицу въ праздничный день, чтобы понять, какъ мало практическаго значенія имѣетъ эта статья. Источникъ ея ясенъ: она восходитъ къ тѣмъ временамъ, когда законы были не только предписаніемъ, и исполненіе которыхъ обязательно подъ страхомъ наказанія, а стремились быть кодексомъ морали. Съ тѣхъ поръ взглядъ на задачи законовъ измѣнился, но статья эта попрежнему красуется въ Сводѣ Законовъ. Подобнаго рода законоположеній, устарѣлыхъ и

не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, но тѣмъ не менѣе сохраняющихся въ кодексахъ, не мало и въ Англіи, и въ другихъ странахъ. Но этого мало: даже тогда, когда законъ имѣетъ практическое значеніе, онъ можетъ быть не полонъ и совершенно не давать сколько-нибудь яснаго понятія объ истинномъ положеніи вещей. Такъ, въ германской конституціи существуетъ постановленіе, въ силу котораго канцлеръ Германской имперіи отвѣтственъ передъ парламентомъ. Французская и бельгійская конституціи тоже дѣлаютъ министровъ отвѣтственными передъ парламентомъ. Казалось бы, что статьи этихъ конституцій по существу тождественны; жизнь, однако, истолковала ихъ совершенно различнымъ образомъ во Франціи и Бельгіи, съ одной стороны, въ Германіи—съ другой. Во Франціи и Бельгіи министры выходятъ въ отставку, когда парламентъ выразитъ имъ свое недовѣріе, тогда какъ въ Германіи канцлеръ преспокойно остается на своемъ посту, пока этого желаетъ императоръ, даже противъ воли громаднаго большинства членовъ парламента. Такимъ образомъ, рядомъ съ законами весьма важнымъ источникомъ для изученія государственнаго права являются и отчеты о засѣданіяхъ парламента, и рѣшенія судовъ, и дѣятельность органовъ правительства и органовъ мѣстнаго самоуправленія, и ихъ взаимныя отношенія, и вообще исторія страны въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Но приступающій къ изученію государственнаго права не можетъ начинать съ самостоятельнаго изученія этихъ источниковъ; онъ долженъ знакомиться съ нимъ по общимъ сочиненіямъ, которыя представляютъ уже результатъ такого изученія. Знакомиться съ государственнымъ правомъ, какъ со всякой наукой, можно какъ по сочиненіямъ общимъ, имѣющимъ характеръ учебниковъ, такъ и по сочиненіямъ, посвященнымъ какому-нибудь одному вопросу въ данной наукѣ, т.-е. по спеціальнымъ изслѣдованіямъ.

Государственное право можно изучать по отдѣльнымъ странамъ (государственное право Россіи, Англіи, Германіи и т. д.), по отдѣльнымъ типамъ странъ, или по отдѣльнымъ вопросамъ (организація центральной власти, въ частности организація исполнительной и законодательной власти, раздѣленіе властей, права личности, организація и объемъ правъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и т. д.). Государственное право, какъ всякую юридическую науку, можно изучать догматически (современное государственное право), или же въ его историческомъ развитіи. Само собою разумѣется, что для всякаго русскаго изученіе русскаго государственнаго права является особенно важнымъ. Изученіе государственнаго права другихъ неограниченныхъ монархій (Турціи, Персіи, Китая и др.) представляетъ сравнительно мало интереса, и потому для насъ государственное право неограниченныхъ

монархій какъ бы сливается съ нашимъ отечественнымъ государственнымъ правомъ. Государственное право всѣхъ другихъ культурныхъ государствъ представляетъ тоже особенный и самостоятельный интересъ, какъ право конституціонныхъ государствъ, являющееся какъ бы самостоятельной наукой конституціоннаго права.

Изъ общихъ учебниковъ государственнаго права европейскихъ державъ на русскомъ языкѣ укажемъ слѣдующее:

А. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. (Часть догматическая). Спб. 1895. (Перепечатано также въ Собраніи сочиненій А. Градовскаго. Т. V. Спб. 1901 г.). Важнымъ недостаткомъ этого сочиненія кромѣ его нѣкоторой устарѣлости (оно написано въ 1885 г.) является то, что Градовскій въ изложеніи государственнаго права слишкомъ придерживается текста конституцій и законовъ разныхъ государствъ, не отмѣчая достаточнымъ образомъ того, какъ эти законы и конституціи примѣняются на практикѣ; въ силу этого на основаніи его учебника можно найти весьма большое сходство между государственнымъ устройствомъ такихъ странъ, какъ Болгарія, и такихъ, какъ Бельгія, и въ силу того, что писанная конституція Болгаріи во многихъ отношеніяхъ сходна съ писанной конституціей Бельгіи, хотя во второй она дѣйствительно примѣняется къ жизни, а въ первой нерѣдко остается мертвой буквой.

Гораздо глубже въ теоретическомъ отношеніи, хотя слишкомъ кратко въ практическомъ, введеніе въ учебникъ

Н. Коркунова. Русское государственное право. Спб. 1901. Введеніе представляетъ общую теорію и классификацію государствъ; въ самомъ курсѣ проф. Коркуновъ постоянно освѣщаетъ описаніе органовъ русскаго государственнаго управленія сравненіями съ Западной Европой.

Б. Н. Чичеринъ. Курсъ государственной науки. Т. I. Общее государственное право. М. 1894. Попытка построить систему государственнаго права на признаніи цѣлесообразности государства (объ этой попыткѣ сказано выше); фактическихъ свѣдѣній мало.

А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Пер. подъ ред. П. Г. Виноградова. Спб. 1891. Эта книга, посвященная собственно только одной Англіи, можетъ быть однако рекомендована какъ превосходное, одно изъ лучшихъ сочиненій по конституціонному праву вообще. Правда, она даетъ мало фактическихъ свѣдѣній, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и читатель не можетъ ознакомиться по ней съ достаточной полнотой со всѣмъ механизмомъ англійской государственной машины; но она превосходно объясняетъ тотъ духъ, которымъ движется вся эта машина; изъ нея читатель можетъ понять, какая

сила заставляетъ, напр., министровъ выходить въ отставку, когда парламентъ выразитъ имъ свое недовѣріе, и почему министры не могутъ, даже если бы этого захотѣли, остаться на своемъ посту вопреки волѣ парламента, несмотря даже на то, что они располагаютъ и арміей, и полиціей.

По исторіи государственнаго права и въ особенности по исторіи идей, господствовавшихъ въ государственномъ правѣ въ разные вѣка, можно особенно рекомендовать слѣд. книги:

Анри Мишель. Идея государства. Критическій очеркъ исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи. Пер. съ 3 изд. Спб. 1903.

Б. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. 2 выпуска. Москва. 1897 (извлеченіе изъ болѣе обстоятельнаго, четырехтомнаго научнаго труда того же автора). Книга даетъ очень много цѣнныхъ свѣдѣній, но, къ сожалѣнію, авторъ съ крайнимъ и далеко не всегда справедливымъ пристрастіемъ относится къ разбираемымъ имъ писателямъ.

І. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики отъ XVI в. по настоящее время. Пер. Бакста. Спб. 1874.

Н. М. Коркуновъ. Исторія философіи права. Спб. 1896.

Совсѣмъ краткое, но ясное и очень удобное для начинающихъ изложеніе исторіи науки государственнаго права съ древности до настоящаго времени представляетъ брошюра:

Ф. Поллокъ. Исторія политическихъ ученій. Пер. А. Гердъ. Спб. 1897.

А. Градовскій. Государственное право европейскихъ державъ. Часть историческая. Спб. 1886 (перепечатано въ Собр. соч. Градовскаго, т. IV. Спб. 1901). Посвящена преимущественно Англіи.

Превосходную, хотя нѣсколько одностороннюю картину государственнаго строя древности даетъ извѣстная книга:

Ф. Куланжъ. Древняя гражданская община. М. 1895. Дополненіемъ къ ней и критикой ея, указывающей на ошибки Ф. Куланжа, можетъ служить книга:

Н. И. Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра. Спб. 1903.

По государственному праву Россіи, кромѣ указаннаго выше курса проф. Коркунова, назовемъ еще весьма обстоятельный, къ сожалѣнію въ деталяхъ нѣсколько устарѣвшій курсъ.

А. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права. 3 т. Спб. 1875—87 (перепечатано въ Собраніи сочиненій А. Д. Градовскаго. Т. VII—IX. Спб. 1903).

По государственному праву Англіи, кромѣ указанной выше книги Дайси, назовемъ не вполнѣ удовлетворительную книгу:

Э. Порритъ. Современная Англія. Пер. Полторацкой. М. 1897;— статью В. Водовозова «Очеркъ государственнаго устройства Англіи» въ приложеніи къ переводу книги Э. Реклю, «Земля и люди», вып. 5. Британскіе острова. Спб. 1899.

Бутми. Развитіе конституціи и политическаго общества въ Англіи. М. 1897.

По государственному праву Соед. Штатовъ:

Дж. Брайсъ. Американская республика. 3 т. М. 1889—90.

Статья Д. Протопопова въ приложеніи къ русскому переводу той же книги Э. Реклю, «Земля и люди», Соединенные Штаты. Ч. 2-я. Спб. 1898.

Швейцарія: Эдемсъ и Коннингэмъ. Швейцарія и ея учрежденія. Спб. 1893. (Не вполнѣ удовлетворительно).

Θ. Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи. Пер. Львовича. Спб. 1900.

А. Дюнанъ. Народное законодательство въ Швейцаріи. Спб. 1896.

Франція: А. Эсменъ. Основныя начала государственнаго права. Пер. Ковалевскаго. 2 т. М. 1899.

Изъ многочисленныхъ сочиненій по отдѣльнымъ вопросамъ мы укажемъ лишь весьма немногія.

Дж. Ст. Милль. О свободѣ. Пер. Невѣдомскаго. Спб. 1882.

Дж. Ст. Милль. Представительное правленіе. Пер. Сементковскаго. Спб. 1897.

Г. Джефсонъ. Платформа. Ея возникновеніе и развитіе. (Исторія публичныхъ митинговъ въ Англіи). Пер. Дерюжинскаго. 2 т. Спб. 1901. Платформой въ Англіи и Америкѣ называется сперва платформа, съ которой на публичныхъ собраніяхъ говорятся рѣчи, затѣмъ самыя рѣчи и въ частности политическія программы, развиваемыя въ рѣчахъ. Для не желающихъ тратить время на прочтеніе 2-томнаго соч. Джефсона можно указать на его изложеніе, сдѣланное Дерюжинскимъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1892, № 2—3.

Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. М. 1899.

Н. Коркуновъ. Пропорціональные выборы. Спб. 1896. Пропорціональная система выборовъ, существующая въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, имѣетъ цѣлью обезпечить представительство меньшинства, желательное потому, что при обычной системѣ выборовъ по большинству голосовъ крупное меньшинство избирателей, подавшее голосъ за кандидатовъ, не получившихъ большинства голосовъ, оказывается вовсе не представленнымъ въ парламентѣ. Въ этой брошюрѣ проф. Коркуновъ излагаетъ принципъ и способъ дѣйствія пропорціональной системы выборовъ. Того же вопроса касается Милль въ на-

званной выше книгѣ «О представительномъ правленіи». И Милль, и Коркуновъ—безусловные сторонники пропорціональныхъ выборовъ. Съ противоположной точки зрѣнія разсматриваетъ ихъ Эсменъ въ названной выше книгѣ.

Изъ частныхъ вопросовъ государственнаго права особенно важное значеніе имѣетъ вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи.

А. Васильчиковъ. О самоуправленіи. 2 т. 3-ье изд. Спб. 1872 (сильно устарѣла).

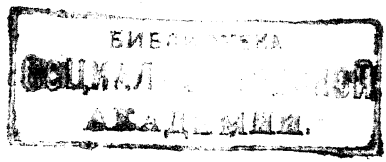
Я. Абрамовъ. Что сдѣлало земство? Спб. 1890.

Гр. Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. 7 изд. М. 1898 (глава о земствѣ).

А. Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб. 1872 (глава о земствѣ).

А. Градовскій. Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи (въ Собр. соч. Градовскаго, т. VII, Спб. 1902).

К. Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Спб. 1898.



СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Что такое общественныя науки?, проф. Н. И. Карѣева . . . 1

Огюстъ Контъ какъ основатель соціологіи, проф. Н. И. Карѣева 6

Основныя направленія соціологіи и ея современное состояніе, проф. Н. И. Карѣева 16

Статистика и статистическій методъ, ихъ жизненное значеніе и научныя задачи, доцента А. А. Чупрова 37

Предметъ и задачи политической экономіи, проф. Н. А. Карышева 78

Методы экономическихъ изслѣдованій, А. И. Чупрова 90

О наукѣ права, прив.-доц. В. М. Гессена 107

Гражданское право и гражданское правовѣдѣніе, прив.-доцента В. М. Нечаева 145

Преступное дѣяніе и наказаніе. Основныя понятія уголовнаго права, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева 198

Введеніе въ курсъ государственнаго права, В. В. Водовозова . 212